

ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ



3



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

1985

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ



JOURNAL of ANCIENT HISTORY



3(174)

Июль — Август — Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1985

Редакционная коллегия:

Главный редактор чл.-корр. АН СССР *З. В. Удальцова*,
чл.-корр. АН СССР *Г. М. Бонгард-Левин*, д. филолог. н. *М. Л. Гаспаров*,
д. и. н. *Е. С. Голубцова*, д. и. н. *М. А. Дандамаев*, акад. АН АрмССР
С. Т. Еремян, д. и. н. *Ю. К. Колосовская* (зам. главного редактора),
д. и. н. *Л. П. Маринович*, акад. АН ГрузССР *Г. А. Меликишвили*,
д. и. н. *В. И. Кузищин*, д. и. н. *А. И. Павловская* (ответственный
секретарь), к. и. н. *О. И. Савостьянова*, д. и. н. *Е. М. Штаерман*

Заведующая редакцией *И. К. Малькова*

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237
Институт всеобщей истории АН СССР. Тел. 126-94-37

Н. Б. Янковская

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ ДРЕВНЕЙ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ ДО ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИМПЕРИЙ

Для нашей темы наиболее полно документировано торговое объединение, обслуживающее в XIX в. до н. э. более сотни городов-государств Месопотамии, Сирии и Малой Азии. Клинописные архивы этой организации найдены в нескольких городах. Среди них центральное место занимала автономная торговая община Каниша (Кюль-тепе близ Кейсери, Турция). Изучение этих архивов за последние годы вступило в качественно новую фазу: от общего рассмотрения опубликованных текстов, происходящих из случайных находок на Кюль-тепе, таких же, как тексты эрмитажной коллекции¹, сделан первый шаг к систематической поархивной обработке материала. Речь идет о двух неравноценных работах. Со статьей в юбилейном сборнике И. М. Дьяконова выступил Могенс Тролле Ларсен² — автор двух блистательных книг по архивам Каниша в целом (об организации торговли³ и о структуре города-государства Ашшура⁴). Одновременно появилась книга Метина Иджхисара⁵, ученика Поля Гарелли — автора лучшей из обзорных монографий по архивам Каниша⁶. Пока, к сожалению, работа идет почти исключительно по архивам ашшурской, северной окраины торгового поселка — района случайных находок и не очень удачно фиксированных систематических раскопок Бедржиха Грозного. Смешанная средняя часть поселка и аборигенная южная, прекрасно фиксированные и тщательно изученные экспедициями Тахсина Эзгюча, с сотней паспортизованных архивов остаются вне поля зрения ученых. До двух десятков тысяч документов и писем не обработано и недоступно изучению. Изредка появляются отдельные тексты, как правило, корректирующие постановку проблематики. Это доказывает необходимость скорейшей публикации архивов, хотя бы в прописках, с указателями, как издано большинство канишских текстов.

Статья Ларсена и книга Иджхисара построены на одном и том же архиве и структурно совпадают с той разницей, что первая дает общий набросок исследования, а вторая — полную документацию к нему, если учесть и другую, обещанную в продолжение вышедшей, книгу.

¹ Однако и эти коллекции еще не полностью изданы, как показывает публикация текстов: *Gwaltney W. C. The Pennsylvania Old Assyrian Texts* (Hebrew Union College Annual Supplements, № 3, Cincinnati, 1983), в которой содержатся и документы архива Имдэла. Эрмитажные тексты и собрания канишских документов и писем коллекции ГМИИ им. А. С. Пушкина изданы мною (Янковская Н. Б. Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР. М., 1968).

² *Larsen M. T. Your Money or Your Life. A Portrait of an Assyrian Businessman.* — In: *Societies and Languages of the Ancient Near East, Studies in Honor of I. M. Diakonoff.* Warminster, 1982, p. 214—245.

³ *Idem. Old Assyrian Caravan Procedures.* Istanbul, 1967.

⁴ *Idem. The Old Assyrian City-State and its Colonies.* Copenhagen, 1976.

⁵ *Ichisar M. Les archives cappadociennes du marchand Imdilum.* P., 1981.

⁶ *Garelli P. Les assyriens en Cappadoce.* P., 1963.

Остановимся на узловых моментах нашей темы, опираясь на оба эти исследования. Оба автора избрали архив ИмдЭла, ашшурского оптовика. Этот архив найден рассеянным по комнатам дома: видимо, он хранился в верхней части жилища и оттуда рассыпался при его разрушении. Как показывают документы архива, в торговле этого дома действовали одновременно до 30 родичей трех поколений, включая женщин (сестер и дочерей), но исключая свойственников: зятья в операциях не участвуют, соседи также. Эти моменты очень существенны, так как рисуют организацию дела как *более архаичную*, чем предполагалось. Сразу возникает вопрос: возможно ли введение в дело компаньонов из людей вовсе посторонних? Логически рассуждая — нет. Между тем ИмдЭл — крупный оптовик.

Автор наиболее фундаментальной из последних монографий по текстам Каниша, К. Р. Вееenhoф⁷ собрал данные о 188 случаях передачи текстиля и металла *анпакум*. Он насчитал этого металла на 450 талантов, т. е. примерно 13,5 тонн. Всего один неизданный акт ИмдЭла упоминает в итоге 410 талантов *анпакум* (VAT 9210). По мнению Вееenhoфа, это не передача металла, а оценка товаров каравана, сделанная по курсу *анпакум* как денег, так как для перевозки такого количества металла понадобилось бы не менее 164 ослов, а в караване обычно их насчитывалось менее двух десятков. В существовании за Тигром системы пересчета ценностей караванов на «деньги» в виде металла *анпакум* (очевидно, наиболее ходовые в металлургических центрах Двуречья) можно убедиться по тексту торгового баланса, который издан Фрейданком⁸ в упомянутом выше юбилейном сборнике, где напечатана и статья Ларсена. Караван ИмдЭла включает до 35 индивидуальных отправок. Доля его самого, распорядителя караваном, составляет 57 талантов (1710 кг). По принятому в Месопотамии соотношению с серебром (1 : 15) это составит 114 кг серебра и по минимальному соотношению с золотом (1 : 4) — примерно 28,5 кг золота.

Опись средств, находящихся в обороте у другого крупного ашшурского оптовика, Пушукена, по сводке ТС 3, 187, составляет более 4 талантов серебра, т. е. свыше таланта золота (более 30 кг). Сопоставляя эти данные с современным курсом золота, Ларсен называет ИмдЭла и Пушукена миллионерами.

Личный доход ИмдЭла позволил ему купить себе два дома — за 5 и 1,5 кг серебра, заказать серебряную посуду (чаши) для себя и домашних. Однако женщины его дома в одном из писем укоряют его, что он думает только о деньгах, забывая о спасении души: не едет домой помолиться Ашшуру и не платит денег за ткани, изготовленные ими на продажу⁹. Как известно, деньги растут, лишь оставаясь в обороте; поэтому любое изъятие их нежелательно. Таков закон денежного обращения — как всякий собственно общественный процесс оно ориентировано на бесконечность. Для канишских ссудных записей характерны краткосрочные сделки с начислением процента с просрочки платежа. Тем не менее оптовик АмурИштар, дядя ИмдЭла, идет на выплату процента за *десять лет* с полученных займы 2 кг серебра¹⁰, лишь бы не изымать деньги из оборо-

⁷ Veenhof K. R. Aspects of Old Assyrian Trade and its Terminology. Leiden, 1972 (далее — AOATT).

⁸ Freydank H. Fernhandel und Warenpreise nach einer mittellassyrischen Urkunde des 12. Jahrhunderts v. u. Z. — In: Societies and Languages of the Ancient Near East. Studies in Honor of I. M. Diakonoff. Warminster, 1982, p. 64—75.

⁹ Возможно, задержка денег за высланные ткани, на которую жалуется Шат-Ашшур, жена ИмдЭла, в письме ТС 5 (у Иджхисара с. 342), объясняется тем, что одежда, изготовленная ею, была слишком тяжеловесна и не нашла сбыта («тяжела для бегла» — AOATT, p. 182 f.).

¹⁰ Gelb I. J. Inscriptions from Alishar and Vicinity (University of Chicago, Oriental Institute Publications, XXVII). Chicago, 1935, № 62.

та. Когда в связи с внезапной смертью самого деятельного компаньона ИмдЭла, ПузурАшшура, возникли срочные платежи на сумму более таланта серебра, вся торговля семьи стала срочно сворачиваться. Сыновья ИмдЭла, вернувшегося домой в Ашшур, собирают долги и распределяют товары по настойчивому требованию отца отдавать их только за наличные, пусть даже с убытком. Деловые качества сыновей несравнимы с его собственными. В одном из писем, адресованных дочери, он просит ее присматривать за братом, чтобы тот меньше думал о хлебе и пиве: «Заставь его быть мужчиной!» (CST IV, 28^a). Дочь ИмдЭла писала братьям, прося их не ссориться, переждать испугавшее всех восстание, свернуть торговлю и вернуться: отец их застрял на пять месяцев за Тигром, пытаюсь сделать запасы для дома (ТС 3, 112)¹¹. В самом пространном письме своему отцу ИмдЭлу старший сын его. АмурЭл, уверяет, что, мол, другие воруют у своих отцов до 5 кг серебра (цена дома), а он так не поступал, и не следует винить его в утрате их домом сбора пошлины (*nishātum*). Здесь всплывает важная выгода положения оптовика: он получал право на сбор пошлины. Очевидно, дело в том, что оптовая торговля не могла быть бесконтрольной и оптовик отвечал перед государством за всех пайщиков, объединенных им. Как известно, отмена привилегий оптовикам, как правило, приводит к банкротству¹². В отчетах о досмотре караванов во дворце подробно описывается, как идет изъятие пошлины; там же сообщается нередко о том, как удалось спрятать контрабанду в самый момент досмотра (иногда до половины тканей)¹³. Конфликт АмурЭла с отцом — явление всеобщее: желание молодежи пожить на широкую ногу, не думая о деле.

В этом же пространном письме АмурЭла содержится главная для нашей темы информация о переходе его из одной возрастной группы в другую: «Когда я был юн (*ṣahrāku*), разве не следовал я твоим желаниям, дурного и постыдного не замышлял, а теперь я стал твоим младшим братом» и т. д. Для нас здесь особенно важна информация о переходе родного сына ИмдЭла в категорию младших братьев собственного отца. Это передвижение не могло быть следствием деловых качеств АмурЭла: они были и остались сомнительными. Речь идет, безусловно, о *возрастной* стратификации. Этот сын ИмдЭла носит имя его прадеда, т. е. появился на свет в момент или вскоре после смерти прадеда. Циклическая повторяемость имен в семьях торговцев Каниша давно была замечена как характерное явление, позволяющее определить старшего среди внуков. Термин *аиу*, т. е. «брат», используется в переписке постоянно в значении «компаньон». Иногда родич и компаньон выступает как «отец», не будучи таковым по родственным связям. Так, собственный дядя ИмдЭла, АмурИштар, называет ИмдЭла «отцом». Парсен выходит из этой путаницы очень просто, объявляя всех «отцов» главами семейных фирм, а «братьев» — компаньонами. Однако АмурИштар, будучи дядей ИмдЭла, к тому же еще получил на 12 лет право распоряжаться одним из крупнейших кассовых союзов (15 кг золота)¹⁴ и вел самостоятельную *оптовую* торговлю: оборот шерсти и меди на

¹¹ Текст обработан в статье: Lewy J. Hattu, Hattu, Hatti, Hattuša and «Old Assyrian» Hattum.— *ArOr*, 1950, 18/3, p. 420, not. 300. Отец Иштарбашти находится в Кабре — городе, название которого встречается в перечнях селений государства Аррапха. Расположение его прокомментировано у Й. Лэссё при издании письма из Шемшары, касающегося кампании ШамшиАдада I, направленной на Аррапху, Кабру и Нуруггум — все три на дороге вдоль предгорий Загра (*Studies in Honor of Benno Landsberger on his Seventy-Fifth Birthday*, April 21, 1965. The Oriental Institute of the University of Chicago, Assyriological Studies, 16, p. 189—196).

¹² Хрестоматийный пример такого результата можно видеть в материалах истории Осаки — одного из крупнейших торговых центров Японии (см. *Навигационная Г. Б. Осака*. М., 1983, с. 136).

¹³ CST I, 25 (EL 166); AOATT, p. 309 f. Из 304 тканей 163 идет контрабандой.

¹⁴ *Landsberger B. Vier Urkunden vom Kültepe*.— *Türk Tarih archeologia ve etnographia dergisi*, 1940, 4, № 3.

важнейших рынках Анатолии идет тоннами через его руки ¹⁵. Думается, что и здесь причина та же — принадлежность к *разным возрастным группам*: ИмдЭл был старшим сыном старшего брата АмурИштара; АмурИштар же был самым младшим братом отца ИмдЭла. Генеалогия семьи, показанная Ларсеном и Иджхисаром, именно таким образом определяет этих двоих людей. Схема родственных отношений семьи у обоих авторов построена с учетом устойчивой *последовательности* упоминания *имен* в перечнях писем; там, где отправителей и получателей письма несколько, они всегда перечисляются строго по старшинству. Соблюдение этого правила лишний раз подчеркивает факт существования *возрастной стратификации*.

В конечном счете полагая источником власти и основой социального порядка большесемейную общину в том или ином виде ¹⁶, обычно упускают из виду важнейший аспект кровнородственных структур, *обязательно* в них присутствующий и, как правило, табуированный ввиду его жизненно важных функций, — систему *половозрастной стратификации*. Приметой ее особого значения является широко распространенная форма *искусственных форм родства* (братство, аталычество и т. п.). Выявление системы имеет решающее значение, так как именно в этом звене наблюдается перерастание родовой структуры в собственно общественную, способную широко раскрыться, охватив *действующие* поколения узами, более священными и действенными, нежели близость по родству. В обнаружении примет существования этого силового поля архаических структур и состоит главный смысл предлагаемой работы. Насколько важны возрастные группы действующих поколений, видно уже из того, что они лежат в основе всей системы тренировки работника и воина, воспитывающей *коллективизм сверстников* — это и есть тот уровень, на котором кровнородственные связи замещаются *общественными*. Широко распространенная циклическая возрастная система рассчитана на 60 лет общественной жизни: первые 12—15 лет, до инициации, мальчик остается в кругу женщин; затем следует срок юности (сын), зрелости (брат) и старости (отец). Все вопросы, которые решаются оружием, а в торговле требуют утомительных поездок, оказываются на плечах представителей двух возрастных групп: юношей и мужчин лет до 45 (сыновей и братьев).

В Канише возрастные группы, объединяющие сверстников-компаньонов, имели, как кажется, свою систему страхования товарного и денежного кредита. По всей видимости, эту функцию выполняла *bābtum*. Она до сих пор остается загадочным явлением. Раньше я считала, что это городская соседская организация, по аналогии с Южным Двуречьем: *bābtum* Нижней Месопотамии имели казну, стражу и храмик. Однако Ларсен показал, что канишские соседи ИмдЭла, обладающие своими архивами, не имели с ним деловых связей. Тем самым привязка к соседской общине отпала. Я не сразу осознала, что в канишской переписке отмечается *размещение* *bābtum* одного и того же человека по разным городам ¹⁷. Она *рассредоточена* точно так, как *рассеяны* сверстники в архаиче-

¹⁵ Обмен шерсти на медь: 60 талантов (1800 кг) и 80 талантов белой шерсти (2400 кг) плюс 20 талантов красной шерсти (600 кг) (Stephens F. J. Old Assyrian Letters and Business Documents, Babylonian Inscriptions in the Collection of James B. Nies, Yale University, New Haven, 1944, VI, № 76; Smith S. Cuneiform Texts from Cappadocian Tablets in the British Museum. T. IV. L., 1927, № 47^a).

¹⁶ Gelb I. J. Household and Family in Early Mesopotamia (Orientalia Lovanien-sia Analecta 5). Leuven, 1979, p. 97.

¹⁷ В предельно обстоятельном письме МАН 10823, которое приведено у Иджхисара, на с. 282—286, множественное число от *bābtum* (*bābātum*) помещено между упоминанием наличных денег, оставленных под печатью до востребования, депонентской суммы и процентной ссуды. Затем идет разъяснение, где именно — на севере Малой Азии (Хатти) или на юге (Бурушхатта) — и в виде чего именно, включая продовольственные припасы и раздачи всяческих видов. Поток перевозок состоит из переброски шерсти на север Малой Азии (Тишмурна, Дурхумид), где ее выменивают на медь, которую перебарывают на юг Малой Азии (Вахшушана, Бурушхаттум), выменивая

ских общественных структурах, тесно связанные между собой моральной обязанностью взаимопомощи благодаря инициации, которую они прошли совместно!

Для наглядности приведем текст упомянутого в прим. 17 обстоятельного письма — оно дает наиболее полное представление о главной теме. Шесть человек группы ИмдЭла обращаются к пяти компаньонам группы Пушукена (оба крупнейших ашшурских оптовика также присутствуют): «Согласно документу, который учтен для нас у АлАхума, войдите в дом ШуАшшура и все имущество ШуАшшура, которое ШуАшшур оставил, где бы оно ни оказалось, и любой его документ поручите его брату, Ашшурмалику. Мы вернули ему кассу (paṭūqum). Знайте, что наши деньги вы не должны уступать, — все поручите ему. Когда войдете вы в дом ШуАшшура, возьмите Ашшурр'и, сына Сабазии, Бузутайю и еще одного, кто должен идти с ними в Город; введите в дом ШуАшшура ради железа (ašī'um). Сколько Ашшурмалику поручите — (они) будут свидетелями на все, что поручите Ашшурмалику. Далее, ваше распоряжение нам пусть идет своим чередом. Пожалуйста, будьте внимательны! Введите человека — если нет Бузутайи, то включите двоих из тех, кто пойдет в Город вместе с Ашшурр'и, и в присутствии человека, которого вы включите, скажите так: „Твой отец, который представляет тебя в Городе, согласился, чтобы мы вернули тебе кассу (paṭūqum) твоего брата; все, что оставил твой брат, мы передоверяем тебе“. Кроме вас, учтенных в документе, и двоих посредников АлАхума, никого включать не надо; если даже еще кто-нибудь учтен в документе, — включать не надо! Пожалуйста, будьте внимательны, ничего не уступайте из наших денег: будь то серебро под печатью, где бы он ни оставил; где бы то ни было — депонентское серебро: будь то его документ из принадлежащего bābātum; будь то серебро, выданное кому-нибудь под процент, будь то в Хатти, будь то в Бурушхатте, — все, что имеется, будь то запасы (širpātum), будь то долги (ebūtu), выданные кому-нибудь, будь то металл annakum и ткани — все, что имеется, включая четыре чаши, оказавшиеся в доме; вспомоществование (usātum) ли, сколько бы ни оставил; залоги, которые держал, будь то рабыня, раб или ослы, — все имущество, оставленное ШуАшшуром, поручите его брату Ашшурмалику. Ваше распоряжение, свободное (от исков), пусть придет сюда. Ничего не уступайте! Мы ничего не сможем выкупить! Не гневите нас!».

Подробно рассматривая контексты термина bābātum¹⁸, Веенхоф уточняет: это не действия мастера (umme'ānum), как предполагалось ранее, — напротив того, мастер свободен от обязанности учитывать передачи в bābātum, которые часто лишают агента или партнера возможности своевременно собрать деньги или товары, розданные таким образом. Веенхоф признает, что bābātum — это не только обозначение товара или денег, но и некоторая топографическая единица, считая это явление вторичным — возникшим в порядке расширения контекста в смысле «отданное наружу, в городском квартале». Это разъяснение отпадает по той же причине, что и мое прежнее. Значение выдачи товара или денег «наружу, вовне» отпадает и в свете общесемитской семантики корня *BḤ, к которому восходит термин bābātum, представляющий удвоение основы: по устному сообщению И. М. Дьяконова, опирающегося на материалы словаря афразийских языков, для этой основы имеется только значение движения *внутри*, **ни** в коем случае не наружу. Следовательно, имеется в виду выдача неких средств *внутри* круга тесно связанных между собою людей.

здесь, на оптовом рынке «великого правителя», на серебро или золото. Соответственно страховые кассы имеются на севере и на юге: так, в клятве торговца о его непричастности к делам компаньона ТабциллАшшура, говорится: «В bābātum ТабциллАшшура ни серебра, ни меди в Дурхумиде и Вахшущане нисколько не отвешивали, исков он мне не оставлял, я не странствую (по торговым делам), не беру и не даю абарнийских тканей...» (ср. Deller K. Index CCT V — Orientalia, 27/1, p. 62).

¹⁸ AOAT, p. 419 f., not. 537.

Приводя численность тесно связанной взаимными обязательствами группы сородичей для парфяно-сасанидского Ирана, А. Г. Периханян отмечает счет людей: 100 человек — 600...1000 — и справедливо подчеркивает разрыв между первой цифрой, несомненно, соответствующей идеальному количеству полноправных мужчин большесемейной общины, и следующей ¹⁹. Конечная цифра соответствует численности мужчин военного округа в документах II тыс. до н. э., т. е. свидетельствует о перерастании кровнородственных групп в общественную единицу, обеспечивающую оборону государства.

В заключение отметим, что впервые система кредита канишской торговой организации была осмыслена Полем Гарелли, для которого объяснение банковских операций не представляло труда. Это доказательство типологического сходства. Сопоставления с Грецией, предложенные Ларсеном, продуктивны, но они, как мне кажется, упускают черты архаики, присущие II тысячелетию до н. э. в странах Передней Азии, особенно на периферии Южной Месопотамии. Эти черты уводят нас к системам договорного обмена.

¹⁹ Периханян А. Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983, с. 62.

WHOLESALE TRADE IN THE NEAR EAST BEFORE THE FORMATION OF EMPIRES

N. B. Yankovskaya

The age-group stratification of blood-related kinship groups (clans) makes it possible to open up this harsh system by binding together active generations of all three levels (sons, brothers, fathers) with stronger ties than those of blood. The organisation of trade on a broad, international scale by the merchants of Kaniš (near Kayseri in Turkey, 19th century B. C.) provides an example. The archives of the wholesale merchant ImdEl (Larsen — Ichisar) contain the following information: (1) about the transition of ImdEl's son from the youth group (*ṣuḥāru*) to the «younger brothers» (*aḥu ṣaḥru*) of his own father; (2) AmerIštar — himself a wholesale merchant in wool and copper — though he is ImdEl's uncle, calls him «father», according to the subordinate position of his age-group (ImdEl is the elder son of the elder brother of AmurIštar, and AmurIštar is the youngest brother of ImdEl's father); (3) in letters addressed by one group to another, age subordination is always scrupulously observed.

The author believes that the same-age groups have their own system of commodity and money credit — *bābtum*. K. Veenhof, taking note of the fact that the *umme'ānu* (master) is not obliged to record transfers to the *bābtum*, which often prevented an agent or a partner from collecting in time the commodities and money that had been distributed, has suggested that the topographical connection of the term *bābtum* is secondary, that it arose from an extension of the meaning «outside», «in a city quarter» (*AOATT*, pp. 419 f. and n. 537). Veenhof's explanation collapses in view of the all-Semitic meaning of the root *BH, from which the term *bābtum* derives, as a reduplication of the base (data from the *Dictionary of Afro-Asiatic Languages*, ed. I. M. Diakonoff): for this base there is only the meaning of movement *inwards*, never *outwards*. The *bābtum*, then, embraces a strictly defined set of persons. The *babātum* (pl., see MAH 10823) of Kaniš are scattered in various cities, as are people of the same age in archaic structures, being closely bound together by the moral obligation of mutual support.

Ю. В. Андреев

К ПРОБЛЕМЕ ПОСЛЕМИКЕНСКОГО РЕГРЕССА

Своеобразие классической греческой цивилизации, резко выделяющее ее на общем фоне как более ранних, так и синхронных с ней цивилизаций древнего мира, в значительной мере было обусловлено специфическими формами ее генезиса. С каждым новым этапом научного исследования истоков так называемого «греческого чуда» становится все более очевидной чрезвычайная сложность и внутренняя противоречивость этого процесса. Почти тысячелетний путь греческого общества от варварства к цивилизации был в полном смысле этого слова «путем проб и ошибок». Было бы неоправданным упрощением реальной диалектики исторического развития пытаться представить этот путь в виде одной непрерывной линии постепенно восходящего эволюционного движения. Теперь мы знаем, что на этом пути были и страшные катастрофы, и затяжные депрессии. Периоды упадка и регресса чередовались с периодами нового экономического и культурного подъема.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют утверждать, что цивилизация, а вместе с ней также классовое общество и государство зарождались на греческой почве, по крайней мере, дважды¹, с большим разрывом во времени: сначала в первой половине II тыс. до н. э. и вторично в первой половине следующего, I тыс. до н. э. В соответствии с этим кардинальным фактом всю историю древней Греции в настоящее время принято делить на две большие эпохи: 1) эпоху микенской или крито-микенской дворцовой цивилизации и 2) эпоху античной полисной цивилизации.

¹ По всей видимости, в своей начальной стадии этот процесс был насильственно прерван еще в конце III тыс. до н. э. с переходом от раннеэлладского к среднеэлладскому периоду и в дальнейшем возобновился после длительной паузы только в XVII — XVI вв. до н. э. См. *Vermeule E. Greece in the Bronze Age*. Chicago, 1964, p. 72 ff.; *Dickinson O. T. P. K. The Origins of Mycenaean Civilization*. Göteborg, 1977, p. 32 ff. В советской историографии начиная с 40-х годов проводится достаточно четкое разграничение между «раннеклассовыми» или «примитивно-рабовладельческими» обществами Эгейского мира и сменившим их бесклассовым «гомеровским обществом». Начало этому разграничению было положено известной дискуссией об историческом характере эгейской культуры (см. *Шенунова Т. М.* В Академии наук СССР. Дискуссия об эгейской культуре. — ВДИ, 1940, № 2), в ходе которой большинство участников высказалось против отстаиваемых Б. Л. Богаевским взглядов на крито-микенское общество как общество по своей природе первобытно-коммунистическое. Отсюда с неизбежностью следовало, что на рубеже II—I тыс. до н. э. Греция снова вернулась на стадию первобытнообщинного строя. Попытки объяснения этого исторического парадокса можно найти в работах ряда советских и зарубежных историков-марксистов. См. *Лурье С. Я.* История Греции. Ч. I. Л., 1940, с. 49 сл., 65; *Ленцман Я. А.* Греция XI—IX вв. до н. э. — Всемирная история. Т. I. М., 1955, с. 640; *он же.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963, с. 282; *Колобова К. М.* Греция XI—IX вв. до н. э. Л., 1956, с. 10; *Папазоглу Ф.* К вопросу о преемственности общественного строя в микенской и гомеровской Греции. — ВДИ, 1961, № 1, с. 37 сл. Ср. *Блаватская Т. В.* Греческое общество II тыс. до н. э. и его культура. М., 1976, с. 49 слл.

Первая из этих двух цивилизаций сошла с исторической сцены при загадочных, до конца еще так и не проясненных обстоятельствах примерно в конце XII в. до н. э. Первые признаки зарождения новой античной цивилизации начали появляться лишь где-то около середины VIII столетия.

Таким образом, между двумя основными фазами греческой истории остается весьма значительный временной «зазор» продолжительностью около трех с половиной или даже четырех столетий. Перед нами неизбежно встает вопрос: какое место занимает этот хронологический отрезок (в литературе за ним закрепилось сейчас условное наименование «темные века»)² в общем процессе исторического развития греческого общества? Был он своеобразным мостом, соединившим две весьма несхожие между собой исторические эпохи и цивилизации, или же, наоборот, разделившей их глубочайшей пропастью? Уже а priori следует заметить, что подчеркнутая альтернативная форма этого вопроса не исключает возможности его компромиссного решения, т. е. примирения двух заключенных в нем и, на первый взгляд, взаимоисключающих друг друга точек зрения на существо проблемы. Иными словами, вполне допустимо предположение, что в каких-то отношениях и на каких-то уровнях «темные века» были периодом остановки или даже разрыва в историческом развитии греческого общества, тогда как в других отношениях и на других уровнях это развитие все же продолжалось. Тенденция к такого рода компромиссу в решении проблемы континуитета отчетливо наметилась в последнее время в работах ряда как отечественных, так и зарубежных авторов, и это дает основание надеяться на то, что в недалеком будущем удастся выработать более или менее приемлемую для большинства исследователей концепцию, которая позволит теоретически организовать и упорядочить уже накопленный наукой весьма значительный фактический материал и связанные с ним наблюдения и догадки.

Археологические исследования последних лет (среди них на первое место следует поставить фундаментальные труды Десборо, Снодграсса, Шахермайра и Боузека³) позволили выяснить подлинные масштабы страшной катастрофы, пережитой микенской цивилизацией на рубеже XIII—XII вв. до н. э., а также проследить основные этапы ее упадка в последующий период. Правда, о причинах, вызвавших массовое разрушение микенских поселений в конце ПЭ III В периода, пока еще трудно сказать что-либо определенное. Из множества существующих в настоящее время догадок и предположений наиболее убедительное объяснение драматического финала микенской эпохи дает гипотеза «варварского вторже-

² Хронологические рамки «темных веков» пока еще не определены с достаточной точностью. В зависимости от взглядов и исторических концепций того или иного автора их датировка может колебаться в диапазоне от двух до четырех с лишним столетий. Так, по Старру (*Starr Ch. G. The Origins of Greek Civilization. 1100—650 B. C. N. Y., 1961, p. 78*), этот период охватывает весь промежуток времени между 1150 и 750 гг. до н. э.; по Десборо (*Desborough R. N. d'A. The Greek Dark Ages. L., 1972, p. 11*), — 1125—900 гг.; по Снодграссу (*Snodgrass A. M. The Dark Age of Greece. Edinburgh, 1971, p. 2*), — XI—VIII вв.; по Шахермайру (*Schachermeyr Fr. Die ägäische Frühzeit. B. 4. Griechenland im Zeitalter der Wanderungen, Wien, 1980, S. 17*), — XII—X вв.; по Керку (*Kirk G. S. The Homeric Poems as History. — CАН, v. II, p. 2. Cambr., 1978, p. 821*), — только 1125—1050 гг. В настоящей статье мы придерживаемся максимальных датировок, предложенных Старром и Снодграссом, с той оговоркой, что VIII столетие, занимающее промежуточное положение на стыке «темных веков» и архаической эпохи, может быть с равным основанием отнесено как к тому, так и другому периоду.

³ *Desborough. Op. cit.; idem. The Last Mycenaeans and Their Successors. Oxf., 1964; Snodgrass. Op. cit.; Schachermeyr. Op. cit.; Bouzek J. Homerisches Griechenland. Praha, 1969.* На русском языке краткие обзоры основной исторической проблематики периода см. в работах: Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976, с. 13 слл.; Полякова Г. Ф. От микенских дворцов к полису. — В кн.: Античная Греция. Т. I. М., 1983, с. 128 слл.

ния»⁴. До сих пор не ясно, однако, какие народы и племена участвовали в этом вторжении, откуда они пришли и куда исчезли после опустошений, которым они подвергли почти всю Грецию. Теория «дорийского завоевания» в ее традиционном варианте, как признают сейчас многие исследователи, не дает удовлетворительного ответа на все эти вопросы⁵. Зато все больше приверженцев находят попытки истолкования событий рубежа XIII—XII вв. до н. э. в гораздо более широком историческом «контексте» «великого переселения народов», охватившего в этот же период практически все Восточное Средиземноморье⁶.

Как бы то ни было, сейчас представляется совершенно очевидным, что непосредственным результатом катастрофы был общий упадок и вырождение микенской цивилизации на всей занимаемой ею территории. В основной своей части этот процесс завершился, по-видимому, уже к концу XII в. Красноречивым подтверждением этой догадки служит судьба главных жизненных центров ахейских государств — дворцов и цитаделей. Агония крупнейших микенских цитаделей, переживших катастрофу конца XIII в., продолжалась еще около ста лет. Последние следы обитания на акрополях Микен, Тиринфа, Афин датируются концом XII в.⁷ В следующем, XI столетии они были окончательно заброшены. Запустение цитаделей было симптомом радикальных перемен, наступавших в жизни греческого общества в следующий за катастрофой период. Несомненно, прав Я. А. Ленцман, писавший по этому поводу: «В этом плане особенно важен не столько факт разрушения дворцов Микен и Пилоса, сколько захирение сохранившегося Тиринфского дворца, и, возможно, существовавшего дворца микенского времени на афинском акрополе. Следовательно, дело было не в самом акте разрушения, а в коренном несоответствии дворцового уклада новым условиям жизни»⁸.

Судя по ряду признаков, XII столетие было временем распада микенских дворцовых государств с их централизованной экономикой и широко разветвленным бюрократическим аппаратом. Об этом свидетельствует

⁴ Вполне вероятно, конечно, что эта катастрофа была уже подготовлена внутренними кризисными явлениями в самих микенских государствах и для их окончательного крушения необходим был лишь достаточно сильный внешний толчок. Различные варианты такого рода решения проблемы предлагают: *Bouzek. Op. cit.*, S. 83 ff.; *Hammond N. G. L. Migrations and Invasions in Greece and Adjacent Areas. Park Ridge, New Jersey, 1976*, p. 129 ff.; *Sandars N. K. The Sea Peoples. Warriors of the Ancient Mediterranean 1150—1150 B. C. L., 1978*, p. 179 ff.

⁵ *Desborough. The Last Mycenaean...*, p. 252 f.; *idem. The Greek Dark Ages*, p. 23, 324; *Mylonas G. E. Mycenae and the Mycenaean Age. Princeton, 1966*, p. 224; *Vermeule. Op. cit.*, p. 279; *Bouzek. Op. cit.*, S. 200; *Finley M. I. Early Greece: the Bronze Age and Archaic Greece. L., 1970*, p. 61, not. 1; *Cartledge P. Sparta and Laconia. A Regional History 1300—362 B. C. L., 1979*, p. 75 ff.; *Schachermeyr. Op. cit.*, S. 406 ff. Все эти авторы, не отрицая реальности дорийского вторжения или, скорее, просто переселения, тем не менее относят его к гораздо более позднему времени — к субмикенскому или даже протомикенскому периоду. Ср. *Buck R. J. The Mycenaean Time of Troubles. — Historia, 1969, XVIII, 3*, p. 280 ff.; *Rubinson L. The Dorian Invasion Again. — Parola del Passato, 1975, XXX*; *Snodgrass. Op. cit.*, p. 312; *Hammond. Op. cit.*, p. 135 ff.

⁶ Последователи этой концепции (впервые она была выдвинута Фр. Шахермайром еще в конце 20-х годов) ставят падение микенских цитаделей в один ряд с такими событиями, как разгром Хеттского царства, опустошение Сирии и Палестины и нападение на Египет так называемых «народов моря». Все эти эпизоды связываются друг с другом как последовательные ступени в своеобразной «цепной реакции», вызванной вторжением на Балканы и в страны Передней Азии большой массы варварских племен из Центральной Европы и Подунавья. Гипотеза эта, по-видимому, включает в себе некое рациональное зерно, хотя для ее серьезного фактического обоснования еще явно недостает археологического материала. См. *Schachermeyr. Op. cit.*, S. 50 ff.; подробный обзор более ранней литературы — S. 425 ff. Ср. *Desborough. The Last Mycenaean...*, p. 237 ff.; *Snodgrass. Op. cit.*, p. 305 ff.; *Sandars. Op. cit.*, p. 91 ff., 179.

⁷ *Alin P. Das Ende der mykenischen Fundstätten auf dem griechischen Festland. Lund, 1962*, S. 24, 35; *Desborough. The Last Mycenaean...*, p. 75, 79, 230 f.; *Snodgrass. Op. cit.*, p. 363 f.; *Schachermeyr. Op. cit.*, S. 206 ff.

⁸ *Ленцман. Рабство ...*, с. 197.

прежде всего бесследное исчезновение линейного слогового письма⁹. Как известно, эта форма письменности была вызвана к жизни главным образом потребностью дворцового хозяйства в налаженной системе учета и контроля. С распадом дворцовых государств и их хозяйств отпала и надобность в письме.

Постепенно деградировали в XII в. микенское искусство и художественное ремесло¹⁰. Некоторые их виды, например фресковая живопись, вообще исчезли. Другие же (глиптика, вазовая живопись, резьба по кости, ювелирное искусство) хотя и продолжали развиваться еще некоторое время, но на все более низком техническом и художественном уровне. Чем ближе к концу XII в., тем все более редкими становятся находки по-настоящему ценных, подлинно художественных вещей. С переходом же в следующее, XI столетие они исчезают совершенно. Объяснить этот упадок можно лишь массовым бегством (или гибелью) квалифицированных мастеров-ремесленников, работавших главным образом на правящую элиту дворцовых государств и на зажиточные слои подвластного населения.

Резко сокращается в этот период и приток в Грецию чужеземных, прежде всего восточных, изделий; очень редки находки скарабеев, картушей, цилиндрических печатей, фигурок из фаянса, изделий из цветного стекла, золота, слоновой кости, хотя для микенских погребений XIV—XIII вв. это довольно обычные находки. Все это свидетельствует о разрыве торговых связей со странами Передней Азии, о начале длительной изоляции Эгейского бассейна от всего остального Средиземноморья¹¹.

Логическим завершением всех этих процессов была глубокая депрессия, охватившая основные районы материковой и островной Греции в течение так называемого субмикенского (СМ) периода (1125—1025 гг. до н. э.)¹². Основная отличительная черта СМ периода — удручающая бедность его материальной культуры, за которой скрывается резкое снижение жизненного уровня основной массы населения Греции и столь же резкий упадок производительных сил страны. Наиболее ясно этот упадок проявился в сфере ремесленного производства (о состоянии других отраслей греческой экономики, например сельского хозяйства, нам почти ничего неизвестно). По всем основным показателям — богатству ассортимента изделий, их техническому качеству и художественной отделке — ремесленная продукция СМ периода намного уступает изделиям мастеров микенской эпохи. Субмикенская керамика представлена лишь двенадцатью типами сосудов, среди которых нет ни одного нового (напомним для сравнения, что микенская керамика одного только ПЭ III С1 периода — первая половина XII в. — насчитывает 108 различных типов сосудов)¹³. Дошедшие до нас изделия субмикенских гончаров производят самое безотрадное впечатление своим внешним видом¹⁴. Они очень грубы по форме, небрежно сформованы, лишены даже элементарного изящества. Их росписи крайне примитивны и невыразительны. Как правило, в них повто-

⁹ Там же, с. 198; *Desborough V. R. d'A. The End of Mycenaean Civilization and the Dark Age. (a) The Archeological Background.* — САН, v. II, p. 2, Cambr., 1975, p. 669.

¹⁰ *Desborough. The End of Mycenaean Civilization...*, p. 670; *idem. The Last Mycenaeans...*, p. 243 ff.; *Snodgrass. Op. cit.*, p. 360 ff.; *Bouzek. Op. cit.*, S. 22 ff. Кратковременная регенерация микенских художественных традиций в некоторых островных и материковых центрах (примером может служить микенская керамика так называемого close style на территории Аролиды) принципиально ничего не меняет в общей картине упадка. Ср. *Schachermeyr. Op. cit.*, S. 64 ff.

¹¹ *Snodgrass. Op. cit.*, p. 325 ff.

¹² *Desborough. The Last Mycenaeans...*, p. 225 ff.; *idem. The Greek Dark Ages*, p. 29 ff.; *Styrenius O. G. Submycenaean Studies.* Lund, 1967, p. 163 f.; *Bouzek. Op. cit.*, S. 89 ff.; *Snodgrass. Op. cit.*, p. 31 ff., 106 ff.; *Schachermeyr. Op. cit.*, S. 177 ff.

¹³ *Snodgrass. Op. cit.*, p. 34 f.

¹⁴ Широко распространяется в этот период лепная керамика, изготовленная без применения гончарного круга (*Desborough. The Greek Dark Ages*, p. 142 ff., 168 f.).

ряется мотив спирали — один из немногих элементов декоративного убранства, унаследованных от микенского искусства. Если по предметам такого рода можно судить о психологическом климате эпохи, мы должны будем признать, что на этих убогих сосудах лежит печать безнадежного отчаяния и духовного тупика. «Это было настоящее банкротство, — пишет английский археолог Десборо, — ...поистине „стиль темного века“. Впрочем, само слово „стиль“ здесь едва ли применимо»¹⁵.

Едва ли в лучшем положении находилось металлообрабатывающее производство СМ периода. Правда, некоторые простейшие виды изделий этого времени, например, ножи, мечи, наконечники копий, бронзовые булавки и фибулы, еще остаются на уровне микенских стандартов. Но зато совершенно исчезают такие сложные и трудоемкие предметы, как панцири, поножи, шлемы, бронзовая и серебряная посуда, подвески, диадемы и т. п., хотя изготовление всех этих вещей было вполне по плечу микенским кузнецам и ювелирам за сто или сто пятьдесят лет до этого. Общая численность изделий из металла, дошедших от этого периода, крайне невелика. Крупные предметы, например оружие, встречаются очень редко. Преобладают мелкие поделки вроде фибул или колец¹⁶. Судя по всему, население Греции в это время страдало от хронической нехватки металла, прежде всего бронзы, которая в XII — первой половине XI в. еще оставалась основой всей греческой индустрии. Объяснение этого дефицита следует, по-видимому, искать в том состоянии почти абсолютной изоляции от внешнего мира, в котором Балканская Греция оказалась еще до начала СМ периода. Отрезанные от внешних источников сырья и не располагающие достаточными внутренними ресурсами металла греческие общины вынуждены были ввести режим строжайшей экономии. Дело доходит до того, что снова, как это было когда-то в среднеэлладскую эпоху, некоторые житейски необходимые предметы, например наконечники стрел или вкладыши для лезвий ножей, начинают изготавливать не из бронзы или меди, а из камня — обсидиана¹⁷.

Правда, почти в это же самое время в Греции появились и первые изделия из железа. К самому началу СМ периода относятся разрозненные находки бронзовых ножей с железными вкладышами. Как считают специалисты-археологи, эти ножи были завезены в Грецию с Востока, скорее всего с Кипра или, может быть, из Сирии¹⁸. Ближе к концу того же периода (во второй половине XI в.) железные мечи и кинжалы появляются в отдельных могилах афинского Керамика, некрополя на о-ве Саламин, в Тиринфе, на некоторых островах Центральной Эгейды и Додеканеза¹⁹. Можно предполагать, что к этому времени техника обработки железа в какой-то степени была уже освоена самими греками. Однако очаги железной индустрии были еще крайне немногочисленны и едва ли могли обеспечить достаточным количеством металла все население страны²⁰. Решающий шаг в этом направлении был сделан лишь в следующем, X столетии.

Еще одна отличительная черта СМ периода заключается в решительном разрыве с традициями микенской эпохи буквально во всех тех сферах культуры и быта, для которых мы располагаем хоть каким-то археологическим материалом²¹. Так обстоит дело, например, в сфере погребаль-

¹⁵ Ibid., p. 41. Cp. *Snodgrass. Op. cit.*, p. 38 ff.

¹⁶ Это характерно, например, для крупнейшего из греческих некрополей СМ периода в афинском Керамике (*Kraiker W., Kübler K. Kerameikos. B. 1. Die Nekropolen des 12. bis 10. Jh. B., 1939, S. 81 ff.; Müller-Karpe H. Metallgegenstände der Kerameikos-Gräber. — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts, 1962, 77, S. 59 ff.*).

¹⁷ *Snodgrass. Op. cit.*, p. 382.

¹⁸ Ibid., p. 217 ff.; *Bouzek. Op. cit.*, S. 44; *Desborough. The Greek Dark Ages*, p. 119, 315 f.; *Waldbaum J. C. From Bronze to Iron. The Transition from the Bronze Age to the Iron Age in the Eastern Mediterranean. Göteborg, 1978, p. 67 f.* Cp. *Hammond N. G. L. Epirus. Oxf., 1967, p. 358 f.*

¹⁹ *Bouzek. Op. cit.*, S. 92; *Desborough. The Greek Dark Ages*, p. 316.

²⁰ *Snodgrass. Op. cit.* p. 368.

²¹ *Desborough. The Greek Dark Ages*, p. 107 ff.

ных обычаев. Наиболее распространенный в микенское время способ захоронения в камерных гробницах вытесняется теперь индивидуальными захоронениями в ящичных могилах (цистах) или в простых ямах ²². Такие могилы широко представлены в двух самых крупных некрополях СМ периода: некрополе афинского Керамика и некрополе о-ва Саламина (каждое кладбище насчитывает свыше сотни могил, датируемых этим периодом) ²³. Заметно изменяется не только форма погребения, но и состав погребального инвентаря. Во-первых, он сильно удешевляется и сокращается в числе. В подавляющем большинстве могил афинского Керамика найдена только глиняная посуда, причем самого дешевого и грубого сорта, и кое-что из вещей личного обихода, также самых заурядных (булавки, фибулы, бронзовые или железные кольца; совсем нет оружия; из драгоценностей — только пять золотых заколок для волос из тонкой проволоки и одно бронзовое кольцо с жемчужиной; и это — на сто с лишним могил!) ²⁴. Различия между богатыми и бедными могилами, таким образом, совершенно стираются.

Во-вторых, из погребений исчезают вотивные женские статуэтки, составлявшие неперемный компонент погребального инвентаря микенской эпохи, а это может указывать на серьезные изменения в сфере заупокойного культа ²⁵. В ряде случаев могильники СМ периода размещаются прямо на территории заброшенных микенских поселений, среди развалин домов, что может свидетельствовать о коренных изменениях в составе населения ²⁶. Ближе к концу периода во многих местах, например, в Аттике, Беотии, на Крите, появляется еще один новый обычай — кремация и обычно сопутствующие ей захоронения в урнах ²⁷. В этом опять-таки следует видеть отступление от традиционных микенских обычаев (господствующим способом погребения в микенскую эпоху было трупоположение; трупосожжение встречается лишь эпизодически).

Аналогичный разрыв с микенскими традициями наблюдается и в сфере культа. Даже в наиболее крупных греческих святилищах, существовавших как в микенскую эпоху, так и в более поздние времена (начиная примерно с IX—VIII вв.), СМ период, так же как и следующий за ним ПГ (протогеометрический) период, оставил после себя «мертвую зону», совершенно лишенную каких бы то ни было следов культовой деятельности: остатков построек, вотивных статуэток, даже керамики. Такую ситуацию, свидетельствующую о полном замирании религиозной жизни, археологи обнаруживают например, в Дельфах, на Делосе, в лаконских Амиклах с их древним культом Гиакинфа, в святилище Геры на Самосе и в некоторых других местах ²⁸. Исключение из общего правила составляет только Крит, где почитание богов в традиционных формах минойского ритуала, как кажется, не прерывалось на протяжении всего этого периода ²⁹.

Важнейшим фактором, способствующим искоренению микенских культурных традиций, безусловно, должна считаться резко возросшая мобильность основной массы населения Греции. Начавшийся еще в первой половине XII в. отток населения из наиболее пострадавших от варварского вторжения районов страны продолжался также и в СМ период.

²² Ibid., p. 107 f.; *idem.* The Last Mycenaean..., p. 37 f., 231 f.; *Bouzek.* Op. cit., S. 97; *Styreni us.* Op. cit., p. 22 ff.; *Hägg R.* Die Gräber der Argolis. B. I. Uppsala, 1974, S. 108 ff.

²³ *Kraiker, Kübler.* Op. cit., S. 9 ff.; *Styrenius.* Op. cit., S. 21 ff.; *idem.* The Vases from the Submycenaean Cemetery on Salamis.— *Opuscula Atheniensia*, 1962, IV, p. 103 ff.

²⁴ *Kraiker, Kübler.* Op. cit., S. 81 ff.

²⁵ *Andronikos M.* Totenkult.— *Archaeologia Homerica*. B. 3, K. W., Göttingen, 1968, S. 98 ff.; *Snodgrass.* Op. cit., p. 190 ff.; *Desborough.* The Greek Dark Ages, p. 109.

²⁶ *Snodgrass.* Op. cit., p. 316; *Desborough.* The Greek Dark Ages, p. 69.

²⁷ *Styrenius.* Op. cit., p. 36, f., 67 f.; *Bouzek.* Op. cit., S. 97, 106; *Snodgrass.* Op. cit., p. 144.

²⁸ *Snodgrass.* Op. cit., p. 276, 395 f.; *Desborough.* The Greek Dark Ages, p. 278 ff.

²⁹ *Desborough.* The Greek Dark Ages, p. 284 ff.

В связи с этим сокращается до минимума общее число мест, в которых, по предположениям археологов, могли существовать хоть какие-то поселения. В Арголиде, например, зафиксировано всего семь таких пунктов, в Мессении — шесть, в Аттике — четыре, в Беотии — два и в Лаконии только один³⁰. Характерно, что массовая эмиграция начинается теперь также и в тех районах, которые не были затронуты катастрофами предшествующего периода и в течение некоторого времени служили приютом для беженцев из зоны разрушений (сюда относятся Восточная Аттика, Ахайя, острова Ионического и южной части Эгейского морей)³¹. Судьба основной массы эмигрантов остается неизвестной. Значительная их часть, по всей вероятности, осела на Кипре, где в это время наблюдаются некоторые изменения в составе населения³². Отдельные группы могли добратъся до западного побережья Малой Азии и близлежащих островов, положив начало так называемой «ионийской колонизации» этого района (наиболее ранние образцы субмикенской керамики, найденные в Милете, датируются первой половиной XI в.)³³.

В самой Греции подавляющее большинство микенских поселений, как больших, так и малых, было покинуто их обитателями. Некоторые из них, как было уже сказано, использовались в качестве погостов. Другие стали просто пустырями или пастбищами для коз и овец. Следы вторичного заселения микенских цитаделей и городков встречаются лишь эпизодически и, как правило, после длительного перерыва³⁴. Почти все вновь основанные поселения СМ периода, а их число очень невелико, располагаются на некотором удалении от микенских руин, которых люди этого времени, по-видимому, суеверно сторонились, опасаясь гнездившихся в них злых духов. Так, в Афинах вскоре после того как был покинут его обитателями дворец на акрополе, где-то около 1100 г. появляется новое поселение, но уже вдали от цитадели — в районе позднейшей агоры³⁵.

Все эти факты свидетельствуют о крайней непрочности жизненного уклада греков этой эпохи. Пожалуй, никакой другой период в истории Греции не напоминает так близко знаменитое фукидидовское описание первобытной жизни эллинских племен с их непрерывными передвижениями (*μετακινήσεις*), хронической бедностью и неуверенностью в завтрашнем дне (Thuc., I, 2). Нам не кажется слишком смелой мысль, высказанная Старром, который в данном случае лишь следует Фукидиду, полагая, что население многих областей Греции в конце XII—XI вв. снова вернулось к кочевому или полукочевому образу жизни³⁶.

В этой связи заслуживают самого пристального внимания совершенно определенные признаки сходства, сближающие культуру СМ периода с культурой гораздо более ранней исторической эпохи — так называемого «среднеэлладского периода» (XX—XVII вв. до н. э.), предшествующего зарождению микенской цивилизации³⁷. В большинстве своем эти признаки носят сугубо негативный характер. Вот важнейшие из них: 1) отсутствие больших укрепленных поселений и построек дворцового типа (все из-

³⁰ Bouzek. Op. cit., S. 51. Согласно данным Снодграсса (op. cit., p. 364), по всей Греции раскопки выявили лишь 40 мест, которые могли быть заселены в XI в. (в XII в. их было 130, в XIII — 320).

³¹ Desborough. The Last Mycenaean..., p. 232 ff.; *idem*. The Greek Dark Ages, p. 333 f.

³² Desborough. The Last Mycenaean..., p. 236; *idem*. The Greek Dark Ages, p. 333. Ср. Snodgrass. Op. cit., p. 365.

³³ Desborough. The Greek Dark Ages, p. 83. Ср. Cook J. M. Greek Settlement in the Eastern Aegean and Asia Minor. — САН, v. II, p. 2. Cambr., 1975, p. 785.

³⁴ Snodgrass. Op. cit., p. 363 f.; Desborough. The Greek Dark Ages, p. 263.

³⁵ Thompson H. A. Buildings on the West Side of the Agora. — Hesperia, 1937, 6, 1, p. 1; Snodgrass. Op. cit., p. 363. Аналогичная ситуация прослеживается в Лефканди на Эвбее (Desborough. The Greek Dark Ages, p. 189).

³⁶ Starr. Op. cit., p. 80.

³⁷ Snodgrass. Op. cit., p. 383 f. Ср. Vermeule. Op. cit., p. 72 ff.; Dickinson. Op. cit., p. 32. ff.

вестные нам поселения как СЭ, так и СМ периода представляют собой маленькие деревушки с весьма примитивными укреплениями или вообще без них); 2) отсутствие письменности; 3) почти полное отсутствие культовых сооружений и культовой утвари; 4) никаких других видов искусства, кроме крайне примитивной вазовой росписи, состоящей в основном из абстрактных геометрических узоров (отдельные образцы мелкой пластики — фигурки людей и животных встречаются как в тот, так и в другой период лишь в виде исключения); 5) почти никаких данных, которые могли бы свидетельствовать об имущественной или социальной дифференциации общества (очень мало предметов роскоши, почти абсолютная стандартизация погребений); 6) длительная изоляция Греции от внешнего мира (почти полное отсутствие предметов чужеземного импорта в погребениях).

Имеются, однако, и положительные черты сходства, благодаря которым материальная культура СМ периода может считаться чуть ли не буквальным повторением культуры СЭ эпохи. Совпадают, например, такие важные их элементы, как способ погребения (как в том, так и в другом случае преобладают погребения в каменных ящиках — цистах), типы жилищ (как для того, так и для другого периода типичной может считаться овальная или апсидальная постройка из кирпича-сырца на каменном фундаменте с круглым очагом в центре), основные принципы вазовой живописи (условный геометрический рисунок наносится темным лаком по светлomu фону). Удивительная близость обнаруживается в некоторых видах глиняных изделий, например в грубой лепной керамике (образцы этого рода сосудов, датируемые XX—XVII и XI—X вв., практически почти невозможно различить). Для полноты картины не хватает лишь одной характерной детали: орудия из камня (обсидиана), довольно часто встречающиеся в среднеэлладских поселениях и некрополях, снова после длительного перерыва появляются в погребениях СМ периода, хотя и не в таком большом количестве, как прежде.

Если попытаться экстраполировать все эти симптомы культурного упадка и регресса в недоступную нашему непосредственному наблюдению сферу социально-экономических отношений, мы почти неизбежно должны будем признать, что в XII—XI вв. до н. э. греческое общество было отброшено далеко назад, на стадию первобытнообщинного строя и по существу снова вернулось к той исходной черте, с которой когда-то (в XVII столетии) начиналось становление микенской цивилизации. В принципе такую возможность, по-видимому, нельзя считать полностью исключенной. Волна переселения народов, обрушившаяся на Грецию на рубеже XIII — XII вв. до н. э., могла начисто смыть непрочный слой элитарной дворцовой культуры, после чего на поверхность выступил гораздо более глубокий и мощный пласт древних «крестьянских» культур элладской эпохи. Именно так можно интерпретировать резкое снижение бытовых и эстетических стандартов, возвращение к самым примитивным типам жилищ и погребений, к самым архаичным и незатейливым формам декоративного искусства, представленным росписями субмикенских и протогеометрических сосудов. Возможно, в какой-то, точно неизвестной нам степени все эти феномены упадка были обострены и усилены благодаря приходу новой волны грекоязычных племен (дорийцев и других представителей так называемой «северо-западной» группы греческих диалектов), культура которых до этого момента оставалась почти незатронутой минойскими и микенскими влияниями и поэтому сохранила во всей первоначальной чистоте свой «исконно элладский облик»³⁸.

³⁸ Апологеты реакционной «нордической теории» воспринимают «элладский ренессанс» XI—X вв. до н. э. как наглядное доказательство неизменности и живучести подлинно эллинского (индоевропейского) духа, который, хотя и подавлялся временами чуждой ему этнокультурной средой, как это было в период расцвета микенской цивилизации, все же в конце концов всегда пробивал себе дорогу и снова выходил на по-

Однако, делая выводы такого рода, необходимо соблюдать чрезвычайную осторожность. Нельзя забывать о том, что археология при всех ее неоспоримых достоинствах в качестве источника объективной исторической информации все же едва ли способна дать вполне адекватную действительности картину социально-экономического развития Греции в этот отдаленный период ее истории. Многие важные особенности этого процесса, конечно, невозможно восстановить, имея перед глазами лишь обломки глиняной посуды, да наконечники копий и стрел. Многое приходится домысливать, используя свидетельства гораздо более поздних письменных источников, а также и археологический материал, находящийся уже вне рамок рассматриваемого периода³⁹.

Как показали специальные исследования, многочисленные минойско-микенские реминисценции прослеживаются в греческой культуре, особенно в такой наиболее консервативной ее области, как религия и культ, вплоть до эпохи эллинизма. К микенской эпохе восходят имена большинства богов, многие образы и сюжеты греческой мифологии, некоторые важные элементы религиозной обрядности⁴⁰. Случаи аналогичного выживания микенских традиций отмечены также и в сфере изобразительного и прикладного искусства (отдельные орнаментальные мотивы, например мотив спирали, некоторые виды мелкой пластики и т. п.)⁴¹, в архитектуре и градостроении (постройки в форме мегарона, конгломератный принцип застройки жилых кварталов)⁴². Следует, однако, подчеркнуть, что во всех этих случаях речь может идти лишь о консервации и последующей регенерации отдельных, чаще всего разрозненных элементов того, что когда-то было большим и сложным культурным комплексом. Сам же комплекс там, где это удается проследить, либо совершенно исчезает, либо преобразуется до неузнаваемости, т. е. фактически создается заново.

Так, если взять микенскую систему религиозных представлений, то какие-то ее части, например, имена богов, отчасти, возможно, также связанные с ними образы, некоторые обряды вполне могли перейти из одной эпохи в другую. Но вся система в целом была в корне перестроена. Изменилась ее структура, изменились и отношения между составляющими ее элементами⁴³. Если центральной фигурой микенского пантеона было,

верхность (*Kraiker W. Nordische Einwanderung in Griechenland. — Die Antike, 1939, 15, S. 224 ff.; Matz Er. Geschichte der griechischer Kunst. B. I. Frankfurt am Main, 1950, S. 46 ff.; Hafner G. Geschichte der griechischen Kunst. Zürich. 1961, S. 53 ff.; Schachermeyr. Op. cit., S. 417 ff.*

³⁹ Удручающее однообразие погребений СМ и в значительной части также следующего за ним протогеометрического (ПГ) периода (около 1025—900 гг. до н. э.) невольно наводит на мысль о сугубой «эгалитарности» общественных структур этого времени. Однако это впечатление может быть и обманчивым. Отчасти эта догадка подтверждается недавними сенсационными находками английских и греческих археологов в Лefканди на о-ве Эвбея. См. о них: *Popham M., Touloupa E., Sackett L. H. The Hero of Lefkandi. — Antiquity, 1982, 56, 218*. Открытое здесь захоронение безымянного героя (вероятно, местного племенного вождя) по богатству погребального инвентаря, а также по масштабам затраченного на него труда, пожалуй, не знает себе равных в хронологическом промежутке, разделяющем последние купольные усыпальницы минойской эпохи (XIII в. до н. э.) и гораздо более поздние (VIII в. до н. э.) царские гробницы Саламина Кипрского.

⁴⁰ *Nilsson M. P. The Minoan-Mycenaean Religion and Its Survival in Greek Religion. Lund — Oxford, 1927, passim; idem. Geschichte der griechischen Religion. B. I. München, 1976, S. 303 ff.; Vermeule. Op. cit., p. 280 ff.; Snodgrass. Op. cit., p. 192 ff., 395 ff.; Dietrich B. C. Evidence of Minoan Religious Traditions and Their Survival in the Mycenaean and Greek World. — Historia, 1982, XXXI, 1; Лыбе С. Я. Язык и культура микенской Греции. М.—Л., 1957, с. 285 слл.*

⁴¹ *Levi D. Continuità della tradizione micenea nell'arte greca antica. — In: Atti e Memorie del I Congresso Internazionale di Micenologia. — 1967. Roma, 1968; Schweitzer B. Die geometrische Kunst Griechenlands. Köln, 1969, S. 26 ff.; Snodgrass. Op. cit., p. 399 f.*

⁴² *Vermeule. Op. cit., p. 287; Schweitzer. Op. cit., S. 232 ff.; Drerup H. Griechische Baukunst in geometrischer Zeit. — Archaeologia Homerica, B. II, K. O., Göttingen, 1969, S. 96 f.*

⁴³ *Starr. Op. cit., p. 172 ff. Cp. Nilsson. Geschichte der griechischen Religion. I. S. 338 ff.*

судя по имеющимся у нас данным, женское божество — богиня-мать, богиня-владычица, то уже у Гомера мы находим совсем иную, чисто патриархальную схему организации мира богов (в центре его стоит бог-отец Зевс, которому подчинены все прочие как мужские, так и женские божества). Другим примером может служить сам гомеровский эпос. Ряд фактов свидетельствует о том, что дистанция, отделяющая его от предшествующей ему микенской героической поэзии, была огромна, и речь может идти опять-таки лишь об усвоении создателем или создателями поэм случайных, практически не связанных между собой элементов более древней художественной традиции⁴⁴. Пожалуй, еще более ясно и определенно этот разрыв с культурными традициями бронзового века выступает в сфере греческого декоративного искусства. Уже древнейшее его направление, представленное вазовой живописью геометрического стиля, по своим основным эстетическим принципам резко отличается от всего того, что могло ему предшествовать в искусстве крито-микенской эпохи, хотя некоторые из используемых им орнаментальных мотивов, возможно, восходят к этому времени⁴⁵.

Нам думается, что мы вправе сделать еще один шаг в том же направлении и распространить это наблюдение на всю микенскую цивилизацию. Взятая как некое органическое целое, как «система систем», она была — это можно сказать теперь с полной уверенностью — отброшена историей в сторону как ненужный черновик, неудачная проба пера и заменена совершенно иным типом цивилизации. Нельзя не согласиться с М. Финли, который писал по этому поводу: «Неизбежная концентрация на материальных остатках и технологии не должна скрывать от нас масштабы происшедшего разрыва. Конечно, население продолжало обрабатывать землю и пасти скот, изготавливать керамику и орудия труда, используя, в сущности, ту же технику, что и прежде... Оно продолжало также поклоняться своим богам и исполнять необходимые обряды... Но общество было организовано теперь на иной основе. Оно вступило на совершенно иной путь развития, создавая новую систему ценностей. Бронзовый век пришел к своему завершению»⁴⁶.

Итак, как бы мы ни оценивали долю микенского наследия в общем фонде греческой культуры I тыс. до н. э., сам факт резкого разрыва между этими двумя эпохами не подлежит сомнению. Переход с одной ступени на другую носил кризисный, катастрофический характер и сопровождался глубокими формационными сдвигами, замедлением, а в отдельные моменты, возможно, даже и полной приостановкой культурного развития, утратой многих важных достижений микенской эпохи. Очевидно, только такой ценой греческое общество способно было найти выход из той тупиковой ситуации, в которой оно рано или поздно должно было оказаться, если бы не сошла со сцены микенская дворцовая цивилизация⁴⁷.

В принципе феномен возвращения вспять, с более высокой ступени общественного развития на более низкую, хотя и встречается в истории человечества сравнительно редко, не включает в себе чего-то невозможного⁴⁸. Поэтому нас не должна смущать на первый взгляд парадоксальная ситуация, сложившаяся в Греции на рубеже II—I тыс. до н. э. при пере-

⁴⁴ *Carpenter R.* Folk Tale, Fiction and Saga in the Homeric Epics. Berkeley — Los Angeles, 1956, p. 23 f.; *Kirk G. S.* The Songs of Homer. Cambr., 1962, p. 106 f.; *Lesky A.* Homeros. — RE, Suppl. XI. Stuttgart, 1968, S. 715 f.; *Codino F.* Einführung in Homer. B., 1970, S. 72; *Finley M. J.* The World of Odysseus. N. Y., 1978, p. 44 f.; *Андреев.* Раннегреческий полис, с. 6 слл.

⁴⁵ *Demargne P.* Naissance de l'art grec. P., 1964, p. 285 suiv.; *Starr.* Op. cit., p. 143; *Schweitzer.* Op. cit., S. 15.

⁴⁶ *Finley.* Early Greece..., p. 68. Ср. *Vermeule.* Op. cit., p. 309; *Блаватская.* Ук. соч., с. 50 сл.

⁴⁷ *Starr.* Op. cit., p. 57 f., 74.

⁴⁸ См. *Ленин В. И.* Соч., т. 30, с. 6: «... представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно».

ходе от эпохи бронзы к веку железа. Более или менее близкие исторические аналогии, вероятно, можно было бы подыскать и в других регионах древнего мира ⁴⁹.

Главная трудность заключается в другом. Ведь если допустить, что к началу I тыс. греческое общество было снова возвращено в то исходное состояние, в котором оно пребывало до возникновения первых микенских государств, то как объяснить в этом случае тот не подлежащий никаким поминаниям факт, что все дальнейшее его развитие пошло совсем по иному пути, нежели это было в микенскую эпоху? Совершенно ясно, что при полном тождестве его исходных моментов во II и в I тыс. процесс становления классового общества не смог бы привести к столь различающимся между собой историческим результатам, как микенское дворцовое государство и классический греческий полис.

Выход из этого затруднительного положения может быть найден только в том случае, если мы признаем, что новый вариант первобытно-общинного строя, сложившийся в Греции к началу I тыс., не был простым повторением пройденного или, если говорить более конкретно, возвращением к тем примитивным социальным структурам среднеэлладской эпохи, из которых когда-то выросла микенская цивилизация. За время, разделяющее эти два переломных момента (а прошло как никак почти целое тысячелетие), в жизни греческого общества многое изменилось. Во-первых, существенно изменился общий баланс сил, направлявших его развитие по пути от варварства к цивилизации. Вступили в действие новые важные факторы, о которых в начале II тыс. еще не могло быть и речи (наиболее очевидный пример такого рода — широкое внедрение в греческую экономику железа в X—IX вв.). Во-вторых, — и этот момент представляется нам особенно важным — серьезные изменения претерпело за эту тысячу лет само греческое общество, а точнее греческая земледельческая община, остававшаяся в течение всего этого времени его основной структурной ячейкой.

Размышляя о характере и причинах катастрофы, пережитой Грецией в XIII—XII вв. до н. э., известный советский историк античности Я. А. Ленцман писал: «Возможность и, думается, причина регресса лежала в узости социальной базы микенских обществ. Дворцы были лишь небольшими островками в море родовых поселений. Классовые отношения формировались только в непосредственной дворцовой округе. Именно это предопределило быстрый разгром верхушечной дворцовой культуры при сохранении техники производства и условий быта рядового населения. Иными словами, гомеровское общество унаследовало не микенскую культуру в целом, а культуру рядового населения микенского времени. Только здесь наблюдается преемственность в экономике и социальном строе» ⁵⁰. В целом подход Ленцмана к решению проблемы континуитета представляется нам вполне оправданным и достаточно конструктивным. Хотя некоторые его формулировки, возможно, еще нуждаются в уточнениях и поправках, он, безусловно, прав в главном: культурная, а в равной мере и социально-экономическая преемственность были возможны в условиях катастрофического распада микенских государств лишь на уровне их инфраструктур, но никак не суперструктур, т. е. самой дворцовой цивилизации, которая в этот период просто перестала существовать.

Но что представляли собой эти пережившие катастрофу «нижние этажи» микенской социальной системы? Многочисленные ближневосточные аналогии подсказывают, что это могли быть небольшие земледельческие

⁴⁹ Во многом сходная ситуация «культурного вакуума» сложилась в Индии в промежутке между гибелью хараппской цивилизации (XIX—XVII вв. до н. э.) и приходом ариев (XII—XI вв.). См. *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Древняя Индия. М., 1969, с. 126.

⁵⁰ *Ленцман. Рабство...*, с 282.

общины территориального или, может быть, территориально-родового характера, входившие в состав дворцовых государств в качестве их основных структурных единиц⁵¹. В период расцвета микенской цивилизации они образовывали вокруг дворцовых центров какое-то подобие питательной среды, без которой эти организмы практически не смогли бы существовать. Отличаясь, как и все социальные структуры такого типа, чрезвычайной стабильностью, эти общины вполне могли пережить все завоевания, политические катаклизмы и смены царских династий, происходившие в Греции в течение II тыс. до н. э. Некоторые из них продолжали существовать и развиваться, оставаясь на своих местах, также и после распада микенских бюрократических монархий. Некоторые, исчезая в одних местах, затем спонтанно возрождались на другой территории. В резко изменившемся климате «темных веков» эти простейшие социальные организмы оставались единственными носителями элементов культурной традиции эпохи бронзы.

Выше мы уже говорили о выживании отдельных фрагментов микенской системы религиозно-мифологических представлений, эпической поэзии, искусства, архитектуры и т. п. Вероятно, все они укоренились в среде общинников-земледельцев и именно благодаря этому были спасены от полного забвения. Но в той же общинной среде могла сохраниться, поскольку это имело жизненно важное значение для самой общины, также и определенная часть накопленного микенским обществом технического потенциала. В противном случае нам было бы трудно объяснить, как греческие металлурги сумели в условиях страшного упадка производительных сил страны, наглядно засвидетельствованного археологией, так быстро освоить довольно сложную технологию обработки железа. В общий фонд аккумулированных и сбереженных земледельческой общиной традиций микенской эпохи могли входить, кроме того, некоторые более или менее устойчивые формы социальной стратификации и отношений собственности, в которых нашли свое отражение (хотя бы неполное и приглушенное) важные качественные сдвиги, происшедшие в жизни микенского общества в период его наибольшего процветания.

В этой связи нам хотелось бы определить более четко свое отношение к известному взгляду на микенское общество (его разделял, в частности, как это следует из приведенной выше цитаты, и Я. А. Ленцман) как на результат своеобразного симбиоза двух различных формаций: раннеклассовой и первобытнообщинной, соединенных в рамках одной политической системы⁵². Вероятно, оценки такого рода более или менее оправданы, когда речь идет о наиболее ранних этапах в формировании микенской цивилизации, например о периоде так называемых «шахтовых могил», но при характеристике более поздних, а тем более завершающих этапов того же процесса они едва ли могут быть приняты без всяких оговорок. При всех скидках на крайний консерватизм и даже застойность первобытной земледельческой общины было бы трудно представить, чтобы длившееся несколько столетий подряд сосуществование этой общины с социальными структурами совсем иного порядка, каковыми, безусловно, могут считаться микенские дворцовые государства, прошло для нее совершенно

⁵¹ В архивных документах микенской эпохи территориальная община — дамос — фигурирует в качестве юридического лица, наделенного определенными правами и полномочиями, в частности правом распоряжения принадлежащими ему земельными фондами. См. *Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek*. Cambr., 1959, p. 390; *Palmer L. R. The Interpretation of Mycenaean Greek Texts*. Oxf., 1963, p. 188; *Lejeune M. Le damos dans la société mycénienne*. — REG, 1965, 368—370, 78, p. 6, 16; *Stella L. A. La civiltà micenea nei documenti contemporanei*. Roma, 1965, p. 60 sg.; *Maddoli G. Damos e basilees*. — SMEA, 1970, XII, p. 18 sg. Ср. *Полякова Г. Ф. Социально-политическая структура пилосского общества*. М., 1978, с. 249 сл., 265 сл.

⁵² Другой вариант по существу той же самой концепции был выдвинут в статье: *Паназоглу. К вопросу...; ср. Лурье С. Я. История Греции*. Ч. I. Л., 1940, с. 49 сл., 65; *Колобова. Греция XI—IX вв. до н. э.*, с. 10.

бесследно. Против такого допущения говорит буквально все, что нам известно о положении так называемого «общинно-частного сектора» в переднеазиатских обществах с двухсекторной экономикой (по определению И. М. Дьяконова) как более раннего времени, так и синхронных микенской эпохе в Греции⁵³. В обществах этого типа территориальная община выступает обычно в двойственной роли: с одной стороны, как основной носитель традиций и пережитков эпохи первобытнообщинного строя, что находит свое выражение в особой устойчивости общинной собственности на землю и воду, в длительном сохранении внутри общины таких форм социальной организации, как большая семья (домовая община), с другой же — как своеобразный генератор имущественного неравенства и частнособственнических тенденций. Двойственной была на Востоке и роль государственного экономического сектора в его отношениях к общине, поскольку государство в одно и то же время стимулировало рост имущественной и вообще социальной дифференциации внутри общины, оказывая поддержку общинной знати в ее конфликтах с рядовыми общинниками, и тормозило его, сдерживая развитие частной инициативы среди массы общинников посредством налогового гнета, а иногда и прямым вмешательством в их хозяйственную деятельность⁵⁴.

Можно предполагать, хотя для окончательных выводов мы пока еще не располагаем достаточной информацией, что такой же диалектически противоречивый характер носил процесс классового образования и в микенской Греции. Вероятно, и здесь мощный пласт первобытных традиций сохранялся на протяжении длительного времени в непосредственной близости от дворцовых центров внутри подвластных этим центрам общин. Однако по мере развития микенских государств и усложнения их социально-экономической структуры этот пласт должен был подвергаться все более и более усиливающейся эрозии. Сквозь него начинали пробиваться первые ростки частной собственности и классового антагонизма⁵⁵.

По всей видимости, этот процесс не был прерван и после крушения микенской цивилизации с последовавшей за ним реставрацией первобытнообщинного строя. Объективно распад микенских бюрократических монархий с типичной для них системой фискального гнета и контроля за поведением податного населения должен был способствовать экономической эмансипации патриархальной крестьянской семьи — ойкоса, за которой рано или поздно, вероятно, последовало бы и полное раскрепощение частной хозяйственной инициативы мелкого собственника⁵⁶. Конечно, нельзя сбрасывать со счета и факторы, действовавшие в противоположном направлении и тормозившие развитие частнособственнических отношений в послемикенской Греции. Одним из таких факторов был, безусловно, длительный экономический застой и запустение наиболее процветавших до этого районов страны. Появление на их территории отсталых пастушеских племен, переселявшихся с севера — из Эпира и Македонии,

⁵³ Дьяконов И. М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей. — ВДИ, 1963, № 1; *он же*. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. — ВДИ, 1968, № 3; История древнего мира/Под ред. Дьяконова И. М. Т. I. Ранняя древность. М., 1982, с. 33 слл.

⁵⁴ О двойственной роли государства в процессе так называемой «приватизации» см. Васильев Л. С. Проблемы генезиса Китайского государства. М., 1983, с. 55.

⁵⁵ Вполне возможно, что сама община при этом постепенно эволюционировала от более архаичной родовой формы к соседской или сельской. Ср. Богаевский Б. Л. Крито-микенская эпоха. — История древнего мира/Под ред. Ковалева С. И. Т. II, ч. I. М., 1936, с. 104 слл.; Блаватская Т. В. Ахейская Греция. М., 1966, с. 106.

⁵⁶ Ср. Sarkady J. Outlines of the Development of Greek Society in the Period between the 12th and 8th Cent. B. C. — Acta Antiqua Acad. Scient. Hungar., 1975, XXIII, 1—2, p. 122; *idem*. Die Rolle der asiatischen Produktionsweise in der griechischen Entwicklung und das Problem der Entstehung der antiken Produktionsweise. — Oikumene, 1978, 2, S. 50; Bockisch G. Voraussetzungen und Anfänge der antiken Produktionsweise. — EAZ, 1975, 16, S. 236 ff.; *eadem*. Die Rolle der Volksmassen bei der Entstehung der frühen Polis (12—8 Ch. v. u. Z.). — In: Rolle der Volksmassen in der Geschichte der vor-kapitalistischen Gesellschaftsformationen. B., 1975, S. 88 ff.

также могло на некоторое время задержать вызревание новых форм собственности в среде местного населения⁵⁷.

Тем не менее силы исторической инерции, накопленной греческим обществом в течение микенской эпохи, хотя и подспудно, но все же продолжали прокладывать себе дорогу. В немалой степени этому способствовало радикальное обновление технологической базы греческой экономики, происшедшее уже в начальной фазе «темных веков». Исследования последних лет показали, что уже в X в. до н. э. Греция становится одним из ведущих очагов индустрии железа в пределах Восточного Средиземноморья, далеко опередив в производстве изделий из этого металла Сирию, Анатолию и Египет и уступая одной только Палестине⁵⁸. В связи с этим было высказано предположение, что столь быстрое освоение технологии обработки железа в значительной мере стимулировалось хронической нехваткой олова, что вело к резкому снижению производства бронзы⁵⁹. Действительно, общее число бронзовых изделий в этот период заметно сокращается почти во всех странах региона. Из железа теперь изготавливаются не только различные виды оружия и орудий труда, но также и украшения (кольца, браслеты), фибулы, булавки и т. п. изделия, в производстве которых в нормальных условиях железо едва ли могло бы успешно конкурировать с бронзой⁶⁰. Правда, уже в следующем, IX столетии бронза частично вернула утраченные ею позиции. Снова появляются разнообразные изделия из этого металла, в том числе и такие крупные предметы, как котлы и треножники⁶¹. Тем не менее ни в IX, ни в последующих столетиях бронза так и не смогла полностью восстановить свое господствующее положение в средиземноморской металлургии. Железо продолжало использоваться для изготовления всех рубящих, режущих и колющих орудий как военного, так и мирного назначения. Очевидно, за этот сравнительно короткий промежуток времени обнаружился целый ряд важных преимуществ нового металла перед бронзой. Преимущества эти заключались не только в сравнительной дешевизне железа, связанной с относительно широкой распространенностью его месторождений, но, несомненно, также и в его более высоких технических качествах, что подтверждается данными металлографического анализа древнейших железных артефактов⁶².

Являясь симптомом и одновременно следствием экономического упадка, оскудения и изоляции, столь характерных для Греции на начальной

⁵⁷ Вполне вероятно, что дорийцы и другие пришлые племена принесли с собой более архаичные и, видимо, также более жесткие формы гентильной организации с еще неизжитыми принципами коллективизма в хозяйственной жизни. Однако эти формы могли удержаться лишь там, где пришельцы жили в относительной изоляции, не смешиваясь с местным населением. Там же, где процесс культурной ассимиляции шел более интенсивно, они должны были постепенно исчезать, уступая место более гибким социальным структурам. Перенимая у своих предшественников их образ жизни и хозяйственный уклад, «северные варвары», несомненно, усваивали также и их психологию, и в частности их отношение к собственности. Ср. *Лурье. История Греции*, с. 65; *Блаватская. Греческое общество ...*, с. 50 сл.; *Bockisch. Voraussetzungen und Anfänge...*, S. 236.

⁵⁸ *Waldbaum. Op. cit.*, p. 36, tabl. III, 10.

⁵⁹ *Ibid.*, p. 72; *Maddin R., Muhly J. D., Wheeler T. S. How the Iron Age Began.* — *Scientific American*, 1977, 10, 4, p. 122. Ср. *Snodgrass. Op. cit.*, p. 237 ff.: *Desborough. The Greek Dark Ages*, p. 316 f.

⁶⁰ *Waldbaum. Op. cit.*, p. 42, tabl. IV, 3; p. 48, tabl. IV, 7; *Desborough. The Greek Dark Ages*, p. 317.

⁶¹ *Snodgrass. Op. cit.*, p. 239; *Desborough. The Greek Dark Ages*, p. 318; *Bouzek. Op. cit.*, S. 116, 140.

⁶² По мнению американских специалистов, занимавшихся этой проблемой, уже в X в. до н. э., а может быть, даже и раньше был открыт способ получения железа повышенной твердости или «осталенного железа» (stealed iron), превосходившего бронзу по всем основным техническим показателям. См. *Maddin, Muhly, Wheeler. Op. cit.*, p. 126 ff. Ср. *Waldbaum. Op. cit.*, p. 68 ff.; *Forbes R. J. Bergbau, Steinbruchtätigkeit und Hüttenwesen.* — *Archaeologia Homerica*. B. 2, K. K. Göttingen, 1967, S. 30; *Pleiner K. R. Iron working in Ancient Greece. Praha*, 1969, p. 10; *Snodgrass. Op. cit.*, p. 215 f., 230.

стадии «темных веков», происшедший технический переворот вместе с тем с самого начала таил в себе мощный импульс нового движения вперед. Выказанная в 1942 г. мысль Г. Чайлда о «демократизирующем» воздействии железа на сельское хозяйство, ремесленное производство и военное дело едва ли может быть сейчас оспорена, и пример послемикенской Греции здесь как нельзя более уместен⁶³. Открытие способа обработки железа имело своим основным результатом резкое увеличение общей массы металла, находящегося в обращении, и, следовательно, более равномерное распределение его запасов между отдельными производственными ячейками, т. е. патриархальными семьями. Благодаря более дешевым и вместе с тем более эффективным орудиям труда вырос экономический потенциал малой семьи и в то же время уменьшилась ее зависимость от социальных организмов второго и третьего порядка, т. е. большой семьи, общины и т. д. Широкое внедрение железа в экономику Греции сделало невозможным ее возвращение вспять к централизованным дворцовым хозяйствам микенской эпохи. Эта система хозяйственной интеграции в значительной мере базировалась на государственной монополии в металлургии и некоторых других ведущих отраслях ремесленного производства и теперь, когда основной индустриальный металл стал практически общедоступен, перестала себя оправдывать⁶⁴. Таким образом, в ситуации, создавшейся после падения микенской цивилизации, железо должно было сыграть роль своеобразного катализатора, значительно ускорившего процесс нарастания частнособственнических, индивидуалистических тенденций в социально-экономическом развитии греческого общества, благодаря чему его структура стала более подвижной и пластичной, легче поддающейся всевозможным изменениям⁶⁵.

Необратимость глубоких внутренних изменений, пережитых греческим обществом в течение II тыс. до н. э., стала совершенно очевидной на заключительной стадии «темных веков», и первые ясно выраженные ее симптомы мы находим в гомеровском эпосе.

Этот древнейший памятник греческой литературы стоит как бы на грани двух больших исторических эпох: подводя итоги периода послемикенского регресса, он в то же время во многом уже предвосхищает приближающуюся «архаическую революцию»⁶⁶. В поэмах отразились

⁶³ Childe G. What Happened in History. L., 1942, p. 183; он же. Прогресс и археология. М., 1949, с. 76 сл. Задолго до Чайлда Энгельс назвал железо «последним и важнейшим из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 163), имея в виду прежде всего увеличение производительности труда, связанное с внедрением в производство железных орудий, более эффективных, чем бронзовые или медные.

⁶⁴ Ср. Heichelheim Fr. An Ancient Economic History. V. I. Leiden, 1958, p. 196 ff.; Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Т. II. Первые философы. М., 1959, с. 173.

⁶⁵ Некоторые авторы впадают в явное преувеличение, называя железо главным и даже единственным фактором, обусловившим историческую специфику греческой цивилизации. См., например, Wason C. R. Iron and Steel.— Acta Antiqua Acad. Scient. Hungar., 1978, XXVI, 3/4, p. 272 f.; Bakhuizen S. C. Greek Steel.— World Archaeology, 1977, 9, 2, p. 229 ff. Такой подход к решению проблемы «греческого чуда» представляется нам слишком упрощенным и методологически неверным. Учитывая глобальный характер так называемой «революции раннежелезного века» (см. о ней Schlette Fr. Zur früheisenzeitlichen Revolution der Produktiv-Kräfte.— Klio, 1979, 61, 2), с одной стороны, и уникальность античного пути развития — с другой, гораздо логичнее было бы предположить, что своим возникновением этот феномен был обязан весьма сложному и практически нигде более не встречающемуся стечению исторических обстоятельств, включавшему в свой состав в числе прочих факторов также и индустрию железа. Ср. Snodgrass. Op. cit., p. 239; Starr Ch. G. The Economic and Social Growth of Early Greece. 800—500 B. C. N. Y., 1977, p. 25, not. 3; Herrmann J., Müller R. Kontroverse Probleme der griechischen Kulturgeschichte.— Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1980, 28, 6, S. 559 f.; Sarkady. Die Rolle der asiatischen Produktionsweise..., S. 50.

⁶⁶ В соответствии с этим мы включаем в понятие «гомеровского периода» в основном IX и VIII века до н. э. или время господства геометрического стиля в греческом искусстве. Ср. Schadewald W. Homer und sein Jahrhundert.— In: Das Neue Bild der

наиболее важные специфические черты нового варианта доклассового общества, ставшего отправной точкой в развитии античной цивилизации. Судя по целому ряду признаков, для него была характерна довольно далеко продвинувшаяся социальная стратификация⁶⁷. Эпическое общество представляет собой достаточно сложную социальную систему, складывающуюся из нескольких групп или слоев с различающимся правовым статусом (правовые различия в свою очередь обусловлены различиями в происхождении или имущественном положении). Таковыми группами могут считаться, с одной стороны, знать и рядовые общинники, с другой — полноправные члены общины и лица, стоящие вне общинной организации и в силу этого находящиеся в зависимости от представителей первой из этих двух категорий, как, например, рабы, феты и так называемые «слуги».

Правда, гомеровская знать, судя по всему, еще не успела стать ни сословием, ни тем более классом в том значении слова, которое вкладывается в него марксистской исторической наукой⁶⁸. Мы не находим в поэмах никаких указаний на систематическую эксплуатацию знатью рядовых свободных общинников. Так называемые «дары», о которых время от времени упоминает Гомер, скорее всего носили характер эпизодических поборов в пользу родовых вождей — басилеев. По существу аристократические семьи составляли в эпическом обществе лишь верхушечную часть демоса, прослойку наиболее зажиточных крестьян, еще не отделившуюся в полной мере от основной массы свободных земледельцев. Также и рабство еще не играет сколько-нибудь заметной роли в хозяйственной жизни гомеровской общины в силу малочисленности самих рабов и ограниченных возможностей применения их труда⁶⁹. Перед нами, таким образом, по сути своей еще доклассовое общество, очень далеко отстоящее и от сложной иерархии сословий — должностей микенской эпохи⁷⁰, и от развитого рабовладельческого строя.

Тем не менее изображенная Гомером социальная система не укладывается и в стереотипное представление о родовом строе как абсолютной антитезе классового общества. В экономической жизни гомеровского общества на первый план решительно выдвигается изолированный ойкос, т. е. автономное хозяйство малой патриархальной семьи⁷¹. Нигде в эпосе мы не находим никаких упоминаний о родовом хозяйстве или родовой собственности на землю и другие средства производства⁷². Вообще род как особая социальная группа, объединенная общими экономическими или какими-нибудь иными интересами, Гомером практически игнорируется,

Antike. B. I. Lpz, 1942; *Finley*. The World of Odysseus, p. 48, 154 ff.; *Starr*. The Economic and Social Growth..., p. 7 f.; 120; *Greenhalgh P. A. L.* Early Greek Warfare. Cambr., p. 170; *Snodgrass A. M.* An Historical Homeric Society?— JHS, 1974, 94.

⁶⁷ Ср. *Calhoun G. M.* Classes and Masses in Homer.— CPh, 1934, 29, 3; *Rose P. W.* Class Ambivalence in the Odyssey.— Historia, 1975, XXIV, 2; *Starr*. The Economic and Social Growth..., p. 119 ff.

⁶⁸ Довольно обычное в западной литературе сближение гомеровской знати с феодальной аристократией европейского средневековья не имеет под собой никакой почвы. См. *Pöhlmann R.* Aus Altertum und Gegenwart. München, 1911, S. 153 ff.; *Hasebroek J.* Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte. Tübingen, 1931, S. 18 f.; *Schachermeyr Fr.* Griechische Geschichte. Stuttgart, 1960, S. 83 ff. Ср. *Strassburger H.* Die soziologischen Aspekte der homerischen Epen.— Gymnasium, 1953, 60, S. 59 ff.

⁶⁹ Патриархальные черты в быту гомеровской знати, несомненно, связаны с весьма еще ограниченным распространением рабства. См. *Тюменев А. И.* Гомеровская Греция и разложение родового строя.— В кн.: История древнего мира/Под ред. Ковалева С. И. Т. II, ч. I. М., 1936, с. 124 сл. Ср. *Ленцман*. Рабство..., с. 262 слл.

⁷⁰ Ср. *Nilsson M. P.* Homer and Mycenae. L., 1933, p. 230 f.; *Will Ed.* Aux origines du régime foncier grec: Homère, Hésiode et l'arrière plan mycénien.— REA, 1957, 49, p. 48.

⁷¹ *Richter W.* Die Landwirtschaft im homerischen Zeitalter.— Archeologia Homerica. B. II, K. H. Göttingen, 1968, S. 15 ff.

⁷² Ср. *Guiraud P.* La propriété foncière en Grèce. P., 1893, p. 46 sq., *Glotz G.* La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce. P., 1904, p. 327 suiv.

и это едва ли случайно⁷³. В полном соответствии с таким положением вещей гомеровская система землевладения фактически базируется на, может быть, пока еще негласном, но в общем вполне очевидном признании принципа частной собственности⁷⁴. Земельные участки (клеры) прочно закреплены за отдельными семьями и, видимо, уже не подлежат никаким переделам. Право свободного распоряжения землей простирается вплоть до дробления при передаче по наследству и, вероятно, также отчуждения, хотя мы и не знаем, какими способами оно производилось. Как бы то ни было, иначе трудно было бы объяснить появление в эпическом обществе двух противоположных социальных категорий, представителей которых сам поэт называет «многонадельными» и «безнадельными мужами» (πολύκληροι и ἄκληροι)⁷⁵. Основу ярко выраженного индивидуализма гомеровских героев следует, таким образом, искать не только в чисто эстетической плоскости, т. е. в жанровых особенностях самого героического эпоса, но и в плоскости вполне реальных социально-экономических отношений, характерных для периода становления эпической традиции.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что все эти частнособственнические и индивидуалистические тенденции развивались и вызревали в лоне традиционной, по всей видимости, унаследованной еще от микенской эпохи общинной организации. Являясь основной ячейкой непрерывно меняющегося общества, сама община, естественно, также не могла оставаться неизменной. Можно предполагать, хотя мы и не располагаем пока прямыми подтверждениями этой догадки, что она постепенно эволюционировала на протяжении всего периода «темных веков», меняя как свою внешнюю форму, так и внутреннюю структуру. Однако, несмотря на все происходившие с ней метаморфозы, община оставалась стабильным и в высшей степени жизнеспособным социальным организмом, о чем свидетельствует набор устойчивых наследственных признаков, присущий как гомеровской форме общины, так и последующим ее модификациям. Такими признаками могут считаться: 1) система гентильных или, может быть, квазигентильных союзов (фратрий и фил), образующая структурный «каркас» общины; 2) система внутреннего самоуправления, основным стержнем которой является народное собрание, охватывающее всех полноправных членов общины; 3) определенный минимум экономических и социальных прав, отличающий полноправного общинника от «чужака». Важнейшим из этих прав было, безусловно, право владения землей на территории общины. Осуществляя контроль над всеми земельными наделами на принадлежащей ей территории, сама община, по крайней мере «теоретически», продолжала считаться их верховным собственником, хотя на практике это, по-видимому, не препятствовало развитию внутри нее совсем иных форм собственности.

Все эти признаки гомеровской территориальной общины были в дальнейшем унаследованы пришедшим ей на смену рабовладельческим полисом. В этой связи нам хотелось бы еще раз подчеркнуть⁷⁶, что специфика античного, и в частности греческого, варианта политогенеза именно в том

⁷³ Bourriot F. Recherches sur la nature du Génos. T. 1. Lille — Paris, 1976, p. 255 suiv.; Андреев. Раннегреческий полис, с. 75 сл.

⁷⁴ Пельман Р. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910, с. 12; Weiss E. Kollektiveigentum. — RE, XI, Sp. 1087, Finley M. I. Homer and Mycenae: Property and Tenure. — Historia, 1957, VI, p. 153; Richter. Die Landwirtschaft..., S. 13; Sarkady. Outlines..., p. 122 f.; ср. Свенцицкая И. С. Некоторые проблемы землевладения по «Илиаде» и «Одиссее». — ВДИ, 1976, № 1, с. 60.

⁷⁵ Пельман. Ук. соч., с. 21; Свенцицкая. Ук. соч., с. 55; Андреев Ю. В. К проблеме гомеровского землевладения. — В сб.: Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982, с. 16 сл.

⁷⁶ См. также Андреев Ю. В. Античный полис и восточные города-государства. — В сб.: Античный полис. Л., 1979, с. 20 сл.; он же. Начальные этапы становления греческого полиса. — В сб.: Город и государство в древних обществах. Л., 1982, с. 9 сл. Ср. Свенцицкая. Ук. соч., с. 60 сл.

и заключается, что здесь этот процесс вплоть до очень позднего времени протекал в тесных рамках обособленной самоуправляющейся общины, первоначально сельской, а в дальнейшем (начиная примерно с VIII — VII вв. до н. э.) городской ⁷⁷. Политическая консолидация племен и племенных союзов развивалась в Греции в силу целого ряда причин (отсутствие постоянной внешней угрозы, снижавшее «эффект трибализации», исключительно высокий уровень мобильности населения и т. п.) крайне замедленными темпами. Лишь в конце VI—V в. до н. э. здесь появляются некие подобию федеративных государств, созданных на племенной основе (Фессалийская лига, Беотийский союз), но и они в сущности представляли собой лишь более или менее стабилизированные конгломераты в общем вполне самостоятельно развивавшихся и потому постоянно тяготевших к политическому сепаратизму полисных общин. Мы не располагаем никакими данными, которые могли бы свидетельствовать о том, что племя (этнос) исторически предшествовало возникновению полиса как вполне устойчивая политическая общность или своего рода государство (*Stammstaat*), хотя некоторые западные авторы до сих пор еще придерживаются именно такого мнения ⁷⁸. На эпической сцене этнос представлен лишь как эфемерный военный союз нескольких или иногда многих общин, распадающийся сразу же после окончания похода или другой совместной военной акции (гипертрофированной формой такого союза может считаться ахейская коалиция, осаждавшая Трои). В остальном здесь безраздельно доминирует изолированная территориальная община, имеющая своим главным центром единичное поселение городского или скорее квазигородского типа — полис ⁷⁹.

Венгерский историк Я. Шаркади справедливо отмечает внутреннюю противоречивость и даже парадоксальность отображенной в поэмах Гомера исторической ситуации: «Общество, базирующееся на частной собственности и еще доклассовое, может показаться противоречивым феноменом. В каком-то роде это, конечно, — исключение, возникшее при особых обстоятельствах, переходная форма в длинном ряду, где частная собственность могла мирно сосуществовать с пережитками родовой системы и доминирующей ролью общины» ⁸⁰. Это «исключение из правила» имело, однако, далеко идущие последствия и в значительной мере предопределило все дальнейшее развитие греческого общества. Фактически, как считает тот же Шаркади, уже в гомеровское время в Греции сложилась специфическая античная форма собственности или, согласно известному определению Маркса, «совместная частная собственность активных граждан государства» ⁸¹. Тогда же во многом определилось и доминирующее направление в развитии античной государственности — в сторону все большего упрочения и дальнейшего совершенствования общинной организации ⁸².

⁷⁷ Впрочем, во многих районах греческого мира грань, разделяющая эти две формы общины, оставалась трудно различимой еще долгое время спустя после этой начальной стадии процесса урбанизации. См. *Kirsten E. Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. Bonn, 1956, S. 92 ff.*; *Martin R. L'Urbanisme dans la Grèce antique. P., 1974, p. 13*; *Starr. The Economic and Social Growth..., p. 31, 98*; *Кошленко Г. А. Полис и город: к постановке проблемы. — ВДИ, 1980, № 1, с. 3 слл.*

⁷⁸ *Gschnitzer Fr. Stammes- und Ortsgemeinden im alten Griechenland. — In: Zur griechischen Staatskunde. Darmstadt, 1969, S. 271 ff.*; *idem Stadt und Stamm bei Homer. — Chiron, 1971, 1, S. 16 ff.* Cp. *Starr. The Origins..., p. 126 f.*; *Ehrenberg V. Der Staat der Griechen. Stuttgart, 1965, S. 9*; *Snodgrass A. Archaic Greece. The Age of Experiment. Berkeley — Los Angeles, 1981, p. 42 ff.*

⁷⁹ *Андреев. Раннегреческий полис, с. 55 сл.*

⁸⁰ *Sarkady. Outlines..., p. 122 f.*

⁸¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 21.*

⁸² Шаркади впадает в известное преувеличение, относя возникновение «установленной и законченной формы полиса» к IX—VIII вв. до н. э. (*Sarkady. Outlines..., p. 123 f.*). Еще более ранним временем — XI—X вв. до н. э. датирует это событие Г. Бокиш (*Voraussetzungen und Anfänge..., S. 237 ff.*). В действительности «темные

Одновременно формировался и соответствующий этому новому типу общества и государства тип культуры. Наиболее ранним и вместе с тем наиболее глубоким его воплощением с полным правом может быть назван все тот же гомеровский эпос. Пожалуй, никакой другой памятник греческой литературы не отразил так полно и разносторонне важнейшие особенности этнической психологии древних греков, их мировосприятия, их художественного видения, морали и религиозных верований (отсюда, вне всякого сомнения, идет непреходящая популярность Гомера на протяжении всей истории античного мира). Общегреческое признание гомеровских поэм, еще более раннее принятие всеми эллинами основных норм и догматов олимпийской религии, широкое распространение геометрической вазовой живописи — все эти факты свидетельствуют о том, что решающая фаза в процессе этногенеза и одновременно культурогенеза греческой народности была пройдена еще в IX—VIII вв. до н. э., т. е. при переходе от «темных веков» к эпохе архаики⁸³.

Таким образом, исходная «формула» греческой цивилизации (или то, что можно было бы назвать ее «генетическим кодом»), во многом определившая своеобразие ее исторического пути, была найдена еще до начала так называемой «архаической революции» или, может быть, в самом ее начале, если считать, что «революционная эра» включала в себя все VIII столетие, а не только вторую его половину⁸⁴. Только так, очевидно, можно объяснить ту огромную силу сопротивляемости, которую выказала молодая эллинская культура, вступив с началом Великой колонизации в непосредственное соприкосновение с гораздо более древними и развитыми культурами Передней Азии. Хотя и очень многим обязанная влиянию этих культур, она тем не менее не растворилась в них без остатка, сохранив свое собственное лицо, свою неповторимую оригинальность, сумев до конца развить те начала, которые были заложены в ней еще в дописьменную эпоху. В свою очередь это доказывает, что она была уже подготовлена к этой встрече, что столетия культурного регресса и изоляции не прошли для нее бесплодно и что, выдержав все испытания «темных веков», греческий народ, наконец, обрел некую приемлемую для него альтернативу безвозвратно исчезнувшей микенской цивилизации. Правда, на фоне блестящих культур бронзового века, а также современных ей цивилизаций Ближнего Востока новая эллинская цивилизация могла показаться довольно-таки отсталой и архаичной. Возможно, именно смутное сознание своей культурной «неполноценности» заставляло греков архаической эпохи смотреть на самих себя как на «больное позднее потомство» давно исчезнувшего поколения героев. В некоторых отношениях наследие послемикенского регресса не было изжито греческим обществом вплоть до эпохи эллинизма и римского завоевания. В сущности так и не была преодолена до конца унаследованная от «темных веков» политическая дезинтеграция. Оставляя в стороне такие ярко выраженные отклонения от нормы, как Афины и Спарта, нельзя не заметить, что типичный греческий полис архаического и классического периодов сильно уступал предшествующему ему дворцовому государству как территориально, так и

века» знали лишь некую зачаточную форму полиса, его архетип (протополис), который еще не был ни городом, ни государством (ввиду отсутствия классов) в собственном значении этих двух слов, хотя потенциально уже заключал в себе обе эти тенденции дальнейшего развития.

⁸³ Как показывает распространение геометрической керамики, уже к концу IX в. до н. э. основная часть островов и побережий Эгейского бассейна объединилась в один этнокультурный регион, четко ограниченный от всего окружающего мира и занимающий свое особое место как среди варварских культур европейского континента, так и среди цивилизаций Передней Азии. См. *Starr. The Origins...*, p. 107 ff. Cp. *Snodgrass. The Dark Age of Greece*, p. 402.

⁸⁴ Cp. *Ehrenberg V. Epochs of Greek History.— Greece and Rome*, 1960, VII, 2, p. 105 f.; *Starr. The Origins...*, p. 381; *idem. The Economic and Social Growth...*, p. 3 ff.; *Snodgrass. Archaic Greece*, p. 15 ff.

в численности населения⁸⁵. Намного проще была и его внутренняя структура. Община, конституированная как государство, обходилась без налогов и податей, без существующего специально для их выколачивания бюрократического аппарата, да и вообще не знала, что такое «публичная власть, отделенная от массы народа»⁸⁶. Не знала она и сложной иерархии сословий, отдаленно напоминающей позднейший феодализм и основанной на функциональной стратификации общества. Основную массу населения полиса составляли свободные крестьяне, защищенные от эксплуатации своим гражданским статусом, т. е. принадлежностью к общине (напомним, что в микенское время именно принадлежность к общине превращала человека в податную единицу, делая его объектом эксплуатации). С точки зрения полноты и завершенности процесса классового образования это была явная утрата накопленного количества, но при столь же очевидном выигрыше в качестве⁸⁷.

В отличие от микенской монархии, представлявшей собой своеобразный паразитический нарос на основном общинном субстрате раннегреческого общества, новый тип государства возник в результате ряда последовательных модификаций первобытной территориальной общины и, следовательно, был прямым порождением этого субстрата, можно сказать, «плотью от его плоти». По-видимому, этим и объясняется его исключительная жизнестойкость и вместе с тем способность к адаптации в постоянно меняющейся исторической обстановке. Небольшие полисные общины сравнительно легко передвигались с места на место и так же легко делились на самостоятельные сегменты, что было одной из важнейших предпосылок широкой территориальной экспансии греческой народности в эпоху Великой колонизации и еще позже в эпоху эллинизма. Еще более важное значение имела, однако, чрезвычайная внутренняя подвижность или, может быть, лучше было бы сказать, пластичность нормального полиса (в этом плане его структура выгодно отличается от жестких «кристаллических» структур дворцового государства эпохи бронзы)⁸⁸. Именно это его качество создавало оптимальные условия для развития частной инициативы в сфере экономики, так же как и для индивидуальных творческих поисков в сфере культуры.

Разумеется, для того чтобы эти здоровые начала, заложенные в самой природе полисной общины, не заглохли и смогли по-настоящему развиваться, необходимо было еще очень многое, в частности, благоприятная экономическая ситуация, сложившаяся в прибрежной зоне Эгейского бассейна в VIII—VI вв. до н. э., крушение господства аристократии, радикальная реформа военного дела (введение гоплитской фаланги), настойчивая преобразовательная деятельность нескольких поколений законодателей, заложивших основы демократической конституции полиса и т. д.

Не менее справедливо, однако, было бы и обратное утверждение: блестящие достижения архаической эпохи были бы невозможны без радикальной ломки микенского миропорядка и следующих за нею столетий

⁸⁵ Несколько десятков вполне самостоятельных полисов размещались, например, на территории одного только Крита, хотя в минойско-микенское время весь остров составлял единое государство с центром в Кноссе.

⁸⁶ В одной из своих недавних работ Е. М. Штаерман (К проблеме эволюции римского государства. — Кlio, 1982, 64, 1) показывает на примере Римской республики, что полис может в течение весьма длительного времени оставаться в состоянии перехода со стадии территориальной общины на стадию «настоящего государства». Не следует ли отсюда, что это было вообще его нормальное состояние? Ср. Кошеленко Г. А. Древнегреческий полис. — В кн.: Античная Греция. Т. I. М., 1983, с. 31 слл.

⁸⁷ Раньше чем где бы то ни было процесс классового образования завершился в тех районах Греции, где имело место завоевание и порабощение завоевателями местного населения (Спарта, Крит, Фессалия). Не случайно, однако, что именно эти «передовые» районы довольно быстро оказались на «точке замерзания» в своем экономическом и культурном развитии.

⁸⁸ Разумеется, эта подвижность имела свои пределы, выходя из которых она грозила нарушить естественный гомеостазис гражданской общины и привести ее к гибели.

культурного упадка и застоя. При всей их внешней непродуктивности эти столетия не могут быть изъяты из истории древней Греции как какое-то лишнее звено. В конечном счете гибель дворцовых государств и всей связанной с ними рафинированной элитарной культуры, так же как и последовавшая за этой катастрофой реставрация первобытнообщинного строя практически на всей территории Греции, оказались явлениями, исторически оправданными, ибо только ценой всех этих потерь греческое общество смогло обрести «свободу маневра», необходимую для поисков новых, более перспективных путей развития⁸⁹. В значительной мере открывшиеся при этом возможности были использованы уже в пределах периода «темных веков», особенно на завершающей его фазе. Судя по ряду признаков, в это время в Греции уже был заложен фундамент цивилизации нового типа, а дальнейшее развитие шло в основном по линии закрепления и совершенствования однажды приобретенных качеств. Таким образом, послемикенский регресс стал необходимым условием и залогом нового, еще более стремительного движения вперед.

⁸⁹ О роли такого рода периодов «социологического вакуума» в истории человечества см. Гуревич А. Я. Об исторической закономерности.— В сб.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 68. Ср. *Starr. The Origins...*, p. 73 f.

THE QUESTION OF POST-MYCENAEAN REGRESSION

Yu. V. Andreyev

It becomes more and more obvious that in its origins Greek civilisation was attended by catastrophic upheavals and profound formational shiftings, now towards progress, now towards regress. After the downfall of the Mycenaean palace civilisation in the 12th and 11th centuries B. C. Greek society was thrown back to the primitive-social stage, more and more losing touch with the most important cultural achievements of the Bronze Age. However, the new type of Greek pre-class society, the so-called Dark Ages, was not a simple reversion to the past. It was, on the whole, a repetition of past experience on a qualitatively higher level of social development. Apparently at the beginning of the I millennium B. C. important changes took place in the over-all balance of the forces which had been leading Greek society along the path from barbarism to civilisation. Significant economic and social factors came into play, the clearest example being the introduction of the iron industry. Another probable change is that which resulted in an internal re-structuring of the Greek agricultural community, which had been gradually evolving in the Mycenaean socio-economic system from a more archaic clan form to the village or neighbourhood community. All this made impossible a regeneration of the Mycenaean socio-economic system and its corresponding forms of culture, with the end result that Greek society took a quite different path of development.

С. Н. Муравьев

TRADITIO HERACLITEA (A)

СВОД ДРЕВНИХ ИСТОЧНИКОВ О ГЕРАКЛИТЕ *

11. CRATYLVS — ΚΡΑΤΙΛ
(continuatio — продолжение)

9 (dubia)

T 65

{a) Plat. *Cratyl.* 428 C 1—8 (Burnet; Méridier) [post ← T 49]
Cratylus Socratae:

С ... φοβοῦμαι μέντοι μὴ τούτου πᾶν τούναντίον ᾔη,
ὅτι μοί πως ἐπέρχεται λέγειν πρὸς σέ τὸ τοῦ ' Ἀγγιλλέως
ὃ ἐκεῖνος ἐν Λιταῖς πρὸς τὸν Αἴαντα λέγει. φησὶ δὲ

5 Αἴαν Διογενὲς Τελαμώνιος, κοίρανε λαῶν,
πάντα τί μοι κατὰ θυμὸν ἐσίσω μυθήσασθαι.

καὶ ἐμοὶ σύ, ὦ Σώκρατες, ἐπεικῶς φαίνει κατὰ νοῦν χρη-
σιμοδεῖν, εἴτε παρ' Εὐθύφρονος ἐπίπνους γενόμενος, εἴτε
καὶ ἄλλη τις Μοῦσα πάσαι σε ἐνοῦσα ἐλελήθει.

(*Κρατὺλ Σοκράτῃ*) ... Однако я боюсь, как бы не вышло совершенно
наоборот, поскольку мне почему-то хочется обратиться к тебе с речью,
которую держит Аянту Ахилл в эпизоде мольбы: «Сын Теламонов, Аянт
Зевсородный, владыка народов, / Все, что сказал ты, я знаю, пришлось
по душе мне». И мне тоже, Сократ, твои вещания точно приились по
душе — потому ли, что тебя вдохновил Эвтифрон, или тебя уже давно
какая иная Муза исподтишка обуюла.

C 4 s. *Iliad.* IX, 644 s. || C 6 s. χρησιμοδεῖν etc.] cf. 396 D 3—9, 399 A 1, E 4 s.,
407 D 3-9, 409 D 1-3 et omnia caetera Socratis dicta a 391 A 5 usque ad 427 D 2

[BTW] C 2 πρὸς σέ λέγειν cod. Venetus 54 || C 5 ἐσίσω Cobet || C 6 φαίνει erra-
tum ap. Burnet || C 7 ἐπιγνοῦς B (sed corr. B^{mf}) || C 8 τις T : τίς BW

(b) 428 D 5—429 A 1

T 66

5 ΣΩ. ... δεῖ δὴ,
ὥς ἔοικε, θαμὰ μεταστρέφεσθαι ἐπὶ τὰ προσηρημένα, καὶ
πειρᾶσθαι, τὸ ἐκεῖνου τοῦ ποιητοῦ, βλέπειν «ἅμα πρόσσω
καὶ ὑπίσσω». καὶ δὴ καὶ νυνὶ ἡμεῖς ἰδωμεν τί ἡμῖν εἴρη-
E ται. ὀνόματος, φαμέν, ὀρθότης ἐστὶν αὕτη, ἥτις ἐνδείξ-
ται οἷόν ἐστι τὸ πρᾶγμα· τοῦτο φῶμεν ἱκανῶς εἰρησθαι;
ΚΡ. ἐμοὶ μὲν δοκεῖ πάνυ σφόδρα, ὦ Σώκρατες.
ΣΩ. διδασκαλίας ἄρα ἔνεκα τὰ ὀνόματα λέγεται;

* Продолжение. Начало см. ВДИ, 1984, № 4, с. 31—44; 1985, № 2, с. 16—28.

- 5 ΚΡ. πάνυ γε.
ΣΩ. οὐκοῦν φῶμεν καὶ ταύτην τέχνην εἶναι καὶ δη-
μιουργοῦς αὐτῆς;
ΚΡ. πάνυ γε.
ΣΩ. τίνας;

429 ΚΡ. οὐσπερ σὺ κατ' ἀρχὰς ἔλεγες, τοὺς νομοθέτας. seq. ← T 57

СОКРАТ ...Стало быть, следует часто возвращаться к уже говоренному и пытаться, по словам того же поэта, глядеть «сразу вперед и назад». Итак, давай посмотрим-ка и мы, что же нами было сказано. *Правильность имени*, говорили мы, *состоит в том, что оно нам покажет, какова вещь*. Примем ли мы, что этим достаточно сказано? — КРАТИЛ. По-моему, Сократ, вполне. — СО. Значит, *имена высказываются обучения ради*? — КР. Вполне. — СО. Разве мы тогда не скажем, что и *это — искусство* и что *у него свои мастера*? — КР. Вполне. — СО. Кто они? — КР. Те, о которых ты говорил в начале: *законодатели*.

D 7 s. *Iliad*. I, 343; III. 109 || E 1 s. cf. 422 D 1—3 || E 4 cf. 388 B 10 — C 1 ||
|| E 6—429 A 1 || cf. 388 D 6—389 A 3

[BTW] D 7 s. πρόσω κ. ὀπίσω W || D 8 οὖν T || εἰδῶμεν BW (sed ī supra eī W^{ss}) ||
|| E 2 τοῦτο T: καὶ τοῦτο BW || E 5 πάνυ μὲν οὖν W

T 67

(c) 430 A 6 — B 2, post ← T 57

ΣΩ. φέρε δὴ, εἴαν πηι διαλλαχθῶμεν, ὦ Κρατύλε· ἄρ'
οὐκ ἄλλο μὲν ἂν φαίης τὸ ὄνομα εἶναι, ἄλλο δὲ ἐκεῖνο οὐ
τὸ ὀνομά ἐστιν;
ΚΡ. ἔγωγε.

10 ΣΩ. οὐκοῦν καὶ τὸ ὄνομα ὁμολογεῖς μίμημά τι εἶναι τοῦ
B πράγματος;
ΚΡ. πάντων μάλιστα.

СОКРАТ. И все же, Кратил, попробуем-ка прийти к согласию. Небось и ты считаешь, что одно дело имя, а другое — то, чего оно имя? — КРАТИЛ. Считаю. — СО. Значит ты и с тем согласен, что *имя есть некое подражание вещи*? — КР. Совершенно согласен.

A 10 s. cf. 423 B 7 s.

[BTW] A 6 διαλλαχῶμεν Hirschig || ὦ om. W || A 7 τοῦνομα W

T 68

(d) 435 D 1 — 436 A 8

D ΣΩ. ... πόδε δέ μοι ἔτι εἰπέ μετὰ ταῦτα,
τίνα ἡμῖν δύναμιν ἔχει τὰ ὀνόματα καὶ τί φῶμεν αὐτὰ καλὸν
ἀπεργάζεσθαι;

ΚΡ. διδάσκειν ἔμοιγε δοκεῖ, ὦ Σώκρατες, καὶ τοῦτο πάνυ
5 ἀπλοῦν εἶναι, ὅς ἂν τὰ ὀνόματα ἐπίστηται, ἐπίστασθαι καὶ
τὰ πράγματα.

ΣΩ. ἴσως γάρ, ὦ Κρατύλε, τὸ τοιόνδε λέγεις, ὡς ἐπειδὴν
τις εἰδῇ τὸ ὄνομα οἷόν ἐστιν—ἔστι δὲ οἷόνπερ τὸ πρᾶγμα
E —εἴσεται δὴ καὶ τὸ πρᾶγμα, ἐπείπερ ὅμοιον τυγχάνει ὄν
τῷ ὀνόματι, τέχνη δὲ μία ἄρ' ἐστὶν ἡ αὐτὴ πάντων τῶν
ἀλλήλοις ὁμοίων. κατὰ τοῦτο δὴ μοι δοκεῖς λέγειν ὡς ὅς
ἂν τὰ ὀνόματα εἰδῇ εἴσεται καὶ τὰ πράγματα.

5 ΚΡ. ἀληθέστατα λέγεις.

ΣΩ. ἔχε δὴ, ἴδωμεν τίς ποτ' ἂν εἴη ὁ τρόπος οὗτος τῆς
διδασκαλίας τῶν ὄντων ὃν σὺ λέγεις νῦν, καὶ πότερον ἐστὶ
μὲν καὶ ἄλλος, οὗτος μέντοι βελτίων, ἢ οὐδ' ἐστὶν ἄλλος
ἢ οὗτος. ποτέρως οἶσι;

436 ΚΡ. οὕτως ἔγωγε, οὐ πάνυ τι εἶναι ἄλλον, τοῦτον δὲ
καὶ μόνον καὶ βέλτιστον.

ΣΩ. πότερον δὲ καὶ εὖρεσιν τῶν ὄντων τὴν αὐτὴν ταύτην
εἶναι, τὸν τὰ ὀνόματα εὐρόντα καὶ ἔκείνα ἡρῆκεναι
ὧν ἐστὶ τὰ ὀνόματα· ἢ ζητεῖν μὲν καὶ εὐρίσκειν ἕτερον δεῖν
τρόπον, μανθάνειν δὲ τοῦτον;

ΚΡ. πάντων μάλιστα καὶ ζητεῖν καὶ εὐρίσκειν τὸν αὐτὸν
τρόπον τοῦτον κατὰ ταῦτά. seq. ← T 61

СОКРАТ. ...Но вот что ты мне скажи еще кроме этого: какое для нас значение имеют имена, что хорошего они, так сказать, производят? — КРАТИЛ. По-моему, *они обучают*, Сократ: можно попросту сказать, что *кто познает имена, тот познает и вещи*. — СО. Может быть, Кратил, ты хочешь сказать, что *как только кто-то узнает, каково имя — а оно таково, какова и вещь, — то он будет знать и вещь, поскольку она оказывается подобной своему имени*, а заниматься всеми подобными друг другу вещами — дело одной и той же науки. В соответствии с этим ты и говоришь, как мне кажется, что *кто узнает имена, тот будет знать и сами вещи*. — ΚΡ. Ты высказал саму истину. — СО. Тогда, держись! Посмотрим-ка, что же это будет за способ обучения сущим вещам, о котором ты тут говоришь, нет ли какого-либо иного способа — хотя этот и лучше — или же никакого иного способа, кроме этого, вообще не бывает. Как ты думаешь? — ΚΡ. Я так думаю, что никакого иного способа не бывает вообще и что этот способ — единственный и наилучший. — СО. А постижение сущих вещей, по-твоему, то же самое? Тот, кто постигает имена, постигнет ли он и то, чему они имена? Или исследовать и постигать следует иным способом, а вот обучаться — этим? — ΚΡ. Вернее всего, что *и исследовать, и постигать следует точно так же, этим же самым способом*.

D 4—6 cf. 388 B 10 — C 1 et ← T 66 (E 1—4)

[BTW] D 5 ἐπίστασθαι om. T (sed in mg. add T^{mr}) || D 8 ἴδῃ T || E 3 κατὰ BT: καὶ γὰρ W || E 8 μὲν om. W || ἢ WB^{mr}: ἢ B : ἢ T || οὐδέν ἐστιν W || 436 A 3 καὶ om. W || αἴρεσιν T (εὖρεσιν in mg. add. T^{mr}) || A 4 κίκεῖνα W || A 5 ἢ B || A 8 τουτονὶ W || ταῦτά Heindorf : ταῦτα codd.

T 69

(e) 438 B 5 — C 4

5 ΣΩ. τίνα οὖν τρόπον φῶμεν αὐτοὺς εἰδότας θέσθαι ἢ
νομοθέτας εἶναι πρὶν καὶ ὅτι οὖν ὄνομα κεῖσθαι τε καὶ
ἐκείνους εἰδέναι, εἴπερ μὴ ἔστι τὰ πράγματα μαθεῖν ἄλλ'
ἢ ἐκ τῶν ὀνομάτων;

C ΚΡ. οἶμαι μὲν ἐγὼ τὸν ἀληθέστατον λόγον περὶ τούτων
εἶναι, ὃ Σώκρατες, μείζω τινὰ δύναμιν εἶναι ἢ ἀνθρω-
πίαν τὴν θεμένην τὰ πρῶτα ὀνόματα τοῖς πράγμασιν, ὥστε
ἀναγκαῖον εἶναι αὐτὰ ὀρθῶς ἔχειν. seq. ← T 62

СОКРАТ. Как же мы скажем, что они (учредители первичных имен) учреждали их со знанием дела и выступали как законодатели прежде, чем было установлено, хотя бы одно имя, и прежде, чем они знали имена, если вещи и впрямь нельзя исследовать иначе, как исходя из имен? — КРАТИЛ. По-моему, самое истинное, что об этом можно сказать, Сократ, это что *первичные имена учредила сила могущественнее человеческой, так что они необходимо правильны*.

B 5 αὐτοὺς] sc. τοὺς τὰ πρῶτα ὀνόματα τιθεμένους || C 1—4 cf. 397 C 1 s., 425 D 3—8

[BTW] B 6 κεῖσθαι BTW : θέσθαι in mg. T^{mr} || B 7 ἀλλ' ἢ BW : ἀλλῇ T

Plat. *Cratyl.* 429 B 1—6 (Burnet; Méridier) [← T 57]

- B ΣΩ. ἄρ' οὖν καὶ νομοθέται οἱ μὲν καλλίῳ τὰ ἔργα
αὐτῶν παρέχονται. οἱ δὲ αἰσχίῳ;
ΚΡ. οὐ μοι δοκεῖ τοῦτο εἶναι.
ΣΩ. οὐκ ἄρα δοκοῦσι σοι νόμοι οἱ μὲν βελτίους, οἱ δὲ
5 φαυλότεροι εἶναι;
ΚΡ. οὐ ὀῦτα.

СОКРАТ. Стало быть, и законодатели также — одни создают более красивые произведения, а другие — более уродливые? — КРАТИЛ. Вот тут я уже не согласен! — СО. Значит ты не согласен, что одни законы лучше, другие — хуже? — КР. Нет.

Cf. *Theaet.* 172 A—C et → T 114

Appar. III uide ad ← T 57 (B 1—6)

Plat. *Cratyl.* 429 D 4—6 (Burnet; Méridier) [← T 57]

- ΚΡ. πῶς γὰρ ἂν, ὦ Σώκρατες, λέγων γέ τις τοῦτο
5 ὃ λέγει, μὴ τὸ ὄν λέγοι; ἢ οὐ τοῦτο ἐστὶν τὸ ψευδῆ λέγειν,
τὸ μὴ τὰ ὄντα λέγειν; seq. ← T 37

КРАТИЛ. В самом деле, Сократ, как это можно, утверждая утверждаемое, не утверждать сущего? Разве утверждать ложное не есть утверждать не сущее?

Cf. ← T 63 (2—3), Plat. *Crat.* 385 B 2—11, *Euthyd.* 284 A—C, 285 D — 287 B, *RP* 389 C, 413 A, 478 BC, *Theaet.* 188 D — 189 B; Antisthen. *fr.* 49 (Caizzi) ap. Procl. in *Crat.* 37 (p. 12, 18 P.) 'Αντισθένης ἔλεγεν μὴ δεῖν ἀντιλέγειν πᾶς γάρ, φησί, λόγος ἀληθεύει· ὁ γὰρ λέγων τί λέγει· ὁ δὲ τί λέγων τὸ ὄν λέγει, ὁ δὲ τὸ ὄν λέγων ἀληθεύει (etiam Arist. *Metaph.* 1024^b32, *Top.* 104^b20; Diog. Laert. III, 35; IX, 53; etc.); Protagor. DK (= Untersteiner) 80 A 19—21; Prodic. ap. *papyr. s. IV p. C.* (Binder & Liesenborghs, *Mus. Helv.* 23 [1966] 37—43); Isocr. *Hel.* 1

[BTW] D 5 ῥ W : ῥ B : ῥ T

De rerum fluxu — О всеобщем течении

(Vide etiam Plat. *Cratyl.* 401 D — 422 C passim [partim cit. ap. → T 103, T 105] atque ← T 50 et T 65)

(a) Plat. *Cratyl.* 436 C 2—6 (Burnet; Méridier), post ← T 61

- (Cratylus Socratae) μέγιστον δέ σοι
ἔστω τεκμήριον ὅτι οὐκ ἔσφαλται τῆς ἀληθείας ὁ τιθέμενος·
οὐ γὰρ ἂν ποτε οὕτω ξόμφωνα ἦν αὐτῷ ἀπαντα. ἢ οὐκ
5 ἐνενόσεις αὐτὸς λέγων ὡς πάντα κατὰ ταῦτόν καὶ ἐπὶ ταῦτόν
ἐγίγνετο τὰ ὀνόματα;

(*Κρατίλ Σократу*) Вот тебе величайшее доказательство того, что учредитель не пошатнул истины: никогда б все имена вместе взятые не были бы так сообразны. Разве не так ты себе это представлял, когда говорил, что все имена возникли по одному и тому же образцу и ради одной и той же цели (т. е. чтобы выразить движение, течение и становление вещей)?

C 5 αὐτός λέγων etc.] cf. 401 D, 401 E — 422 C

[BTW] C 2 s. ἔστω σοι W || C 5 ἐννοεῖς W || κατὰ ταύτων W : κατ' αὐτό B : om. T || C 6 ἐγένετο W

(b) 436 E 2 — 437 A 1 [→ T 106]

T 73

ΣΩ.

... ὥς

τοῦ παντός ἰόντος τε καὶ φερομένου καὶ ῥέοντός φαμεν
σημαίνειν ἡμῖν τὴν οὐσίαν τὰ ὀνόματα. ἄλλο τι οὕτω σοι

5 δοκεῖ δηλοῦν;

437 ΚΡ. πάνυ σφόδρα, καὶ ὁρθῶς γε σημαίνει.

СОКРАТ ...Мы сказали, что имена обозначают для нас сущность в том смысле, что *всякая вещь движется, несется и течет*. Или по-твоему они указывают на что-то другое? — КРАТИЛ. Вот-вот, и правильно обозначают!

E 3 φαμεν] cf. 401 D, 401 E — 422 C

[BTW] E 3 ῥέοντος om. et in mg. ante ἰόντος add. W || E 4 ἄλλο τι ἢ B^{mr} || E 5 δηλοῦν δοκεῖ W

13

T 74

(a) Arist. *Metaph.* A 6, 987^a32 —^b1 (Ross; Jaeger) [← T 22, T 39; → T 90, Arist.]

ἐκ νέου τε γὰρ συνήθης γενόμενος πρῶτον Κρατύλῳ καὶ ταῖς Ἡρακλειτείοις
δόξαις, ὥς ἀπάντων τῶν αἰσθητῶν αἰεὶ ῥεόντων καὶ ἐπιστήμης περὶ αὐτῶν οὐκ
3 οὔσης, ταῦτα μὲν καὶ ὕστερον οὕτως ὑπέλαβεν (sc. ὁ Πλάτων).

Смолоду познакомившись близко первоначально с Кратилом и с (его) гераклитовскими взглядами, согласно которым *все чувственные вещиечно текут и познание их невозможно*, он (Платон) и впоследствии придерживался этого взгляда о них.

Cf. M 4, 1078^b12 [→ T 93] et Alexandris Syrianiq. in h. l. comm. [→ T 94, T 95]

DK 65 A 3, Mch 40 (b²) p. 198 = 140 s.

Appar. III uide ad → T 90

T 75

(b) Alexandr. in Arist. *Metaph.* (987^a32) p. 49,21 (Hayduck) [← T 40; → T 91, Alex.]

... καὶ ἰστορεῖ (sc. Ἀριστοτέλης) ὅτι παρὰ μὲν Κρατύλου ἔλαβε (sc. Πλάτων),
συνήθης αὐτῷ γενόμενος ὄντι Ἡρακλειτεῖω, ὅτι πάντα τὰ αἰσθητὰ ἐν ῥύ-
3 σμῃ ἐστὶ καὶ οὐδέποτε ἴστανται, καὶ ταύτην ἐφύλαξε τὴν δόξαν ὥς ἀληθῆ.

...и он (Аристотель) сообщает, что тот (Платон), познакомившись близко с Кратилом, который был гераклитовцем, воспринял от него убеждение, что *все чувственные вещи текут и никогда не стоят*, и держался этого мнения, считая его истинным.

≈ Asclep. in Arist. *Metaph.* (987^a32) p. 45,19 (Hayduck)

Appar. III uide ad → T 91

T 76

(c) Asclep. in Arist. *Metaph.* (987^a32) p. 44,22 (Hayduck) [← T 41; → T 92, Ascl.]

εἴτα ἰστορεῖ (sc. Ἀριστοτέλης) ὅτι πρότερον συνεγένετο ὁ Πλάτων Κρατύλῳ τῷ Ἡρακλειτεῖ τῷ λέγοντι πάντα ἐν κινήσει εἶναι, καὶ ἠκολούθησε τῇ
3 δόξῃ αὐτοῦ.

Далее он (Аристотель) сообщает, что Платон сначала общался с Кратилом гераклитовцем, утверждающим, что *все движется*, и придерживался его мнения.

[ABCD]

(Продолжение следует)

TRADITIO HERACLITEA (A)

Corpus fontium ueterum de Heraclito

Serge N. Mouraviev

The present fraction of *Traditio Heraclitea* (A) (see *VDI* 1984, 4; 1985, 2) consists of the second part of Chapter 11 devoted to Cratylus the Heraclitean which will be the fullest critical edition ever published of the ancient evidence about him. The third and last part of it will appear in the next number.

Б. С. Ляпустин

ЖЕНЩИНЫ В ТКАЦКОМ РЕМЕСЛЕ: ПРОИЗВОДСТВО И МОРАЛЬ

В древнеримском рабовладельческом обществе отношение как к ремесленному производству, так и к самим ремесленникам было негативным, их занятие рассматривалось как непрестижное, презренное, несовместимое с нормами традиционной морали древних римлян. Считалось, что ремесленники мало чем отличаются от рабов и по внешнему виду, и по поведению, и по образу мыслей. Их занятие рассматривалось как недостойное свободного человека, так как оно считалось несовместимым с благородством, высокими духовными качествами, моральной чистотой (Lucian., *Somn.* 9; Cic., *De off.* I, 150). Однако распространять эти моральные оценки в римском обществе на все виды ремесленной деятельности вообще было бы слишком прямолинейно и неверно. Трудовой процесс, умение обращаться с инструментами сами по себе еще не вызывали негативного отношения в обществе. В особенности это относилось к ткацкому ремеслу.

В свадебной процессии за невестой обязательно несли веретено и прялку (*colus* и *fusus*). Да и в мифологическом сюжете у Овидия (*Met.* VI, 17) с почтением говорится о шерстоткацком ремесле, в котором богиня Афина слыла мастерицей, а Арахна снискала уважение и известность высоким искусством прядения и ткачества (*clara arte*). Но наиболее показательны в этом отношении эпитафии, где с особой гордостью упоминается об умении женщины прядь и ткать. Данная ситуация с прядением и ткачеством не является чем-то феноменальным. Напротив, ткацкое ремесло, его оценка в римском обществе позволяют выявить общие тенденции в формировании той моральной атмосферы, которая складывалась вокруг тех или иных ремесел.

Морально-этические нормы и взгляды в обществе, хотя в значительной мере и традиционны, тем не менее тоже подвержены эволюционным изменениям в ходе исторического развития. Эти изменения рано или поздно следовали за изменениями в производстве. Поэтому целесообразно и интересно рассмотреть производство не только как процесс создания материальных ценностей, но и как фактор, влияющий на формирование моральных оценок в обществе. Так, шерстоткачество, будучи одним из основных занятий в древнем Риме, прошло значительный путь развития, и полнее, чем многие иные ремесла, отражено в различных типах источников.

С другой стороны, ремесленное производство нельзя рассматривать изолированно от общественной структуры, вне связи с семьей, которая была хозяйственной единицей общества ¹. Соотношение же ремесленного

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т. 21, с. 78.

производства внутри и вне фамилии, основной ячейки древнеримского общества, мы можем проследить наиболее полно опять-таки на шерстоткацком ремесле. Производство и быт через множество прямых и косвенных связей неразрывно и постоянно взаимодействуют между собой. Поэтому моральный климат, окружающий работников, участвовавших в шерстоткацком ремесле, имеет смысл проследить через призму производственных отношений, которые пронизывали жизнь фамилии в древнем Риме. Это в свою очередь поможет наметить происшедшие в I в. н. э. изменения в системе ценностных ориентаций, переносившихся и на занятых в шерстоткацком ремесле женщин.

Фамилия в древнем Риме была сложным организмом, члены которого различались по роду занятий, объектам трудовой деятельности, формам времяпрепровождения и, конечно же, по нормам поведения. Такое разделение касалось в первую очередь всего места и роли мужчины и женщины: прежде всего — *pater familias* и *mater familias*. Оно ясно сформулировано Колумеллой: «Домашний труд был уделом матроны, потому что отцы семейств возвращались к домашним пенатам от общественной деятельности, отложив все заботы, будто для отдыха» (Col., XII, praef.).

На матроне в фамилии лежал ряд обязанностей и функций, от тщательности и умения выполнения которых и зависел у древних ее моральный облик. Как правило, источники, касаясь положения матроны в доме, изображают ее бережливой хозяйкой, покорной женой и — что для нас особенно сейчас важно — мастерицей, постоянно занятой традиционно женскими видами домашнего ремесла. Именно такая матрона считалась «прекрасной женщиной» (*mulier pulcherrima*. — Col., XII, praef.). Среди домашних ремесел, которыми обязана была заниматься женщина, едва ли не главное место принадлежало прядению и ткачеству. Обеспечить членов фамилии домашней одеждой, прясть самой, организовывать труд служанок и надзирать за ними было не только первой обязанностью хозяйки, но и той стороной ее деятельности, которая по традиции была окружена наибольшим престижем и придавала ей облик идеальной римской матроны. Веретено и прялка, которые несли за невестой, символизировали не только ее будущие занятия, но и ее моральную чистоту, скромность, верность мужу. Связь моральных достоинств женщины именно с домашним ткачеством с давних пор была укоренена в сознании римлян.

Когда в лагере есинсв, ссаждавших в 509 г. до н. э. Ардею, сын Тарквиния Гордого и его друзья решили проверить, чем в их отсутствие занимаются жены, и внезапно возвратились в Рим, они, по преданию, прежде всего явились в резиденцию царя:

Стражи вокруг никакой: входят они во дворец;
Вот перед ними невестка царя — с венками на шее,
Перед вином, во хмелю ночь коротает она...
(Ovid., Fast. II, 738—740. Пер. Ф. Петровского)

Тарквиний Гордый в римской традиции — воплощение тирании, произвола, жестокости, олицетворенное зло и полная противоположность римско-республиканским представлениям о нравственном строе существования. образу злодея соответствует и негативный образ женщины из его семьи. Ему противостоит в легенде образ Лукреции, чья судьба, по преданию, дала повод для изгнания царей из Рима и установления народоправства. Выйдя из дворца, Тарквиний-сын и его спутники

«После спешат к Лукреции в дом: ее видят за прялкой,
А на постели ее мягкая шерсть в коробках.
Там, при огне небольшом, свой урок выпрядали служанки,
И поощряла рабынь голосом нежным она:

«Девушки, девушки, надо скорее послать господину
Плащ, для которого шерсть нашей придется рукой...»

Показательно, что Тит Ливий, излагая легенду о Лукреции в другой жанрово-стилевой традиции, существенно сократив ее и переставив многие акценты, тем не менее считал необходимым сохранить тот же контраст. Тарквиний и его спутники «застают Лукрецию занятой и в позднюю ночь прядей шерсти среди служанок, работавших при огне в одном из внутренних покоев — не то что царские невестки, которые предстали перед ними за роскошным пиром, окруженные сверстницами-подругами» (I, 57, 9). Домашнее ткачество предстает как сущностная черта добропорядочного быта фамилии, атрибут, характеризующий моральный климат, окружающий женщин фамилии. И для читателей времен Августа и Тита Ливия оно оставалось, по-видимому, наиболее внятным и точным символом идеализированного староримского семейного уклада и нравственной чистоты женщины-хозяйки.

Это распространялось и на современную им действительность. Тибулл умоляет возлюбленную оставаться ему верной, чистой (*casta*) и — проводить в его отсутствие время за прялкой, в окружении старых женщин (I, 3, 83—89). Он также описывает собрание девушек и, дабы подчеркнуть их прелесть и чистоту, рассказывает, как они прядут и ткут (II, 1, 61—69). По словам Светония, император Август, стремившийся возродить фамилию в том виде, какой она была у предков, часто ходил в одеждах, вытканых женщинами его семьи (Suet., Aug. 73). Это должно было служить своеобразным символом нравственной чистоты, царящей в доме принцепса. У Апулея, автора более позднего времени, жена декуриона, о целомудрии которой шла добрая молва (*famosa castitate*), также занималась домашней обработкой шерсти (Met. IX, 17).

Таким образом, римские поэты и историки, изображая женщин, занятых прядением и ткачеством как домашним ремеслом, рисуют их с особой симпатией и любованием. Это обусловлено тем, что такое времяпрепровождение, по представлениям древних, было залогом женской верности, чистоты и высокой нравственности, обязательным атрибутом добродетельной матроны. Такая оценка женского прядения и ткачества выросла непосредственно из реальных условий организации и функционирования домашнего производства внутри фамилии. Этот труд постоянно протекал в замкнутом кругу чисто женского коллектива, куда не было доступа постороннему мужчине. Это было продиктовано самим местом, где была организована обработка шерсти: на женской половине дома или непосредственно в спальне матроны. Кроме того, домашнее прядение и ткачество составляли определенную статью в бюджете фамилии, а женщины, изготавливая одежды и ткани, своим трудом приумножали состояние *pater familias*, что не в меньшей степени, чем перечисленные выше черты, почиталось в древнем Риме как высшая женская добродетель (Col., XII, praef.)

Однако, если ограничиться сведениями, почерпнутыми лишь у перечисленных выше авторов, то мы скорее искадим действительное положение дел с шерстоткачеством, чем воссоздадим подлинную картину, и исторические реалии ускользнут из нашего поля зрения. Археологический и эпиграфический материал позволяет воссоздать более реальную картину с шерстоткаческим ремеслом в городе.

В Помпеях обнаружены многочисленные следы шерстоткацкого производства². Там найдено пять ткацких мастерских, разбросанных по го-

² Об уровне развития ткацкого производства в Помпеях см.: Moeller W. O. The Male Weavers at Pompeii. — TC, 1969, v. X, № 4, p. 561—566; *idem*. The Wool Trade of Ancient Pompeii. Leiden, 1976, p. 39—41, 77; Ляпушин Б. С. Ткацкое ремесло в Помпеях в I в. н. э. — В сб.: Проблемы истории античности и средних веков. М.: Изд-во МГУ, 1980, с. 15—27; *он же*. Развитие шерстоделательного производства в Помпеях. — Там же, 1981, с. 34—48.

роду, которые легко выявляются по остаткам ткацких станков и грузил, а также по надписям, сообщающим об обработке шерсти. Однако здесь выявлены не просто дома, где велась обработка шерсти, а настоящие мастерские, в которых товарное ремесло было ориентировано на производство на заказ или на рынок, как это подтверждают многочисленные надписи, открытые в лавках и содержащие сообщения о стоимости проданных изделий, даты продажи одежды или начала ее изготовления (CIL, IV, 9108; 9109; 10664 и др.).

Помпеи издавна были центром обработки шерсти в Кампании³. Здесь функционировали многочисленные мастерские, где трудились мастера-шерстянники с узкой специализацией: ланифрикарии мыли, чистили шерсть, инфекторы ее красили, а оффекторы подновляли краски на полинявших одеждах, фуллоны изготавливали сукна, а коактилиarii — войлок. В таких условиях ткачество (правда, самым последним из ремесел), оказалось втянутым в систему товарных отношений и превратилось в одно из звеньев в цепи шерстеобрабатывающего производства. Это то новое, что коренным образом отличает ткацкое ремесло от тех форм прядения и ткачества, которые в идиллических картинах изображали поэты и историки.

Переход от домашнего производства в шерстоткацком ремесле к товарному в Помпеях привел прежде всего к изменению в составе рабочей силы. Надписи из помпейских мастерских показывают, что здесь трудились не только женщины, но и мужчины. Всего в городе в надписях из различных мастерских обнаружено 17 имен мужчин и 13 имен женщин. Греческие и латинские имена женщин и мужчин из ткацких мастерских в большинстве относятся к особенно распространенным среди рабов (Heracla, Vitalis, Florentina, Eratus, Successus, Primigenius и др.)⁴. Хотя современные исследователи показали, что в античности не было имен собственно и чисто рабских, однако в нашем случае совпадение «рабского колорита» в ономастике, профессионального статуса и общего облика ткачей и прях в литературных источниках сатирического характера позволяет с большой долей уверенности сказать, что в ткацких мастерских Помпеи работники, судя по надписям, были невысокого социального положения, как правило, рабы и реже — вольноотпущенники.

Наличие мужского и женского персонала в шерстоткачестве прослеживается и по литературным источникам. В комедии-тогате в конце II в. до н. э. — начале I в. н. э. еще фигурировали ткачихи, занятые изготовлением одежды⁵. А у Петрония и Марциала, сатирических писателей эпохи Нерона и Флавиев, появляются ткачи-мужчины, что уже само по себе говорит о ликвидации того положения, при котором ткачество было исключительным достоянием семейного женского ремесла. Еще И. М. Гревс, используя данные романа Петрония для воссоздания исторической действительности, отмечал, что, несмотря на сатиру и гротескность в подаче образов, основные моменты жизни античного общества в романе изображены правильно⁶. Сатира, высмеивающая пороки современной авторам жизни, более адекватно, нежели другие литературные жанры, отражает те процессы, которые протекали в древнеримском обществе.

У этих авторов фигура ткача с самого начала выступает в самом не презентабельном виде. Марциал жалуется на невыносимую манеру рим-

³ Сергеев М. Е. Помпеи. М.—Л., 1949, с. 122; Frank T. An Economic History of Rome. Baltimore, 1937, p. 260—262; Rostovtzeff M. I. Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich. B. II. Heidelberg, 1953, S. 577 f.

⁴ CIL, IV, 1493—1509; 1570; 1571; 8370; 8381; 8384; 8258; 8259.

⁵ Полонская К. П., Поняева Л. П. Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 1984, с. 108 сл.

⁶ Гревс И. М. Очерки из истории римского землевладения (Данные Петрония по аграрной истории I века Империи).— ЖМНП, 1905, сентябрь, с. 71—74.

ских ткачей целоваться при встречах на улице. Эти поцелуи нечистоплотных ремесленников представляются ему невыносимыми (Mart., XII, 59). Характеризуя низкое происхождение и вульгарные манеры Трималхиона, Петроний замечает, что его речь была пересыпана всеми теми словечками, которые обычно употребляют ткачи (*omnia textorum dicta* — Petr., 33), т. е. самыми низкопробными выражениями. Все эти свидетельства относятся ко второй половине I в. н. э. и позволяют, пусть очень приблизительно, датировать переход от традиционных форм домашнего ткачества к ткачеству как ремесленно-товарному производству.

Ткачество, переданное из рук женщин в руки представителей противоположного пола, с самого начала воспринималось не как разновидность этого традиционного ремесла, а как некая противоположность ранее характерной для него патриархальной атмосфере. О том, что дело обстоит именно так, что брезгливо-презрительный тон Петрония и Марциала связан с распадом былого статуса ткачества, говорят и встречающиеся в произведениях сатириков образы женщин-прях. В романе Петрония разгневанная матрона приказывает высечь незадачливого героя, а затем, дабы сделать его унижение предельно полным, велит оплевать его самой презренной и отвратительной частью фамилии, в том числе и пряхам (*omnes quasillarias, familiaeque sordidissimam partem* — Petr., 132). Ювенал мимоходом упоминает о пряхе как о «страховидной публичной девке (*horrida paelix*), сидящей на жалком чурбане» (Iuv., 2, 55). У сатириков, по сравнению с авторами, отражающими традиции патриархального быта раннего Рима, уже нет и грана уважительного отношения к женщинам, занятым обработкой шерсти.

Уже наметившееся в литературных источниках разделение труда в смешанном женско-мужском коллективе мастерских полностью подтверждается археологическими источниками. В надписях из помпейских мастерских имена женщин сопровождаются терминами *pensum*, *stamen*, *trama*, *subtemen* (CIL, IV, 1507), которые обозначают количество шерсти, выданное пряхам для работы, а также изготовленные нити. Ясно, что женщины были пряхами, а мужчины — ткачами.

Такое явление было характерно для ткацкого производства в первые века нашей эры и для других областей древнеримского государства. Так, в Сенте, в Центральной Галлии, вблизи Атлантического побережья, в домах было обнаружено большое количество грузил для ткацких станков, что свидетельствует о распространении обработки шерсти. Оттуда же дошло несколько рельефов II в. н. э., которые, как считает Морен⁷, происходят из какого-то общественного здания и взаимосвязаны между собой. Для нас интересны два из них. На одном изображена сцена торговли в лавке, а на другом — мужчина, сидящий за ткацким станком, и напротив него — женщина, занятая обработкой шерсти. Морен полагает, что в последнем случае перед нами изображение ткачества на уровне домашнего ремесла⁸. Однако вывод его вызывает возражение. Рельефы, несомненно, происходят из какого-то общественного здания, связанного с обработкой шерсти, но тогда непонятно, почему там изображены сцены из частной жизни. Естественнее предположить, что здесь воспроизведены не сцены домашнего ткачества, которым занимались женщины, а ремесленная мастерская, ибо появление мужчины-ткача есть верный признак товарного ремесла. Тот факт, что на другом рельефе действие происходит в лавке, подтверждает наше предположение. Только в этом случае можно понять, почему рельефы с таким сюжетом оказались в общественном здании, связанном с переработкой шерсти. Рельефы из Сента отражают наличие в провинциях товарного производства в шерстоткацком ремесле, подобного помпейскому.

⁷ Maurin L. *Saintes antique*. Lille, 1981, p. 649, not. 20.

⁸ Ibid., p. 285.

Приведенный выше и литературный, и археологический материал подтверждает, что в трудовом коллективе, занятом обработкой шерсти, в I в. н. э. произошли существенные изменения: он перестал быть чисто женским, а социальный состав женщин, причастных к обработке шерсти, существенно изменился. Да и сами владельцы известных нам ткацких мастерских в Помпеях, хотя и были людьми разного достатка, не занимали высокого общественного положения. По крайней мере, их имена не встречаются среди претендентов на муниципальные должности, и они не входили в *ordo decurionum*. Поскольку женщины, вытесненные из традиционно женской отрасли ремесла, оказались включенными в трудовой процесс товарного производства наравне с мужчинами, то на них распространились жесткие нормы выработки. Против имен женщин-пряж в надписях из мастерской дома VI, 13,9 в Помпеях стоит термин *pensum*, означающий количество шерсти, выданной для обработки. Причем против некоторых имен стоят цифры II или III, обозначающие двойную или тройную норму (CIL, IV, 1507, 8387, 10645).

Однако ошибочным было бы полагать, что в ткацком производстве было повсеместно ликвидировано прядение и ткачество на уровне домашнего ремесла, где работа шла время от времени. В Помпеях, центре переработки шерсти, в небольшом объеме ткачеством и работой с шерстью занимались в ряде домов, на что указывают надписи и археологический материал⁹. А основное производство здесь было иным: пекарное, сукновальное, торговля продуктами и т. д. Можно также привести упоминание Апулеем жены декуриона из небольшого городка, которая занималась дома прядением и ткачеством. Прядением занималась и жена бедняка¹⁰. Да и на виллах ткачество оставалось женским занятием, не перешагнувшим рамки домашнего производства¹¹. Но в целом домашнее шерсто-ткацкое ремесло отходило на второй план, а ведущим и определяющим в экономической структуре древнего Рима стало товарное производство, оказывающее влияние на все сферы жизни римского общества.

В условиях товарного производства изменилось прежде всего само место труда ремесленников. Если раньше служанки вместе с госпожой работали в глубине дома (*in medio aedium*), вдали от посторонних глаз мужчин, то теперь, попав в мужской коллектив мастерской, связанной с товарным производством, они потеряли связь с женской половиной дома. Теперь они трудились там, где было удобно разместить большую группу ткачей и пряж и где было достаточно света в течение всего дня. Чаще всего для этого отводились перистилы, как, например, в помпейских домах VI, 13,9; VII, 4,57; IX, 12, 1—2; IX, 12, 3—5¹². Владельцы других домов, где было организовано ткацкое производство, оборудовали специальные помещения для мастерских, как это можно видеть на примере Помпей и Геркуланума¹³. Такие мастерские отличались довольно значительной площадью и располагались непосредственно с одной из сторон, возле входа в дом. Вдоль стены, выходившей на улицу, тянулся ряд окон, предназначенных для освещения. Выделение специальных помещений для ремесла означало уже оформление мастерской как места производства, что в свою очередь не могло не привести к изменению отношения к трудившимся в ней работникам. Ведь в древности считалось, что «ремесленники занимаются презренным трудом, в мастерской не может быть ничего благородного» (Cic., *De off.* I, 150).

⁹ NS, 1879, p. 245; NS, 1905, p. 204; NS, 1902, p. 380; NS, 1901, p. 283; NS, 1881, p. 196; NS, 1934, p. 270; CIL, IV, 5363; 6714.

¹⁰ *Apul.*, Met. IX, 17; IX, 5.

¹¹ *Col.*, XII, 3, 6; Dig. 33, 17, 6.

¹² *Fiorelli G. Descrizione di Pompei. Napoli, 1875, p. 226—227; Della Corte M. Case ed abitanti di Pompei. Napoli, 1965, p. 120, 321.*

¹³ NS, 1934, p. 270; *Maiuri A. Ercolano. I nuovi scavi. Roma, 1958, p. 426—430.*

У нас нет, таким образом, оснований принимать для раннеимператорской поры в качестве характеристики состояния шерстоткацкого ремесла ту картину домашнего прядения и ткачества, которая знакома нам по произведениям поэтов и историков. Как мы видели, упоминания о домашнем прядении и ткачестве у римских авторов неизменно носили назидательно-нравственный характер. И женщина, постоянно занятая прядением и ткачеством в стенах дома, выступает как своеобразный идеал, почерпнутый из прошлого, так как «древнеримская мораль всегда имела своим образцом правила и обычаи предков»¹⁴. И явления современной жизни, чтобы рассматриваться как положительные, должны были неизменно соотноситься с прошлым.

Освещение действительности, пропущенное сквозь призму моральных устоев предков, вообще свойственно древнеримской литературе. На всю жизнь древнего Рима накладывало отпечаток скрытое или явное сопоставление прошлого с настоящим. Реальная жизнь в большинстве произведений римской литературы развивается на фоне идеального представления о принципах и нормах морали, черпаемого из легенд об общине предков, и современная жизнь как бы проецируется на этот фон. Жена, независимо от ее реального поведения, сплошь и рядом по традиции считалась добродетельной матроной; если историк относится положительно к полководцу его времени, то неизменно изобразит его идущим впереди войска, самостоятельно выбирающим место для лагеря, вместе с солдатами участвующим в боях «подобно полководцу былых времен» (Тас., *Hist.* 11); поэт будет воспевать простой незатейливый дружеский обед в старинном вкусе, даже когда сам признается, что не мог бы прожить так и нескольких дней, ибо «образ жизни такой ведь довольно-таки надоедлив» (*Iuv.*, XI, 207).

Такое своеобразие античной литературы обусловлено тем, что подавляющее большинство древних авторов мыслило не столько категориями реальной жизни и быта, сколько традиционными представлениями, возникшими во времена их предков. Этот строй мыслей и чувств существовал в Риме, как во всяком полисе, искони и обуславливал многое как в жизни, так и в литературном творчестве¹⁵. Именно эта особенность литературных источников оказала влияние на наши представления о древнеримской действительности — этот фон порой слишком прямолинейно воспринимается не как проекция из прошлого, а как воспроизведение современных авторам реалий. Поэтому в исторической литературе широко распространена точка зрения, что в I в. н. э., так же как и за несколько веков до этого, городское ткацкое ремесло целиком оставалось в руках женщин фамилии¹⁶.

Ретроспективность образа матроны, погруженной в домашнее ткачество, и прямо засвидетельствована для I в. н. э. римскими писателями той поры. Недаром Колумелла, описывая неперемное участие матроны в домашнем труде, с горечью отмечал, что все это было в прошлом, на памяти отцов. А обращаясь к современной ему действительности, сетовал, что «ныне большинство матрон настолько утопает в роскоши и безделье, что не считают даже достойным брать на себя заботу об обработке шерсти, а изготовленные дома одежды вызывают у них презрение...» (*Col.*, XII, *prae.*).

Ретроспективность древнеримского мышления и самой морали не была чем-то необъяснимым, она в конечном счете базировалась на элементах прошлого в экономике. Реалии прошлого, проявлявшиеся в данном слу-

¹⁴ Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима. М., 1977, с. 159.

¹⁵ Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. М., 1981, с. 126.

¹⁶ Сергеев М. Е. Простые люди древней Италии. М. — Л., 1964, с. 72; Blümner H. Die römischen Privataltertümer. B. IV. München, 1911, S. 261; Friedländer L. Roman Life and Manners under the Early Empire. V. I. L., 1908, p. 229—230; Marquardt J. Das Privatleben der Römer. T. I—II. Lpz., 1879—1882, S. 571; Frank. Op. cit., p. 261—263.

чае в домашнем ткацком ремесле, уходя из жизни, не пропадали вообще, а лишь отступали на второй план, оставаясь питательной средой и для возрождения прошлых нравов предков, и для расширения производства на рынок, которое при неблагоприятных внешних условиях моментально свертывалось до размеров и форм организации домашнего ремесла.

Поэтому до определенной поры старинные обычаи и ретроспективно восстанавливаемые нормы, вообще все то, что называлось «нравами предков», были не только изжитой противоположностью сегодняшней действительности, но и органической составной ее частью. Лишь вместе они образовывали ту особую историческую среду, в которой реально протекала жизнь римлянина и которая характеризовалась, в частности, упадком домашнего ткачества в повседневной практике и стремлением восстановить его на уровне идеала и нормы. Уходя из жизни как производство, оно оставалось в ней как образ и как ценность.

Вдумаемся в отмеченное выше сообщение Светония о том, что Август ходил в одежде «только домашнего изготовления, сработанной сестрой, женой, дочерью или внучками». Сам факт, что биограф специально упоминает об этом обстоятельстве, указывает на исключительность домашнего ткачества в высших социальных слоях этой эпохи. Зная «реставраторские» тенденции Августа в области идеологической политики, нетрудно понять, в чем состоял пропагандистский смысл этого демонстративного жеста: патриархальные нравы, якобы царившие в его доме, и домашнее ткачество как их наглядное выражение противопоставить распушенности, свойственной домам, где одежд не ткали. Известный по тому же Светонию и другим источникам моральный облик Ливии и особенно Юлии тоже не оставляет сомнения в том, что домашнее прядение и ткачество и связанная с ними моральная поза были для семьи Августа как бы цитатой из Тита Ливия, театральным действием, призванным утвердить то, чего давно нет. Но притом этот жест ведь был на кого-то рассчитан и рассчитан с целью вызвать не комический или театральный, а жизненный, нравственный, вполне реальный эффект. В политике Августа в самых различных областях всегда ощущается тонкое и точное знание общественных взглядов и настроений. И если он на глазах у всех возрождал в своей семье домашнее ткачество, значит, он знал, что это импонирует очень многим, что не один *pater familias* хотел бы видеть женщин своей семьи за этим занятием, что домашнее ткачество, следовательно, не пустая выдумка, а то, что представляет ценность для общественного сознания, ценность, жившую до тех пор, пока жива была вся консервативная аксиология, восходившая к порядкам староримской гражданской общины. Его политика, несомненно, учитывала и сохранение в низших социальных слоях спорадически функционировавшего домашнего прядения и ткачества. Поэтому появляющиеся с середины I в. н. э. свидетельства о превращении шерстоткачества и прядения в профессиональное занятие не только говорят о самом факте перестройки его в отрасль товарного ремесленного производства¹⁷, но и иллюстрируют на конкретном материале более широкий процесс — распад обращенной в прошлое римской консервативной морали, показывают, как мучительно она изживалась.

Говоря о различных последствиях превращения прядения и ткачества в товарную отрасль ремесленного производства, следует, однако, отметить, что ткачество сосредоточивалась в частных домах, где, как, например, в мастерской I, 10,8 в Помпеях, происходило свободное перемещение ткацких станков из комнат в перистиль и обратно, т. е. внутри помещений, занятых непосредственно семьей владельца дома. Такое положение, во многом специфичное для ткачества, резко отличается от организации труда в других ремеслах, например в пекарном. Пекарни, как правило,

¹⁷ Jones A. H. M. The Cloth Industry under the Roman Empire.— EHR, 1960, v. XIII, p. 184—203; Moeller. The Male Weavers..., p. 561—566.

размещались в так называемых табернах, т.е. были обособлены от жилых помещений домов глухой стеной, а если между теми и другими был проход, то он вел только в задние хозяйственные помещения. Древнеримский дом подобной планировки не был только обиталищем одной семьи, а включал в себя, таким образом, ряд помещений, к ней отношения не имевших. Ремесленники из таких помещений-таберн были либо вообще не зависимы от владельца дома, либо их зависимость была минимальной. Это подтверждают и надписи из пекарен, свидетельствующие о том, что основной состав их работников трудился за плату и имел относительную самостоятельность (CIL, IV, 3964; 4000; 6733). В свете этих данных возможность перемещать работающих ткачей в пределах дома показывает, что ткачи и пряжи по-прежнему входили в число членов городской фамилии и подчинялись *pater familias*. Этот момент существен для понимания морального положения женщин в текстринах.

Постоянный труд совместно с мужчинами и пребывание с ними в одном помещении накладывали свой отпечаток на образ жизни пряжи и на их поведение в быту. Спальни их, расположенные на верхнем этаже или вокруг перистилы, соседствовали со спальнями ткачей, что приводило к легкости связей между ними. На это указывают многочисленные непристойные надписи, обнаруженные археологами на стенах спален. По содержанию эти надписи не отличаются от надписей, оставленных посетителями на стенах лупанаров (CIL, IV, 1503; 1510; 8380; 8381; 8384).

Появление текстрин, в которых трудились совместно пряжи и ткачи, привело, таким образом, к коренному изменению моральной окраски представлений о прядении и ткачестве. Складывается убеждение, что там, где ткацкая мастерская, где ткачи и пряжи, — там непристойность, открытое сожительство, моральная нечистоплотность. Исчезает ореол патриархальности и староримской консервативной нравственности, окружавший некогда домашнее шерстоткачество.

В заключение — еще об одной характерной черте быта работников ткацких мастерских, без которой представление о положении их в римском обществе было бы неполным. Все-таки, почему же именно к ткачам и пряжам сложилось столь негативное отношение? Ведь смешанные коллективы существовали и в других отраслях производства, а цинизм и распутство в эту пору составляли атмосферу жизни не одних ткачей и пряж. В таком поведении при случае обвинялись представители всех групп древнеримского общества, однако это не создавало вокруг них общей атмосферы презрения.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на довольно большое количество надписей, дошедших из текстрин, среди них полностью отсутствуют надписи, связанные с предвыборной борьбой за городские магистратуры, — как от отдельных работников, так и от коллегии ткачей, — в то время как ремесленники других профессий и коллегии, и поодиночке в многочисленных надписях рекомендуют кандидатов на городские магистратуры. Встречается немало рекомендаций от отдельных женщин и даже от рабов. Ткачи же в Помпеях, хотя и были вполне грамотны, оставили надписи в основном скабрезного содержания. Объяснить это явление фрагментарностью дошедших до нас источников нельзя, так как из других городов, в том числе из Рима, надписей, где фигурировала бы коллегия ткачей, тоже не дошло. Единственно возможный вывод состоит в том, что по крайней мере в Помпеях ткачи и тем более пряжи стояли вне политической жизни.

Политическая пассивность ткачей и отсутствие у них коллегии, а также негативно-презрительное отношение к ним в древнеримском обществе В. Меллер пытался объяснить тем, что ткачи были рабами и к тому же занимались женским ремеслом¹⁸. Сами по себе эти наблюдения

¹⁸ Moeller. The Male Weavers..., p. 566.

над положением ткачей сомнения не вызывают: моральная атмосфера, окружавшая женщин-пряж, оказывала влияние и на отношение в обществе к мужчинам-ткачам. Но ведь женская природа того или иного ремесла и даже рабское состояние сами по себе еще не служили препятствием для определенных форм участия в политической жизни муниципия. Хлебопечение первоначально также было женским занятием (Plin., NH, XVIII, 107), да и впоследствии, как показывает расчет заработной платы, коллектив хлебопечков не был чисто мужским, так же, впрочем, как и коллектив фуллонов, что, однако, не помешало им создать свои коллегии и широко рекомендовать своих кандидатов на муниципальные должности (CIL, IV, 886; 677; 813; 2966). Ювелиры в массе своей вообще были рабами, но и у них известны свои коллегии. Все эти ремесленники играли в политической жизни Помпей заметную роль.

Причину обособленности ткачей предопределила двойственность этого положения и сама структура древнеримского общества. С одной стороны, под влиянием экономического развития ткачество, как мы видели, превращается в I в. н. э. в товарную отрасль, возникают ткацкие мастерские. Именно товарное производство и было основной причиной, приведшей к разложению патриархальных доверительных связей, к изменению места и роли женщины, обрабатывавшей шерсть, и поставила на место патриархальной служанки классически эксплуатируемого раба. Под влиянием экономических факторов женщины-пряжи были включены в мужской коллектив рабов и стали рассматриваться как низшая, «грязная», непристойная часть фамилии. Но, с другой стороны, в эту пору принадлежность классического раба к фамилии является «внешней оболочкой, за которой скрывается то, что этот раб противопоставит семье господина и как его собственность, и как товар и уже не участвует в общем с хозяевами производственном процессе»¹⁹. Пряжи и ткачи рассматриваются как группа фамилии, чуждая ее нормам и нравам, но в то же время они еще не вышли из-под полного и безраздельного контроля *pater familias*. Они уже оказались вне фамилии как общности с ее традиционной моралью и системой поведения, но не вышли, не выделились из нее организационно. Люди, потерявшие прочные связи с фамилией, ставшие относительно независимыми от *pater familias*, обычно образовывали в эту пору новые коллективы — прежде всего коллегии, которые пронизывают в первые века Империи всю социальную структуру. Но так как превращение шерстоткацкого производства в товарную отрасль произошло поздно и в определенном смысле не было доведено до конца, ткачи и пряжи оказались лишенными такой возможности, в отличие от многих других представителей низов. Ткачи и пряжи, другими словами, оказались вне фамилии как производственного коллектива и, следовательно, вне ее морали, а к новым ячейкам, которые обычно объединяли ремесленников, они не пришли, превратившись в отринутую обществом, презируемую группу, стоящую в какой-то мере вне общественной структуры и морали.

WOMEN IN THE TEXTILE INDUSTRY: PRODUCTION AND MORALITY

B. S. Lyapustin

The author discusses the textile industry not only as a producer of material values but also as an influence on the formation of moral standards in society. The prestige attaching to those employed in the industry depended largely on whether the work was done within the household or outside it. When the work of spinning and weaving was done at home by the women of the household, isolated from the outside world by the four walls

¹⁹ Дьяконов И. М. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности. — ВДИ, 1973, № 4, с. 28.

of their domicile,⁵ it was regarded by old-fashioned Roman standards as representing the very hallmark of moral purity among women. Although in the 1st century A. D. domestic textile production was on the wane as an industry, rooted as it was in the economic traditions of the past it still existed and, as reflected in the literature, retained its high moral prestige. In the handicraft centres of the Early Empire the change-over in the textile industry to commodity production led to the appearance of specialised workshops in which the weavers were men and the spinners women. Such mixed collectives were incompatible with patriarchal attitudes and ancestral moral standards. The change in the organisation of production did in fact lead to a change in the moral significance of the industry, tearing from it the halo of patriarchy and old Roman conservative morality. In the author's opinion the negative attitude towards spinners and weavers arose from the fact that while those of them who manned the textile workshops stood, as a production collective, outside the *familia* and its traditional patterns of behaviour and morality, in another sense they had not left it, in that they remained subject to the absolute power of the *pater familias*. This made it impossible to create a new community — a *collegium* — and resulted in spinners and weavers becoming outcasts from a society which scorned them, excluded them from its institutions and deprived them of any moral standing in it.

Михаил Лазаров

НОВООТКРЫТАЯ НАДПИСЬ АНТИГОНА ЗА СКИФСКОГО ЦАРЯ САРИАКА

В 1981 г. во время подводных исследований в районе мыса Калиакра (античный Тиризис) на расстоянии около 10 м от берега (и на глубине 10 м) была найдена верхняя часть известнякового алтаря сложной профилировки (размеры 57 × 28 см). На его поверхности вырезана трехстрочная надпись на древнегреческом языке (рис. 1):

Ἀντίγονος Ἡρακλείτου Στυβερ-
ραῖος; Μακεδὼν ὑπὲρ βασιλέως
Σαριακοῦ Διοσκούροις σωτῆρσιν

Сохранность надписи хорошая — буквы врезаны глубоко, выполнены отчетливо. Бесспорно, самое интересное в этой надписи — имя правителя Σαριακός. Его первая часть соответствует имени βασιλέως Σαρια, знакомому нам по монетам одного из шести скифских царей Добруджи, бронзовые монеты которых давно описаны в нумизматической литературе; имена этих царей — Канитес, Сариа, Хараспес, Тануса, Акроса и Элиа¹. Уже давно было высказано предположение, что Σαρια — сокращение, полная форма которого должна быть Σαριακός². В подтверждение можно привести полную форму имени правителя — βασιλέως Σαριακοῦ — на одной серебряной монете, данные о которой были впервые опубликованы в 1935 г.³, а затем в 1950 г.⁴ Однако, поскольку до сих пор это единственная известная серебряная монета скифских царей Добруджи, то естественно, что возникали сомнения в ее подлинности, а следовательно, и в том, какова была полная форма имени правителя.

Надпись, обнаруженная на алтаре с Калиакры, недвусмысленно показывает, что полная форма имени скифского царя действительно Σαριακός, в то время как Σαρια — сокращение, которое было вызвано недостатком места на плоскости монетного кружка. Подобный прием хорошо известен по монетам эллинистических монархов.

Имя Σαριακός — иранского происхождения. Его первая часть Σαρια — «голова» часто встречается в скифских именах (как известно, скифский язык относится к иранской группе языков)⁵. В данном случае Σαρια, вероятно, означает «верховный», «главный»⁶.

¹ *Youroukova J.* Nouvelles données sur la chronologie des rois scythes en Dobroudja. — *Thracia*, 1977, IV, p. 105.

² *Тарасюк Л. И.* Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи. — *КСИИМК*, 1956, 63, с. 23 сл.

³ *Moisil C.* Monnaies inédites des rois scythes de Dobroudja. — *CRA*, 1935, p. 155. № 103—104.

⁴ *Canarache V.* Monetele scitilor din Dobrogea. — *SCIV*, 1950, I, p. 250, № 37.

⁵ *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg, 1885, S. 288; *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. I. М. — Л., 1949, с. 185 сл.

⁶ *Тарасюк Ук.* соч., с. 24.

Подтверждением идентичности имени правителя, высеченного на (рас-
сматриваемом алтаре, имени $\Sigma\alpha\rho\iota\alpha(\chi\omicron\varsigma)$, которое встречается на брон-
зовых монетах, служит обнаруженное в той же надписи посвящение
Диоскурам. Диоскуры и атрибуты их культа засвидетельствованы на
монетах скифских царей Добруджи. Они представляют собой одну из шес-
ти основных групп изображений, употреблявшихся при чеканке монет,
описанных и исследованных в последнее время И. Юрковой ⁷.

Известно, что в большинстве случаев изображения на монетах скиф-
ских царей были заимствованы из иконографии монетных дворов полисов
Причерноморья. Изображения Диоскуров и атрибутов их культа наводит
на мысль о связи монет, чеканенных скифскими царями, с монетами из Том,
где был очень распространен культ Диоскуров. Исходя из этого, можно
было бы предположить, что изображения Диоскуров на монетах скиф-
ских правителей — всего лишь обычное иконографическое заимствование.
Однако надпись, найденная у мыса Калиакра, вносит коррективы в такое
предположение. Очевидно, в пантеоне богов, почитаемых царской ди-
настией Малой Скифии, Диоскурам было отведено не последнее место.

Имеются свидетельства о почитании Диоскуров и в городах фракий-
ского побережья Понта, которые встречаются там как среди монетных
изображений, так и в эпиграфических и скульптурных памятниках ⁸.
Как показывают эпиграфические памятники, Диоскуры считались там
покровителями моряков и мореходства. Обыкновенно культ Диоскуров
тесно связан с культом самофракийских божеств во всех городах Запад-
ного Понта ⁹. Этот интересный факт заслуживает особого внимания.
Очевидно, почитание Диоскуров при дворе скифских царей Добруджи
далеко не случайно. Сооружение жертвенника, посвященного Диоску-
рам, на мысе Калиакра свидетельствует о глубоком почитании покрови-
телей моряков. Экономические условия, сложившиеся в эпоху позднего
эллинизма, требовали обеспечения выхода к морю, что было крайне не-
обходимо для малых правителей, нуждавшихся в доступе к морским пор-
там. Этот факт подтверждается и тем, что монеты скифских царей чека-
нились в городах Причерноморья ¹⁰.

Найденный на мысе Калиакра алтарь, посвященный Диоскурам, поз-
воляет сделать предположение, что именно там находилось святилище
близнецов — покровителей моряков и мореходства. Вероятно, в централь-
ной части алтаря имелось рельефное изображение, поскольку надпись
расположена в его верхней части. О существовании такого изображения
свидетельствуют и сохранившиеся в нижней части алтаря два желобка
размером $3,5 \times 3,5$ см, в которых, наверное, помещались металличе-
ские скобы, скрепляющие части алтаря.

Нельзя обойти вниманием и личность самого посвящающего — Ан-
тигона, сына Гераклита. Надпись недвусмысленно подтверждает его
происхождение — македонец из города Стибера. Очевидно, он занимал
высокий пост при дворе скифского царя, раз мог позволить себе посвя-
тить алтарь за этого правителя.

Казалось бы, трудно найти правдоподобное объяснение присутствию
македонца при скифском дворе, хотя Северо-Восточная Фракия в те-
чение длительного периода привлекала внимание македонских правителей.
Начиная с Филиппа II, предпринявшего поход против скифского царя
Атея в 339 г. до н. э. ¹¹, позднее Лисимаха, который вел военные дейст-
вия против гетского царя Дромихета и в 313 г. до н. э. подавил восстание

⁷ *Youroukova. Op. cit.*, p. 107.

⁸ *Stoian I. Cultul dioscurilor și triburile tomitane.* — SCIV, 1965, 16, 3, p. 527; *Mihailov G.* — IGB, I², 82 bis, 83, 84, 308; *Pippidi O. M.* Pour une histoire des cultes d'Istros. — In: *Scythica Minora*, București — Amsterdam, 1975, p. 94.

⁹ *Pippidi. Op. cit.*, p. 94 suiv.

¹⁰ *Youroukova. Op. cit.*, p. 111 suiv.

¹¹ *Шелов Д. Б.* Скифо-македонский конфликт в истории античного мира. — В кн.: *Проблемы скифской археологии (МИА, 177).* М., 1971, с. 54—63.



Греческая надпись с мыса Калиакра

западнопонтйских городов во главе с Каллатисом, и кончая Филиппом V, договорившимся о переброске бастарнов с северных берегов Дуная в Македонию с целью использовать их в борьбе с римлянами, интересы македонских властителей были сосредоточены в Северо-Восточной Фракии. Говоря о походе бастарнов через Фракию в 179 г. до н. э., Тит Ливий сообщает, что ими предводительствовал «Антигон, один из людей царя, которого часто посылали вместе с Котоном подстрекать бастарнов». Во время похода в Македонию пришло известие о смерти Филиппа V. Узнав об этом, Антигон и Котон (который был выходцем из благородных бастарнов) покинули бастарнов. О дальнейшей судьбе этих лиц ничего не известно ¹².

Однако на монетах Сариака, а также на монетах других скифских царей встречается аббревиатура AN, принадлежавшая, видимо, монетному магистрату ¹³. Не скрывается ли в этом сокращении имя 'Αντίγονος? Как убедительно доказывает И. Юркова, аббревиатуры на монетах скифских царей принадлежат ставленникам правителей, а не магистратам полисов, так как они встречаются в различных эмиссиях, выпускавшихся в разных городах Причерноморья (ibid., p. 111). В данном случае сокращение AN имеется на монетах нескольких царей, что говорит о длительности карьеры его носителя (если, разумеется, речь здесь идет об одном и том же лице).

Очевидно, нужно найти дополнительные подтверждения тому, что Антигон, упомянутый в надписи с мыса Калиакра, Антигон у Тита Ливия и должностное лицо с инициалами AN (τίγονος) — это один и тот же человек, хотя совпадение имен, времени и места событий дает надежную первоначальную опору для подобной гипотезы.

Большинство ученых датирует монеты скифских правителей в широких хронологических рамках III—II вв. до н. э. В своем исследовании И. Юркова склонна отнести время царствования некоторых скифских царей к концу II в. до н. э., ссылаясь на присутствие в их нумизматике монетных эмблем времени Митридата VI Евпатора ¹⁴. На монетах Сариака, однако, такого влияния не наблюдается; это дает возможность предположить, что в хронологической таблице скифских царей его царствование относится к более раннему периоду.

Если в будущем удастся доказать идентичность придворного царя Сариака, чье имя высечено на алтаре с Калиакры, и человека, служившего македонскому царю Филиппу V, то можно будет почти точно определить время царствования Сариака — вторая четверть II в. до н. э., примерно после 179 г. до н. э. Такая датировка подтверждается и палеографическими особенностями надписи.

Надпись, найденная у мыса Калиакра, — это второй эпиграфический памятник, который наряду со сведениями нумизматики подтверждает то, что в эпоху позднего эллинизма ¹⁵ в Добрудже правили скифские цари. Данные, полученные благодаря этой надписи, не противоречат выводам других исследований относительно происхождения, местопребывания и времени правления скифских царей в Северо-Восточной Фракии. Это доказывает правильность пути, по которому шли исследователи, и внушает надежду на то, что в дальнейшем мы узнаем и другие подробности о присутствии скифских царей на землях южнее Дуная.

¹² Liv., XL, 57—58.

¹³ Youroukova. Op. cit., p. 111 suiv.

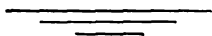
¹⁴ Ibid., p. 121.

¹⁵ Mihailov. IGB, I², 41.

A RECENTLY DISCOVERED INSCRIPTION
OF ANTIGONOS «FOR THE KING SARIAK--»

Michael Lazarov

In the course of underwater exploration of Cape Kaliakra near the modern town of Kavarna in Bulgaria an inscription was found cut on a cornice which had once circled the top of a limestone altar. The inscription contains a dedication to the Dioskouroi Soteris by one Antigonos son of Herakleitos, a Macedonian from Stybera, on behalf of the Scythian king Sariak--, hitherto known only from numismatic sources. In the inscription the king's name is given at full length, in the genitive case (ὕπὲρ βασιλέως Σαριακοῦ), as it appears also on his silver drachma. The author suggests that the Antigonos who dedicates the altar «in behalf of» the Scythian king is the same as the one who had been a close friend and military commander to the Macedonian king Philip V. In 179 B. C. this Antigonos was ordered by Philip to move a contingent of Bastarnæ from the Danube to the borders of Macedonia (Liv. XL, 57—58). Philip's death interrupted the execution of that order, after which Antigonos may have entered the service of Sariak--, king of Little Scythia. If the author's hypothesis were to be substantiated we would have our first fixed point in the chronology of the coin emission of the Scythian kings in the Dobrudja.



УПОТРЕБЛЕНИЕ СТАТИВА В АККАДСКОМ ЯЗЫКЕ

(На материале среднеассирийского диалекта)¹

Статив в аккадском языке — одна из грамматических категорий глагола, сформировавшаяся на базе синтаксических категорий. Любое аккадское имя может выступать в функции предиката. Употребление в этой функции отглагольного прилагательного (причастия состояния) в сочетании с местоименными суффиксами привело к образованию грамматической категории статива. Суффиксальное оформление отличается статив от глагольных префиксально-финитных форм (презенс, претерит и перфект), и в отличие от этих форм статив не обладает четко выраженным видо-временным значением².

Статив обозначает состояние предмета, наступившее в результате завершенного действия и продолжающееся в момент речи. Таким образом, в стативе переплетаются грамматические оттенки перфективности (завершенности, результативности), длительности и незавершенности. Весьма четко это проявляется у ряда аккадских глаголов, которые в стативе меняют свое значение, например³: *amāgu(m)* «видеть, наблюдать», стат. «быть опытным, знать»; *saḥāru(m)* «одолевать», стат. «простирается, лежать поперек, через»; *ṣabātu(m)* «брать, хватать», стат. «держат, занимать»; *ṣalā'u(m)* «бросать, ронять», стат. «лежать, быть расположенным»; *tebû(m)* «подниматься», стат. «быть в состоянии готовности, бодрствовать».

В среднеассирийских текстах статив отчетливо противопоставляется по значению презенсу, претериту и перфекту, выражающим действие без подчеркивания его результата. Ср. значения статива и презенса⁴:

¹ Работа основана на текстах, написанных на среднеассирийском диалекте аккадского языка (1500—1000 гг. до н. э.). Это среднеассирийские законы, дворцовые и гражданские указы царей, письма, юридические и хозяйственные документы. Подробную библиографию см. Mayer W. Untersuchungen zur Grammatik des Mittelasyrischen. — *Alter Orient und Altes Testament*. В. 2. Neukirchen — Vluyn, 1971, S. 1—2.

² Презенс — форма курсивного вида. Уже в древнейших диалектах аккадского языка он превратился в видо-временную форму, которая может выражать действие, происходящее в момент речи (настоящее, всегда курсивное), действие, происходившее в прошлом (только курсивное), и действие будущее (курсивное и некурсивное). Перфект и претерит — две формы констатирующего вида, которые выражают преимущественно прошедшее действие. См. подробнее Каплан Г. Х. Употребление видовых глагольных форм аккадского языка для выражения времен (среднеассирийский диалект). — В сб.: История и филология древнего Востока. XI годичная научная сессия ИО ИВ АН СССР. М., 1976, с. 30—38.

³ Rowton M. B. The Use of the Permansive in Classic Babylonian. — *JNES*, 1962, v. XXI, № 4, p. 267; Soden W. von. Zu A. Haldar, The Akkadian Verbal System. — *Orientalia*, 1964, v. 33, f. 4, S. 438. По мнению А. Унгнада, статив самых разных глаголов при наличии объекта может приобретать значение «иметь» (нем. haben), например: *šuma zakrāku* «у меня есть имя» (букв.: «я есть названный именем»), *māri waldat* «у нее есть дети» (букв.: «она есть родившая детей»). См. Ungnad A. Haben im Babylonisch-Assyrischen. — *Zeitschrift für Assyriologie*, 1917/1918, В. 31, S. 277—281.

⁴ Здесь и далее статив дан разрядкой, а глагольные формы, с которыми он сравнивается, выделены курсивом.

1. A.ŠĀ ù Ê a-na ú-ku-la-i-ša ša 2 MUMES ú-up-pu-šu i-id-du-nu-né-eš-še us-bat...2 MUMES tu-ma-al-la a-na mu-ut lib-bi-ša tu-ú-uš-ša-ab (KAV 1, VI, 65—70) «Поле и дом для прокормления ее на два года должны выделить и передать ей, (там по-прежнему) пусть она живет... (когда) два года пройдет (букв.: она исполнит), у мужа, какого она захочет (букв.: сердца ее), она может поселиться».

Статив и претерит:

2. tap-ra dan-na-ta ^{m.D.} IM-ba-ni a-na A-bu-DÜG.GA a-na ta-da-né qa-bi (KAJ 132, 9—11) «Ададбани обещал (букв. сказал) (и это обещание остается в силе) передать Абутабу прочную табличку».

3. šum-ma LÜ a-na tap-ra-i-šu lu-ú i-na pu-uz-re lu i-na ša-al-te iq-bi ma-a DAM-ka it-ti-ni-ku... la-a ú-ba-e-er LÜ šu-a-tu 40 i-na GISPA^{MES} i-mah-ḥu-šu-uš (KAV 1, II, 72—78) «Если человек своему товарищу либо по секрету, либо в драке *сказал*: „твоей женой владеют...“, (но) не доказал, этого человека 40 раз палками должны ударить»⁵.

Статив и перфект:

4. e-da-nu e-ti-ig-ma A.ŠĀ-šu up-pu la-qé tu-a-ru ù da-ba-bu la-šu ŠĀ^m A.ŠĀ-šu m a-ḥ e-e r a-píl za-ku A.ŠĀ ú-za-ka... (KAJ 27, 16—20) «Когда пройдет срок, поле его будет (и останется) конфисковано и взято, возврата и спора нет (и быть не может), цену поля своего он получил (и держит), ему уплачено, (от каких-либо обязательств в отношении поля) он свободен, поле он должен освободить...».

5. 360 [+?] SĪLA ŠE... ša ERIM^{MES} na-ás-ḥu(!) ša URUŠu-du-ḥe... im-ḥu-ru-ni ^{m.D.} UD-ŠEŠ-SUM^{na} ... im-ta-ḥar a-na ^{m.} Ki-din-^{D.} 30... a-na ša-ad-du-né it-ti-din (KAJ 109, 2—21). «360 [+?] сила зерна... которое переселенцы города Шудухе... получили, Шамашахиддина... получили, КидинСину... для передачи отдал».

Грамматическое значение результата действия, длящегося, в частности, в момент речи, характерное для статива, позволяет понять употребление этой формы в заключительной части юридических и хозяйственных документов и в юридических формулах *apil za-ku* и *urru laqe* (№ 4).

В аккадском языке нет единой системы залогового противопоставления актив : пассив. Однако глагольные породы могут выражать и залоговые отношения, в том числе и пассив⁶. Так, основное значение пород N (IV₁), Dt (II₂) и Št (III₂) — выражать пассив по отношению к породам G (I₁), D (II₁) и Š (III₁). В результате этого префиксальные финитные формы пород I₁, II₁ и III₁ у большинства переходных глаголов противостоят соответствующим формам пород IV₁, II₂ и III₂ как актив пассиву. Статив I₁, II₁ и III₁ в отличие от префиксальных форм этих пород сохраняет большую нейтральность по отношению к активному и пассивному залогам и может выражать состояние и субъекта действия (активное употребление) и объекта действия (пассивное употребление). Поэтому вместо статива IV₁, II₂, III₂ обычно употребляется статив I₁, II₁, III₁.

Статив от переходных глаголов в среднеассирийском диалекте, как и в аккадском языке в целом, чаще встречается в пассивном употреблении, реже — в активном употреблении (№ 2, 4). В использованном корпусе текстов в активном употреблении встретился статив от следующих переход-

⁵ Временная соотносительность посылок среднеассирийских законов по смыслу обычно неясна. Исходя из грамматического анализа, если нет никаких уточняющих обстоятельств, предпочтительнее переводить эти посылки прошедшим временем. Подробнее см. Каплан Г. Х. Употребление презенса, претерита и перфекта в среднеассирийских законах. — В сб.: Древний Восток, № 4. Ереван, 1983, с. 123—147.

⁶ Породы — это производные лексико-грамматические образования, модифицирующие первичное значение глагола в отношении образа действия (или состояния) в качественном и количественном смысле или в смысле его направленности (см. Дьяконова И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967, с. 256).

ных глаголов: *maḥāru* «получать», *pašā'u/nass*⁷ «поднимать», «носить», *qabā'u* «говорить», *šaḡālu* «взвешивать», *ubālu* в породе III₁ — «посылать», *ilādu* «рождать», *ušābu* в породе III₁ — «поселять», «помещать».

Как категория, безотносительная ко времени, статив может выражать результат действия, которое уже имело место (№ 2, 4) и которое только произойдет. Отсюда его способность выражать различные модальные оттенки: а) желаемость наступления данного состояния — стативный прекатив:

6. *lu-bu-ul-ta... lu ša -ak-na-at* (KAV 99, 37—42) «Одежда... пусть будет положена (и останется лежать)». б) неперенное долженствование наступления данного состояния (распространенная функция статива в юридических документах):

7. *[tu]p-pu ši-it a-šar(!) te_x-li-a-ni... a-na ḥe-ré na-d-a-at* (KAJ 142, 12—15) «[Таб]личка эта, там, где она появится... непременно будет разбита (букв.: предана разбиению)».

Картина соотношений значений презенса, претерита и перфекта, с одной стороны, и статива — с другой, в среднеассирийских текстах осложнена возможностью ослабления оттенка результативности у статива и употреблением его в значениях, не отличающихся от значений презенса:

8. *lu-ú šá SAG.20^{MEŠ} lu-ú ma-zi-iz pa-né^{MEŠ} ù lu-ú šer-ku^{MEŠ} šum-ma MÍ ša É.GAL⁸ lu-ú ta-z[a-m]u-ur ù lu-ú ša-al-ta [i]š-tu me-ḥe-er-ti-ša sa-a r²-a t ù šu-ú-ut iz-za-az il-ta-nam-me 1 ME im-mah_{-h}[a-a]š 1 GESTU-šu i-na-ki-su* («(Если) кто-либо из евнухов, или придворных, или дворцовых слуг, если дворцовая женщина либо *n[el]a*, либо с себе подобной з а т е я л а с с о р у (и, стало быть, ссорилась), а этот *стоял* (и) *слушал*, сто раз (палками) он должен быть бит, одно ухо ему должны отрезать»⁸).

9. *pa-ḥa-at tu-p-ré za-ku-e m³.Ka-ti-ri-ma na-aš-ši* (KAJ 165, 23) — «Ответственность за освобождение таблички только Катири не с е т». См. еще KAJ 100, 23; 166, 18; 167, 18; 169, 20.

Сравни аналогичные примеры с презенсом I₃:

10. *[pa]l-ḥa-at m³.A-bu-DÜG.GA za-ak-ku-e [I.]GĀL-DINGIR-ma it-ta-na-aš-ši* (KAJ 139, 18—19) — «Ответственность за освобождение Абу-таба от претензий только Ибашшиили *несет* (должен нести)». См. еще KAJ 57, 24; 170, 22.

Правда, в примерах, где несение ответственности связано с каким-либо предварительным условием, встретился только презенс I₃ и I₁:

11. *šum-ma tu-pa ši-a-ti m³.D.IM-ba-ni a-na m³.A-bu-DÜG.GA la i-na-din*

⁷ Эти глаголы идентичны по своему значению, и их парадигмы не чередуются, а дополняют друг друга. С. Парпола выдвинул предположение, что существовал только один глагол, второй коренной которого был /s/. Этот /s/ перед переднеязычным /i/ давал аллофон, обозначаемый графемой <š>, а перед среднеязычным /a/ и заднеязычным /u/ — аллофон, обозначаемый графемой <ṣ>. Удвоенное написание <šš> объясняется С. Парполой двояко: или имеет место уподобление третьего коренного /p/ предшествующему коренному /s/, или налицо компенсаторное удвоение /s/ вместо долготы предшествующего ударного гласного (Parpola S. The Alleged Middle/Neo-Assyrian Irregular Verb *nass and the Assyrian Sound Change š) s.— Assur, v. 1, Issue 1. Malibu, 1974, p. 1—10). Последнее объяснение удвоенного написания <šš> кажется более правдоподобным. Следует учитывать, что, во-первых, в среднеассирийском диалекте в других глаголах последний коренной не уподобляется второму коренному (ср. Mayer W.— Ibid., § 80, 84). Во-вторых, и от глагола *pašā'u* встретились формы статива I₁ с удвоенным <šš> (*na-aš-ši* («ответственность» он несет» — KAJ 165, 23) или долгим предшествующим гласным (*na-a-ši* — KAJ 169, 20). Так как гласный первого слога статива I₁ не имеет в последнем глаголе ни природной, ни производной долготы, долгота этого гласного объясняется, по нашему мнению, его ударным положением (см. подробнее Каплан Г. Х. К фонетике среднеассирийского диалекта аккадского языка. — Семитские языки. Вып. 2. Ч. 1. М., 1965, с. 186—200). Наиболее уязвимое место в гипотезе С. Парпола то, что чередование графем <š> // <ṣ> наблюдается в аккадских текстах только в этом случае.

⁸ Временная соотнесенность посылок дворцовых и гаремных указов не очень ясна. Как и послыки среднеассирийских законов, они переводятся обычно прошедшим временем.

pa-ḥa-at A.ŠĀ šu-a-tu za-ku-e ^{m.D.}IM-ba-ni it-ta-na-aš-ši (KAJ 132, 12—18) «Если табличку эту Ададбани Абуṭабу не отдаст, ответственность за освобождение этого поля Ададбани *несет* (должен нести)».

12. šum-ma DAM ^{at}LÜ ma-áš-ka-at-ta i-na ki-i-de tal-ta-ka-an ma-ḥi-ga-a-nu šur-qa i-na-áš-ši (KAV 1, I, 70—73) «Если жена человека что-либо ценное на стороне на хранение положила, получатель (как за) краденое (ответственность) *несет* (должен нести)».

Напротив, сохранение оттенков результативности обуславливает возможность употребления статива в тех же значениях, что и перфект, и претерит. В следующих примерах из среднеассирийских законов статив и перфект от глагола ulādu обозначают законченное действие ⁹:

13. šum-ma i-na ar-kāt UD^{MES} mu-us-sa ḥal-qu a-na ma-a-te it-tu-ú-ra DAM-su ša a-na ki-i-de aḥ-zu-tu-ú-ni i-laq-qé-áš-si a-na DUM^{MES} ša a-na mu-ti-ša ur-ke-e u l - d u - t u - ú - n i la-a i-qar-rib mu-us-sa-ma ur-ki-ú i-laq-qé (KAV 1, VI, 72—78) «Если впоследствии муж ее пропавший в страну возвратится, жену свою, которая на сторону была взята замуж, он может взять ее; к сыновьям, которых второму мужу она родила, он не должен приближаться, только второй ее муж может взять (их)».

14. šum-ma i-na pa-ni 5M MUM^{ES} a-na mu-te ta-ta-[š]a-ab ù ta-at-ta-la-ad mu-us-sa i-na a-la-a-ke... a-na šu-a-ša ù li-da-ni-ša-ma i-laq-qé-šu-nu (KAV 1, V, 8—14) «Если до (истечения) пяти лет она поселилась у (другого) мужа и *родила* (ему) (детей), то муж ее (прежний) по возвращении, что касается ее и ее же потомства, может взять их».

В следующем примере два альтернативных действия выражаются стативом и претеритом:

15. šum-ma LÜ lu-ú IĀ.GIŠ a-na SAG.DU it-bu-uk lu-ú ḥu-ru-up-pa-a-te ú-bíl DUMU ša DAM^{ta} ú-di-ú-né-šu-ni lu-ú m e - e - e t lu-ú in-na-bi-it i-na DUM^{MES} re-ḥa-a-te... a-na ša ḥa-di-ú-ni i-id-dan (KAV 1, VI, 19—26) «Если человек либо возлил масло на голову (дочери человека), либо блюда (?) (для угощения) принес, (а) сын, которому жену он предназначил, либо у м е р, либо *убежал*, из оставшихся сыновей... кому пожелает, он может отдать (ее)».

В двух вариантах одного и того же указа встречается одно выражение то с претеритом, то со стативом от глагола muātu «умирать» ¹⁰:

16. i-na GIŠPAMES te-me-[et]...

Вариант:

17. i-na GIŠPAMES m e - t a - a t... «(Если) под палками она (служанка) у м е р л а...»

Статив в пассивном употреблении может, как представляется, заменять презенс, претерит и перфект пород, выражающих пассивное действие. Ср. статив и презенс породы II₂:

18. [...] i-na UD^{me}i-na re-be-te e-[di-iš] il-la-ka-a-ni up-ta-š[a-na-ma] e-se-er-tu ša iš-tu NIN-[ša] i-na re-be-e-te tal-lu-ku-ú-ni[li] p a - a š - š u - ú - n a - a t q a - d i - i l - t u š a m u - t u e ḥ (a ḥ) - z u - š i - n i i - n a r e - b e - e - t e p a - š u - n a - a t - m a š a - a m u - t u l a - a e ḥ (a ḥ) - z u - š i - n i i - n a r e - b e - e - t e SAG.DU-sa pa-at-tu la-a tu-up-ta-aš-ša-an... (KAV 1, V, 56—65) «(Когда) [...] днем по площади од[ни] идут, они *должны покрыва[ться]*, наложница, которая со [своей] госпожой по площади идет, д о л ж н а п о к р ы в а т ь с я, кадишту, которую муж взял в жены, на площади д о л ж н а п о к р ы в а т ь с я, а которую муж не взял в жены, на площади голова ее должна быть раскрыта, она не должна покрываться...».

Далее следуют примеры, где статив употребляется вместо презенса,

⁹ Эта точка зрения была высказана уже Ю. Леви: *Lewy J. Das Verbum in den «altassyrischen Gesetzen». Untersuchungen zur akkadischen Grammatik I.*— Berliner Beiträge zur Keilschriftforschung, B. I, H. 4, B., 1921, S. 62—63.

¹⁰ Согласно указу, из которого приводится выдержка, дворцовая женщина, до смерти забывшая свою служанку, должна понести наказание. Текст сильно поврежден, но то, что оба выражения употребляются в идентичном смысле, не вызывает сомнений..

претерита и перфекта породы IV₁, выступая пассивным аналогом формам презенса, претерита и перфекта породы I₁. Правда, в документах и других памятниках делового языка, откуда взяты примеры, при описании неких обстоятельств, имеющих юридическое значение для дальнейшего хода событий, возможно, требовалось употребление именно статива:

19. šum-ma a-na qa-at 5 MUMES ú-hi-ra-an-ni i-na ra-mi-ni-šu la-a ik-kal-ú-ni lu-ú KUR(!)¹¹ a-le iš-ba-at-su-ma in-na-bi-[it] lu-ú ki-i sa-ar-[tel] ša-bi-it-ma ú-ta-ah-[hi-ra] i-na a-la-ke ú-ba-a-a[r] (KAV 1, IV, 103—V, 1) «Если сверх пяти лет он (пропавший муж женщины) запоздал, (но) не по своей вине он задержался: либо враг города *захватил* его, и он убежал, или по ошибке он был задержан и (тем самым) запоздал — по приходе он должен доказать».

20. šum-ma i-na ar-kāt UD^{MES} mu-us-sa hal-qu a-na ma-a-te it-tu-ú-ra... A.ŠA ù Ē ša ki-i ú(!)-kúl-la-i-ša a-na ŠAM ga-me-er a-na ki-i-de ta-di-nu-ú-ni šum-ma a-na dan-na-at LUGAL la-a e-ru-ub ki-i ta-ad-nu-ni-ma¹² id-dan ù i-laq-qé (KAV 1, VI, 72—84) «Если впоследствии муж ее пропавший в страну возвратится... поле и дом, которые для пропитания ее (его жены) за полную цену на сторону были отданы, если на царскую службу он не пойдет, сколько было отдано (за поле и дом), он должен *отдать* и сможет взять (их)».

21. AN.NA an-ni-ú šul-ma-nu a-ba-su-nu e-mar šul-ma-šu i-laq-qe (KAJ 54, 9—14) «Сwineц этот — вознаграждение, (когда) дело их (обязавшихся уплатить вознаграждение) он (получатель вознаграждения) *рассматривает*, вознаграждение свое он (получатель) сможет взять»¹³.

22. KÜ.GI an-ni-ú šul-ma-nu šu-ut a-ba-su am-rat šul-ma-šu i-da-an (KAJ 49, 8—14) — «Золото это — вознаграждение, (когда) дело (обязавшегося уплатить вознаграждение) будет рассмотрено, его (получателя вознаграждения) вознаграждение он (обязавшийся) должен *отдать*»¹³. Ср. еще: KAJ 48, 9; 51, 11; 73, 13; 90, 8.

23. 1 UDU^m Ki-li-za-JA DUMU 20 1 (UDU)^{m.D} Be-er-a-bi-PAP 1 (UDU)^f Ha-si-an-pa-ri-gi 1 (UDU) a-na pa-an^D DU[MU.MI]-[A/AN-n] i₆ a-na Ē.GAL^{le} e-pi š 1 UDU a-na pa-an^D Še-ru-a UDU-SIZKUR ša^{m.D} MAS-GISTUKUL-Aš + šur a-na ú-ru Ē.GAL^{le} m.LUGAL-mu-dam-me-eq mu(!)-ra-qi-ú e-ta-pa-áš TIL 5 UDUMES re-mu-a-tu (KAJ 192, 10—19) «Одна овца для Килизайи, сына царя, одна (овца) для Берабиуцура, одна (овца) для Хасианпариги, одна (овца) перед богиней МаратАни для дворца была приготовлена (т. е. принесена в жертву), одну овцу перед богом Шеруа, жертву НинуртатукульАшшура, в хлеву дворца Шаррумудаммек, парфюмер, *приготовил* (т. е. принес в жертву). Всего пять овец — дары (царя)».

Аналогичное значение статива от глагола ерāšu «делать» обнаруживается как будто бы в надписи среднеассирийского царя Салманасара I (1274—1245), написанной, правда, на средневавилонском диалекте¹⁴:

24. e-nu-ma abullu...ša i-na pa-na ip-šú e-na-ah-ma...ù ma-aq-ta iš-tu uš-še-šú a-di gab-dib-bi-šú e-pu-uš (AOB XXI, 13, 5—15) «Тогда ворота... которые прежде были с о о р у ж е н ы, о б е т ш а л и, разрушенные (ворота) от основания до бруствера я восстановил их».

Сравни из его же надписи:

25. e-nu-ma bît^d Ni-nu-a-it-ti bêlti-ja mah-ru-u ša i-na pa-na šarrâni^{MES}

¹¹ Чтение предложено И. М. Дьяконовым. См. Дьяконов И. М. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства. — ВДИ, 1952, № 4, с. 219, прим. 8. Словари оставляют это место без перевода.

¹² В среднеассирийском диалекте статив к глаголу nadānu — «давать» образуется от корня tadānu; см. Mayer. Op. cit., § 82, 3.

¹³ Трактовка текстов дается по работе: Finkelstein J. J. The Middle Assyrian Sulmānu-Texts. — JAOS, 1952, v. 72, № 2, p. 77—80.

¹⁴ Тексты Салманасара I цитируются по изданию: Ebeling E., Meissner B., Weidner E. F. Die Inschriften der altassyrischen Könige. — Altorientalische Bibliothek. B. I. Lpz., 1926.

a-lik pa-ni-ja e-pu-šú e-na-aḥ-ma iš-tu uš-še-šú a-di gab-dib-bi-šu e-pu-uš (AOB XXI, 9, 6—16) «Тогда прежний храм Нинуаитти, госпожи моей, который раньше цари, бывшие до меня, соорудили, обветшал, и от основания до бруствера я восстановил его».

Тонкое исследование, сделанное на большом фактическом материале старовавилонских и младовавилонских текстов, посвятил стативу М. Роутон (автор предпочитает термин «пермансив») ¹⁵. Он пришел, в частности, к следующим выводам. Когда контекст фиксирует внимание на элементе завершенности в стативе, последний имеет тенденцию употребляться как перфект (или претерит) ¹⁶; когда контекст фиксирует внимание на элементе незавершенности в стативе, он по значению приближается к презенсу. Статив в пассивном употреблении в значительной степени вытеснил презенс и перфект породы IV₁. В активном употреблении статив 12 глаголов проявляет тенденцию употребляться как перфект (или претерит) ¹⁶. Основное число примеров приходится на глаголы *šabātu(m)* «хватать», *maḥāru(m)* «получать» и *leqû(m)* «брать». Статив от *maḥāru(m)* употребляется просто вместо перфекта (или претерита). К этому же стремится статив от *leqû(m)* ¹⁷. Презенс обычно обозначает действие в процессе развития или как многократно повторяющееся. Статив же в активном употреблении, выражая длительное действие, обозначает его как бы непрерывно длящееся. Но в некоторых случаях совместного употребления презенса и статива этих различий не чувствуется, а статив глагола *pašû(m)* — «поднимать, нести» просто употребляется как презенс (ср. здесь № 9, 10).

Специально занимался стативом А. Халдар. Он пришел к заключению, что статив мог выражать не только состояние, но и действие любого вида и времени, и употреблялся вместо презенса и претерита (Халдар не принял теорию перфекта В. Зодена и не согласился выделить перфект — по происхождению претерит вторичных пород — в особую категорию) ¹⁸.

В. Зоден справедливо раскритиковал Халдара за неправильные чтения, но некоторые его (Зодена) теоретические положения вызывают возражения ¹⁹. В. Зоден считает, что статив выражает действие только в переводах ассириологов, у которых нет языковых возможностей выразить всю полноту значения статива, и что финитные глагольные формы не могут свободно заменять друг друга. В целом Зоден прав, но ведь жестких границ между этими формами в их употреблении нет. Некоторые функции префиксальных финитных форм — это скорее явные тенденции, а не твердые правила. Например, в среднеассирийском диалекте презенс про-

¹⁵ Rowton. Op. cit.

¹⁶ Роутон обычно не упоминает претерит, но это видно из его примеров.

¹⁷ Некоторые примеры от этих двух глаголов в объеме цитаты кажутся спорными, тем более что, например, в исследуемых среднеассирийских текстах статив от *maḥāru* имеет обычное стативное значение (ср. № 4). В недавно опубликованном среднеассирийском тексте (*Aynard M.-J., Durand J.-M. Documents d'Époque Mésopotamienne. — Assur, Malibu, 1980, v. 3, issue 1, p. 43. № 10*) употребляются формы претерита и статива от этого глагола с характерным для каждого значением. Но в заключительной части документа KAJ 234 вместо ожидаемого статива от *maḥāru* употребляется претерит:

26. 1 me ANSE SE... ša SU ^m.Ad-ma-ti(!)-DINGIR ^{m.D}.UD-ú-la-am-ši... *im-ḥur* (KAJ 234, 1—11) «сто имеров зерна..., что в распоряжении Адматпили, Шамашулам-ши получил».

Ср. со стативом в близком контексте:

27. 1 GUN 5 MA. Na šar-tu ša SU EN-MU-SUM^{na}... ^{m.D}.Iš₈-tár-MU-KAM m a-ḥ e e r... (KAJ 104, 1—6) «Один талант пять мин козьего пуха, что в распоряжении Белшумаиддина... Иштаршумаериш получил...». Если в тексте KAJ 234 не описка, то не имела ли место определенная контаминация форм претерита и статива глагола *maḥāru(m)* как в среднеассирийском диалекте, так и в аккадском языке в целом. Ведь Роутон утверждает, что в старовавилонских контрактах статив от данного глагола появился там, где в староаккадских текстах был претерит (Rowton. Op. cit., p. 244).

¹⁸ Haldar A. The Akkadian Verbal System. — *Orientalia*, 1963, v. 32, f. 3, p. 246—279; 1964, v. 33, f. 1, p. 15—48.

¹⁹ Soden. Op. cit.

являет явную тенденцию превратиться в пределах будущего времени во временную категорию, потому что может обозначать действие будущего времени как курсивного, так и констатирующего вида, но действие будущего времени констатирующего вида могут обозначать и претерит, и перфект, хотя предпочтение отдается презенсу. Перфект проявляет явную тенденцию превратиться в форму сказуемого утвердительного самостоятельного предложения, а претерит — придаточного. Но если в письмах это разграничение проводилось четко уже в XIII в. до н. э., то в юридических документах это произошло лишь столетие спустя, видимо, потому, что последние более подвержены стандартизации и менее чувствительны ко всякого рода изменениям в языке, чем письма. А до этого времени в юридических документах претерит встречается в самостоятельных утвердительных предложениях даже чаще, чем перфект. В аккадском языке есть глаголы, у которых презенс может иметь стативное значение, образуя так называемый префиксальный статив ²⁰. Возможно, статив, сочетающий в себе черты констатирующего и курсивного видов, под влиянием контекста иногда мог употребляться вместо одного или другого вида. Отчасти эта мысль уже высказана И. М. Дьяконовым: «Замещение глагольной формы совершенного вида формой первоначального именного предиката (в его частном случае предиката — причастия состояния) — явление, имеющее немало аналогий в истории языков... Некоторая тенденция развития в этом направлении, наблюдаемая для аккадского языка, несомненно, является поздней и имеет место в условиях уже сложившейся системы глагола в том ее виде, в каком она исторически засвидетельствована» ²¹.

К замечанию И. М. Дьяконова можно только добавить, что аккадский статив, как представляется, мог замещать не только глагольную форму совершенного (констатирующего) вида, но и несовершенного (курсивного), и отдельные примеры такого употребления статива как будто прослеживаются уже в древних диалектах. Конечно, замещение стативом презенса, претерита и перфекта, особенно при выражении активного действия, если и происходило, то, видимо, редко и в основном только у некоторых глаголов ²².

Г. Х. Каплан

THE USE OF THE STATIVE IN THE AKKADIAN LANGUAGE

G. Kh. Kaplan

The stative in Akkadian is a verbal adjective functioning as a predicate. The stative indicates the state, or condition, of a subject, which state arose as a result of a completed action and continues at the moment of speaking. Thus, in the stative are interwoven strands of perfectivity (completedness, finality), continuity and non-finality. The perfective strands belong to the aspect tense forms, the preterite and perfect, while the strands of continuity and non-finality belong to the aspect-tense form, the present. Apparently in the early dialects of Akkadian the stative might sometimes (depending on the context) be used instead of the aspect-tense forms.

²⁰ Soden W. von. Grundriss der Akkadischen Grammatik.— *Analecta Orientalia*, 1952, 33, § 78b.

²¹ Дьяконов. Языки..., с. 246, пункт 7, с. 248, прим. 129.

²² Надо осторожно использовать примеры на статив из амарнских писем сирийских и палестинских правителей и из алалахских документов, так как аккадский язык этих текстов находился под сильным влиянием местных, западносемитских языков. См. подробнее: Tsevat M. Alalakhiana.— *Hebrew Union College Annual*, Cincinnati, 1958, 29, p. 109—134.

О НЕКОТОРЫХ НАИМЕНОВАНИЯХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В ПОЗДНИХ КНИГАХ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Как известно, ценность Ветхого Завета как источника по истории и культуре иудеев бесспорна. Цель нашей работы — анализ текстов так называемых поздних книг Ветхого завета — книги Есфири, книги Даниила и 1-й книги Ездры — с тем, чтобы попытаться ответить на ряд вопросов о близости взаимоотношений и о степени глубины культурного влияния на иудеев со стороны покоривших их персов во времена персидского владычества над Иудеей в эпоху Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.)¹. Книга Есфири² и книга Даниила³ датируются примерно временем восстания Маккавеев (ок. 167 г. до н. э.), 1-я книга Ездры⁴ — ок. 300 г. до н. э. Особенность этих текстов в том, что в них имеется большое количество иранизмов — заимствований из древнеперсидского языка, которые уникальны, т. е. не встречаются в других текстах Ветхого Завета. Анализ именно этого пласта заимствованной лексики может помочь ответить на до сих пор не разрешенный вопрос о степени влияния персов на иудеев в области культурной и административной жизни⁵. Анализируемые памятники написаны на древнееврейском языке; в 1-й книге Ездры и в книге Даниила имеются вставки на библейском арамейском языке⁶.

Проблема выделения и этимологизации иранизмов в Ветхом Завете был посвящен ряд исследований⁷; результаты этимологических разысканий нашли свое отражение в словарях древнееврейского и библейского арамейского языков, в первую очередь в этимологическом словаре Келера и Баумгартнера⁸. Однако, как представляется, до сих пор еще не было предпринято обобщающих исследований, проливающих свет на культурно-историческую ситуацию в свете анализа заимствований из древнеперсидского языка эпохи Ахеменидов.

В рассматриваемых трех книгах представлено подавляющее большинство «иранизмов», причем значительное их количество содержится в библейско-арамейских отрывках, что может отражать их употребление в живой речи⁹. Семантически «иранизмы» относятся к административно-хозяйственной сфере и к сфере материальной и духовной культуры¹⁰, например др.евр. 'arpeden «дворец» (Дан. 11 : 45); 'aṣṣōm «сокровищница» (Езд. 4 : 13); pardēs «сад» (Неем. 2 : 8); библ.-ар. piṭgām «послание, приказ» (Есф. 1 : 20, Дан. 3 : 16; 4 : 14; Езд. 4.17, 5 : 7, 11; 6 : 11); paršeḡen «копия» (Езд. 4 : 11, 5 : 6; 7 : 11), др.евр. paṭšeḡen (то же самое) (Есф. 3 : 14; 4 : 8; 8 : 13); др.евр., библ.-ар. ništawān «указ» (Езд. 4 : 7;

¹ См. Букерман Э. Хронология древнего мира. М., 1976, с. 193 сл.

² См. Schrader E. Keilinschriften und das alte Testament. Lpz, 1902; Scheftelowitz I. Zur Kritik des griechischen und massoretischen Buches Esther. — MGWJ, 1903, XLII.

³ Kampfhausen A. Das Buch Daniels und die neuere Geschichtsforschung. B., 1901.

⁴ Schrader. Op. cit.; Hanhart R. Text und Textgeschichte des 1. Ezrabuches. Göttingen, 1974.

⁵ Gunneweg A. H. J. Geschichte Israels bis Bar Kokhba. Stuttgart, 1976.

⁶ О роли библейского арамейского языка см.: Aramaic Documents of the 5th Century B. C. Oxf., 1957; Altheim F., Stiehl R. Die aramäische Sprache unter den Achämeniden. Lpz, 1962; Bowman R. A. Aramaic Ritual Texts from Persepolis. Chicago, 1970.

⁷ См. Scheftelowitz I. Arisches im Alten Testament. Lpz, 1901; Ellenbogen M. Foreign Words in Old Testament: Their Origin and Meaning. L., 1962; Айхенвальд А. Ю. Вопросы этимологии и семантики иранизмов в памятниках Ветхого Завета. — В сб.: Ирано-афразийские языковые контакты (вып. II). М.: Наука (в печати).

⁸ Koehler L., Baumgartner W. Lexicon in Veteris Testamenti Libros. Heidelberg, 1967; Levy J. Neuhebräisches und chaldäisches Wörterbuch. B. 1—5. B., 1876; Dalman G. Aramäisch-neuhebräisches Wörterbuch. Lpz, 1922.

⁹ Cp. Ellenbogen. Op. cit.; Dammron A. Grammaire de l'araméen biblique. Strasbourg, 1961.

¹⁰ См. Айхенвальд. Ук. соч.; Ellenbogen. Op. cit.

4 : 18, 23; 5 : 5; 7 : 14); др.евр. *patbağ* «пир» (Дан. 1 : 5; 8, 13, 15, 16; 11 : 26) и некоторые другие (см. ниже).

Важное место среди заимствований занимают названия должностных лиц — чиновников, военачальников и др. Наличие такого пласта заимствований может отражать исторически документированные контакты между иудеями и персами и даже влияние персов на иудеев в административной сфере.

При анализе данного пласта заимствований возникают некоторые проблемы: 1. *Проблема источника заимствования.* Определение источника заимствования для данного слова, легко распознаваемого как «иранизм», часто затруднительно из-за того, что лексический состав древнеперсидского языка плохо сохранился. Поэтому часто приходится прибегать к реконструкции гипотетической древнеперсидской формы¹¹ на основании данных близкородственных языков (авестийского, среднеиранских). При этом необходимо учитывать восточно- или западноиранские особенности, сохраняющиеся в заимствовании. 2. *Проблема перевода слова.* Семантика многих заимствований из древнеперсидского языка в древнееврейский и библейский армейский остается неясной из-за ограниченной встречаемости этих слов. Нередко этимология помогает решить вопрос о выборе значения¹².

Ниже будут разобраны наименования должностных лиц иранского происхождения, встречающиеся в перечисленных книгах Ветхого Завета¹³, а затем сделан ряд выводов.

1. **āhašdarpān* «властитель, сатрап (?)»; **āhaštrānīm* «царские, принадлежащие царю».

1.1. Слово **āhašdarpān* встречается в библейском арамейском и древнееврейском текстах (Есф. 3 : 12; Есф. 8 : 9; Есф. 9 : 3; Езд. 8 : 36; Дан. 3 : 2; 3 : 3; 3 : 27; 6 : 2—5; 6 : 7) в форме множественного числа свободного состояния (др.евр. *āhašdarpānīm*, библи.-ар. *āhašdarpənuū*) и в форме сопряженного состояния множественного числа (др.евр. *āhašdarpenū*). Гипотетическая форма единственного числа — др.евр., библи.-ар. **āhašdarpan*. Сопоставление этого слова с др.перс. *xšātrān* «сатрап», букв. «защитающий царство», было предложено И. Шефтеловичем, а затем поддержано М. Элленбогеном¹⁴. Однако в древнеперсидских текстах¹⁵ это слово встречается в форме *xšaθrāvan*; кроме того, для древнеперсидского нехарактерна ассимиляция *tr* в *dr* (см. ниже, 1.2). Соответствие др.перс. *xšaθra-dar* в слове **āhašdarpan* позволяет предположить, что источником заимствования был не древнеперсидский, а аккадский, так как **āhašdarpan* можно сопоставить с аккадским *aḥšad(a)rapānu* «сатрап, военачальник».

1.2. Невозможность передачи др.перс. *θr* как *dr*, *dar* в древнееврейском и библейском арамейском подтверждается передачей др.перс. *θr* как др.евр., библи.-ар. *t(ə)r* в других случаях. В этой связи интересно рассмотреть слово *āhaštrānīm* «царские, принадлежащие царю», встречающееся в древнееврейском тексте (Есф. 8 : 10, 14) и содержащее тот же древнеперсидский корень, что и др.перс. *xšaθrāvan*, акк. *aḥšad(a)rapānu*. Впервые Шефтелович сопоставил это слово с др.перс. *xšaθra* с суффиксом -на¹⁶. Передача начального др.перс. *xš-* как др.евр. *āhaš-* зако-

¹¹ Ср. также *Kent R. G. Old Persian. New Haven, 1953; Bartholomae C. Altiranisches Wörterbuch. B., 1961.*

¹² Данные анализа могут позволить сделать выводы, интересные также с точки зрения развития древнеперсидского языка.

¹³ Для иллюстрации значения слов будут использованы переводы Ветхого Завета на русский (Библия. М., 1979) и на немецкий язык (Das Alte Testament. Lpz, 1968).

¹⁴ *Scheftelowitz. Arisches...; Ellenbogen. Op. cit.*

¹⁵ *Kent. Op. cit.; Bartholomae. Op. cit., s. v.*

¹⁶ Об этом элементе см. *Kent. Op. cit.; Meillet A. Grammaire du vieux perse. P., 1931.*

номерна, поскольку в древнееврейском недопустимы скопления согласных в начале слова. Регулярность передачи др.перс. хš- как 'āhaš подтверждается также передачей имени царя Ксеркса: др.перс. xšāyārša, др.евр. 'āhašwērōš. Передача др.перс. θr (из иранского *tr, ср. авест. xšatra) в древнееврейском как tr может служить подтверждением гипотезы о том, что в эпоху Ахеменидов древнеперсидское сочетание tr еще реализовывалось как бифонемное¹⁷. Шефтеловичу принадлежит и первый правильный перевод этого слова; ранее (например, в Септуагинте) оно или опускалось, или переводилось неверно (так, вслед за Раши 'āhaštā-gānīm переводилось иногда как «быстро бегающие верблюды»).

Приведем в качестве иллюстрации некоторые контексты.

Есф. 8 : 10: wəyik̄tob bāšēm hammelek 'āhašwērōš wayuyahtōm bətabba' aṭ hammelek wayuišlah səpārīm bəyaḏ hārācīm bassūsīm rōkəbēy hārekeš hā'āhaštārānīm bənēy hārammaḳīm «И написал он от имени царя Артаксеркса и скрепил царским перстнем и послал письма с гонцами на лошадях, едущими на упряжках царских коней, рожденных от быстрых кобылиц» (ср. перевод в Библии (М., 1979) 'āhaštārānīm как «дромадеры и мулы царские»).

Есф. 8 : 14: hārācīm rōkəbēy hārekeš hā'āhaštārānīm yācə'ū məbōhālīm udəhūpīm bidhar hammelek «Гонцы, скачущие на упряжках царских коней, отправились поспешно с повелением царя» (перевод Библии: «на быстрых конях царских»; в немецком переводе в обоих случаях читаем: «на конях благороднейшего происхождения» (auf Rossen edelster Abstamm)).

Интересно, что в обоих случаях 'āhaštārānīm встречается в сочетании со словом rekeš «упряжка, запряженные кони»; не исключено, что здесь мы имеем дело с фразеологизмом, только одна часть которого (rekeš) употреблялась свободно.

1.3. На основании вышеизложенного слово *'āhašdarpaṇ⁽⁻⁾ представляется целесообразным считать заимствованием из аккадского языка, а не непосредственно из древнеперсидского.

Примеры употребления слова *'āhašdarpaṇ:

Есф. 3 : 12: wayyikkātēb kəkol-'āšer ciwwā-hāmān 'el 'āhašdarpaṇēy hammelek wə'el happaḥōt 'āšer 'al-məḏinā uməḏinā wə'el sārēy 'am wa'am. Перевод (см. Библия. М., 1979): «И написано было, как приказал Аман, к сатрапам царским, и начальствующим над каждой областью, и к князьям у каждого народа».

Есф. 8 : 9: wayyikkātēb kəkol 'āšer-ciwwā mōrdəḳay 'el hayyēhūdīm wə'el hā 'āhašdarpaṇīm wəhappahōt wəsārēy hamməḏinōt «И написано было все так, как приказал Мардохей, к иудеям, и к сатрапам, и к областеначальникам, и правителям областей».

Есф. 9 : 3: wəkol sārēy hamməḏinōt wəha 'āhašdarpaṇīm wəhappāhōt wə'āsēy hamməlāḳa 'āšer lammelek mənās' im 'et hayyēhūdīm «И все князья в областях, и сатрапы, и областеначальники, и исполнители дел царских поддерживали иудеев».

Езд. 8 : 36: wayyitnu 'et dātō hammelek lā'āhašdarpaṇēy hammelek upā-hāvot «И отдали царские повеления царским сатрапам и заречным областеначальникам».

Дан. 3 : 2: unəbūkadneccār malkā'səlāh ləmiknāš lā 'āhašdarpaṇayyā' signayyā' upāhāwātā' ādargāzayyā' dəḏābarayyā' dətābərāyayyā' tiptāyē' wəkol šiltōnēy məḏinōtā' «И послал Навуходоносор собрать сатрапов, заместников, воевод, верховных судей, казначейств, законов, блюстителей суда и всех областных правителей».

Дан.: 3 : 6: bē' āḏin miṭkannāšīn 'āhašdarpaṇayyā' signayyā' upāhāwātā' 'adargāzayyā' gəḏābarayyā' dətābərāyayyā' tiptāyā' wəkol šiltōney məḏinā' «И тогда собрались сатрапы, заместники, воеводы...» (см. перевод Дан. 3 : 2).

¹⁷ Ср. Kent. Op. cit.

Дан. 3 : 27: umitkanšin 'āḥašdarpanayyā' siḡnayyā' uṗāhāwātā' wəha-ddābrēy malkā' hāzāyin... «И, собравшись, сатрапы, наместники, военачальники и советники царя усмотрели...».

Дан. 6 : 2—5: šəṗar qōdam dārēyāwēš wāhāqēm 'al malkūtā' lā' āḥašdarpanayyā' mēa' wə'əsrin di lēhēwōn bəkol malkūtā' wə'ellā' minnə hōn sārēkin tēlatā' di dāniyyēl haḡ minnahōn di lēhēwōn 'āḥašdarpanayyē' 'illēn yāhābin lēhōn tā 'əmə 'umalkā' lo lēhēwē' nāziq ēdayyīn dāniyyel danā' hawwā miṭnaccāh 'al sārəkayyā' wā'āḥašdarpanayyā' kol qōbēl di rūah yattīrā' bēh umalkā' 'āsīt lahāqimātēh 'al kol malkūtā' 'edayyīn sārəkayyā' wā' āḥašdarpanayyā' hawō bā' ayīn 'illā ləhaškāhā lēdāniyyēl miccaḡ malkūtā' «Угодно было Дарию поставить над царством сто двадцать *сатрапов*, чтобы они были во всем царстве, а над ними трех князей, — из которых один был Даниил, — чтобы сатрапы давали им отчет и чтобы царю не было никакого обременения. Даниил превосходил прочих князей и *сатрапов*, потому что в нем был высокий дух, и царь помышлял уже поставить его над всем царством. Тогда князья и *сатрапы* стали искать предлога к обвинению Даниила по управлению царством».

Дан. 6 : 7: 'edayyīn sārəkayyā' wā' āḥašdarpanayyā' 'illēn hargišū «Все князья царства, наместники, *сатрапы*, советники и военачальники согласились между собой».

Точное значение *'āḥašdarpan остается не до конца ясным. Как видно из примеров, это слово практически всюду встречается в перечислениях наряду с наименованиями других должностных лиц, причем эти последние — в большинстве своем заимствования ¹⁸. Так, в книге Есфири 'āḥašdarpanīm встречается наряду с harpāhōt 'ašer 'al mēdinā «правителями областей» (Есф. 3 : 12; 8; 9). Слово reḥā заимствовано из аккад. raḥatu ¹⁹, ср. перевод в словаре Келера и Баумгартнера: «правитель; особ. персидский и вавилонский». В Есф. 3 : 12 и 8 : 9 противопоставлены 'āḥašdarpanīm harpāhōt и sārēy hammēdinōt «правители областей: князья» (ср. перевод Келера и Баумгартнера ²⁰: Unterkönige), что позволяет предположить, что при использовании слова 'āḥašdarpanīm речь идет именно о царских чиновниках или вельможах, противопоставленных другим правителям. В Есф. 9 : 3 противопоставлены 'āḥašdarpanīm и 'āsēy hammēlāka 'ašer lammelek «исполнители дел царских, правители»; в 1-й кн. Ездры — 'āḥašdarpanīm и harpāhōt; в книге Даниила *'āḥašdarpan выступает в ряду лексем, семантика которых также не вполне ясна (см. выше, Дан. 3 : 3, Дан. 3 : 2; 3 : 27; 6 : 5; 6 : 7) (о некоторых из них — словах иранского происхождения — речь пойдет ниже) ²¹. Возможно, обобщающим словом является šiltōnōt mēdinōtā' «правители областей».

В книге Даниила (6 : 2—5, 6 : 7) *'āḥašdarpan выступает в семантической оппозиции к другому обозначению чиновников или правителей — sārəkayyā' (последнее слово также встречается только в книге Даниила): чиновник *'āḥašdarpan подчинен чиновнику *sārak (<sārəkayyā). Поэтому анализ слова *sārak представляется небезынтересным. Так, Я. Леви ²² вслед за Гезениусом ²³ полагал, что *sārak состоит из двух частей: sār «князь, министр» + перс. суффикс -k. Такая этимология не может быть признана удовлетворительной прежде всего потому, что она предполагает сочетаемость древнееврейского по своему происхождению слова с заимствованным суффиксом, что весьма маловероятно; кроме того, несмотря на то, что в некоторых случаях в древнееврейском языке наблюдается

¹⁸ См. Ellenbogen. Op. cit.

¹⁹ См. Ellenbogen. Op. cit., p. 131; Koeler, Baumgartner. Op. cit., p. 1112.

²⁰ См. Koeler, Baumgartner. Op. cit., p. 1112.

²¹ Согласно Элленбогену, siḡnayyē заимствовано из акк. šaknu; tiptāyē' — неясное, видимо, аккадское заимствование; об 'ādargāzrayyā, gēdāḥarayyā', dēfāḥarayyā' см. ниже.

²² Levy. Neuhebräisches..., S. 675.

²³ Gesenius W. Thesaurus philologicus criticus linguae hebraeae et chaldaee Veteris Testamenti. Lpz, 1835—1858.

никак не обусловленное ²⁴ варьирование s (графема «самех» в *sāraḳ*) и s' (графема «син» в *sār*) именно в лексеме *sār* «князь» оно не встретилось.

Келер и Баумгартнер ²⁵ предлагают считать **sāraḳ* иранизмом и выводят его из др.перс. *sar* «голова (?)» + суффикс -*ḳ* (ср. перс. *sarak* «начальник»). Предлагаемое там же сопоставление с хеттским *šarkuḥ* «высокий» неясно, так как трудно себе представить заимствование из хеттского в библейский арамейский. Однако нельзя считать полностью исключенной возможность заимствований из позднеанатолийских языков (ср. лийск. *zṛqṛi-* «бороться, сражаться», *zṛigali* «воин» из общепанатоллийского **saṛH-* или из аккадского *šarku* «вид воинов»). Вместе с тем, если бы **sāraḳ* было заимствовано из аккадского или из позднеанатолийских языков, то оно сохранило бы, вероятно, значение «военачальник», что не засвидетельствовано (см. примеры выше). Кроме того, именно единичность использования этого слова свидетельствует в пользу его иранского происхождения.

Как в книгах Даниила и Ездры, так и в других поздних книгах Ветхого Завета (книга Неемии, 1-я книга Царств и др.) используются обозначения царских чиновников: *sār*, *raḥrēbānīn* (например, Дан. 4 : 33; 5 : 3; 9 : 6 и др.), причем последнее в книгах Даниила и Ездры, по всей вероятности, синонимично **ʾāḥašdarpaṇ*. Возможно, что использование «уникальных» обозначений для чиновников персидского царя носило подчеркнуто окказиональный характер.

2. **dātābar* «судья, законовед».

Это слово встречается в библейском арамейском (см. выше: Дан. 3 : 3, Дан. 3 : 2) в форме множественного числа *dātābārayyā*. Келер и Баумгартнер ²⁶ реконструируют форму единственного числа как **dātābar*; в соответствии с правилами сокращения гласных в древнееврейском и библейском арамейском можно предложить альтернативную форму **dātābar*. Форма *dātābar* возводится к др.перс. **dātabara* «судья (?)», носитель закона» (ср. пехлеви *datawar* из общесреднеиран. **dātōbar*, парф. *d'dbr*; ср. аккадское заимствование *dātabari*), которое членится на *dāta(m)* «закон», *bara* «носитель». Спирантизованное *b* после долгого гласного во втором слоге может отражать спирантизованное произношение *b* в древнеперсидском ²⁷.

В древнееврейском и библейском арамейском используется слово *dāt* (перешедшее также в среднееврейский и современный иврит), библ.-ар. *dāta* 'закон, приказ, повеление» (Есф. 1 : 13; 3 : 14; 9 : 13; Есд. 7 : 12; 14; 7 : 26; Дан. 2 : 13, 15; 6 : 6; 6 : 9; 13 : 16 и др.) ²⁸. Например, Есф. 1 : 13: *kikēn dēbar hammelek liṛnēy kolyōd ʿēy dāt wādīn*. Перевод (Библия. М., 1979): «Ибо дела царя делались перед всеми, знающими закон и права».

Др.евр. *dāt*, библ.-ар. *dāta* этимологически тождественны др.перс. *dāta(m)* (пассивному причастию от *dā-* «давать»): «нечто данное, повеление, закон» — первой части слова **dātabara*. Функционирование этого слова в языке подтверждает древнеперсидское происхождение слова **dātābar*.

3. **gəḏābār* «казначей, казнохранитель (?)»; *gizbār* «казначей, хранитель сокровищ».

Эти слова, встречающиеся в древнееврейском и библейском арамейском языках, представляют собой этимологические дублиеты и синонимы. **gəḏābār* в форме множественного числа встречается в Дан. 3 : 2; 3 : 3;

²⁴ Bergsträsser G. Hebräische Grammatik. B., 1960; Gesenius W. Meoraische Grammatik. Lpz., 1896, S. 29.

²⁵ Koehler, Baumgartner. Op. cit., p. 1104.

²⁶ Ibid., p. 1067.

²⁷ См. об этом Айленвальд. Ук. соч.; Иранские языки. — Языки Азии и Африки. Т. 2. М., 1978, с. 20; Kent. Op. cit.

²⁸ В Септуагинте переводится как νόμος, δόγμα, в Вульгате как lex, edictum.

(gəḏāḇərayyā'); gīzbār в форме ед. числа — в Езд. 1,8; в форме арамейского мн. ч.: Езд. 7 : 21²⁹ gīzzāḇərayy'. *gəḏāḇār (по структуре близко к *dətāḇar, см. § 2) можно сопоставить с др.перс. gandabara (наличие d вместо z указывает на то, что это слово — из западноиранских диалектов) «хранитель сокровищ»³⁰. Библ.-ар. и др.евр. gīzbār сопоставляется с др. перс. *ganzabara (восточноиранская диалектная форма) «хранитель сокровищ», ср. пехлеви ganjuvar, армянск. (заимствование) ganjavog, согдийск. (с метатезой) zṇṇr, аккад. (заимств.) ganzabar(r)a, ср. также аккад. (заимств.) gīzbārre³¹. По всей вероятности, др.евр., библ.-ар. gīzbār и gīzzāḇərayyā' заимствованы не непосредственно из древнеперсидского, а из аккадского gīzbārre. Кроме того, для gīzzāḇərayyā' можно восстановить форму единственного числа *gīzzāḇar (ср. выше, 2). Таким образом, мы имеем три этимологических дублета — gīzbār, *gīzzāḇar, *gəḏāḇār, имеющих разные источники. Приведем некоторые примеры.

Езд. 1 : 8: wayyōsī' ēm kōrēš meleḵ pāras 'al'yaḏ miṭrədāt haggīzbār «И вынес их Кир, царь персидский, рукою Мифредата, *сокровищехранителя*».

Езд. 7 : 21: ūminnī 'ānā' 'artaḥšastə' malkā' sīm ṭə' ēm ləḵol gīzzāḇərayyā' «И от меня, царя Артаксеркса, дается повеление всем *сокровищехранителям*, которые за рекой».

Др.перс. *ganza «сокровище» было также заимствовано в древнееврейский и библейский арамейский в форме ед. ч. genez, мн. чл. др.евр. gəpāzīm, библ.-ар. gīnzāyyā'³² (например, Есф. 3 : 9; Езд. 7 : 20 и т. д.; это слово встречается и в других книгах Ветхого Завета). Этот же древнеперсидский корень имеется в др.евр. ganzak «сокровищница» (1 Хр. 28 : 11)³³. Наличие этого заимствования еще раз указывает на невозможность трактовки др.евр. и библ.-ар. gīzbār, *gīzzāḇar как заимствованных непосредственно (а не через посредство аккадского языка) из др.перс. ganzabara.

4. *haddāḇār — титул чиновника, «советник (?)», вельможа (?)».

Это слово встречается только в библейских арамейских отрывках в форме множественного числа haddāḇərayyā': Дан. 3 : 24, 27; 4 : 33; 6 : 8. На древнеперсидские корни этого слова указывает суффикс -bara. Этимология этого слова неясна³⁴. Возможно сопоставление с др.перс. *hada, авест. haza «сила, мощь», haz «овладевать, захватывать» (ср. др.инд. saha- «сильный; мощь, сила»), откуда (?) *haddāḇāra «носитель силы (?)», вельможа».

Контексты, в которых встречается это слово, мало проясняют его значение. Ср. примеры:

Дан. 3 : 24: wə'amar ləhaddāḇərōhī. Перевод (Библия. М., 1979): «И сказал вельможам своим».

Дан. 4 : 33: wəlī haddāḇəray wəraḇrəḇōnāy uḇā 'ōp «Тогда взыскали меня *советники* мои и вельможи мои» (немецкий перевод *haddāḇar : Räte.) См. также Дан. 3 : 27, Дан. 6 : 8 (выше). В тексте книги Даниила этот термин используется наряду с другими обозначениями чиновников (см. выше, 1.3).

5. 'āpārsəkāyyē', 'āpārsatkāyyē', 'āpārsayyē' «чиновники (?)».

Эти слова встречаются в единичных контекстах в тексте 1-й книги Ездры в форме множественного числа. В их семантике много неясностей; так, в Библии (М., 1979) они даже не переводятся, а транслитерируются

²⁹ Слово gīzbār используется в среднееврейских текстах и в современном иврите.

³⁰ Ср. Kent. Op. cit.

³¹ См. об этом: Дьяконов И. М., Лившиц В. А. Документы из Нисы I века до н. э. — XXV Международный конгресс востоковедов. М., 1960.

³² Это слово имеет словоизменение по «сеголатному» типу, с «корневым» гласным -а-.

³³ О других рефlekсах этого корня в постбиблейском еврейском см. Levy. Op. cit., p. 225; Dalman. Op. cit., p. 40.

³⁴ См. Ellenbogen. Op. cit., p. 60; Koehler, Baumgartner. Op. cit., p. 1068.

как этнонимы ³⁵. Однако, как показали Келер и Баумгартнер ³⁶, целесообразно считать их именами нарицательными. Ср. примеры:

Езд. 5 : 6: *paršegen 'iggartā' dī-šelah tatnay pahat 'ābār-nahārā ūšetar bōzəna u kənāwātēh 'āpārsəkāyūē' dī ba'ābār nahārā* «Содержание письма, которое послал Фафнай, заречный областеначальник, и Шефар Бознай с товарищами своими — *Афарсахеями*, которые за рекой». (Библия. М., 1979). Перевод на немецкий слова *'āpārsəkāyūē* «чиновники» (*Amtsleute*).

Езд. 6 : 6: *kə'an tatnay pahat 'ābār-nahārā' šetar bōzəna u kənāwātēhōn 'āpārsəkāyūē' dī ba'ābār nahārā' rāhīqīn hāwō min-tammā* «Итак, Фафнай, заречный областеначальник, и Шефар Бознай с товарищами вашими *Афарсахеями* — удалитесь оттуда». Перевод на немецкий: *Amtsleute*.

Езд. 4 : 9: *'edaūyīn rəhūm be'el tō'em wəšimšay soṗrā' usə'ar kənā-wātēhōn dīnāyūē' wa'āpārsatkāyūē' tərpalāyūē' 'āpārsāyūē' 'arkawāyūē' hablāyūē' šušankāyūē' dehāwē' 'elēmāyūē' usə'ar 'ummaūya* «Рехум, советник, и Шимшай, писец, и прочие товарищи их — Динеи и *Афарсахеи*, Тарпелеи, Апарсы, Арехьяне, вавилоняне, сусанцы, даги, эламитяне и другие народы». В немецком варианте *'āpārsəkāyūē* переводится как «персидские судьи» (*persische Richter*), *'āpārsatkāyūē* — как *Amtsleute*, *tərpalāyūē* и *'āpārsāyūē* — как писцы (*Schreiber*).

Согласно Келеру и Баумгартнеру, слово **'āpārsək* можно сопоставить с др.перс. *prasaka* или *patifrasa* (названия чиновников?), а *'āpārsatk-* — со ср.перс. *frestak* «посланник». Однако можно заметить (см. пример 7), что древнеперсидские слова, имеющие начальное сочетание *pr/fr*, передавались в др.евр. с начальным *par* (др.евр. *partəmīm* из др.перс. *fratama* «первый», др.евр. *parbār* «внутренний двор» из др.перс. **frabara* и др.). Соответственно слова *'āpārsəkāyūē*, *'āpārsatkāyūē* могут быть заимствованы только из слов, имеющих начальный гласный *a-*. Можно предположить сопоставление **'āpārs-* с древнеперсидским соответствием авестийскому *afras* «советовать», *'āpārsak* — с др.иранск. **āfrasa-ka*, *'āprastak* — с др.иранск. *āprstaka* ³⁷. По-видимому, слово *'āpārsāyūē* не связано с названием персов, так как, судя по Дан. 6 : 29, а также по другим контекстам, название Персии, как правило, передается как *pārās*, «персидский» — как *pārsāyā*. Интерпретация Езд. 4 : 9 зависит также и от перевода слова *tərpalāyūē* (Келер и Баумгартнер: «вид чиновников (?)»), пока не ясного.

Можно предположить, что в случае со словами *'āpārsāyūē*, *'āpārsatkāyūē*, *'āpārsakāyūē* мы имеем дело с окказиональными употреблениями древнеперсидских наименований должностных лиц.

6. **'ādargāzār* «советник (?)», верховный судья (?)».

Это слово встречается в библейском арамейском языке (Дан. 3 : 2; 3 : 3, см. выше) в форме множественного числа *'ādargāzrāyā'*.

Согласно Я. Леви ³⁸, это слово является сложным и состоит из двух частей: корня *dar* «царственность, достоинство» (*Herrlichkeit, Würde*) и *gzi* «издавать указ». Однако слово, а точнее корнесложение такого типа, не распространено в библейском арамейском и древнееврейском языках. Более целесообразной представляется интерпретация, предложенная Келером и Баумгартнером, сопоставившими это слово со ср.перс. *andar-zağhar* «советник». Ввиду единичности употребления слова **'ādargāzār* в библейском арамейском уточнить его толкование не представляется возможным.

7. *partəmīm* «знать, знатные (при дворе персидского царя)».

Слово *partəmīm* в форме множественного числа встречается в древнееврейском языке (Есф. 1 : 3; 6 : 9; Дан. 1 : 3). Впервые Шефтеловичем ³⁹ оно было сопоставлено с др.перс. *fratama* «первый, лучший». Примеры.

³⁵ Аналогичный подход в работе: *Levy. Op. cit.*

³⁶ *Koehler, Baumgartner. Op. cit., p. 1053.*

³⁷ *Bartholomae. Op. cit., s. v.*

³⁸ *Levy. Op. cit., p. 311.*

³⁹ *Scheftelowint z. Op. cit.*

Есф. 1 : 3: *bišnat šālōš ləmāləkō 'āsā mište ləkol sārāw wā'ābādāw hēl pāras ūmāday happartēmim wəsārēy hamməḏīnōt ləpānāw*. Перевод (Библия. М., 1979): «В третий год своего царствования он сделал пир для всех князей своих и для служащих при нем, для *главных начальников* войска персидского и мидийского и для правителей областей своих».

Есф. 6 : 9: *wənātōn halləbūš wəhassūs 'al-yad- 'iš missārēy hammelek happartēmim* «И пусть подадут одяние и коня в руки одного из *князей царских*».

Дан. 1 : 3: *wayōmer hammelek lə'ašpənaz raḥ sārīsāw ləhābī mibbənēy yisrā'el umizzera' hammlūkā umin happartēmim* «И сказал царь Асфеназу, начальнику евнухов своих, чтобы он из сынов Израилевых, из рода царского и *княжеского*, привел отроков».

В книге Даниила слово *partēmim*⁴⁰ имеет значение субстантивированного прилагательного, тогда как в книге Есфири оно выступает в функции прилагательного. Интересно, что в Дан. 1 : 3 *partēmim* применяется по отношению к представителям княжеского рода сынов Израилевых, тогда как в Есф. 1 : 3, 6 : 9 речь явно шла о представителях персидского двора. Соответственно *partēmim* могло значить «знатный, лучший» не только по отношению к представителям персидского двора, но и применительно к любым лицам, считающимся таковыми с точки зрения персидского царя.

На основании анализа наименований должностных лиц в книгах Есфири и Даниила и 1-й книге Ездры, которые, как можно считать, имеют иранское происхождение, можно сделать следующие выводы. Большинство наименований должностных лиц представляют собой заимствования. Однако можно отметить, что если наименования должностных лиц иранского происхождения имеют единичное употребление, то наименования аккадского происхождения, как правило, более широко употребительны (например, см. выше о *rēhā, signāyuē'* и др., ср. также *gizbār*). Не все наименования должностных лиц, традиционно считающиеся заимствованными из древнеперсидского языка, целесообразно считать таковыми; например, слова **āhašdarpan* и *gizbār* заимствованы через посредство аккадского языка. Обращает на себя внимание близость лексического состава книг Есфири и Даниила, что обусловлено временем их составления. Принимая во внимание единичность употреблений рассмотренных выше наименований должностных лиц иранского происхождения — **'āhašdarpan, *haddābār, *sarak, partēmim, *gəḏābār, *'āpārsāyuē', 'āpārsakāyuē', 'āpārsatkāyuē', 'āhaštərānīm, *'ādargāzār* и др., можно предположить, что они использовались авторами памятников как своего рода окказионализмы, описывающие реалии персидского двора, тогда как заимствования из аккадского языка прочно вошли в лексическую систему древнееврейского и библейского арамейского языков. Такое соотношение можно интерпретировать как свидетельство в пользу отсутствия глубокого влияния персидской администрации на иудеев в эпоху персидского владычества над Иудеей.

А. Ю. Айхенвальд

⁴⁰ Соответствие др.евр. *partēmim*: др.перс. *fratama* подтверждает регулярность передачи др.перс. *pr/fr* в др.евр. как *paḥ*-(ср. также др.евр. *parbār, paḥwār* «внутренний двор», др.перс. *frabara*).

The author examines the names of officials of Iranian (Old Persian) origin which appear in the books of Esther, Daniel and Book I of Esdras. The words examined occur only in these books of the Old Testament. The following words are discussed separately: **ḥašdarpan*, **sāraḳ*, **ḥaštērānim*, **datābār*, **gēdābār*, **haddābar*, **ḥdargāzār*, *partēmim*, *gizbār*, **āparsāyyē*, **āparsakāyyē*, **āparsatkāyyē* (§§ 1—7). The author's study shows that the names of officials of Persian origin, unlike, names of Akkadian origin, are found rarely. That some words (**ḥašdarpan*, *gizbār*) were borrowed from Old Persian through Akkadian is indicated by their phonetic characteristics. The rarity of «Iranisms» among names of officials, as compared with the frequent occurrence of names of Akkadian origin, can be interpreted as attesting the absence of any lasting influence of the Persian administration on the people of Judaea in the period of Persian rule over that land.

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ФРИГИИ В ГОМЕРОВСКОМ ЭПОСЕ

Информация о Фригии и фригийцах, содержащаяся в трудах античных авторов, является, несмотря на свой фрагментарный характер, содержательным источником для реконструкции истории одной из своеобразнейших цивилизаций Малой Азии первой половины I тыс. до н. э. Приток новых археологических и эпиграфических материалов с территории Фригии повышает надежность и результативность интерпретации сведений о фригийцах, сохраненных античной литературной традицией. Метод такой интерпретации предполагает прежде всего выяснение минимума тех достоверных (т. е. засвидетельствованных и другими источниками) историко-географических знаний, которыми мог располагать тот или иной античный автор об этносе и государстве, обозначавшихся как «фригийцы» и «Фригия».

Правоммерно начать с самого раннего дошедшего до нас литературного памятника древних греков — «Илиады», где мы находим первую письменную фиксацию этих терминов¹. Конкретизация историко-географических представлений о Фригии в поэме Гомера важна в особенности потому, что собственно лингвистическое исследование пока не проливает свет на происхождение и этническое содержание названий *Φρύγιαι* и *φρύγες*². Но то обстоятельство, что обозначенные данными терминами народ и территория фигурируют в послегомеровской письменной традиции греков и римлян в достоверном историческом контексте, позволяет предполагать реальную основу для эпического образа Фригии в «Илиаде»³.

¹ *Φρύγιαι* — II, III, 184; III, 401; XVI, 719; XVIII, 291; XXIV, 545; *φρύγες* — II, II, 862; III, 185; X, 431.

² *Нерознак В. П.* Палеобалканские языки. М., 1978, с. 143 сл.; *Дьяконов И. М.* Фригийский язык. — В кн.: Древние языки Малой Азии. М., 1980, с. 360, прим. 4.

³ О механизме отражения исторической реальности в гомеровском эпосе см. *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис. Л., 1976; *Гордезиани Р. В.* Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978. В этих исследованиях убедительно доказано, что возникновение «Илиады» следует датировать второй половиной VIII в. до н. э. По мнению Р. В. Гордезиани, «гомеровский эпос при изображении событий Троянской эпохи опирается на вполне реальную историческую основу и довольно точно передает основные

Для выяснения географических представлений о Фригии и фригийцах в «Илиаде» можно привлечь два топонима: Σαγγάριος (II. III, 187; XVI, 719) и Ἀσκιγίη. (II. II, 862; XIII, 792). Первый фигурирует в гомеровской поэме как несомненный гидроним: ...παρ' ὀφθαλμοῖς Σαγγάριος (II. III, 187); ...ὅς Φρυγίη καί ἐστις ῥοῆς ἐπὶ Σαγγάριον (II. XVI, 719). Этот гидроним в после-гомеровской литературной традиции античности однозначно идентифицировался с самой значительной рекой Северо-Западной Анатолии⁴. Упоминание Сангария в «Илиаде» свидетельствует, таким образом, о том, что данное название по крайней мере со второй половины VIII в. до н. э. было известно грекам, как, возможно, и достоверная географическая локализация реки. Так как в «Илиаде» самая существенная характеристика Сангария выражается в ассоциации его с Фригией и фригийцами, правомерно предположить, что автор поэмы мог подразумевать под последними реальное население, обитавшее на берегах Сангария. Иными словами, возникает возможность попытаться раскрыть историческое и этническое содержание понятия «Фригия» в гомеровском эпосе.

В античной традиции послегомеровского времени в долине Сангария локализовались древние поселения фригийцев Мидаса и его предшественника Гордия (Strabo, XII, 5, 3). По Страбону, истоки Сангария находились вблизи селения Сангия, приблизительно в 150 стадиях от Пессинунта (Strabo, XII, 3, 7). Последний был известен как крупный фригийский храмовый центр, посвященный Матери богов⁵. С запада к долине Сангария примыкает район так называемой Горной Фригии (современные турецкие вилайеты Эскишехир, Кютахья и Афьон-Карахисар)⁶. Здесь были обнаружены укрепленные и неукрепленные поселения, фригийская принадлежность которых засвидетельствована «фригийской» керамикой VIII в. до н. э., «старофригийскими» надписями и вырезанными в скалах культовыми комплексами, связанными, очевидно, с почитанием великого женского божества фригийцев — Кибелы. Наиболее значительным экономическим, политическим и религиозным центром данного района был условно именуемый «город Мидаса», расположенный в долине Доганлу, существовавший как фригийский город в VIII в. до н. э., но переживший свой расцвет позднее — в VII—VI вв., до н. э. Именно здесь были обнаружены фригийские надписи, упоминающие Мидаса.

Но особо важное значение для археологической идентификации фригийцев на Сангарии имеют раскопки на городище Языгуюк, расположенном на восточном берегу современной реки Сакарья близ впадения в нее реки Порсук. Здесь на возвышенности 688 метров над уровнем моря (31°59' восточной долготы и 39°40' северной широты) в результате раскопок, начатых в 1900 г. австрийскими учеными Г. и А. Кёрте⁷ и успешно осуществляемых с 50-х годов нашего столетия экспедицией Музея Пенсильванского университета⁸, был обнаружен археологический комплекс,

исторические моменты второй половины II тыс. до н. э.» (с. 198). Перечень союзников Трои в «Илиаде» (II, 815—877), по мнению Гордезиани, можно сопоставить с объединением западноанатолийских народов, фигурирующим как Ассува в хронике Тутхалии IV (с. 190). Но представление о Фригии как могущественном союзнике Трои, как полагает Р. В. Гордезиани, отражает эпоху, современную Гомеру, — расцвет державы Мидаса с середины VIII в. до н. э. (с. 225).

⁴ Strabo, XII, 3, 7; Arr., An. I, 29, 5; Liv., 38, 18, 8; Schol. Apollon. II, 724. На современной карте Турции это река Сакарья.

⁵ Возможно, его имеет в виду Ксанф Лидиец, когда говорит о том, что вблизи истоков Сангария находился храм Горной Деметры (= Кибелы?), — Xanth. — FHG, I, fr. 7 = Schol. Apollon. II, 724.

⁶ Самая полная характеристика истории и археологии данного района имеется в кн.: Haspels E. The Highlands of Phrygia. Sites and Monuments. V. 1—2. Princeton, 1971.

⁷ Körte G., Körte A. Gordion: Ergebnisse der Ausgrabung im Jahre 1900. — Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts, Ergänzungsheft 5. B., 1904.

⁸ О результатах этих раскопок см., в частности: From Athens to Gordion. The Papers of a Memorial Symposium for Rodney S. Young. Philadelphia, 1980; The Gordion Excavations. Final Reports. V. 1. Pennsylvania, 1981.

отождествляемый с Гордионом античной традиции — столицей фригийских царей династии Гордия-Мидаса. Эти раскопки сделали возможной идентификацию создателей материальной культуры Гордиона с фригийцами античных авторов, мушками ассирийских анналов Саргона II, носителями языка старофригийских надписей и населением государственного образования, соперничавшего в конце VIII в. до н. э. с Ассирией и Урарту в военном могуществе и политическом влиянии в Анатолии.

Таким образом, все вышесказанное позволяет думать, что ассоциация реки Сангария с фригийцами в «Илиаде» отражает наличие у эпического поэта знаний о современной ему державе Мидаса-Миты, вероятной столицей которой мог быть Гордион. Именно это государственное образование, обладавшее, судя по клинописным источникам, значительным военным потенциалом, может претендовать на роль реального эквивалента сильнейшего союзника Приама (II. III, 178), родины главной жены Приама Гекубы (II. XVI, 719) ⁹.

В этой связи важно отметить, что Сангарий знает и Гесиод — автор хронологически близкой «Илиаде» поэмы «Теогония» ¹⁰. Здесь Сангарий (Σαγγάριον τε μέγας — Theog. 344) фигурирует в перечне рек, порожденных Океаном ¹¹. Знание Гесиодом географии Малой Азии, как и анатолийской мифологии ¹², может объясняться тем, что его отец, согласно самому же Гесиоду («Труды и дни», 636), происходил из города Кимы в Эолии. Основанные, по Евсевию, около 1050 г. до н. э., а в мифологической традиции греков относимые еще ко временам Троянской войны ¹³, Кимы были древнейшим эолийским политическим и культурным центром, местом интенсивного взаимодействия греков с анатолийскими народами ¹⁴. Примечательно, что античная литературная традиция сохранила сведения о связях царской династии Ким с правителем Фригии Мидасом, являвшимся якобы мужем принцессы Ким Гермодики ¹⁵ или Демодики, дочери царя Агамемнона ¹⁶. По мнению Г. Гаксли ¹⁷ и других исследователей ¹⁸, именно Кимы могли обеспечить державе Мидаса эпохи ее расцвета на рубеже VIII—VII вв. до н. э. доступ к Эгейскому морю ¹⁹.

Археологические материалы с территории Ким свидетельствуют о существовании там города в VIII в. до н. э. ²⁰, а в соседнем с Кимами эолийском городе Ларисе обнаружены следы обитания еще с микенского времени и найдена серая керамика, связываемая с анатолийцами раннего же-

⁹ По другой мифологической версии Гекуба именуется дочерью реки Сангария (Apollod., Bibl. III, 12, 5).

¹⁰ «Теогония» датируется, в частности, 730—700 гг. до н. э. — West M. L. Hesiod. Theogony. Oxf., 1966, p. 46.

¹¹ Примечательно, что в этом перечне (Theog. 337—345) преобладают реки Малой Азии.

¹² Э. Форрер даже высказывал предположение, что сходство версий о смене поколений богов в «Теогонии» и хетто-хурритском эпосе о Кумарби объясняется посредничеством фригийцев царства Мидаса, которые сохранили хеттскую мифологию (Forrer E. Eine Geschichte des Götterkönigtums aus dem Hatti-Reiche. — In: Mélanges F. Cumont, IV, 1936, p. 687—713. См. также Walcot P. Hesiod and Near Eastern Epic. Cardiff, 1966 и др.).

¹³ Apollod., Bibl. epit. III, 33.

¹⁴ Strabo, XIII, 3,3. Интересно, что Страбон со ссылкой на Эфора производит название Ким от имени амазонки (Strabo, XII,3,21; XIII,3,6). Амазонки же ранее всего в дошедшем до нас греческом источнике — «Илиаде» (III, 184—189) — ассоциировались именно с Фригией на Сангарии.

¹⁵ Arist., fr. 611, 37. ed Rose.

¹⁶ Pollux, IX, 83.

¹⁷ Huxley G. L. Titles of Midas. — In: Greek, Roman and Byzantine Studies; 2, 1959, p. 94—95.

¹⁸ В частности, Burn A. R. The Lyric Age of Greece. L., 1978, p. 50.

¹⁹ См. еще Plin., NH, 7, 56; 197; Hyg. Fab. 274; Cassiod. Var. 3, 54; Certamen Homeri et Hesiodi 109—110.

²⁰ Anatolian Collection of Charles University (Kyme I). Ed. Jan Bouzek. Praha, 1974, p. 77; Hošek R. Kyme (A historical survey). — Ibid., p. 180; Kyme: The results of the Czechoslovak expedition. Praha, 1980 (Kyme 2). p. 147.

лезного века, которая предшествовала заселению города эолийцами около 700 г. до н. э.²¹ Обращено внимание на сходство керамических форм из Ларисы с бронзовыми сосудами докиммерийского Гордиона²². Но, пожалуй, интереснее всего то, что в Гордионе в самое последнее время найдены фрагменты восточногреческой керамики, датируемой 720—690 гг. до н. э.²³ Восточногреческое посредничество предполагает и изображение всадника на коринфском шлеме на пластине из слоновой кости из Мегарона 3, идентифицируемого как «дворец» цитадели докиммерийского Гордиона²⁴. Контакты Фригии с Эолией проливают свет на близость фригийского и греческих алфавитов²⁵. Наконец, не лишено вероятности предположение, что именно связи с Эолией, царские роды которой могли сохранять некоторые черты государственности микенского периода, обусловили появление в надписи, упоминающей Мидаса, из «города Мидаса» титулов *ванакт* и *лавает*²⁶. Таким образом, есть основания считать, что Эолия и Кимы, в частности, могли дать греческому эпосу зерна достоверной информации о географии близлежащих районов Анатолии²⁷.

Но, интерпретируя данные «Илиады», мы должны учитывать сложность использования этого литературного памятника как исторического источника, а именно, иметь в виду, что образ Фригии в поэме может отражать синтезированную по законам эпического мировосприятия информацию греков об исторической ситуации в Малой Азии различных периодов: конца II тыс. до н. э., к которому античная традиция относил Троянскую войну (1260—1230 гг. до н. э.); XI—IX вв. до н. э. — так называемые «темные века», отделяющие время создания «Илиады» от исторической реальности, давшей тему героическому эпосу Гомера; VIII в. до н. э. — эпоху, современную автору поэмы о Троянской войне. Поэтому правомерным кажется уточнение: только ли период истории поселения при Сангарии — вторая половина VIII в. до н. э. — нашел свое отражение в ассоциации Фригии с Сангарием в «Илиаде»? Тем более что в самой поэме локализация фригийцев на Сангарии относится к двум разным периодам эпического времени: 1) ко времени, синхронному Троянской войне: упоминание Азия, сына Димаса (ἸἈσία Δίμαχτος), брата Гекубы и дяди Гектора, живущего во фригийской земле при Сангарии (II. XVI, 717); 2) ко времени молодости Приама, когда он был союзником фригийских вождей Отрея (Ὀτρεύς) и Мигдона (Μίγδων) в битве с амазонками на высоком берегу Сангария (II. III, 186). Разумеется, эпическое время нельзя отождествлять с историческим, но есть основания предполагать, что понятие «фригийцы» для автора «Илиады» могло быть связано с более ранним периодом, чем поданные современной ему державы Гордия-Мидаса.

Археологические исследования обнаружили в долине Сангария и в непосредственной близости от нее слои обитания, восходящие, по меньшей мере, к неолиту. Так, керамика энеолита и раннего бронзового века обнаружена в «городе Мидаса» и ряде других мест Горной Фригии. В 1948—1951 гг. вблизи «города Мидаса» был найден некрополь III тыс. до н. э. В районе Горной Фригии известны лувийские иероглифические надписи

²¹ Boardman J. The Greeks Overseas. L., 1964, p. 102.

²² Larisa am Hermos. Die Ergebnisse der Ausgrabungen. T. III. Stockholm, 1942, S. 193.

²³ De Vries Keith. Greeks and Phrygians in the Early Iron Age. — In: From Athens to Gordion. Philadelphia, 1980, p. 33. Интересно что в «Эпитоме Мифологической библиотеки» (VI, 15) речь идет об эллинах, поселившихся на берегах Сангария после Троянской войны.

²⁴ De Vries. Greeks and Phrygians.... p. 36. Дж. Коулдстрим даже считает возможным видеть здесь изображение греческого наемника (Coldstream J. N. Geometric Greece. L., 1979, p. 265).

²⁵ Дьяконов И. М. Комментарий. — В кн.: Гельб И. Е. Опыт изучения письма. М., 1982, с. 305.

²⁶ Huxley. Titles of Midas, p. 97.

²⁷ Античная традиция связывала с Кимой в Эолии и Гомера: Ps.-Herodot, Vita Homer, 11, 132; Strabo, XIII, 3,6.

и рельефные изображения на скалах, выполненные в древней анатолийской традиции ²⁸. В 1951—1953 гг. в северо-западной части некрополя Гордиона под позднефригийскими курганами I, H, F были обнаружены и исследованы 43 сравнительно хорошо сохранившиеся погребения, самые ранние из которых восходят к III тыс. до н. э., а основная часть датируется XIX—XVI вв. до н. э. ²⁹ Они представляют собой простые ингумации, погребения в каменных гробницах и захоронения в пифосах (при несомненном преобладании последних). М. Меллинк, исследовавшая некрополь Гордиона хеттского времени, обратила внимание на исключительную устойчивость здесь западноанатолийских погребальных традиций III тыс. до н. э. ³⁰, что нашло свое выражение в расположении захоронений вне жилых кварталов, в положении тела умершего и способах погребения. Примечательно отсутствие в Гордионе II тыс. до н. э. кремаций, известной в Трое и Хаттусе. По мнению М. Меллинк, население, которому принадлежало кладбище Гордиона XIX—XVI вв. до н. э., этнически отличалось от собственно хеттов, но по уровню развития металлообработки, керамического и, возможно, других ремесел, вероятно, не отставало от населения излучины Галиса ³¹. Зафиксированы контакты с северосприйским миром и Восточным Средиземноморьем в целом. С скромный погребальный инвентарь, даже в наиболее богатых захоронениях представленный несколькими сосудами, украшениями из меди, бронзы, стекла и редко — золота и серебра, дает мало оснований, чтобы судить о социальной стратификации общества Гордиона II тыс. до н. э. Обращает на себя внимание отсутствие оружия и ярких религиозных символов. Но, по мнению М. Меллинк, погребальные дары Гордиона хеттского времени в целом не выглядят беднее, чем погребальный инвентарь современных ему, археологически изученных центров Западной и Восточной Анатолии, за исключением «царских» захоронений Алака ³².

Интересные данные для реконструкции ранней истории Гордиона дали раскопки на городском холме. Р. Янг установил существование на месте Гордиона меньшего по размерам поселения раннего бронзового века ³³. Пробный раскоп, заложенный в 1965 г. на месте так называемого «северного здания» в юго-восточной части цитадели на глубине 8,5 м, достиг слоев раннего бронзового века, ниже которых грунтовые воды затрудняют раскопки. Верхние четыре слоя исследователи определяют как ранние фригийские, ниже лежащие 5—9-й слои соотносят с временем Хеттского Нового царства, последующие 10—11-й слои — с переходным периодом, а 12—13-й слои — с Древним царством хеттов. Слои 14—18-й дают керамику среднего бронзового века и датируются условно так называемым периодом «ассирийской» колонизации, 18-й же слой относят к раннему бронзовому веку ³⁴. Слои раннего бронзового века были обнаружены в 20 и 40 м севернее упомянутого раскопа Р. Янга, причем во втором случае на глубине 7,5 м, а в третьем — сразу же ниже фригийских слоев ³⁵. Археологические свидетельства, проливающие свет на историю населения долины Сангария во II тыс. до н. э., обнаружены также в Полатли ³⁶, Караоглане (между Сангарием и Галисом) и др.

Мы можем лишь весьма гипотетично судить об уровне развития государственности у этого населения и его взаимоотношениях с Хеттским царством. Интересны в этой связи находки иероглифических печатей в «хетт-

²⁸ *Haspels*. The Highlands of Phrygia..., v. 1, p. 285—288.

²⁹ *Mellink M. J.* A Hittite Cemetery at Gordion. Philadelphia, 1956, p. 57.

³⁰ *Ibid.*, p. 45.

³¹ *Ibid.*, p. 34.

³² *Ibid.*, p. 50.

³³ *Young R. S.* The Gordion Campaign of 1965.— *AJA*, 1966, v. 70, № 3, p. 277.

³⁴ *Ibid.*, p. 277 f.

³⁵ *Ibid.*

³⁶ *Anatolian Studies*, 1951, v. 1, p. 31.

ских» слоях на городище и некрополе Гордиона³⁷. Хеттские клинописные источники упоминают реку *Šahiriya*, отождествляемую с Сангарием³⁸. Возможно, территория долины Сангария, где проходили торговые и военные пути, соединявшие Восточную Анатолию с Эгейским побережьем, была местом борьбы хеттов с западноанатолийскими царствами при Мурсили II и Тутхалии IV. Уже было обращено внимание на то, что имя правителя Фригии при Сангарии у Гомера (*Ἄσιος*) может быть этимологически связано не только с древнегреческим топонимом «Азия» (первоначально Азия до Галиса), но и с обозначением Союза Ассува, с которым боролся Тутхалия IV³⁹. Дж. Гарстанг и О. Гэрни выдвинули в свое время гипотезу о том, что Ассува хеттских текстов — первое государственное образование фригийцев на территории Малой Азии. Эту же точку зрения разделяет Л. А. Гиндин, по мнению которого в эпизоде «Илиады», где Приам выступает в качестве союзника фригийцев Мигдона и Отрея в битве с амазонками (II. III, 184—189), можно видеть отражение войны Тутхалии IV с конфедерацией Ассува, которая включала фригийцев, уже переселившихся с Балканского полуострова⁴⁰. Но следует помнить, что в «Илиаде» мы имеем дело с условной поэтической реальностью, поэтому упоминание фригийцев как союзников Приама в Троянской войне и даже до нее может быть поэтической модернизацией, а значит не позволяет делать надежных выводов относительно времени появления фригийцев в Малой Азии.

Важно обратить внимание на другое. Гомер ничего не говорит о балканском происхождении фригийцев, хотя в «Илиаде» достаточно много сведений о балканских племенах⁴¹. Кажется, что для эпического поэта фригийцы — малоазийское население с развитыми традициями городской жизни⁴², а отнюдь не пришельцы из Фракии, как характеризовал их позднее Ксанф Лидийский⁴³. Это расхождение, возможно, не следует объяснять тем, что Гомер не знал о балканском компоненте фригийской цивилизации на Сангарии, компоненте, который дает о себе знать в некоторых особенностях фригийского языка и материальной культуры Гордиона⁴⁴. Вероятнее другое: автор «Илиады» не акцентирует внимание на балканском ком-

³⁷ Güterbock H. G. Seals and Sealing in Hittite Lands.— In: From Athens to Gordion..., p. 51.

³⁸ Garstang J., Gurney O. R. The Geography of the Hittite Empire. L., 1959, p. 75, f., 85.

³⁹ Этот топоним упоминается на хеттской карте Западной Анатолии впервые во второй половине XIII в. до н. э., но восходит, как полагают, самое позднее к началу II тыс. до н. э.— Дьяконов. Фригийский язык, с. 360.

⁴⁰ Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981, с. 149.

⁴¹ Разбор этих сведений см. Гиндин. Ук. соч. (особенно глава V, с. 117 сл.).

⁴² II. III, 400—401; XVIII, 288—292.

⁴³ Strabo, XII, 8, 3. По Страбону (XII, 4, 4), фригийцы — фракийские пришельцы — были варварами и воинами, первоначально блуждавшими по стране.

⁴⁴ Примечательно, что имена предводителей фригийцев «старшего» поколения в «Илиаде», Отрея и особенно Мигдона зафиксированы в качестве топонимов в Малой Азии как в связи с фригийцами, так и другими ее народами фракийского происхождения (о мигдонах в Македонии см. Strabo, VII, fr. 41). В частности, топоним Мигдония локализовался на северо-западе Анатолии (Мисия), в Вифинии, Великой Фригии (Hekat., — FGrH, 1, 217; Strabo, XII, 3, 22, 4, 4; 8, 11; Plin., NH, 5, 145). В мигдонах видят одну из первых волн фрако-фригийских племен, вторгшихся в Малую Азию (Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, с. 114; о термине «Мигдония» см. Гиндин. Ук. соч., с. 66 сл.). Р. Д. Барнетт, кажется, склонен истолковывать упоминание Страбона о мигдонах в Месопотамии (Strabo, XVI, 1, 24) как намек на то, что это — мушки, проникшие так далеко на восток еще при Тиглатпаласаре I (Barnett R. D. Phrygia and the Peoples of Anatolia in the Iron Age.— SAN, v. II, p. 2, Cambr., 1975, p. 421). Возможно, понятие «фригийцы» в «Илиаде» ассоциировалось с фракийскими племенами вообще, вторгавшимися на территорию Малой Азии, и в определенной мере справедливо предположение И. М. Дьяконова: «...нет причин, почему бы и этноним *phrug- не мог быть шире обозначения одного только собственно фригийского («великофригийского») народа в собственном смысле слова ... Поэтому в принципе для авторов гомеровского эпического цикла фригийцы — союзники Трои — могли быть не обязательно историческими фригийцами VIII в. до н. э., а и любым другим народом балканского происхождения ...» (Дьяконов. Фригийский язык, с. 365).

поненте этноса, который античная традиция именует фригийским, потому что не этот компонент был определяющим для современной ему цивилизации на Сангарии⁴⁵. Примечательно, что вышесказанное находит подтверждение в археологических материалах из Гордиона. Действительно, докиммерийский Гордион предстает перед нами как архитектурный комплекс и как центр хозяйственной, политической и культурной жизни, nasledующий традиции многовековой городской культуры Западной Анатолии бронзового века⁴⁶. И этот Гордион соответствует образу Фригии в «Илиаде» как страны процветающих городов, куда перешли бывшие богатства и могущество царей Трои.

Следует иметь в виду и то, что для Гордиона не фиксируется период разрушений в конце XIII в. до н. э., синхронный пожару и запустению Хаттусы. Судя по керамическому материалу, полученному Р. С. Янгом, можно проследить постепенный и мирный переход от культуры Гордиона позднебронзового века к фригийской культуре VIII в. до н. э.⁴⁷ Проникновение элемента балканского происхождения в район Сангария на рубеже II—I тыс. до н. э. археологически прослеживается только в появлении незначительного количества грубой керамики, сделанной без гончарного круга и сходной с той, что обнаружена в слоях Трои VII 62⁴⁸. Иными словами, есть основание полагать, что проникновение балканского этнического компонента в Гордион не имело определяющего значения для генезиса фригийской культуры VIII в. до н. э. Основа этой культуры была местная, анатолийская. Поэтому правомерно понимать под термином «фригийцы» у Гомера не собственно пришельцев с юго-востока Европы, а этнос, сформировавшийся к VIII в. до н. э. на малоазийской почве.

Да и само вторжение пришельцев из Юго-Восточной Европы не было явлением принципиально новым. Исследования, как археологические, так и лингвистические, убедительно показывают, что начиная с III тыс. до н. э. население северо-востока Балканского полуострова и северо-запада Малой Азии представляло относительно единый этнический и культурный субстрат, а миграция фрако-фригийских племен в Анатолию могла происходить постепенно в течение всего II тыс. до н. э.⁴⁹

⁴⁵ Ср. мнение Р. В. Гордзениани (ук. соч., с. 225), согласно которому расселение фрако-фригийских племен в Малой Азии, датируемое XII в. до н. э. и археологически идентифицируемое со слоями Трои VII 62, для поэта «Илиады», жившего во второй половине VIII в. до н. э., — столь далекий факт, что эти племена он представляет уже автохтонами.

⁴⁶ Young R. S. The Nomadic Impact: Gordion. — In: Dark Ages and Nomads c. 1000 B. C. — In: Studies in Iranian and Anatolian Archaeology. Ed. M. Mellink. Istanbul, 1964, p. 52—57; Mellink M. Postscript on Nomadic Art. — Ibid., p. 63—70.

⁴⁷ Young. The Gordion Campaign of 1965..., p. 276. Раскопки в «северном здании» цитадели Гордиона показали, что ниже слоя, в котором найдено, возможно, самое раннее фригийское граффито Гордиона (первая половина VIII в. до н. э.), следуют четыре слоя, керамический материал которых распределяется следующим образом: в первом (верхнем) появляется первая полированная фригийская керамика, которая сопровождается более грубой фригийской и значительной примесью «хеттской». Во втором слое примерно одинаковое количество находок фригийской и «хеттской» керамики, причем фригийская керамика в основном грубая, но изготовленная на гончарном круге; в лежащем ниже третьем слое мы имеем также примерно равное распределение «хеттской» керамики и фригийской, в том числе изготовленной и без гончарного круга. В четвертом слое обнаружена «хеттская» керамика с минимальным присутствием фригийской, в которой изготовленная без круга преобладает.

⁴⁸ Ibid. Р. Янг заметил по этому поводу, что пропорция керамики, сделанной с использованием гончарного круга, возрастает так, как если бы фригийцы учились использовать гончарный круг у местного населения уже после их прихода в Гордион.

⁴⁹ Гиндин. Ук. соч., с. 169 сл. Н. Сандарс считает даже вполне вероятным, что не только фракийские племена легко проникали на территорию Анатолии, но и малоазийские фригийцы могли переходить в Македонию, играя важную роль в распространении обработки железа и дав основу для македонской традиции о «садах» Мидаса в Эдессе (Sandars N. K. Thracians, Phrygians and Iron. — In: Thracia, III. Primus Congressus Studiorum Thracicorum, 1974. Sofia, 1976, p. 195—202).

Таким образом, отсутствие упоминаний автора «Илиады» о балканском происхождении фригийцев может косвенно свидетельствовать о том, что эпическая традиция греков располагала определенной информацией о высоком удельном весе местного анатолийского населения в генезисе того этноса, который создал государство с центром в Гордионе в VIII в. до н. э., и, возможно, о населении этого района второй половины II тыс. до н. э. Судя по погребальному обряду, как отмечалось выше, это население сохраняло западноанатолийские традиции III тыс. до н. э., а во II тыс. до н. э. территория долины Сангария, очевидно, входила в состав лувийских государственных образований⁵⁰. В период же после падения Хеттской державы, ассимилировав новую волну пришельцев с Балкан, государственность на Сангарии вступила в качественно новый, особенно благоприятный период развития. Автор «Илиады», таким образом, мог обладать не только информацией о существовании государственности в районе Сангарии во II тыс. до н. э., но и представлением о непрерывности традиций этой государственности в так называемые «темные века» (XI—IX вв. до н. э.).

Второй топоним, с которым фригийцы пространственно связаны в «Илиаде», — Ἀσκανίη. Он фигурирует у Гомера дважды. Первый раз этот топоним сопровождает упоминание фригийцев в перечне союзников, пришедших на помощь троянцам (II. II, 862—863)⁵¹. Здесь местоположение Аскании относительно Трои определяется только географически неконкретным τῆλ'(ε) ἐξ. В другом случае Аскания упоминается в «Илиаде» (XIII, 792—793) вне прямой связи с фригийцами⁵², что дало основание более поздним античным авторам полагать, что в 13-й песне Гомер имеет в виду другую Асканию — мисийскую⁵³.

Однозначный локализации топоним Аскания не получил и в послегомеровской литературной традиции античности. Он зафиксирован в качестве названия страны⁵⁴, озера⁵⁵, реки⁵⁶, селения⁵⁷, острова⁵⁸ и локализовался около Никеи⁵⁹, Кизика⁶⁰, Киоса⁶¹, а также в районе Келен⁶².

⁵⁰ И. М. Дьяконов обратил наше внимание на то обстоятельство, что превращение хеттского Sahiriya в греческий Σαγγάριος предполагает посредничество поздних хетто-лувийских языков (h > k, γ). Примечательно, что и в VIII в. до н. э. фригийские правители Гордиона пользовались лувийской иероглифической письменностью (Дьяконов И. М. Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. и северные походы вавилонских царей. — ВДИ, 1981, № 2, с. 57).

⁵¹ Φόρκυς αὖ Φρύγας ἦγε καὶ Ἀσκάνιος θεοειδὴς τῆλ'(ε) ἐξ Ἀσκανίης. По Страбону (XII, 3, 23), Деметрий из Скеписиса считал τῆλ'(ε) ἐξ Ἀσκανίης позднейшей добавкой к гомеровскому тексту.

⁵² Πάλμυρ τ' Ἀσκανίης τε Μόρυρ θ' οἱ Ἰπποτίωνος, οἱ ῥ' ἐξ Ἀσκανίης ἐριβόλακος ἤλθον ἀμοιβοί...

⁵³ Судя по Страбону (XII, 4, 8), впервые Асканию как место обитания не только фригийцев, но и мисийцев упомянул Скилак из Карпанды (VI в. до н. э.), но какая-либо конкретная локализация Аскании Скилаком у Страбона не приводится. Сам же Страбон (XII, 4, 5) помещает мисийскую Асканию около Никеи и дополняет текст 13-й песни «Илиады»: ... ἄλλης Ἀσκανίας Μουσικῆς τῆς πρὸς τῇ νῦν Νικαίᾳ, ἣς μέμνηται, ὅταν φῇ.

Πάλμυρ τ' Ἀσκανίῳ τε Μόρυρ θ' οἱ Ἰπποτίωνος,
Μουσῶν ἀρχεμάρχων ἡγήτορα,
οἱ ῥ' ἐξ Ἀσκανίης ἐριβόλακος ἤλθον ἀμοιβοί.

⁵⁴ Xanth., Lyd. — Strabo, XIV, 5, 29; XII, 4, 5; Diod., Ep. VII, 701; XV, 6, 7; Nonnos Dion., 14, 285, 297; Nicod., Ep. VI, 320.

⁵⁵ Скилак из Карпанды (= Strabo, XII, 4, 8); Аристотель (Mir. Mund. 53); Эвдокс из Книды (= Strabo, XII, 3, 42); Аполлодор из Афин (= Strabo, XIV, 5, 29); Александр Этолиец (= Strabo, XIV, 5, 29), а также: Arr., An. I, 29, 1; Ptol., V, 1, 4; Dion. Hal., I, 47, 5; Strabo, XII, 4, 7.

⁵⁶ Аполлодор из Афин, Евфорнион (= Strabo, XIV, 5, 29).

⁵⁷ Strabo, XII, 4, 5.

⁵⁸ Plin., NH, XXXI, 110.

⁵⁹ Strabo, XII, 4, 5.

⁶⁰ Эвдокс из Книды (= Strabo, XII, 3, 42). В стране Даскилитов помещает озеро Аскания Дионисий Галикарнаасский (I, 47, 5).

⁶¹ Strabo, XIV, 5, 29.

⁶² Arr., An. I, 29, 1; Ptol., V, 1, 4.

Следует иметь в виду, что рассматриваемый термин выступает в «Илиаде» не только как топоним, но и как личное имя (II, II, 862; XIII, 792). Причем и здесь встает вопрос о правомерности отождествления двух упоминаемых Асканиев, ибо только в первом случае фригийская принадлежность несомненна⁶³. Страбон, для которого, как известно, авторитет Гомера был непререкаемым, дает следующий комментарий по интересующему нас вопросу: «Не приходится удивляться, что поэт говорит об одном Аскании как о вожде фригийцев, пришедшем из Аскании, и о другом каком-то Аскании, вожде мисийцев, тоже пришедшем из Аскании: ведь у Гомера часто встречаются одинаковые имена, а также прозвища, взятые от имен рек, озер и местностей»⁶⁴.

Таким образом, единственная имеющаяся в «Илиаде» конкретизация топонима Аскания и созвучного с ним ононима выражается в его ассоциации с фригийцами. Для уточнения географического содержания рассматриваемого термина следует принять во внимание, во-первых, то, что этимологический анализ хотя и не позволяет пока точно определить языковую принадлежность термина Асканий, но позволяет констатировать его негреческий характер и малоазийскую основу⁶⁵. Во-вторых, само разногласие античных авторов в локализации топонима Асканий, обнаруживающее его существование в разных частях Малой Азии, свидетельствует о том, что этот топоним был известен от архаического периода до эпохи Римской империи. Особенно существенно то, что локализации топонима Асканий античной традицией показывают его связь с территорией, где обитали фригийцы и мисийцы, причем в наиболее ранний период их истории. Это прежде всего район Пропонтиды и Вифинии, на территории которой, по утверждению античных авторов, до вифинов обитали мисийцы⁶⁶. Так, Страбон подчеркнул, что границы фригийцев и мисийцев у Кизика и около самого озера Аскания трудно определить⁶⁷. По его сообщению, несколько выше озера Аскания (что близ Никеи) находился городок Отрея, который, как полагают, был назван по имени Отрея⁶⁸. Отрей же в «Илиаде» и гомеровском гимне «К Афродите», датируемом VII в. до н. э., фигурирует как фригийский вождь и царь⁶⁹. Ксанф Лидиец⁷⁰ упоминал Асканию как место, откуда привел фригийцев Скамандрий, наряду с землей берекинтов. Последний топоним в античной традиции считался фригийским⁷¹, но о локализации его судить трудно.

Примечательно, что с северо-западом Малой Азии античные авторы связывали и носителя личного имени — Аскания, превратившегося в послегомеровской традиции в сына Энея и наследника династии троянских царей⁷². Так, у Гелланика Лесбосского Асканий правил после падения

⁶³ Во второй песне «Илиады» Асканий как фригинец упоминается вместе с Форкисом. Последний (или одноименный с ним) фигурирует в 17-й песне как сын Фенопса: ...αὐτὸν Φόρβωνα δαίφρονα, Φαίνοντος υἱόν... (II, XVII, 218, 312). Ср. II, XVII, 318; *Paus.*, X, 26,6. Фенопс встречается также в «Илиаде» как отец Ксанфа и Фоона (V, 152) и как сын Асия из Абидоса (XVII, 583—584). В «Эпитоме Мифологической библиотеки» фригийцы Форкис и Асканий упоминаются как сыновья Аретаона (III, 35), который известен и «Илиаде» (VI, 31). В 13-й песне Асканий фигурирует без указания фригийского происхождения вместе с Паллом и Морисом, сыновьями Гиппотииона, пришедшими из Аскании. Морис как сын Гиппотииона упоминается также в 14-й песне «Илиады» (514).

⁶⁴ *Strabo*, XII, 4, 5 (пер. Г. А. Стратановского).

⁶⁵ *Tischler J.* Kleinasiatische Hydronymie. Wiesbaden, 1977, S. 35.

⁶⁶ Скилак из Карианды и Дионисий = *Strabo*, XII, 4, 8.

⁶⁷ *Strabo*, XII, 4, 4—5.

⁶⁸ *Strabo*, XII, 4, 7.

⁶⁹ *HH*, IV, 111—112.

⁷⁰ *Strabo*, XIV, 5, 29.

⁷¹ Деметрий Скепсийский у Страбона (= *Strabo*, X, 3, 20). Сам Страбон отмечал, что в его время фригийское племя берекинтов найти уже нельзя (XII, 8, 21). См. также *Герозинак*. Палеобалканские языки, с. 142.

⁷² Правление потомков Энея в Трое предсказывается в самой «Илиаде» (XX, 306). Примечательно, что в гимне «К Афродите» богиня, придя к Анхизу, выдает себя

Трои даскилитами в Пропонтиде ⁷³. Гегесианакс говорит об Аскании, сыне Энея — основателе города Арисбы в Троаде ⁷⁴. Страбон, основываясь на сообщении Деметрия Скепскийского, замечает, что Асканий, сын Энея, и Скамандрий, сын Гектора, переселили жителей Палескепсиса ⁷⁵ в новый город, который стал называться Скепсисом. Источником этих сведений могли быть генеалогические предания двух царских родов, правивших в этом городе ⁷⁶.

Представляется неслучайным, что античная традиция связывала термин Аскания/Асканий не только с фригийцами, но и мисийцами. Выше уже отмечалось, что античные авторы фиксировали близость фригийцев и мисийцев, хотя и различали эти народности. Эта близость подтверждается сравнением фригийского и мисийского языков ⁷⁷. И. М. Дьяконов, рассматривая иероглифическую надпись Арараса, царя Каркемиша (IX—VIII вв. до н. э.), пришел к выводу, что встречающийся в этой надписи термин *миса* совпадает с греческим этнонимом мисов (*μισοί*), что обозначает в данном случае не собственно население северо-запада Анатолии, а более широкое этническое понятие, включавшее и родственные мисам фригийцев (=«западные») мушки ассирийских и урартских источников) ⁷⁸.

Но топоним Аскания встречается не только на северо-западе Малой Азии. Арриан, несомненно опиравшийся на свидетельства участников походов Александра Македонского, сообщает, что на пути из Писидии к древнему фригийскому городу Келены войско Александра миновало соленое озеро Аскания ⁷⁹. Примечательно, что в этом же районе античной традиции был известен эпитет фригийского бога Мена, созвучный данному топониму. Так, Страбон сообщает, что имелся храм Мена *Ἀσκανῆος* в Антиохии близ Писидии ⁸⁰. Эта Антиохия была расположена в так называемой Фригии Парории ⁸¹, к востоку от города Апамеи, куда Антиох Сотер переселил жителей Келен ⁸². В результате раскопок В. Рамзея на горе Кара Хююк были обнаружены руины этого святилища и надписи, упоминающие Мена Асканийского. Посвящение Мену Аскаену обнаружено и в Восточной Фригии — в одной из деревень около Лаодикеи Комбусты (совр. Хаджилар) ⁸³. При этом следует иметь в виду, что в данном районе юга и востока будущей Великой Фригии дофригийские малоазийские традиции государственности и религии должны были быть особенно сильны. И именно здесь проходили важнейшие торговые и военные пути

за дочь фригийского царя Отрея. Но в «Мифологической библиотеке» Асканий упоминается как сын Приама (III, 12, 5; 9).

⁷³ FHGr, I, 162, 27 = *Dion. Hal.*, I, 47, 5. Раскопки в Гисартепе, в 30 км южнее Кизика, обнаружили наличие греческого города с керамикой, датированной около 700 г. до н. э. Это место с большой долей вероятности идентифицируется с Даскилием, названным по отцу лидийского царя Гигеса (*Coldstream J. N. Greek Geometric Pottery. L., 1968, p. 377*). Основание Кизика античная традиция относит к 756 г. или 679 г. до н. э. (по Евсевию). Исследователи считают вероятным фригийское влияние в этом регионе, см., в частности, *Graham A. J. Patterns in Early Greek Colonisation. — JHS, 1971, 91, p. 40—41.*

⁷⁴ *Hegesianax*, fr. 5. — FHGr, III = *Steph. Byz.*, Ἀρισβη.

⁷⁵ Страбон (XIII, 1, 52) считает это название негреческим (варварским).

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Дьяконов. Фригийский язык, с. 363.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ *Arr.*, An. I, 29, 1: Ἐντεῦθεν δὲ ἔει ἐπὶ Φρυγίας παρὰ τὴν λίμνην, ἣ ὄνομα Ἀσκανία, ἐν ἣ ἅλεις πῆγνυνται αὐτόματοι, καὶ τοῦτοις χρῶνται οἱ ἐπιχώριοι οὐδὲ θαλάσσης τι ἐπὶ τοῦτῃ ἔχοντα... Не это ли соленое озеро имел в виду Геродот, (VII, 26—27), когда рассказывал о походе персидского царя из Келен в Анаву?

⁸⁰ ἔστι δὲ καὶ τοῦτο τῆς Σελήνης τὸ ἱερόν, καθάπερ τὸ ἐν Ἀλβανοῖς καὶ τὰ ἐν Φρυγία, τὸ τε τοῦ Μηρός ἐν τῷ ὁμωνύμῳ τόπῳ καὶ τὸ τοῦ Ἀσκαίου τὸ πρὸς Πισιδίᾳ... — *Strabo*, XII, 3, 31,

⁸¹ *Strabo*, XII, 8, 14.

⁸² *Strabo*, XII, 8, 15.

⁸³ Посвящение Μητὶ Ἀσκανῆω (MAMA, VII, № 4). По мнению Е. С. Голубцовой, эпитет божества указывает на локальный топоним (*Голубцова Е. С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии I—III вв. н. э. М., 1977, с. 32*).

в Киликию и Восточное Средиземноморье, необходимые для экономического развития и внешней экспансии Фригийской державы.

Возникает вопрос: что следует считать первоначальным — топоним Аскания или аналогичное личное имя? Известная нам фригийская топонимика сохраняет названия городов, образованные от имен царей: Гордион, Мидаей и др.⁸⁴ В настоящее время есть основание полагать, что и топоним Аскания был производным от личного имени. И. М. Дьяконовым было предложено чтение лувийской иероглифической надписи, обнаруженной на самом юге излучины Галиса в Богче⁸⁵.

Надпись могла принадлежать Гордию, отождествляемому И. М. Дьяконовым с отцом фригийского царя Мидаса I. Для нас важно, что Гордий именует себя в ней Асканидом, т. е. потомком Аскания.

Соблазнительно в этой связи предположить, что упоминание Аскания — вождя фригийцев в «Илиаде» — донесло до нас запечатленный в эпической форме факт ранней истории государственного образования Анатолии начала I тыс. до н. э., именовавшегося греками Фригией, и проливает свет на происхождение династии Гордия-Мидаса. Сохранение имени Аскания в целом ряде топонимов, локализовавшихся от Пропонтиды на северо-западе до Писидии на юге и озера Татта на востоке, возможно, следует интерпретировать как указание на то, что данная территория входила в государство, подвластное Асканию, или являлось сферой его военной экспансии.

Асканий же оказался связанным в эпической традиции малоазийских греков с генеалогией троянских и послетроянских правителей Трояды. Кажется, в этом следует видеть отражение запечатлевшегося в памяти населения этой территории распространения власти фригийских правителей на Северо-Западную Анатолию. Последнее могло иметь место, вероятно всего, в VIII в. до н. э. — в период блестящего, но сравнительно короткого расцвета Фригийской державы. Возможно, этот факт причудливо отразился и в той версии мифологической генеалогии правителей Трои, которая сохранилась в «Мифологической библиотеке» (III, XII, 3). Согласно ей Ил основал Илион, придя во Фригию и оказавшись победителем в состязаниях, устроенных фригийским царем. Примечательно, что здесь же дано описание весьма архаического ритуала, который сопровождает основание города Илом.

Что касается сообщения Ксанфа Лидийца о том, что переправившиеся из Фракии фригийцы умертвили владыку Трои и соседней страны и поселились в ней (Strabo, XII, 8, 3), то при его интерпретации следует иметь в виду возможную многозначность содержания понятия «фригийцы» в античной традиции, на которую мы уже обращали внимание. Возможно, здесь запечатлелось вторжение какой-то волны фракийских племен (в частности, на рубеже существования Трои VIIb 1 и 2), позднее ассоциировавшихся с фригийцами.

Таким образом, есть основание говорить о том, что географические представления о Фригии в «Илиаде» имеют достоверную основу, каковой являлась осведомленность эпического поэта об истории населения долины Сангария, созданного в VIII в. до н. э. археологическую культуру Гордиона, первый в Малой Азии буквенный алфавит и государственное образование, игравшее ведущую роль в Анатолии конца VIII — начала VII в. до н. э. Представляется вероятным, что эпический поэт синтезировал информацию по крайней мере о двух периодах истории данного региона: о современной ему державе Гордия-Мидаса и более ранней эпохе Аскания. Не исключено также, что представление о фригийцах и Фригии у Гомера может предполагать и наличие знаний о поселениях на Сангарии в более ранний период. Исторически достоверным выглядит и то, что в «Илиаде»

⁸⁴ Haas O. Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia, 1966, S. 14.

⁸⁵ Дьяконов. Малая Азия и Армения..., с. 57.

фригийцы выступают как этнос, сформировавшийся на основе многовековых традиций западноанатолийской государственности и культуры и ко времени создания гомеровского эпоса полностью ассимилировавший свой балканский компонент.

T. A. Mouceeva

HISTORICO-GEOGRAPHICAL CONCEPTIONS OF PHRYGIA IN THE HOMERIC EPOS

T. A. Moiseyeva

The author attempts to reconstruct and interpret these conceptions, as reflected in the *Iliad*, by analysing two specific cases, the toponyms Sangarius and Ascania, both of which are associated with Phrygia. After considering the geographical implications of these toponyms in cases where they are mentioned in post-Homeric literature, and studying the evidence of archaeological and other relevant source material, she concludes that in the *Iliad* the poet's geographical conception of Phrygia is authentic. He is well informed, too, about the history of the people who settled in the valley of the Sangarius River and who, in the 8th century B. C. created the material culture found in excavations at Gordium, also the first alphabet to appear in Asia Minor and, in the late 8th and early 7th centuries, the first important State organisation in Anatolia. In the author's opinion the poet of the *Iliad* probably put together information about at least two periods in the history of this region: his own time, that of the Gordio-Midas kingdom, and an earlier period connected with Ascania. Another apparent testimony to the authenticity of the poet's historico-geographical conceptions is the fact that in the *Iliad* the Phrygians are treated as an ethnos which according to tradition after evolving over many centuries in west Anatolia arrived at statehood and culture and by the time of the Homeric epos had thoroughly assimilated its Balkan component.

О МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ И ПРИНЦИПАХ ПУБЛИКАЦИИ АНТИЧНЫХ ГРАФФИТИ

(Обзор основной литературы)

В наше время не приходится говорить о значении надписей для изучения древней истории. Постоянный приток новых документов и их достоверность помогают освещать разные стороны жизни древнего общества, причем не только крупных государств, но также небольших и отдаленных городов и поселений античной ойкумены. Как справедливо указывает Луи Робер¹, эпиграфика привносит обновление древней истории, она — постоянное поле для новых открытий.

Подобно нумизматике и папирологии античная эпиграфика давно переросла скромную роль вспомогательной науки (разработав методику исследований и не замыкаясь в узких рамках чтения текста), но использует весь арсенал источников и аналогий для получения важных исторических выводов. В этом смысле такие научные дисциплины, как история, греческое и латинское языкознание, история религии, палеография, право и др., сами становятся вспомогательными для эпиграфики, папиро-

¹ Robert L. Die Epigraphik der klassischen Welt. Bonn., 1970, S. 21.

логии, нумизматики и сфрагистики². Иными словами, эпиграфика превращается из вспомогательной в самостоятельный раздел науки, как литература, искусство и др., названные выше, необходимые для всестороннего комплексного изучения античной культуры в целом.

Все сказанное относится не только к лапидарным надписям, но также и к граффити, которые в последнее время все больше привлекают внимание исследователей. Но если даже отдельная лапидарная надпись, как правило, сообщает лишь об одном, порой незначительном факте, то граффити могут смутить еще большей своей краткостью и принятыми сокращениями слов, которые вызывают немалые разнотолки. Однако при ближайшем рассмотрении эти недостатки компенсируются обилием материала и его разнохарактерностью, особенно обогащающими антропонимия и пантеон богов, метрологию и сведения о языковых особенностях каждого центра и региона. При этом надо учесть, что на многих поселениях не найдены лапидарные надписи (тем более о них не упоминают и нарративные источники), так что граффити становятся единственным письменным памятником, дополняющим материалы археологических раскопок.

Значительно слабее разработана и методика изучения граффити, что вызывает неизбежные разногласия и споры среди исследователей. Важным шагом на этом пути должна стать полная публикация граффити из одного центра, которая позволит при сопоставлении с материалами из других центров наметить общие закономерности и локальные особенности, а также разработать общую классификацию. Такая работа в известной мере начата в трудах М. Лэнг на материалах Афинской агоры, причем кроме граффити туда включены и дипинти³. Как видно из обобщающей статьи того же автора о цифровых метках на греческих сосудах⁴, давшей весьма ценные выводы по их интерпретации, сбор и изучение этого обширного материала проводились автором на протяжении многих лет. Работу облегчало лишь то, что эти надписи не были разбросаны по разным городам и музеям, а хранились в Афинах. По сообщению М. Лэнг⁵, на Афинской агоре сейчас зафиксировано свыше трех тысяч сосудов с такими надписями, не считая 6500 остраконов для голосования.

В книге дана развернутая классификация материала с характеристикой каждой категории надписей, рассмотрены методы их датировки и некоторые особенности шрифта с VIII в. до н. э. по VI в. н. э. Поскольку в ВДИ недавно появилась рецензия на книгу М. Лэнг⁶, мы не будем повторять общую высокую оценку ее труда и вновь приводить предложенную классификацию надписей. Заметим лишь, что в рецензии пропущена последняя рубрика: «Рисунки», хотя эта категория граффити встречается во всех античных центрах, часто дополняя надписи, и содержит богатую и разнообразную информацию⁷. Кроме того, название второго раздела

² Бешевлиев В. Прабългарски епиграфски паметници. София, 1981, с. 9. Чтобы улучшить условия хранения, показа и изучения надписей в ряде музеев мира, в том числе и в нашей стране, созданы эпиграфические лапидарии; в 1982 г. на VIII Международном конгрессе по греческой и латинской эпиграфике в Афинах представители Италии выступили с предложением создать в Риме специальный эпиграфический музей. См. *Di Stefano Manzella I., Priuli S., Sabbatini Tumolesi P. Ipotesi per un museo epigrafico a Roma.* — In: VIII^e Congrès international d'épigraphie grecque et latine. Communications. Athènes, 1982, p. 41.

³ Lang M. Graffiti and Dipinti. — In: The Athenian Agora, v. XXI, Princeton, 1976.

⁴ Eadem. Numerical Notation on Greek Vases. — *Hesperia*, 1956, v. XXV, 1, p. 1—24, tabl. 1—6.

⁵ Lang. Graffiti and Dipinti, p. 1, 16.

⁶ Яйленко В. П. Новый свод древнегреческих граффити. — ВДИ, 1984, № 1, с. 196—198.

⁷ Достаточно в качестве свежего примера сослаться на уникальную находку 1982 г. в Нимфее: графические рисунки и надписи на стене святилища III в. до н. э., среди которых особо выделяется египетский корабль под именем ΙΣ ΙΣ. См. Грач Н. Л.

«Сообщения и письма» (Messages and Lists) вернее переводить «Послания (письма) и списки»; ведь М. Лэнг включает в него граффити с перечнем вещей и их количества (с. 10).

Датировку граффити М. Лэнг определяет тремя моментами: 1) шрифтом надписи, 2) датировкой сосуда, 3) датировкой слоя, в котором он найден; при этом она подчеркивает, что часто главным датирующим моментом служит археологический контекст, ибо в одно и то же время встречаются разные формы букв, как хорошо видно на примере остраконов против Фемистокла ⁸.

На агоре найдено 11 алфавитных надписей (Abecedaria), но редко полных. Автор отмечает, что их могли нанести с магической целью или для обучения письму и счету, однако четко не разграничивает эти разные категории ⁹.

Подобные надписи находили и в других регионах, в том числе в городах Северного Причерноморья. Укажем для примера полный греческий алфавит, вырезанный на одноручном краснолаковом кувшине из Херсонеса ¹⁰ и на доньшках двух чернолаковых сосудов из Феодосии ¹¹, а также несколько граффити из Ольвии ¹². Для выяснения роли этих граффити важно установить условия их находки, сохранность и сочетание с другими надписями. Положенные в могилу целые сосуды, вероятно, служили апотропеями для защиты от злых духов. Для учебных целей обычно использовали обломки керамики, а не целые сосуды. Граффито на обломке дна килика из Ольвии, изданное И. И. Толстым, справедливо отнесено им к магическим, так как буквы сочетаются там с рядом неопределенных знаков.

Различные послания и списки предметов с указанием их количества обычно писали на черепках. В качестве исключения М. Лэнг приводит одно граффито V в. до н. э. на целом сосуде, посланном адресату ¹³. Из текста можно понять, что это был подарок любимой вместе с приглашением на свидание: «Эвмелис, приходи как можно быстрее. Аркесим». Как видим, в короткой «записке» есть и обращение и подпись. Близкую по содержанию надпись на синопской амфоре II в. до н. э. обнаружила О. Д. Дашевская на городище Беляус в Крыму ¹⁴.

Подавляющее большинство имен, вырезанных на черепках, составляют на агоре остраконы (6500 экз.), которые использовали для голосования в народном собрании для изгнания путем введенного Клисфеном остракизма политических противников ¹⁵. Эти граффити в книге не рассматриваются, так как им будут посвящены специальные публикации и исследования. Известно, что по примеру Афин остракизм был введен и в других центрах античного мира, в том числе и в Мегарах. Находка нескольких

Открытие нового исторического источника в Нимфее (Предварительное сообщение).— ВДИ. 1984, № 1, с. 81—88.

⁸ Lang. Graffiti and Dipinti, p. 2—4.

⁹ Ibid., p. 6. Ср. Яйленко. Новый свод..., с. 197.

¹⁰ Херсонесский сборник, II, 1927, с. 234, рис. 14.

¹¹ Штерн Э. Graffiti на античных южно-русских сосудах.— ЗООИД, 1897, XX, с. 185, № 62, 63.

¹² Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.—Л., 1953, § 59; Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии.— ВДИ, 1980, № 3, с. 94 сл. Ср. Cauderlier P. Cinque tablettes en bois au Musée de Louvre.— Revue archéologique, 1983, 2, p. 269—280 (греческие надписи с арифметическими упражнениями).

¹³ Lang. Graffiti and Dipinti, p. 9, 137.

¹⁴ Дашевская О. Д., Миллин Б. Ю. Синопская амфора с надписью Майдата.— КСИА, 1975, вып. 143, с. 50—53. О новой находке послания хозяйственного характера II—I вв. до н. э. см. Daniel B. U. A New Ptolemaic Ostrakon.— ZPE, 1983, 52, p. 272.

¹⁵ Lang. Graffiti and Dipinti, p. 16. По данным Г. А. Лемана на 1981 г. в районе Керамика было найдено около 9 тыс. остраконов (Lehmann G. A. Der Ostrakismos-Entscheid in Athen: von Kleisthenes zur Ara des Themistokles.— ZPE, 1981, 41, S. 85).

остраконов конца IV в. до н. э. в Херсонесе ¹⁶ указывает на распространение остракизма в далеких колониях, где также сильно обострилась политическая борьба, иногда кончавшаяся захватом власти тиранами. Далее Лэнг приводит многочисленные цифровые метки на черепках, часто не имеющие отношения ко всему сосуду ¹⁷; они даны (за одним исключением) по акрофонической системе, как и многочисленные цифровые обозначения из других центров, хотя там встречаются варианты отдельных знаков.

Обширную группу составляют граффити с именами владельцев сосудов ¹⁸, которые чаще всего даны в сокращениях, иногда в форме монограмм. М. Лэнг подробно рассмотрела шрифт этих беглых надписей, который ближе к папирусному, чем к лапидарному письму. На открытых сосудах эти надписи чаще помещали на донной части (75%), а на закрытых — на тулове (67%). Интересно, что на 127 мужских имен приходится только 19 женских. Подобно остраконам посвятельные и застольные надписи из Афин и других центров неоднократно издавались, поэтому подробно М. Лэнг их не рассматривала. Полагаем, что к этой группе можно добавить граффити, на которых сокращение теонимов сочетается с цифровой меткой как указание суммы денег, принесенной в дар богу ¹⁹.

Ряд ценных замечаний М. Лэнг делает по поводу торговых меток, рассматривая знаки и сокращения для обозначения объема, веса и содержимого тарных сосудов. На 37 амфорах указана дата, что чрезвычайно редко встречается в других центрах ²⁰. Что касается содержимого амфор и других сосудов, то чаще всего упоминаются различные сорта вин (причем эти надписи, как правило, *dipinti*). На шести сосудах указано масло, на пяти кувшинах — мед, а на остальных — молоко, просо и рыбный соус ²¹.

В конце книги приложен общий Каталог граффити и 62 таблицы иллюстраций, включающих в основном прорисовки надписей, несколько фототаблиц (№ 48—53) и план агоры (№ 62). Расположение надписей в Каталоге соответствует их общей классификации на с. 1—2. При описании каждой надписи указаны: тип сосуда, местоположение надписи, иногда археологический слой и совместные находки, датировка.

Еще раз подчеркивая большие достоинства книги М. Лэнг, издавшей граффити и дипинти из Афин, вероятно, служивших во многом образцом и эталоном для всего античного мира (вспомним хотя бы о влиянии афинских формул почетных и проксенических декретов), нельзя не высказать ряд замечаний и пожеланий, вытекающих из ближайших задач по изучению этого своеобразного письменного источника.

Коснемся прежде всего полноты использованного материала. Нам представляется принципиально важным, издавая граффити какого-либо центра, включать хотя бы в самой краткой и суммарной форме все надписи, в том числе обломанные или состоящие из одной-двух букв. Автор же отбрасывает около 2/3 надписей, считая подобную публикацию бесполезной из-за множества вариантов их интерпретации ²². Еще в 1967 г. на V Международном конгрессе по греческой и латинской эпиграфике в Кембридже Г. Р. Иммервар, выступая по поводу проекта издания корпуса аттических вазовых надписей, ясно сформулировал общую цель:

¹⁶ Три из них изданы, остальные готовятся к печати. См. *Соломоник Э. И.* Некоторые группы граффити из античного Херсонеса. — ВДИ, 1976, № 3, с. 121—123.

¹⁷ *Lang. Graffiti and Dipinti*, p. 21 f.

¹⁸ *Ibid.*, p. 23—30.

¹⁹ *Соломоник.* Некоторые группы граффити из античного Херсонеса, с. 137 сл.
²⁰ *Lang. Graffiti and Dipinti*, p. 69. Ср. граффито PNZ на амфоре III в. н. э. из Тиры, которое мы считаем датой — 157 г. по календарю Тиры = 213 г. н. э. См. *Соломоник Э. И.* Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени. — ВДИ, 1973, № 1, с. 63, прим. 46.

²¹ *Lang. Graffiti and Dipinti*, p. 72 f.

²² *Ibid.*, p. 1.

издать все надписи на аттических сосудах ²³ (исключая только публикуемые отдельно остраконы).

Из ряда примеров известно, что при посвящениях в святилища имена богов иногда сокращали до одной буквы, становившейся символом определенного культа. То же относится и к именам владельцев сосудов и постепенно раскрываемым меткам на амфорах. Так, лишь недавно благодаря сравнению разных форм сокращений и анализу содержимого удалось окончательно установить, что буква Ε на многих амфорах — сокращение слова *ἐλαιον* (оливковое масло). Аналогичные дешифровки возможны и в дальнейшем. Говоря о метках собственников, сама М. Лэнг отмечает, что на некоторых сосудах наряду с полным именем писали отдельно его первую букву ²⁴. Таким образом, при находке в том же комплексе сосуда с этой буквой можно достаточно уверенно отнести ее к имени хозяина дома. То же можно сказать о посвящениях в случае привязки сосуда с граффитом к определенному храму или святилищу.

Кроме сказанного следует учесть, что по примеру авторитетного издания граффитов с афинской агоры многие будут считать правомерным и достаточным издавать не весь материал того или иного центра, а лишь тот, который легче интерпретировать и публиковать, явно тормозя этим его всестороннее изучение.

С затронутым выше непосредственно связан и другой вопрос о необходимости увязки находок (где это возможно) с определенными археологическими комплексами, благодаря чему не только уточняется датировка памятников, но зачастую может быть раскрыто содержание граффитов. Иными словами, нужна топография всех находок.

Приведем лишь несколько примеров. В Аполлонии в одном погребении IV в. до н. э. были найдены три тарелки с одинаковыми надписями: ΛΑ в лигатуре, что дает основание видеть в них начало имени покойного хозяина дома. При раскопках эллинистического дома в Горгиппии обнаружены две чашки, на дне которых вырезаны буквы ΛΕ, видимо, того же значения ²⁵. Кстати, в обоих случаях даны аббревиатуры из двух букв, которые можно дополнить разными именами, однако вряд ли допустимо отбросить их как бесполезные.

На чернолаковом кувшине из Ольвии V в. до н. э. сохранилось лишь окончание слова на -ηρ (перед ним горизонталь вверху) ²⁶, но его находка в святилище позволяет дополнить слово ΣΩ[]ΤΗΡ и уж во всяком случае не пренебречь этой фрагментированной надписью. Наконец, можно упомянуть надписи-дипинты белой краской на одноручных горшочках первых веков н. э. с весьма широким ареалом. Их находки в основном среди погребального инвентаря, а также ряд других соображений помогли по-новому понять значение этих надписей, связанных не с застольем (как полагали раньше), а с заупокойным культом ²⁷.

Во всех античных центрах значительную часть лапидарных надписей и граффитов составляют посвящения различным богам. Поэтому М. Лэнг отмечает удивительно малое количество теонимов среди граффитов афин-

²³ Immerwahr H. R. A Projected Corpus of Attic Vase Inscriptions.— In: Acta of the Fifth International Congress of Greek and Latin Epigraphy, Cambr., 1967. Oxf., 1971, p. 53. Кстати, более подробно автор останавливается в своем докладе на классификации надписей, сделанных в мастерской гончарам и вазописцами (в основном это дипинты), но рассматривает и так называемые надписи потребителей (users) и их основные группы (преимущественно граффиты); кроме того, он выделяет восемь хронологических групп, соответствующих развитию стиля сосудов (с. 53—60).

²⁴ Lang. Graffiti and Dipinti, p. 26.

²⁵ Аполония. София, 1963, с. 220, погр. 367, № 552, 555, 556; Алексеева Е. М. Раскопки эллинистического дома в Горгиппии.— КСИА, 1975, вып. 143, с. 37, рис. 4, 7—8.

²⁶ Козуб Ю. И. Древнейшее святилище Ольвии.— В сб.: Ольвия. Киев, 1975, с. 153, рис. 5, 12.

²⁷ Соломоник. Из истории религиозной жизни..., с. 60—72.

ской агоры, однако не находит этому никакого объяснения. В. П. Яйленко в своей рецензии также ограничивается лишь констатацией этого факта²⁸. Но зададимся вопросом, откуда возник этот факт, заслуживает ли он доверия и соответствует ли исторической ситуации? Иначе говоря, возможно ли, чтобы в хорошо раскопанных, некогда многолюдных Афинах, застроенных храмами и святилищами, где постоянно проходили различные празднества и церемонии, было найдено ничтожно мало посвященных граффити? Ответив отрицательно на поставленный вопрос, мы видим причину появления этого мнимого факта в указанном выше серьезном методическом просчете автора, произвольно отбросившего 2/3 граффити из-за их краткости и невыразительности. У нас не остается сомнений, что именно среди сокращений в одну-две буквы скрывается множество теонимов, в том числе Афина, имя которой могло быть сокращено как АΘ и даже А, ставшего там символом культа главной богини города. Кстати, М. Лэнг указывает, что многие из этих граффити процарапаны на доньях маленьких сосудов²⁹, что отнюдь не противоречит нашему заключению, ибо основная масса граждан приносила в храмы не дорогие кратеры и блюда, а небольшие чашечки и «солонки». В связи со сказанным особый интерес приобретает локализация этих граффити, их описание и датировка.

М. Лэнг достаточно подробно останавливается на особенностях шрифта отдельных групп граффити, подчеркивая характерный для них разноречивый. Однако в дальнейшем было бы желательно составить палеографические таблицы (хотя это дело сложное и трудоемкое) для датировки времени появления в Афинах определенных форм букв и сопоставления их с граффити из других центров.

В книге не упоминаются надписи, выполненные на керамике по сырой глине, до обжига сосудов, т. е. еще в мастерской гончара. Вероятно, такие надписи были найдены на афинской агоре (в других центрах они известны, но в небольшом количестве) и, возможно, не включены автором, так как в строгом смысле слова не относятся к граффити, хотя очень близки к ним.

По поводу классификации граффити надо в первую очередь отметить несколько необычную последовательность перечисления и описания категорий надписей, при которой на первое место выдвинуты сравнительно редко встречающиеся алфавитные надписи, послания и др., в то время как остраконы, имена владельцев сосудов и посвящения богам, составляющие основную и наиболее важную по содержанию часть коллекции, помещены вслед за ними.

Хотя некоторые застольные надписи посвящали богам, они составляют особую группу и, по нашему мнению, напрасно объединены автором с категорией посвящений, связанных с культами различных богов и дарами, приносимыми в их святилища.

Не выделены при публикации дарственные и магические надписи (последнее отмечено и в рецензии В. П. Яйленко), хотя в разделе «Имена любимых и ненавидимых», видимо, предполагается обычное написание этих имен с магической целью: приворожить одних и добиться проклятия богами других. Другие замечания по классификации уже сделаны в рецензии В. П. Яйленко.

Мы начали обзор важнейших работ по граффити с книги М. Лэнг, нарушая принятую обычно хронологическую последовательность изложения, чтобы сразу показать современное состояние изучения материала на примере крупнейшего античного центра — Афин. Но если вернуться к истокам этого самого молодого раздела античной эпиграфики, то нужно будет обратиться к отечественному антиковедению конца XIX в., когда была

²⁸ Яйленко. Новый свод..., с. 196.

²⁹ Lang. Graffiti and Dipinti, p. 1.

опубликована статья Э. Р. Штерна о южнорусских граффити ³⁰. Конечно, при публикации материалов из раскопок различных центров античного мира, например из Навкратиса, часто включали и граффити (а цифровым меткам на сосудах было еще до Э. Штерна посвящено несколько специальных работ) ³¹, однако статья Э. Штерна имела принципиальное значение, ибо именно он обратил внимание на историческое значение граффити и предложил первичную классификацию материала для объяснения отдельных категорий надписей.

Э. Р. Штерн ³² разделил граффити на четыре группы: 1) посвящения богам, 2) имена владельцев и различные их заметки, 3) пометы торговцев посудой, 4) надписи сомнительного значения.

Выделив в своей классификации действительно важнейшие группы надписей, автор там же отмечает, что можно установить большее число категорий, но находит целесообразным при первой попытке объяснения граффити заключить материал в возможно широкие рамки. И с этим нельзя не согласиться, особенно если учесть, что он располагал сравнительно небольшим количеством материала, в основном из коллекции Одесского музея.

Э. Р. Штерн поясняет свой метод выделения некоторых сокращений как посвятительных надписей: ³³ 1) эти сокращения были ясны при имени бога, но давали бы множество вариантов при имени собственном; 2) почти все рассмотренные граффити дают сокращения имен богов; 3) одинаковые сокращения встречаются среди феодосийских граффити много раз. С точки зрения современных требований очевидны и определенные недостатки работы Э. Р. Штерна: отсутствие указаний на условия и место находки сосуда, его датировки, а главное — однозначное толкование всех граффити типа АП, АΘΑ, ΑΡ как посвящений богам ³⁴ без учета того, что они могли быть и сокращениями соответствующих теофорных имен. Последнее дало повод Э. Минзу ³⁵ для весьма категорического заключения о невозможности использовать 2—3 буквы и монограммы на черепках для суждения о культах. Выше мы уже говорили о том, что в ряде случаев решение может подсказать археологический комплекс. Кроме того, следует учесть, что обилие определенных теофорных имен, которые давали в честь наиболее почитаемых в данном центре богов, является косвенным свидетельством об этих культах.

Но когда мы говорим об исследователе в любой отрасли науки (особенно о первопроходце), то должны в первую очередь оценить его достижения по сравнению с предшествующими работами, а потом уже отмечать неизбежные для уровня знаний его эпохи недостатки. Именно таким образом подошел Г. Клаффенбах ³⁶ к оценке труда Августа Бека, которого справедливо назвал создателем современной греческой эпиграфики.

Статьи Э. Р. Штерна вызвали интерес к граффити, поступавшим из раскопок античных городов на юге нашей страны, появился ряд специальных публикаций, но основная масса материала оставалась нетронутой в фондах различных музеев. Подготовленный Е. М. Придилом еще в дореволюционные годы каталог южнорусских керамических надписей, который предполагали издать в третьем томе IOSPE, остался в рукописи, причем он включал в основном граффити из коллекции Эрмитажа.

³⁰ Штерн Э. Graffiti на античных южно-русских сосудах. — ЗООИД, 1897, XX, с. 163—199. Несколько позже Э. Штерн издал статью, в которую наряду с лапидарными надписями включил и граффити (Штерн Э. Новый эпиграфический материал, найденный на юге России. — ЗООИД, 1901, XXIII, с. 1—32).

³¹ См. о них в статье: Штерн Э. Graffiti..., с. 164 сл. Позже были изданы следующие важные исследования на эту тему: Hackl R. Merkantile Inschriften auf Attischen Vasen. — Münchener archäologische Studien, 1909; Tod M. N. Ancient Greek Numeral Systems. Six Studies. Chicago, 1979; Lang. Numerical Notation.

³² Штерн Э. Graffiti..., с. 167.

³³ Там же, с. 174 сл.

³⁴ Там же, с. 173 и 176—178 (граффити из Феодосии и Херсонеса).

³⁵ Minns E. H. Scythians and Greeks, Cambr., 1913, p. 361, 546.

³⁶ Klaffenbach G. Bericht über die IG. — Klio, 1967, 49, S. 350.

Уже в советский период И. И. Толстой вернулся к этой теме и, опираясь на работы Э. Р. Штерна и рукопись Е. М. Придика (как он сам указывает в предисловии к своему труду), подготовил и впервые опубликовал отдельную книгу, посвященную северопричерноморским граффити³⁷. Интересно отметить, что список научных работ академика И. И. Толстого начинается с заметки о граффити, изданной им еще при жизни Э. Р. Штерна³⁸. По мысли И. И. Толстого, его книга с подзаголовком «Граффити Государственного Эрмитажа» должна была положить начало изданию корпуса керамических надписей Северного Причерноморья, которое бы продолжалось по принципу публикации материала по отдельным музеям³⁹. Таким образом, отбор материала был продиктован не содержанием и сохранностью граффити, как у М. Лэнг, а исключительно местом их хранения. По той же причине в книгу вошел сравнительно небольшой материал (250 памятников), но из разных центров: Ольвии, Березани, Херсонеса, Нимфея, Пантикапея и Тамани.

Классификация граффити принята в книге следующая: 1) керамические сосуды, их производство и торговля ими, 2) бытовые надписи, 3) застольные надписи, 4) посвятельные надписи божествам, 5) магия, 6) рисунки и знаки без сопроводительного текста, 7) тексты, смысл которых неясен, 8) одиночные буквы и цифровые знаки неясного смысла. По сравнению с классификацией Э. Штерна здесь большая детализация категорий надписей, в частности, выделены группы застольных и магических граффити; в то же время важная группа имен владельцев включена в раздел бытовых надписей. Выборочный характер материала не позволил использовать одно из главных достоинств граффити — их массовость, на основе которой можно судить о пантеоне того или иного центра, торговых связях, развитии языка и письма и многом другом. По той же причине расшифровку некоторых сокращений нельзя было подкрепить более полными формами имен и сведениями об условиях находки в определенных комплексах. В рецензиях на книгу отмечалась необходимость использовать в комментариях к надписям данные клейм и монет и были предложены иные толкования ряда граффити⁴⁰.

Начиная с 50-х годов у нас и за рубежом появилось много публикаций греческих граффити, связанных с определенными археологическими комплексами-святилищами, складами амфор и др., особенно убедительно показавшие их роль как немаловажного письменного источника наряду с памятниками и лапидарной эпиграфикой⁴¹.

В меньшей степени это относится к латинским граффити и дипинти, хотя их количество тоже достаточно велико, а содержание весьма инте-

³⁷ Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.—Л., 1953.

³⁸ Он же. К толкованию одного graffito с острова Левки.— ЖМНП, 1902, дек., с. 591 сл.

³⁹ Он же. Греческие граффити..., с. 5.

⁴⁰ См. рец.: Карышковский П. О.—ВДИ, 1954, № 1, с. 71 и заметки О. О. Крюгера в «Трудах Эрмитажа», 1962, VII, с. 268.

⁴¹ Приведем некоторые примеры: Lehmann K. The Inscriptions on Ceramics and Minor Objects.—In: Samothrace N. Y., 1960, p. 20—23; Леви Е. И. Материалы ольвийского теменоса.—В кн.: Ольвия М.—Л., 1964, с. 164; она же. Новые посвятельные надписи Аполлону Дельфинию из раскопок Ольвии.—В кн.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 96—100; Шелов Д. Б. Личные имена на амфорах из Танаиса.—НЭ, 1978, XII, с. 47—55; Русаева А. С. Разведки и раскопки поселения близ Ольвии.—Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев, 1971, с. 180—184; eadem. Sakrale Graffiti von Olbia.—VIII^e Congrès..., p. 147 (особо подчеркнуто значение граффити для локализации ряда храмов и святилищ в Ольвии и ее округе); Отрешко В. М. Граффити, найденные на поселении Большая Черноморка II в 1973 г.—В кн.: Некоторые вопросы археологии Украины. Киев, 1977, с. 40—44; Čižikova M. Les graffites sur vases de Seuthopolis.—VIII^e Congrès..., p. 35 (автор указывает, что при раскопках Севтополя было найдено 146 граффити IV—III вв. до н. э., давших новый материал о связи фракийской цивилизации с греческой и по другим вопросам).

ресно, дополняя данные лапидарных надписей и клейм на керамике в местах стоянок римских военных лагерей. После издания в начале нашего века части граффити в CIL, XIII, 3, 1—2 было опубликовано сравнительно мало новых материалов, хранящихся в ряде европейских музеев, однако и здесь наметился некоторый сдвиг ⁴².

Профессор Цюрихского университета Эрнст Майер в своем «Введении в латинскую эпиграфику» указал на огромное количество мелких надписей на различных изделиях, в том числе граффити на сосудах с именами владельцев и застольными надписями, дипинти на амфорах с указанием их содержимого и др. ⁴³. Он упоминает также надписи краской на стенах Помпей, Геркуланума и Стабий разного содержания: сообщения о выборах магистратов, объявления о гладиаторских боях, торговая реклама и так называемые заборные надписи ⁴⁴.

Ценный вклад в изучение рассматриваемых материалов внесла публикация граффити из коллекции музея в Бонне ⁴⁵, которую Г. Круммрей назвал в своем обзоре образцовой ⁴⁶. В книге рассмотрено свыше 500 граффити на сосудах, подавляющее большинство которых найдено на территории римских лагерей и лишь 73 — на гражданских поселениях. Так как шрифт граффити во многом отличается от лапидарного письма и не может быть использован для их хронологизации, она основана на датировке самих сосудов. Однако все же сделаны некоторые наблюдения над формами букв граффити, которые разделены на шесть хронологических групп ⁴⁷.

Б. Гальштерер-Кроль уделяет большое внимание содержанию граффити, но не дает строгой их классификации, так как возможно разное толкование многих надписей. Наиболее определенно выделены группа имен владельцев на краснолаковых сосудах и цифровые метки на амфорах, видимо, указывающие их объем и вес ⁴⁸. Отдельные буквы на сосудах предположительно также отнесены к именам владельцев, а некоторые — к их содержимому, например, М — от *muria* (рыбный соус), Н — от *hyd-gogarium* (соус из перца с водой), А — от *alles* (соус к мясу или каше). Отмечены также застольные и метрические надписи, хризма и различные рисунки ⁴⁹.

Вторая часть книги (автор Л. Баккер) посвящена подробной характеристике и датировке керамики. Такое соавторство эпиграфиста и археолога дало весьма положительные результаты, поставив изучение латинских граффити на твердую хронологическую основу. Что же касается общей классификации граффити, в частности раскрытия аббревиаций отдельных букв, то они, по нашему мнению, возможны лишь на более широком материале, чем коллекция одного музея, с привлечением убедительных аналогий и археологических комплексов.

⁴² *Harmatta J.* Inscriptions on Pottery from Pannonia.— *Acta archaeologica*, 1968, XX, p. 247—274; *Almeida E. R.* Novedades de epigrafia anforaria del Monte Testaccio.— *Recherches sur les amphores romaines*. Roma, 1972, p. 107—241; *Rădulescu A.* Amfore cu inscripții de la edificiul roman cu mozaic din Tomis.— *Pontica*, 1973, VI, p. 193—207; *Mocsy A.* Die Echtheitsfrage der Graffiti auf Tonscherben von Tokod.— *Studia Antiqua*, 1976, 23, S. 99—105.

⁴³ *Meyer E.* Einführung in die lateinische Epigraphik. Darmstadt, 1973, S. 77—79.

⁴⁴ *Ibid.*, S. 82; *Solin H.* I graffiti parietali di Roma e di Ostia.— In: *Acta of the Fifth Intern. Congress...*, p. 201—208 (там же литература вопроса).

⁴⁵ *Bakker L., Galsterer-Kroll B.* Graffiti auf römischer Keramik im Rheinischen Landesmuseum Bonn. Köln, 1975.

⁴⁶ *Krummrey H.* Fünf Neuerscheinungen zur lateinischen Epigraphik.— *Klio*, 1977, 59/1, S. 3.

⁴⁷ *Bakker, Galsterer-Kroll.* Op. cit., S. 12.

⁴⁸ *Ibid.*, S. 30, 50.

⁴⁹ *Ibid.*, S. 54. Ср. группу сосудов III в. н. э. из Кельна с застольными надписями, выполненными в технике барботино: DAMI (дай мне!), SVME (наслаждайся!), DAMERVUM (дай неразбавленный!), DABIBERE (дай пить!), MIXTVM (смешанного!), VINVM (вина!); Каталог выставки Римско-Германского музея города Кельна в Москве и Ленинграде. 1984, № 257—262.

Чтобы показать значение изданных недавно латинских граффити для истории, приведем еще несколько примеров. Так, надписи из Дакии свидетельствуют о проникновении в эту область латинского письма до завоевания ее Траяном; другая группа граффити дает новый материал по истории Валахии; остатки продуктов в амфорах и надписи на них из Том указывают на импорт редких продуктов: канифоли, скипидара, сосновой и хиосской смолы, фимиама и др.; наконец, дипинто на амфоре из Широкой балки содержит первое письменное свидетельство о торговых связях римского купца с Северным Причерноморьем ⁵⁰.

Но вернемся к более многочисленным греческим граффити. Одновременно и независимо от работы М. Лэнг по изданию надписей с афинской агоры по инициативе Отдела археологии Крыма АН УССР, совместно с Государственным археологическим Херсонесским музеем-заповедником, под руководством автора этой статьи было предпринято издание граффити античного Херсонеса, первая часть которого вышла в свет вскоре после книги М. Лэнг, в 1978 г. ⁵¹ Видимо, это не случайно, а вызвано уровнем науки 70-х годов, потребностью монографической публикации материала ⁵².

Мы сразу поставили перед собой задачу собрать по возможности все граффити с территории Херсонесского государства античного времени, хранящиеся в Государственном Херсонесском археологическом музее-заповеднике, Евпаторийском краеведческом музее, Государственном Историческом музее в Москве, Эрмитаже, фондах Института археологии АН СССР (в Москве и Ленинграде) и др. После предварительного выявления около 2500 граффити возник вопрос о расположении и форме публикации столь обширного материала. Объем и характер подсказали необходимость разделить его на три части, включив в две книги граффити из самого Херсонеса, а в третью — с остальной территории государства.

При обилии аббревиатур разделение граффити на группы по содержанию привело бы к тому, что подавляющее их число пришлось бы отнести в раздел неопределенных, как, например, сокращения типа AP, ΔA, AP, AΘ и др., которые могут быть посвящениями богам или началом теофорных и других имен владельцев сосудов или дедикантов. Отбрасывать же значительную часть материала при создании источниковедческой базы вряд ли было целесообразно. Ведь никто не поступает так при публикации каталогов монет или клейм, хотя их количество неизмеримо больше. *Mutatis mutandis* это правило надо отнести и к граффити, тем более что, несмотря на множество сходных надписей, они выполнены не штампом, а каждое индивидуально разными лицами. Надписи, кажущиеся сейчас не вполне понятными и важными, могут в будущем оказаться весьма интересными и содержательными.

Монографическое издание граффити определенного центра, требующее очень длительного времени, конечно, не исключает предварительной публикации новых находок или групп памятников из фондов музеев, что лишь ускорит их поступление в научный оборот. Но после выборочного издания основного материала вряд ли найдутся желающие публиковать оставшиеся маловыразительные фрагменты, хотя они необходимы для полноты коллекции.

⁵⁰ *Berciu D. Ecriture à lettres latines du complexe dace de Ocnița.* — SCIV, 1973, 4, p. 611—618; *Bichir Gh. Nouvelles données concernant la romanisation de la Valachie.* — SCIV, 1978, 3, p. 394; *Rădulescu. Op. cit.*, p. 206; *Виноградов Ю. Г.* Дипинто из раскопок поселения в Широкой балке близ Новороссийска. — В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 90—93.

⁵¹ Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978.

⁵² Ср. *Immerwahr. A Projected Corpus...* О необходимости издания сводов греческих надписей Северного Причерноморья, лапидарных и граффити, см. *Виноградов Ю. Г.* О методике обработки греческих эпиграфических памятников. — В кн.: Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978, с. 73—75.

Учитывая все эти соображения, мы решили разделить херсонесские граффити на следующие три большие группы, удобные для датировки: надписи на чернолаковых сосудах, надписи на краснолаковых сосудах, надписи на амфорах и пифосах. Первые две группы дают хорошие хронологические рамки, а граффити на тарных сосудах имеют отличительное функциональное назначение. Внутри каждой группы для удобства пользования надписи расположены в алфавитном порядке, однако при характеристике отдельных групп граффити выявлено по возможности их содержание (не всегда однозначное) на основе разработанных нашими предшественниками классификационных схем.

В 1984 г. вышла из печати следующая книга, посвященная граффити с остальной территории Херсонесского государства⁵³. Сохраняя аналогичный порядок расположения материала, мы вынуждены были ввести также географический принцип, поскольку имели дело с целым рядом городищ, поселений и усадеб. По той же причине в число указателей в конце книги включен общий список граффити в алфавитном порядке. Мы, естественно, остановились лишь на вопросах систематизации материала и общей архитектонике этих книг, не касаясь оценочных моментов⁵⁴.

Следующей по времени была выборочная публикация В. П. Яйленко большой группы граффити из нескольких центров Северного Причерноморья⁵⁵. Автор начал свою статью с раздела «Методика исследования граффити», в которой рассмотрел следующие вопросы: классификация материала, принципы размещения посвяtitельных и частновладельческих граффити на сосудах, типологическая принадлежность аббревиатур на доньях сосудов (посвяtitельные граффити и сокращения имен)⁵⁶. На основе новейших работ Г. Иммервара, Л. Джефферри и др. В. П. Яйленко предложил наиболее подробную классификацию граффити, разделив их на шесть больших групп: сакральные, художественные тексты, бытовые, имена и сокращения имен, производственно-торговые (экономические) на посуде, граффити на амфорах. Каждая группа имеет ряд подгрупп⁵⁷. Считая обязательной при каждой публикации граффити разделить материал по содержанию, как это принято в лапидарной эпиграфике, автор не принимает принципы построения книги «Граффити античного Херсонеса», хотя одновременно одобряет «издание граффити по отдельным центрам по принципу Корпуса»⁵⁸. Вопрос о наиболее целесообразном издании граффити, видимо, остается спорным, требуя дальнейших поисков оптимального решения. Однако всячески приветствуя дальнейшую разработку и уточнение общей классификации граффити, которая в силу специфики и разнообразия материала намного сложнее классификации лапидарных надписей, мы пытались выше показать, что при современном уровне знаний она практически применима лишь при выборочной публикации граффити, и оба принципа совместить не удастся, как видно на примерах рассмотренных выше изданий.

По мере накопления материала будет изменяться и уточняться общая классификация надписей, подготавливая основу для издания Корпуса граффити. Но уже сейчас можно внести некоторые дополнения в схему, предложенную В. П. Яйленко. Говоря о дипинти, он называет погребальные надписи на урнах⁵⁹, однако в ряде центров, например в Херсонесе,

⁵³ Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. По указанной выше структуре эта часть «трилогии» является последней, но публикация второй книги несколько задержалась по ряду технических причин.

⁵⁴ См. Сапрыкин С. Ю. Рец. на кн.: Граффити античного Херсонеса.— ВДИ, 1980, № 2, с. 166—174.

⁵⁵ Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии.— ВДИ, 1980, № 2, с. 72—99; 1980, № 3, с. 75—116.

⁵⁶ ВДИ, 1980, № 2, с. 74.

⁵⁷ Там же, с. 74 сл.

⁵⁸ Там же, с. 74.

⁵⁹ Там же, с. 76.

имеется целая серия подобных надписей, выполненных не кистью, а острием; следовательно, они должны занять свое место в классификационной системе⁶⁰. Среди сакральных надписей можно дополнить подгруппу с христианскими монограммами и символами, которые известны на краснолаковых сосудах и других изделиях. Среди граффити на амфорах, кроме различных меток владельцев, торговцев и мастеров, возможны надписи дедикантов, посвятивших в храм богу первинки урожая зерна, вина, меда и пр., или какие-либо другие, например, мореходов в честь благополучного плавания. Наконец, намечается небольшая группа граффити, содержащих этникины и топонимы⁶¹.

Учитывая возможное многообразие сюжетов, естественно ожидать, что известные сейчас единичные находки того или иного содержания после поднятия «эпиграфической целины» во многих музеях мира дадут основание для более дробной рубрикации. Это для примера: фрагменты скифоса и лутерия из Ольвии, на которых вырезаны названия месяцев милетского календаря⁶²; цифровые метки на амфорах из Танаиса, возможно, дающие порядковую нумерацию сосудов⁶³; дно чернолаковой чашки, найденной в Пантикапее еще в 1876 г., на которой приведен перечень ряда вкусных блюд, т. е. своего рода меню⁶⁴; наконец, несколько знаков гончаров, вырезанных до обжига сосудов.

Два других методических вопроса, рассмотренных в статье В. П. Яйленко, тесно связаны между собой. Он считает общей закономерностью размещение посвятительных граффити главным образом на венчиках и стенках сосудов, а имен владельцев и их сокращений «в абсолютном большинстве случаев — на доньях» и приводит соответствующие примеры⁶⁵. Отсюда же вытекает вывод, что «сокращения типа АΘ, ΑΠ, ΑΡ, ΑΓΤ и т. д. вырезанные на доньях сосудов, в абсолютном большинстве представляя собой сокращения теофорных имен владельцев...»⁶⁶. Однако автор делает несколько важных оговорок, нарушающих стройность предложенной схемы: во-первых, в зависимости от характера божества и локальных особенностей отдельных центров посвятительные граффити могли размещаться и на доньях сосудов⁶⁷; во-вторых, имена богов вырезали не только полностью, но и в сокращении, вследствие чего часть граффити типа ΑΠ, ΑΡ, ΔΗ и др. на доньях относилась к посвятительным, но часто отсутствие археологического контекста не позволяет их отделить от теофорных

⁶⁰ Ср. также керамику из раскопок в Варне конца V—IV в. до н. э., использованную в качестве надгробия с процарапанной эпитафией: *Тончева Г.* Керамика от античной ямы в Варне. — Известия на Народния музей. Т. VIII. Варна, 1972, с. 264 сл. Аналогичное надгробие, но с латинской надписью, было найдено в Виндобоне: *Neumann A.* Neue Inschriften aus dem Legionslager Vindobona. — In: *Festschrift des Römisch-Germanischen Zentralmuseums in Mainz*. Bd. III, Mainz, 1953, S. 122.

⁶¹ *Марченко И. Д.* Раскопки Пантикапея в 1959—1964 гг. — Сообщения ГМИИ, 1968, IV, с. 41, рис. 1 (граффито QOAXO на дне светильника конца VI — начала V в. до н. э.); Граффити античного Херсонеса с. 11 сл. *Berciu D.* Ecriture aux lettres latines et grecques à Buridava. — SCIV, 1979, 4, p. 492 sq., fig. 6, 1—2 (топоним Buridava u Bur.).

⁶² *Виноградов Ю. Г., Русева А. С.* Культ Аполлона и календарь в Ольвии. — В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980, с. 25, 46.

⁶³ *Шелов Д. Б.* Экономическая жизнь Танаиса. — В кн.: Античный город. М., 1963, с. 122. Это предварительное предположение автор не повторил в более поздней работе, посвященной дипинти из Танаиса (НЭ, 1978, XII, с. 47). Подобные цифровые метки, известные и в других центрах, скорее всего, указывали объем амфор. См. выше, прим. 82. Ср. надпись в две колонки на дне чернолаковой тарелки из Афин, содержащая имена и цифры π, видимо, связанную с производством посуды: *Johnston A.* A Unique Graffito from the Athenian Kerameikos. — VIII^e Congrès..., p. 77; ср. *idem.* Two Numerical Notes. — ZPE, 1982, 49, p. 205—209.

⁶⁴ Bull. ép., 1978, 343.

⁶⁵ ВДИ, 1980, № 2, с. 76 сл.

⁶⁶ Там же, с. 80.

⁶⁷ Там же, с. 78.

имен⁶⁸. Однако сам же автор не учитывает этих оговорок, когда несколько выше объявляет основным недостатком работ Э. Р. Штерна и И. И. Толстого то, что они отнесли сокращения теофорных имен владельцев к группе посвящений богам⁶⁹.

Объективная оценка указанных аббревиатур на доньях сосудов (если нет каких-либо дополнительных сведений) не позволяет делать однозначного вывода: они могли быть сокращениями как имен владельцев или дедикантов, так и богов. Еще Э. Р. Штерн привел ряд бесспорных примеров посвящений на доньях сосудов, особенно из Навкратиса, где имена богов вырезаны без сокращений⁷⁰. Если же там встречается полное написание теонимов, мы вправе предполагать и их сокращения.

Необходимо также принять во внимание следующее обстоятельство. Если следовать схеме В. П. Яйленко, то из 1791 граффити на чернолаковой посуде Херсонеса окажется лишь около 10 посвященных (ибо таково количество вырезанных под венчиками сосудов посвящений богам)⁷¹. Однако это противоречит историческим сведениям о роли религии в античном обществе, иконографии монет, данным лапидарных надписей о храмах, культах богов, жрецах и религиозных церемониях, наконец, антропонимии с множеством теофорных имен. Поэтому априори можно предполагать, что многие сокращения на доньях типа АΘ, ΑΘΑ, ΑΡ, ΑΡΤ, ΑΠ, ΑΠΟΛ, ΗΡ, ΗΡΑΚ, ΠΑΡ, ΔΑ, ΔΑΜΑ и др. относятся в Херсонесе к теонимам. Аналогичное соотношение граффити наблюдается и на остальной территории Херсонесского государства. Нельзя ведь в каждом случае объяснять это «локальными особенностями». Что же тогда останется от общей закономерности?

Наши наблюдения приводят к несколько другому выводу: на стенках сосудов (за очень малым исключением) писали теонимы, причем чаще всего без сокращений, а на доньях помещали и посвящения богам, и имена владельцев, дедикантов и дарителей. В пользу предложенной расшифровки части аббревиатур на доньях как теонимов свидетельствует и монограмма ΠΑΡ, сходная с монетной, и сочетание ΑΑ ΛΑ и др., раскрываемое на основе мифологических данных как совместное посвящение Артемиде, Аполлону и Латоне и др.⁷²

При публикации небольших групп граффити, особенно из новых раскопок, авторы при интерпретации опираются на известные разработки эпиграфистов, используя их достижения и выводы. Поэтому так важно соблюдать осторожность и не выдавать догадки и гипотезы за окончательные и однозначные решения. Так, например, в статьях Ю. А. Бабинова и М. М. Мальцева вслед за Э. Штерном граффити ΑΘΝ, ΑΠ, ΑΡ, ΗΡ и др. безоговорочно отнесены к посвященным⁷³, а в статье В. А. Латышевой со ссылкой на выводы В. П. Яйленко о том, что посвящения писали на стенках сосудов, а имена — на доньях, ряд аналогичных граффити, наоборот, с уверенностью определены как теофорные имена⁷⁴. Автор под-

⁶⁸ Там же, с. 81.

⁶⁹ Там же, с. 73.

⁷⁰ Штерн. *Graffiti...*, с. 168—169, № 1; ср. *Lang. Graffiti and Dipinti*, G 6 (P 12336), Pl. 30. Колесников А. Б. Античные сельские усадьбы у Евпаторийского маяка. — Вестник МГУ, сер. ист., 1984, № 4, с. 86 (граффито ΝΟΝΟΞ ΜΑΤΡΙ на дне чернолаковой чашки). В 1984 г. В. М. Зубарь нашел в западном некрополе Херсонеса чернолаковую тарелку с граффито на дне: ΔΑ ΑΘΑΝΑΙ.

⁷¹ Граффити античного Херсонеса, с. 8.

⁷² Там же, с. 6 сл.

⁷³ Бабинов Ю. А. Посвятительные граффити из Херсонеса Таврического. — ВДИ, 1970, № 4, с. 73—79; Мальцев М. М. Посвятительные граффити Никония. — В кн.: Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Киев, Одесса, 1976, с. 180 сл.

⁷⁴ Латышева В. А. Граффити поселения Маслины. — Вестник Харьковского ун-та, 1983, № 238, с. 102, 106. Попутно отметим малоупотребительный принцип расшифровки монограммы ΑΡΔ как Ἀρ(τεμ)ῖδ(ωρος) на с. 105, хотя известно много имен на Ἀρδ-

крепляет свое заключение условиями находки некоторых сосудов в жилом помещении, не учитывая того, что не всегда легко выявить при раскопках уголок, отведенный в доме для отправления культа.

В отличие от указанных авторов А. С. Голенцов при публикации группы граффити из Керкинитиды, закономерно сопоставив их с херсонесскими, не дал однозначного чтения, а, на наш взгляд, справедливо указал, что АПО, ΔΙΟ, ΝΙΚ, ΠΑΡ на доньшках чернолаковых сосудов могут быть сокращением теонимов или теофорных имен⁷⁵.

Но можно ли в дальнейшем считать решение этого вопроса совершенно безнадежным? Да и бывают ли такие вопросы в науке, тем более при постоянном притоке новых материалов? Несомненно, уже в древности могла быть потребность разграничить эти граффити, а следовательно, как-то обозначить их различие. Кроме того, аббревиация теонима была ясна всякому, а сокращение теофорных имен (в большинстве составных) вряд ли могло удовлетворить их носителей из-за существования ряда возможных вариантов. Ведь часто по второй части составного имени и различали имена близких родственников, например, Теодор, Теофан, Теофил и др.

Хотя граффити на сосудах оставили разные люди, необходимость в этих надписях и их массовый характер должны были выработать какие-то общие черты, основанные на опыте, обычае, а в отдельных центрах и местной моде. Следовательно, есть надежда и здесь нащупать некоторые закономерности, особенно при изучении выразительных археологических комплексов, в частности культовых. Кое-что может подсказать характер написания граффито и место его размещения на дне сосуда. Так, например, мы замечали, что полные имена владельцев, как правило, писали вдоль края дна и более мелкими буквами, а теонимы — в центральной части дна. Видимо, это относится и к большинству аббревиатур. Кроме того, к теонимам скорее всего относятся устойчивые сложные монограммы, которые имеют аналогии на монетах и др., встречаются в разных центрах и бытуют на протяжении нескольких веков, т. е. приобретают традиционную форму.

По мере углубленного изучения материала и привлечения аналогий из разных центров появляются все более обоснованные чтения надписей, предлагаются новые варианты толкования уже изданных граффити и дипинти. Так, по-новому прочитал и дополнил В. П. Яйленко многие надписи, изданные в книге И. И. Толстого⁷⁶, а Г. М. Николаенко убедительно раскрыла значение цифровых меток на пифосах как указание их объема, выраженное в амфорах⁷⁷. Комплексное изучение серии дипинти на одноручных горшочках позволило исключить их из категории застольных и, как сказано выше, связать с заупокойным культом⁷⁸. Иногда даже при почти полном написании слов возможны разные варианты чтения. Мы приводили в качестве примера граффито из Пантикапея, которое сначала было понято как список имен, а затем как кулинарный рецепт⁷⁹. Иное чтение можно предложить и для надписи ΠΟΣΕΙΦΙΛΩΝ на дне чернолакового блюда из Ольвии, изданной Е. И. Леви⁸⁰. Автор предположи-

л Δαρ-, и предположительное, но непонятное дополнение слова ἀρά(ρη) на амфоре (с. 108), ибо оно означает не пшеничную крупу, а кашу из этой крупы.

⁷⁵ Голенцов А. С. Граффити из Керкинитиды. — КСИА, 1983, вып. 174, № 3, 4, 12, 13. Поскольку все изданные автором надписи вошли в нашу книгу «Граффити с хоры Херсонеса» (Киев, 1984), укажем заодно на некоторые разночтения, поставив в скобках номера по книге. № 2 (148) Голенцов читает на амфоре как ΑΑΡ в лигатуре, у нас — ΦΑΡ или ΑΡ; № 4 (118) он читает ΔΙΟ, приняв вдавленную окружность в центре дна за букву Ο; № 8 (163) он принимает неясное граффито за Η, мы — за Ν; № 14 (176) он ошибочно читает на амфоре ΡΟ вместо ΓΟ.

⁷⁶ Яйленко. Граффити...

⁷⁷ Николаенко Г. М. Метки на античных пифосах. — В кн.: Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974, с. 29.

⁷⁸ См. прим. 27.

⁷⁹ См. прим. 64.

⁸⁰ Леви Е. И. Ольвийская агора. — МИА, 1956, 50, с. 69 сл., рис. 31.

тельно читает ее как посвящение Филона Посейдону: Ποσει(δώνι) Φίλων, хотя указывает на отсутствие пока данных об этом культе в Ольвии. Чтение это вполне приемлемо, а о почитании в Ольвии Посейдона могут свидетельствовать распространенные там теофорные имена Посейдоний и Посидей. Но при чтении этого граффито можно обойтись и без дополнений, если читать Ποσει Φίλων (Посию Филон) и понимать это как дарственную надпись, тем более что мужское имя Ποσεις встречалось в Ольвии и Херсонесе ⁸¹.

Труднее всего поддаются расшифровке надписи на амфорах, часто сокращенные до одной-двух букв, особенно дипинти красной краской. Их обычное размещение столбиком в три строки говорит об определенной закономерности и сходном содержании, но для его расшифровки необходимо прежде всего собрать этот материал в фондах разных музеев, установить по архивным данным археологический контекст и провести, где возможно, анализ остатков содержимого амфор.

Далеко не полностью раскрыт смысл и ряда цифровых граффити на амфорах ⁸², тем более на обломках сосудов, по которым нельзя сопоставить цифры с объемом и весом самих амфор. Можно лишь догадываться, что объем указывали на амфорах для перевозки, продажи и хранения жидких продуктов (вина, масла), а вес — для сыпучих (зерна, крупы, сухофруктов, орехов), чтобы легко определить вес содержимого. При одинаковых амфорах достаточно было иметь цифровые метки лишь на некоторых из них. Наконец, специальную задачу составляет изучение палеографии граффити, весьма отличной от лапидарного письма и в силу их специфики трудно поддающейся строгой систематизации.

Совершенствуя методику изучения граффити и разрабатывая их классификацию, надо одновременно усилить подготовку к печати сводов надписей из отдельных центров, которые составят части общего корпуса античных граффити.

Э. И. Соломоник

ON METHODS OF STUDYING AND PRINCIPLES OF PUBLISHING ANCIENT GRAFFITI

E. I. Solomonik

Graffiti attracted serious attention a good deal later than did lapidary inscriptions, and therefore the methods of studying graffiti have been much less thoroughly worked out, giving rise to disputes and clashes of opinion. In the author's view the main objective should be the publication of all the graffiti from each centre, which would allow us to bring out the general characteristics and local peculiarities in each area and make the fullest possible classification of its graffiti. The first scholar to draw attention to the historical significance of graffiti was E. R. von Stern, who in 1897 published a series of inscriptions scratched on South Russian pots. Among publications in the Soviet period are: I. I. Tolstoi's book *Grecheskiye graffiti drevnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya*, two books on graffiti from Chersonesus and its *chora*, articles by Ye. I. Levi, D. B. She-lov, V. P. Yailenko, A. S. Rusyayeva and G. M. Nikolayenko. A considerable contribution in the field was made by M. Lang, *Graffiti and Dipinti of the Athenian Agora* (1976). Particularly valuable is Dr. Lang's decipherment of figure signs and her general classification of the inscriptions, though here there is room for improvement. Recent publications of Latin graffiti and dipinti have been issued by, e. g., J. Harmatta, A. Radulescu,

⁸¹ IOSPE, I², 32 и 407. Ср. также слово ποσεις со значением «попойка».

⁸² По поводу дипинти на амфорах позднеримского времени с указанием их объема см. *Radulescu*. Op. cit., p. 193—207; *Popescu E.* Inscriptiile grecești și latine din secolele IV—XIII descoperite în România. București, 1976, № 66a, g, h; *Böttger B.* Dipinti aus Iatrus.— *Klio*, 1981, 2, S. 511—525.

E. Almeida, B. Galsterer-Kroll. New methods have been suggested for interpreting abbreviations on black-varnish dedicatory pottery and on amphoras where are indicated the contents, volume, weight and owners' names. The palaeography of graffiti has become a special branch of study.

ФАЯНСОВЫЕ И СТЕКЛЯННЫЕ БУСЫ В СКИФИИ И САРМАТИИ

В последние годы в связи с комплексным подходом к изучению археологических источников наблюдается отрадная картина более полного использования их информативных возможностей. Это в свою очередь позволяет решать на более высоком уровне проблемы, связанные с древней историей нашей страны. К категории таких исследований следует отнести и трехтомный труд Е. М. Алексеевой¹. Он является первой как по масштабам, так и по охваченному кругу проблем попыткой свести воедино и классифицировать бусы, фигурные подвески и пронизи, найденные в комплексах античных городов Северного Причерноморья начиная с VI в. до н. э. и кончая IV в. н. э. В нем обобщен материал, насчитывающий несколько десятков тысяч изделий из стекла, фаянса, гагата и полудрагоценных камней. Они происходят из 35 больших и малых памятников. По разным причинам в издание не вошли коллекции бус из раскопок Нимфея, Мирмекия, Илурата, Гермонассы и Березани (исключение составляют скарабеи) и недавно открытого Ягорлыцкого поселения. Особенно досадна недоступность березанской коллекции. Ее публикация могла бы пролить дополнительный свет на ряд еще не решенных или проблематичных вопросов, связанных с начальными этапами греческой колонизации северных берегов Понта.

Отсутствует в работе и перечень античных бус, происходящих из варварских памятников юга Восточной Европы. В то время как украшения, найденные в древнегреческих комплексах, в настоящее время часто беспаспортны или происходят из широко датированных культурных слоев, украшения, происходящие из курганных и бескурганных могильников Северного Причерноморья, нередко дают превосходный материал для точных датировок, а также позволяют выявить новые типы и разновидности, отсутствующие в эллинских памятниках. Однако, как отметила Е. М. Алексеева, огромный объем материала требует специального монографического исследования этой проблемы. Такой труд помог бы решить ряд важных вопросов: выявить или уточнить центры производства тех или иных типов украшений, конкретизировать направление торговых связей эллинских городов Северного Понта в различные исторические периоды, уточнить идеологические воззрения и эстетические вкусы местного населения и т. п.² К сожалению, существующие в настоящее время сводки о находках античных бус в глубинах хинтерланда крайне неполны и страдают отсутствием единого типологического принципа их классификации³. В настоя-

¹ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. — САИ, Г1-12, т. 1, М., 1975, 94 с., 19 табл.; т. 2, 1978, 103 с., 14 табл.; т. 3, 1982, 104 с., 54 табл.

² Островерхова А. С. Стекло и фаянс как источник для изучения прогресса археологических культур Северного Причерноморья в эпоху бронзы и раннего железа. — В кн.: Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тезисы докладов. Ереван, 1982, с. 97—99.

³ См., например: Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. — САИ, Д1-4, М., 1967, с. 33, 34, табл. 4, 23; Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V веках до н. э. — САИ, Д1-27, М., 1966, с. 35, табл. XXIII, 2—4, 6; XXIV, 1—5; она же. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II веках до н. э. — САИ, Д1-27, М., 1970, с. 54, 67, табл. XIII, а и б.

щей статье мы попытаемся, опираясь на классификационную схему, предложенную Е. М. Алексеевой, дать краткую характеристику стеклянных и фаянсовых бус, найденных в Скифии и Сарматии.

Сначала остановимся на фаянсах ⁴. Согласно представлениям многих современных ученых, основным поставщиком изделий из фаянса в Восточную Европу во все времена античной эпохи был Египет, особенно Навкратис. Е. М. Алексеева выделяет два этапа в распространении украшений из этого материала на указанной территории. Первый, по ее мнению, относится к VI в. до н. э. Второй охватывает период с III в. до н. э. и первые столетия н. э. Перерыв между первым и вторым этапами связывается с началом персидских завоеваний в Египте в последней четверти VI в. до н. э. и прекращением производства фаянсов в Навкратисе. Весьма важен тот установленный исследовательницей факт, что в VI в. до н. э. основными центрами сосредоточения фаянсов в Северном Причерноморье являлись Березань и Ольвия. На Боспоре подобные украшения (исключительно веретенообразные бусы) известны лишь в нескольких экземплярах.

Попытки собрать сведения о распространении фаянсов на территории местных племен предпринимались неоднократно ⁵. Однако массовые раскопки, развернувшиеся в последние годы в зонах новостроек на юге европейской части СССР, вносят в эти сводки существенные коррективы и дополнения. Особенно это касается памятников степной Скифии IV в. до н. э. и сарматских комплексов.

Обратимся сначала к наиболее интересным находкам на территории степной Скифии. В 1975 г. при раскопках Ингульской археологической экспедиции ИА АН УССР кургана третьей четверти V в. до н. э. у с. Коминтерн Снигиревского р-на Николаевской обл. был найден скарабей в золотой оправе. Примечателен тот факт, что на его брюшке помещены не египетские иероглифы, а выдавленное по сырой фактуре изображение скифского «летающего» оленя ⁶. Еще один скарабей происходит из кургана 21, погребения 2, раскопанного В. Ю. Болтриком в 1977 г. у с. Гюновка Каменско-Днепровского р-на Запорожской обл. Курган датируется второй половиной V в. до н. э. Однако скарабей, очевидно, более ранний. Аналогичное украшение, репродуцированное в книге Н. Н. Качалова ⁷, датируется VII—VI вв. до н. э.

Интересны и амулеты, изображающие глаз, — уджа. Такие изделия найдены в к. 17, п. 1 у с. Коминтерн ⁸ и к. 17 п. 4 у с. Привольное в Херсонской обл. ⁹ В Государственном Эрмитаже хранится форма для изготовления таких изделий. По мнению И. М. Лурье, она относится ко времени Нового царства ¹⁰. Скифские курганы датируются IV в. до н. э.

В Государственном Эрмитаже хранится также булавовидная пронизь, связанная с пантикапейской коллекцией, но в настоящее время беспаспортная и не имеющая данных для датировки ¹¹. Подобные изделия в кол-

⁴ Под «египетскими» фаянсами в современной литературе понимаются изделия, основу которых составляет измелченный кварц, покрытый сверху стекловидной глазурью. См. Алексеева. Ук. соч., т. 1, с. 23.

⁵ Пиотровский Б. Б. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. — СА, 1958, № 1; Коростович М. А. Древнеегипетские находки в СССР. — ВИМК, 1957, № 2. с. 72—87; Виноградов В. Б. Место египетских амулетов в религиозно-магической символике. — В кн.: Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1968, с. 39—55.

⁶ Информация Ю. И. Гребенникова, к. 9. Изделие экспонируется в Музее драгоценностей Украинской ССР (Киев).

⁷ Качалов Н. Н. Стекло. М., 1959, с. 59, рис. 17.

⁸ Раскопки Ингульской экспедиции в 1975 г.

⁹ Раскопки Херсонской экспедиции ИА АН УССР в 1975 г. Информация начальника экспедиции А. И. Кубышева.

¹⁰ Лурье И. М. История техники древнего Египта. — В кн.: Очерки по истории техники древнего Востока. М. — Л., 1940, с. 220, рис. 107.

¹¹ Алексеева. Ук. соч., т. 1, с. 48, табл. 5, 24.

лекциях других греческих городов Северного Причерноморья не известны. Но зато близкая по типу фаянсовая пронизь найдена в скифском кургане IV в. до н. э. у с. Золотая Балка Новотроицкого р-на Херсонской обл.¹² От пантикапейской она отличается лишь наличием на лопастьях дополнительного геометрического орнамента в виде креста. Пронизь носит следы длительного использования (фрагментирована и сильно потерта), поэтому может датироваться более ранним, чем IV в. до н. э., временем.

Помимо вышеперечисленных, неординарных фаянсовых поделок в памятниках степной Скифии постоянно встречаются обычные украшения, изготовленные из этого материала. Это крупные рубчатые и мелкие веретеновидные бусы, а также мелкий бисер.

Таким образом, о полном прекращении ввоза фаянсов в Северное Причерноморье в конце VI в. до н. э. говорить не приходится. Можно предполагать лишь частичное свертывание этой торговли в V—IV вв. до н. э. Общеизвестно, что в древности в период войн международная торговля не прерывалась полностью. Торговые суда ввозили свои товары беспрепятственно даже во вражеские гавани¹³. Маловероятным представляется и предположение о полном прекращении производства фаянсов в Египте в связи с персидской экспансией, а затем его возобновлении через несколько столетий без существенных изменений в технологии.

С другой стороны, весьма интересен и хорошо обоснован вывод Е. М. Алексеевой¹⁴ о наибольшей концентрации фаянсовых изделий в античное время на юге Восточной Европы. Вне пределов Северного Причерноморья, в том числе и в Египте, украшения из этого материала встречаются крайне редко. Они представлены там малым количеством типов и не могут идти ни в какое сравнение с богатой и разнообразной северопонтийской коллекцией. Ее значительно дополняют находки в позднескифских и сарматских комплексах¹⁵.

Распространение украшений из фаянса преимущественно на северных берегах Черного моря трактуется исследователями по-разному. Так, А. К. Коровина¹⁶ видит причину этого в местном северопричерноморском происхождении значительной части этих изделий. Наоборот, Е. М. Алексеева, защищая традиционное мнение, считает, что в последние века до н. э. и в первые столетия нового исчисления фаянсы продолжал выпускать какой-то центр Египта, возможно Навкратис, просуществовавший до III в. н. э., где возродилось старое ремесло, процветавшее в этом городе в VI в. до н. э. В. Н. Корпусова¹⁷, не становясь ни на одну из упомянутых точек зрения, полагает, что места производства фаянсов можно будет определить лишь на основе их массового химико-технологического анализа с учетом морфологических признаков, применяя наряду с этим археологический поиск мастерских, в которых они изготавливались.

¹² Работы Херсонской археологической экспедиции (ХАЭ) в 1978 г., к. 1, п. 3. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить всех коллег за возможность ознакомиться с коллекциями и использовать некоторые материалы в публикации: *Островергов А. С.* Подорож у біографію скла.— Наука і суспільство, 1983, № 9, с. 48.

¹³ *Брашинский И. Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI—II веках до н. э. М., 1963, с. 52.

¹⁴ *Алексеева.* Ук. соч., с. 27, прим. 24.

¹⁵ Основная масса этих материалов также еще не опубликована. Мы отметим лишь несколько работ: *Сымонович Э. А.* Египетские вещи в могильнике Неаполя Скифского.— СА, 1961, № 1, с. 271; *Ковпаненко Г. Т.* Сарматское погребение в Соколовой Могиле.— В кн.: Скифия и Кавказ, Киев, 1980, с. 168—183; *Галибин В. А., Островергов А. С., Субботин Л. В.* Стекланные изделия из сарматских погребений Семеновского могильника.— МАСП, 1983, с. 61, рис. 1, 2, 4; *Вязмитина М. І., Іллінська В. А., Покровська Є. Ф., Тереножкін О. І.* Кургани біля с. Ново-Пилишівки і радгоспу «Аккермень».— АП УРСР, 1960, VIII, с. 88 сл., рис. 69, 10.

¹⁶ *Коровина А. К.* Фаянсовые подвески из некрополя Тирамбы и Фанагории.— ВДИ, 1972, № 1, с. 101—111.

¹⁷ *Корпусова В. М.* Мініатюрна пластика і мозаїка з боспорського некрополя поблизу с. Золоте.— Археологія, 1973, 9, с. 81.

Аргументы Е. М. Алексеевой, выдвинутые против предположения А. К. Коровиной, сводятся к утверждению об отсутствии в Северном Причерноморье сырьевых материалов, необходимых для производства фаянсов, в первую очередь натуральной соды. Однако в настоящее время доказано, что в античное время из Египта осуществлялся широкий экспорт этого сырья в разные концы тогдашней ойкумены¹⁸. С другой стороны, иногда еще бытующее в нашей литературе мнение о полной монополии Египта на запасы натра в свете геологических данных следует признать преувеличенным. Так, исследователи предполагают, что в римское время его добывали во Фракии и Македонии. Запасы натуральной соды имеются и в некоторых причерноморских озерах. Что касается кварцевых песков, пригодных для целей стеклоделия и производства фаянсов, то на северных берегах Черного моря эти материалы представлены в довольно больших количествах¹⁹. Начиная с VI в. до н. э. здесь существовало и стеклоделательное производство²⁰, достигшее своего наивысшего расцвета в римскую эпоху²¹, поэтому и производство фаянсов, более простое в технологическом отношении, не составляло особого труда.

Изучая ремесленное производство Ольвии, мы обратили внимание на несколько пресс-форм, в которых изготавливались изделия, напоминающие по внешнему виду ряд типов фаянсовых изделий, бытовавших в Северном Причерноморье. Так, из раскопок Ольвии 1929 г. происходит форма, на которой вырезан негатив бочковидно-ребристой бусины с валиками по краям отверстий. Средняя часть орнаментирована косыми рубчиками²². Хотя полной аналогии подобному изделию в «Своде» Е. М. Алексеевой нет, все же близкие к нему формы украшений довольно распространены²³. Они датируются IV—III вв. до н. э. Встречается такая продукция и в памятниках степной Скифии²⁴.

Вторая неизданная пресс-форма из раскопок Ольвии 1928 г. хранится в Николаевском краеведческом музее²⁵. Она изготовлена из камня и предназначалась для формовки ряда украшений, в том числе и подвесок в виде виноградной грозди — тип 76. Подобные украшения получили распространение с III в. до н. э., но больше всего характерны для первых веков н. э.²⁶ Известны они и по раскопкам сарматских памятников²⁷.

Третья пресс-форма из дореволюционных раскопок Ольвии хранится в Одесском археологическом музее²⁸. Оттиск этой формы представляет собой сложнопрофилированную подвеску в виде остродонного сосудика, нижняя часть которого каннелирована. Отверстие для подвешивания в верхней части украшения формовалось при помощи округлого в сечении стержня, помещавшегося в специальном пазу на форме. Подобные фаянсовые изделия также широко представлены в комплексах античных го-

¹⁸ Шапова Ю. Л. Мастерская по производству стекла у с. Комарово. — СА, 1978, № 3, с. 234; Neumann B. Antike Gläser, ihre Zusammensetzung und Färbung. — Zeitschrift für angewandte Chemie, 1925, 38, S. 776—780.

¹⁹ Островерхов А. С. К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов (По материалам Ягорлицкого поселения). — ВДИ, 1979, № 3, с. 124 сл.

²⁰ Он же. Древнейшее античное производство стеклянных бус в Северном Причерноморье. — СА, 1981, № 4, с. 214—228; он же. Склоробна майстерня на Ягорлицькому поселенні. — Археологія, 1978, 25, с. 49—59.

²¹ Шапова Ю. Л. Очерки истории древнего стеклоделия (По материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М., 1983, с. 139 сл.

²² Фурманська А. І. Ливарні форми з розкопок Ольвії. — АП УРСР, 1958, VIII, с. 54, 56, табл. VII, 6.

²³ Алексеева. Ук. соч., т. 1, с. 35, табл. 5, 40.

²⁴ Разрушенный курган у с. Солдатское Вознесенского р-на Николаевской обл. Охранные раскопки Николаевского краеведческого музея в 1970 г. Информация В. И. Никитина.

²⁵ НКМ-а, № 2009. Экспозиция.

²⁶ Алексеева. Ук. соч., т. 1, с. 45, сл., табл. 11, 31—35.

²⁷ Вязмитина. Іллінська, Покровська, Тереножкін. Ук. соч.

²⁸ ОАМ, № 2220. Экспозиция.

родов Северного Причерноморья²⁹. Помимо этого, при раскопках ремесленных кварталов Ольвии встречаются бесформенные куски фаянсовидного вещества, чаще всего именуемого раскопщиками «пастой»³⁰. Очевидно, их следует рассматривать как отходы фаянсового производства.

Стремясь доказать египетское происхождение фаянсов, находимых на северных берегах Черного моря, Е. М. Алексеева ссылается также на тысячелетние традиции египтян в деле их выпуска. Действительно, такие традиции отрицать трудно. Но едва ли справедливо утверждение, что все предметы из фаянса происходят из Египта. Ж. Стоун и Л. Томас отмечают, что уже во II тыс. до н. э. фаянсовые мастерские существовали не только в Египте, но и в Эгиде, Сирии и, возможно, в Индии. Существование центров по производству фаянсов в эпоху бронзы засвидетельствовано также на Британских островах. Предполагается их наличие в это время на территории Северного Причерноморья³¹.

Для того чтобы сравнить химические составы собственно египетских фаянсов³² с химическими составами фаянсовых изделий, бытовавших в античную эпоху, по просьбе автора этой статьи в Лаборатории количественного спектрального анализа ЛОИА АН СССР В. А. Галибиным было сделано несколько десятков анализов фаянсов из разновременных комплексов начиная с VI в. до н. э. и кончая первыми столетиями н. э. В результате этих анализов были зафиксированы практически все разновидности фаянсов, выделенных в свое время А. Лукасом для Египта³³. Интересным оказался тот факт, что часть изделий римского происхождения, фактура которых внешне напоминает стекловидный фаянс, на самом деле выполнена из материала, который скорее всего следует отнести к свинцовистым стеклам ($PbO-SiO_2$)³⁴.

Касаясь применения свинца в фаянсовом и стеклоделательном производствах, следует упомянуть о свинцовистой глазури. Согласно А. Лукасу, в Египте она появилась во времена XXII династии (950—730 гг. до н. э.), но широкое применение получила в эпоху Птолемея. Она употреблялась для получения яблочно-белой глазури. Такая глазурь, нанесенная на толченный кварц, в литературе получила название фаянса F. У А. Лукаса имеется ссылка на работу Х. С. Гаррисона³⁵, согласно которой в Месопотамии свинцовистая глазурь также была известна еще с VII в. до н. э.

Что касается свинцовистых стекол, то, хотя, согласно М. А. Безбородову, свинец не был обычным компонентом в египетских и ассирийско-вавилонских образцах³⁶, исследователи доказали их довольно раннее появле-

²⁹ Алексеева. Ук. соч., т. 1, с. 45 сл., табл. 11, 31—35. Примеры находок таких форм в античных городах Северного Причерноморья при желании можно было бы увеличить. Многие из них считаются бронзолитейными, хотя против этого часто свидетельствуют как сам материал — известняк, непригодный для этих целей, так и отсутствие у форм литников, предназначавшихся для заливки в форму расплавленного металла.

³⁰ Фонды ИА АН УССР: 0—47/57, 2896; 49/2795; 66/352 и др. Довольно частое применение археологами термина «паста» как к фаянсовым, так и к непрозрачным стеклянным изделиям, неправомерно как с точки зрения терминологии, так и с технологической стороны. Во-первых, это вносит неясность в описание, во-вторых, существуют прозрачные стекла с большим коэффициентом преломления, которые у стеклоделов и называются пастовыми. См. Лукас А. Материалы и ремесленное производство древнего Египта. М., 1958, с. 307.

³¹ Матно Е. В., Братченко С. Н. Пастове намисто в катакомбного похоронения на Кампанійському могильнику. — Археологія, 1977, 24, с. 67; Stone J. F. S., Thomas L. C. The Use and Distribution of Faience in Ancient East Prehistoric Europe. — Proceeding of the Prehistoric Society, 1956, v. XII.

³² Лукас. Ук. соч., с. 282; Binns Ch., Klem M., Mott M. An Experiment in Egyptian Blue Glaze. — JACS, 1932, № 15, p. 271 f.; Noble J. V. The Technique of Egyptian Faience. — AJA, 1969, v. 73, № 4, p. 165—176.

³³ Лукас. Ук. соч., с. 267—270.

³⁴ Галибин, Островерхов, Субботин. Ук. соч.

³⁵ Лукас. Ук. соч.

³⁶ Безбородов. Ук. соч., с. 160; Абдуразаков А. А., Безбородов М. А. Средневековые стекла Средней Азии. Ташкент, 1966, с. 129.

ние в древнем мире. Такие стекла в относительно большом количестве были выявлены в памятниках античного времени на территории Северного Причерноморья. Здесь они появились не позже V в. до н. э. и встречаются вплоть до IV в. н. э.

Таким образом, в Скифии и Сарматии фаянсовые украшения получили довольно широкое распространение. Они бытовали здесь непрерывно, начиная с VI в. до н. э. и кончая первыми столетиями н. э. Если в отношении архаического и классического времени у нас нет пока данных об их производстве в древнегреческих городах на северных берегах Понта, то такие доказательства имеются для позднеэллинистической и римской эпох. Конечно, это не исключает импорта фаянсовых поделок из Средиземноморья. Нам представляется целесообразным заменить термин «египетские» фаянсы на более емкий и более соответствующий действительности — «античные» фаянсы.

Много внимания в «Своде» Е. М. Алексеевой уделено характеристике одноцветных и полихромных стеклянных бус. И это неудивительно, ведь в то время стеклоделы освоили секреты изготовления самых различных по цвету и тональности стекол, производя из них не только простые, но и весьма сложные по форме украшения.

Бусы, изготовленные из одноцветного стекла, составляют подавляющее количество стеклянной продукции, встречающейся на территории Северного Причерноморья. Е. М. Алексеева привела ряд свидетельств в пользу местного производства подобных украшений, собрав коллекцию пресс-форм, в которых могли отливаться или отливались стеклянные бусы³⁷. Они происходят из Ольвии, Пантикапея и Фанагории. В Белгород-Днестровском музее хранится каменная форма, предназначавшаяся для отливки мелких округлых бусин³⁸. В фондах Института археологии АН УССР хранится большая коллекция бракованных стеклянных бус, сливов стекла и полуфабрикатов, найденных в различные годы при раскопках Ольвии. В гораздо меньших количествах подобные материалы известны в Тире. Следует учитывать, что преобладающее количество украшений изготавливалось без применения форм, путем навивки размятченной стеклянной палочки на металлическую или керамическую основу. При таком производстве следов практически не остается.

Самым интересным и важным представляется открытие стекольного ремесла и производства бус еще для эпохи ионийской колонизации на Ягорлыцком поселении, близ устья Днепра³⁹. Здесь ремесленники работали в смешанных традициях: в качестве щелочей применяли натуральную соду (египетская школа стеклоделия) и золу солончаковых растений (переднеазиатская школа). Они использовали различные красители: медь, марганец, олово и олово в сочетании со свинцом. Стеклоделы изготавливали биконические, округлые, округло-ребристые, «глазчатые» и другие типы украшений.

Интересны бусы биконической формы из прозрачного или просвечивающегося янтарно-желтого стекла⁴⁰. Подобные изделия наряду с мелкими

³⁷ Алексеева. Ук. соч., т. 3, с. 50 сл., табл. 42, 24—26.

³⁸ Инв. № БДКМ, К-144. В инвентарной книге указано, что форма происходит из раскопок Тире 1949—1950 гг. В публикации Л. Д. Дмитрова о ней ничего не говорится. См. *Дмитров Л. Д.* Основні підсумки Ізмаїльської археологічної експедиції.— АП УРСР, 1955, V, с. 111—123.

³⁹ *Безбородов М. А., Островерхов А. С.* Стеклоделательная мастерская в Северном Причерноморье в VI в. до н. э.— *Стекло и керамика*, 1978, № 2, с. 32 сл.; *они же.* Ранние этапы стеклоделия в Восточной Европе.— *Природа*, 1979, № 4, с. 61—65; *Островерхов.* Древнейшее античное производство...; *он же.* Антична склоробна майстерня...; *он же.* Початок склоробного виробництва на території України.— *Нариси з історії природознавства і техніки.* Київ, 1982, вып. 28, с. 95—99; *Bezborodov M. A., Ostroverkhov A. S.* A Glass-making Workshop in the Northern Black Sea Region in the Sixth Century B. C.— *Glass and Ceramics*, N. Y., 1978, 35, № 1, 2, p. 109—111.

⁴⁰ Тип 90. Алексеева. Ук. соч., т. 2, с. 68, табл. 33, 27.

фаянсовыми розетками и бисером белого, а также синего цвета составляют специфику лесостепных скифских ожерелий VI в. до н. э.⁴¹ Аналогичные украшения также встречаются в Ольвии, где они датируются в пределах большого периода времени⁴². В скифской степи, в памятниках V—IV вв. до н. э. подобные изделия встречаются часто, особенно в памятниках Нижнеднепровской группы, на территории Херсонской, Запорожской и Днепропетровской областей. Однако состав стекла архаических бус отличается от состава украшений более позднего времени. В то время как стекла, современные деятельности Ягорлыцкой мастерской, не осветлялись сурьмой, преобладающая масса более поздних украшений содержит сурьму в количествах от 0,5 до 2%. Такое отличие может послужить одним из критериев при попытках датировки комплексов, содержащих ограниченный инвентарь.

Во второй половине V—III в. до н. э. наряду со старыми, бытовавшими в VI — первой половине V в. до н. э. типами бус появляются новые, ранее не известные. Так, еще в конце V в. до н. э. на территории Северного Причерноморья появляются усеченно-пирамидальные подвески из прозрачного синего стекла. Эти изделия часто несут следы одного из древнейших видов холодной обработки стекла — шлифования. Украшения имеют четкие грани и крохотные отверстия для подвешивания⁴³. Генезис пирамидальных подвесок следует относить еще к VIII—VII вв. до н. э.⁴⁴ Однако наибольшее распространение в древнем мире они получили в V—IV вв. до н. э. Исследуемые подвески часто встречаются и в понтийском регионе⁴⁵, в том числе и в античных городах на северном берегу Черного моря: Ольвии, Пангикапее, Никонии и др., а также в скифских памятниках Нижнего Поднепровья⁴⁶, Подунавья⁴⁷, Крыма⁴⁸, молдавской группы⁴⁹ и лесостепи⁵⁰. Скифские материалы позволяют выделить и производные формы. Так, в кургане 7, погребении 2 у с. Сергеевка Новотроицкого р-на Херсонской обл., датированном концом V — началом IV в. до н. э.⁵¹, вместе с двумя подвесками усеченно-пирамидальной формы находилось украшение из прозрачного темно-синего стекла в виде ромбической в сечении пирамидки с выемкой в основании. На вершине — крохотное отверстие для подвешивания. Примерно от одной трети высоты

⁴¹ Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975, с. 152; она же. Скифы Днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968, с. 141; Шрамко Б. А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон. — В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 125, рис. 14; Шапова Ю. Л. История стеклodelия в древности и средневековье (По материалам долины Нила, Ближнего Востока, Средиземноморья и Европы): Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. М., 1982, с. 24.

⁴² Алексеева. Ук. соч., т. 2, с. 68.

⁴³ Типы 112 и 113. Алексеева. Ук. соч., т. 2, с. 69, табл. 33, 35.

⁴⁴ Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры (Восточный вариант). — САИ, В2-5, 1982, с. 65.

⁴⁵ Куфтин Б. А. Материалы по археологии Колхиды. Т. 1. Тбилиси, 1949, с. 176, табл. XVII, 1; Воронов Ю. Н. Диоскуриада — Севастополь — Цхум. М., 1980, с. 50, рис. 12, 17; Козенкова. Ук. соч., с. 64 сл., табл. XXIX, 35, 36.

⁴⁶ Вязмитина, Іллінська, Покровська, Тереножкін, Ковпаненко. Ук. соч., с. 50, рис. 34, 13, 15; Граков Б. Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. — МИА, 1962, № 115, с. 107, рис. 6, 7; Черненко Е. В., Бунятян Е. П. Курганный комплекс Широко-П. — В кн.: Курганы Южной Херсонщины. Киев, 1977, с. 48, рис. 9, 6; 15, 18. Многие материалы из этого района еще не опубликованы.

⁴⁷ Раскопки Измайловской экспедиции ИА АН УССР в 1982 г. Плавни Ренийского р-на Одесской обл., к. 4, п. 1, 2; к. 25, п. 1, 2.

⁴⁸ Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма. — В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970, с. 146, рис. 5, 8. Такие же изделия встречаются и в каменных ящиках Юго-Западного Крыма, особенно в Сакском р-не. См., например, Отчет о работе Северо-Крымской экспедиции за 1981 г., к/я 4, п/о 110/21.

⁴⁹ Мелюкова А. И. Скифские курганы Тираспольщины. — МИА, 1962, № 115, с. 150.

⁵⁰ Петренко. Ук. соч., табл. 20, 21, 23; Покровська Е. Ф. Кургани біля с. Сеньківки. — Археологія, 1965, 18, с. 142, табл. II, 7; Шрамко. Ук. соч.

⁵¹ ХАЭ-1976. Материалы не опубликованы.

ж основанию идут шлифованные скосы. Такой тип не отмечен у Е. М. Алексеевой. Предлагается выделить его в тип 113а одноцветных стеклянных бус.

Вопрос о центрах производства подобных украшений в литературе практически не дискутировался. Между тем данные об их химическом составе позволяют высказать некоторые соображения. Все проанализированные северночерноморские образцы сварены на довольно чистой натуральной соде, что характерно для египетской школы стеклоделения. Синий их цвет получали за счет окраски стеклянной массы соединениями кобальта, которые всегда сопровождаются большими концентрациями марганца. Это также свидетельствует не в пользу переднеазиатского происхождения подвесок. Наиболее мощные залежи персидских кобальтовых руд, которые издревле использовали стеклоделы Ближнего Востока, не содержат марганца⁵². Скорее всего их производили египетские, финикийские или карфагенские мастерские. В связи с широким распространением этих изделий как в Средиземноморье, так и в Европе не исключается существование нескольких центров их фабрикации, в том числе и на северном берегу Черного моря.

Не менее интересны изготовлявшиеся в это же время подвески в виде стилизованных амфорок⁵³. Стекло их в большинстве случаев бесцветное, прозрачное, с золотистым оттенком. Но в Скифии встречаются и украшения, изготовленные из непрозрачного желтого и синего прозрачного стекла⁵⁴. Отверстие помещается в верхней части бусины, в месте расширения, имитирующего ручки амфоры. На многих изделиях имеется вертикальный шов, делящий подвеску на две части. Это свидетельствует об изготовлении такой продукции путем литья или прессования в специальных формах. Судя по наличию заплывов вокруг одного из выходов отверстия, последние пробивались специальным пробойником в ходе формирования подвески.

Е. М. Алексеевой учтено всего четыре комплекса, в которых зафиксированы амфоровидные подвески. Все они находятся на Боспоре. Это Пантикапей, Фанагория и два варварских некрополя — Беглицкий некрополь и могильник Бранное поле. Однако на самом деле ареал их распространения во много раз шире. Они хорошо известны в Ольвии и на поселениях ее окружи⁵⁵. Амфоровидные подвески характерны для скифских курганов Нижнего Поднепровья⁵⁶. Менее известны они в ниже-

⁵² Young S. Analysis of Chinese Blue and White Ware.— *Orient Art*, 1956, v. VII, p. 114—117.

⁵³ Тип 193д. Алексеева. Ук. соч., т. 2, с. 74, табл. 34, 40.

⁵⁴ ХАЭ-1977, с. Ольговка, к. 2, п. 1; с. Львово, к. 18, п. 1.

⁵⁵ Ольвийские материалы см. в фондах ИА АН УССР. Такая же амфорка найдена на поселении IV в. до н. э. Лузановка. Раскопки Э. И. Диаманта в 1972 г.

⁵⁶ Лесков О. М. Скифские курганы Херсонщины. Київ, 1974, с. 58, рис. 47; Ковпаченко Г. Т., Яковенко Э. В. Скифские курганы на юге Херсонщины.— В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 260, рис. 3, 8; Бунятян Е. П. Курганный комплекс Шевченко-III.— В кн.: Курганы южной Херсонщины, с. 123 сл., табл. XXXV; Черненко, Бунятян. Ук. соч., с. 85, рис. 9, 1; Тереножкин А. И. Скифский курган в г. Мелитополе.— КСИА АН УССР, 1955, вып. 5, с. 28, рис. 7; Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н. Скифский курганный могильник Гайманово Поле.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 155, 158, 164, 172, 194, рис. 3, 24; 13, 20; 37, 11; Березовец Д. Т. Раскопки курганного могильника эпохи бронзы та скифского часу в с. Кут.— АП УРСР, 1960, IX, с. 40, 42, 48, 49, 68, 71, 74; Спицын А. А. Раскопки, произведенные в 1897 г.— близ д. Башмачка Екатеринославского уезда.— ИАК, 1901, 1, с. 75, рис. 9, 11; Волковой С. С., Лихачев В. А., Шалобудов В. Н. Скифский могильник «Славянка» у с. Шолохово на Днепропетровщине.— В кн.: Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1979, с. 55, рис. 4, 12; с. 51, 60, рис. 9, 6 и др. работы. Помимо этого, не следует забывать о многочисленных находках «амфорок» в курганах, раскопанных новейшими экспедициями ИА АН УССР, материалы которых еще не опубликованы.

дунайской⁵⁷ и днестровской⁵⁸ группах памятников, а также на гетских поселениях Пруто-Днестровского междуречья⁵⁹. Встречаются они и в Крыму⁶⁰, на Елисаветинском городище, в дельте Дона⁶¹, в могильниках кобанской⁶² и савроматской⁶³ культур, а также на Кавказе⁶⁴. В лесостепи стеклянные амфоровидные подвески пока не обнаружены. Однако там еще в начале V в. до н. э. бытовали хрустальные подвески-амфорки⁶⁵, которые, вероятно, и послужили основой для подражания им в стекле.

В связи с ограниченностью привлеченного Е. М. Алексеевой материала приходится остановиться на вопросах уточнения времени бытования амфоровидных подвесок в Северном Причерноморье. По ее мнению, они употреблялись как в IV—III, так и в I в. до н. э. (Фанагория). Однако материалы из скифских, савроматских и меотских курганов свидетельствуют о том, что они синхронны подвескам в виде срезанного конуса и также должны датироваться концом V—IV в. до н. э. Не затрагивался в литературе и вопрос о центрах производства амфоровидных подвесок. Интересно, что в Средиземноморье они встречаются крайне редко и имеют несколько иные очертания. Так, Л. Вулли, раскопавший бусинную «лавку» в Аль-Мине и датировавший ее первой четвертью IV в. до н. э., отмечает наличие в ней маленьких подвесок в виде колбочки или флакончика⁶⁶. Подобные изделия — крайне редкая находка на северных берегах Черного моря⁶⁷. Зато они довольно часты в синхронных памятниках на Северном Кавказе⁶⁸.

Наше внимание привлекли пресс-формы, найденные в Ольвии, в которых изготавливались предметы, весьма близкие по форме к стеклянным амфоровидным подвескам⁶⁹. Хотя тип амфоры ввиду сильной стилизации определить трудно, все же, несомненно, это собирательный образ амфор V—IV вв. до н. э. В них представлены черты протофасосских, фанагорийских, меонских и типа Солоха-II амфор. Интересно, что И. А. Лейпунская сочла возможным отнести тару типа Солоха-II к местному ольвийскому

⁵⁷ Работы Изм. АЭ в 1982 г. в с. Нагорное Ренийского р-на Одесской обл., к. 11, п. 3.

⁵⁸ Мелюкова А. И. Раскопки курганов у с. Буторы Григоропольского района. — АИМ в 1972 г. Кишинев, 1974, с. 81, рис. 2, II; она же. Работы Западно-Скифской экспедиции. — АИМ в 1973 г. Кишинев, 1974, с. 65, рис. 1, 2, 6; она же. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М., 1975, с. 185, 257, рис. 59, 20; Дзис-Райко Г. А. Раскопки могильника в с. Николаевка на Днестровском лимане. — КС ОАМ за 1963 г., 1965, с. 61, рис. 4, I.

⁵⁹ Никулицэ И. Т., Рафалович А. И. Жилища гетов и ранних славян у с. Ханска. — АИМ в 1973 г., с. 82, рис. 1, 4.

⁶⁰ Яковенко, Черненко, Корпусова. Ук. соч., с. 138, рис. 2, 6.

⁶¹ Работы Южно-Донской экспедиции в 1980 г. Бусинная «лавка». — Отчет о работе Южно-Донской экспедиции в 1980 г. Архив ЛОИА АН СССР. Раскопки И. Б. Брашинского и К. К. Марченко.

⁶² Смирнов К. Ф. Меотский могильник у станицы Пашковской. — В кн.: Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье. — МИА, 1958, № 64, с. 291, рис. 10, 3; Козенкова. Ук. соч., с. 63, табл. XXXIX, 34.

⁶³ Смирнов К. Ф. «Амазонка» IV века до н. э. на Дону. — СА, 1982, № 1, с. 120—131, рис. 9, I.

⁶⁴ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Т. 2. Тбилиси, 1950, табл. 15, 10, 11.

⁶⁵ Бобринский А. А. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии 1905 г. — ИАК, 1906, 20, с. 7 сл., рис. 8, II.

⁶⁶ Woolley L. The Excavations at Al Mina-Sueidia. — JHS, 1938, 58, p. 157—159, pl. XIV.

⁶⁷ Подобный тип у Е. М. Алексеевой не обозначен. Одна подвеска из прозрачного стекла со светло-зеленым оттенком найдена в к. 7, п. 1 у с. Малая Терновка в Акимовском р-не Запорожской обл. ХАЭ-1981. Материалы не опубликованы.

⁶⁸ Козенкова. Ук. соч., с. 63, табл. XXXIX, 31.

⁶⁹ Капошина С. И. О скифских элементах в культуре Ольвии. — МИА, 1956, 50, с. 177, рис. 18, 5; Фурманська А. Г. Ливарні форми з розкопок Ольвії, с. 47, 59, 60. Е. М. Алексеева полагает, что в ольвийских формах отливались золотые украшения (ук. соч., т. 3, с. 50).

производству⁷⁰. Что касается химического состава стекла, то стеклянная масса, из которой изготавливались амфоровидные подвески, сварена по традициям египетской школы и также осветлена сурьмой.

Таким образом, не настаивая на полной монополии античных центров Северного Причерноморья, и в частности Ольвии, на производство стеклянных амфоровидных подвесок в конце V—IV в. до н. э., мы все же считаем их производство здесь вполне возможным. Об этом свидетельствуют не только находки пресс-форм в Ольвии, но и топография распространения амфоровидных подвесок в Скифии. Больше всего они встречаются в нижнеднепровской группе курганов.

Характеризуя стеклянные одноцветные бусы римского времени, Е. М. Алексеева констатирует возникновение новых способов их изготовления, что, естественно, привело и к появлению новых форм. Так, с рубежа н. э. началось массовое использование тянутых стеклянных трубочек. Из них изготавливались цилиндрические, округлые и бочковидные украшения. Исследовательница отметила и характерное для первых веков н. э. распространение всевозможных граненых форм, которые имитировали популярные в это время бусы из драгоценных камней. Их разнообразие так велико, что учесть все возможные варианты — дело сложное. Еще большее разнообразие вносит коллекция, происходящая из сарматских и черняховских памятников. К сожалению, центры производства отдельных типов стеклянных украшений в римскую эпоху еще не конкретизированы. Однако наличие таких мастерских на территории Северного Причерноморья уже ни у кого не вызывает сомнения.

Особо интересны одноцветные плоские подвески с изображением мужских и женских лиц⁷¹. Е. М. Алексеева учла несколько таких подвесок. Они происходят из Пантикапея, Херсонеса и Ольвии. Не располагая по материалам античных городов Северного Понта точными данными для датировок, исследовательница все же сочла возможным, опираясь на стиль исполнения и некоторые технологические детали, датировать их IV—III вв. до н. э. Материалы из скифских памятников в целом подтверждают ее вывод. Так, в кургане 4, погребении 1 близ урочища Носаки, датированном второй половиной IV в. до н. э.⁷², найдена подвеска из непрозрачного черного стекла с двухсторонним оттиском женского лица в фас, ниспадающими локонами и ожерельем на шее. Близкой аналогией подвеске из ур. Носаки служит украшение, найденное при раскопках возле санатория «Чайка». Однако оно отличается деталями исполнения и цветом стеклянной массы. Все это позволяет выделить носакское украшение в тип 181a. Аналогичное изделие, но изготовленное из прозрачного синего стекла, происходит из так называемой бусинной «лавки», исследованной И. Б. Брашинским на Елисаветинском городище в 1980 г.⁷³ Близкие по типу подвески, находимые в Средиземноморье, также датируются IV в. до н. э. Исследователи считают их продукцией Карфагена⁷⁴.

Много внимания в «Своде» Е. М. Алексеевой уделено характеристике стеклянных бус из полихромного стекла. Особой заслугой автора следует считать создание стройной классификационной системы, позволяющей охватывать бесконечное разнообразие многоцветных украшений, орна-

⁷⁰ Лейпунская И. А. Амфоры из Ольвии VI—IV вв. до н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Киев, 1975, с. 12.

⁷¹ Алексеева. Ук. соч., т. 2, с. 62, 74, табл. 34, 12—17.

⁷² Бидзия В. И., Болтрик Ю. В., Мозолевский Б. И., Соговский И. П. Курганный могильник в урочище Носаки. — В кн.: Курганные могильники Рясные могилы и Носаки. Киев, 1977, с. 111, 114, рис. 19, 14.

⁷³ Брашинский И. Б. Отчет о работе Южно-Донской экспедиции в 1980 г. — НА ЛОИА АН СССР, 1981, п/о № ЕГ-80/XIV-247.

⁷⁴ Haevernick T. E. Doppelköpfen. — In: Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. 17. Jahrgang, 1968. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe. H. 7/8, S. 647—652, Taf. 6, 7.

менты на которых различаются узорами, техникой исполнения и цветовыми сочетаниями. Выводы Е. М. Алексеевой представляют значительный интерес с нескольких точек зрения: исторической, технологической и искусствоведческой; ей удалось проследить, удачно сочетая эти направления, ряд проблем художественного стеклоделия интересующей нас эпохи. Характеристика полихромных бус в «Своде» открывается подразделом, посвященным пятнистым орнаментам. К сожалению, этот декор тяжело поддается хронологическому членению. Подобные украшения бытовали в эпоху бронзы, изготавливались на протяжении всей античной эпохи и почти без изменений перешли в средневековые. В то же время Е. М. Алексеевой удалось на северопричерноморском материале подтвердить известный вывод Г. Эйсена о бытовании их с V в. до н. э. по IV в. н. э.⁷⁵ И даже удревнить его до VI в. до н. э.

При просматривании коллекции украшений из ряда скифских памятников нами было выявлено несколько типов бус, редко встречающихся в древнегреческих городах нашего Юга. Одни из них представлен подвесками в виде одноручного круглодонного кувшинчика, поверхность которого покрыта пятнистым орнаментом. Основа чаще всего изготовлена из прозрачного синего или янтарно-желтого стекла. Орнамент — желтые и бирюзовые пятна. Такие изделия характерны для IV в. до н. э. и встречаются на территории Херсонской⁷⁶, Запорожской⁷⁷, Днепропетровской⁷⁸ и Николаевской⁷⁹ областей. Пятнистые орнаменты на подвесках в виде миниатюрных сосудов известны в комплексах античных памятников на северных берегах Черного моря. Но это либо остроногие амфорки, имитирующие тару первых веков н. э., либо сосудики на плоском поддоне. Все учтенные Е. М. Алексеевой изделия относятся к румскому времени⁸⁰. Подвески же в виде одноручных кувшинчиков с пятнистым орнаментом по тулову копируют тип 194 украшений из одноцветного стекла. Автором «Свода» учтена всего одна такая бусина. Она происходит из культурного слоя Кеп начала I в. до н. э.⁸¹ Учитывая закрытый характер скифских погребений и массовость находок рассматриваемых подвесок в Скифии, очевидно, следует пересмотреть и датировку всех бус подобной формы, ограничив время их бытования концом V — началом III в. до н. э. Исследовательница дает также характеристику украшений с глазчатыми орнаментами. Последние появились на территории Северного Причерноморья еще в белозерское время⁸². На северопричерноморском материале ей удалось подтвердить выявленные ранее общие закономерности развития глазчатых бус в античную эпоху, уточнить ряд спорных вопросов и наметить общую линию развития этой отрасли стекольного производства, тесно связанного с ювелирным делом. Согласно Е. М. Алексеевой, ранее глазчатые бусы VI—V вв. до н. э. изготавливались наиболее простым способом. В это время бытовали только кольчатые и слонсто-щитковые глазки, в окраске которых преобладали кобальт, желтый и бирюзовый цвета, коричнево-черная и темно-красная расцветки.

Если во время написания «Свода» данных о местном производстве

⁷⁵ Eisen G. The Characteristics of Eye Beads from the Earliest Time to the Present. — AJA, 1916, XX, № 2, p. 17.

⁷⁶ Софиевка Каховского р-на, к. 34, п. 1; Новотроицкое Новотроицкого р-на, к. 2, п. 1 и многие другие комплексы.

⁷⁷ Гюновка Каменско-Днепропетровского р-на, к. 15, п. 1. Раскопки В. В. Отрощенко в 1917 г. и другие комплексы.

⁷⁸ Тереножкин, Ильинская, Мозолевский. Ук. соч., с. 185 сл., рис. 37, 1; Бунятян Е. П., Чередищенко Н. Н., Мурзин В. Ю. Скифский могильник у с. Верхнетарасовка. — В кн.: Курганы юга Днепропетровщины. Киев, 1977, с. 108, рис. 41, 1.

⁷⁹ Каменка Очаковского р-на, к. 21, п. 2; Ebert M. Ausgrabungen dem Gute Maritzup. — PZ, 1913, S. 48, Abb. 50.

⁸⁰ Алексеева. Ук. соч., т. 1, с. 58, 59, табл. 12, 59, 60.

⁸¹ Там же, т. 2, с. 74, табл. 34, 41.

⁸² Отрощенко В. В. Новый курганный могильник белозерского времени. — В кн.: Скифский мир, с. 201, рис. 6, 5.

глазчатых бус еще не было, то в последние годы их изготовление в VI в. до н. э. засвидетельствовано на Ягорлыцком поселении. Основа этих украшений изготавливалась главным образом из непрозрачного коричневого стекла. Отверстие формовалось на основе керамической трубочки или пробивалось специальным коническим пробойником. Глазки слоисто-кольчатые. Кольца белесого цвета. Глазки бирюзовые и зеленые. Подобные изделия известны на Березани⁸³, в Ольвии⁸⁴, а также в Лесостепи. Там они тоже датируются архаическим временем. Количественный спектральный анализ образцов из зон различной окраски, найденных на Ягорлыке, показал довольно высокий уровень развития стекольного ремесла в Северном Причерноморье уже в архаику. В качестве красителей ремесленники применяли соединения железа, меди, марганца, олова и свинца в сочетании с оловом⁸⁵. К сожалению, ответить утвердительно на вопрос, были ли глазчатые бусы эллинистического и римского времени исключительно импортом из Средиземноморья, или часть из них изготавливалась на месте, в настоящее время мы с уверенностью не можем. Ведь археологическая фиксация остатков стекольного производства — явление крайне редкое. Однако если исходить из предпосылки о непрерывности развития стеклоделия на северных берегах Черного моря в период античности, то местное происхождение части полихромных бус вполне правдоподобно⁸⁶. Справедливости ради следует отметить, что в Элладе в настоящее время известна лишь одна стеклоделательная мастерская, специализировавшаяся на изготовлении бус. Она открыта на Родосе и датируется III—II вв. до н. э. В ней изготавливались одноцветные украшения⁸⁷.

В одном из следующих разделов «Свода» дана характеристика поперечно-полосатых, спиралевидных, перистых, продольно-волнистых, крестовидных, восьмеркообразных, поперечно-волнистых, меандровых и комбинированных орнаментов. Практически все типы, выделенные Е. М. Алексеевой, встречаются и в комплексах, которые оставили представители местного населения. Так, среди изделий с поперечно-полосатым орнаментом ею выделено восемь подтипов и определена хронология бытования отдельных вариантов. Подчеркнув применение единой техники исполнения и одинакового по цвету стекла (прозрачное янтарное стекло основы в сочетании с белыми одинарными, а в тройных полосах белое + + непрозрачное красное или белое + синее, полосами), автор выдвинула интересное предположение о том, что в позднеэллинистическое время и раннеримскую эпоху бусы с поперечно-полосатыми орнаментами изготавливались каким-то одним центром. Это как будто подтверждается и химико-технологическими исследованиями, проведенными В. А. Галибиным в ЛОИА АН СССР.

Материалы из курганов Северного Причерноморья дают некоторые данные, позволяющие пролить свет на генезис описанного выше типа бус и свидетельствующие об их производстве еще в эпоху бронзы. Так, в Кочковатовском могильнике белозерского времени на территории Одесской обл.⁸⁸ найдена бочонковидная бусина с поперечно-полосатым спаянно-

⁸³ См., например, бусы из раскопок Березани 1900—1901 гг. Г. Л. Скадовского. Херсонский краеведческий музей: ХИМ-а, № 5679 и др.

⁸⁴ Алексеева. Ук. соч., т. 1, с. 59, табл. 14, 50.

⁸⁵ Островергов. Древнейшее античное производство..., с. 217 сл., рис. 4, 3, табл. 1.

⁸⁶ При пересмотре ольвийской коллекции бус нам встретился один бракованный экземпляр глазчатого украшения. Его основа изготовлена из непрозрачного темно-красного стекла. Отверстие только намечено, но не пробито до конца. Подобные изделия известны в Танаисе, но датировочных данных нет. См. Алексеева. Ук. соч., т. 1, с. 60, табл. 14, 69. Шифр ольвийского изделия — 0-47/11.

⁸⁷ Weinberg G. D. Glass Manufacture in Hellenistic Rhodes.— *Ek tou archaiologikou, Athenai*, 1971, 24, p. 143—151.

⁸⁸ Ванчугов В. П., Субботин Л. В. Могильник белозерского времени в Северо-Западном Причерноморье.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Тезисы докладов конференции. Днепропетровск, 1980, с. 57.

накладным орнаментом: основа цвета кобальта, по центру — белый пояс.

Интересны и округлые украшения, основа которых изготовлена из непрозрачного красного стекла. На их поверхности помещается семь розеток, каждая из которых выполнена отрезком прутика с тончайшим узором в поперечном сечении. Этот тип бус представлен в «Своде» лишь находками в одной из могил IV—III вв. до н. э. Пантикапейского некрополя⁸⁹. Однако ареал их распространения более широк. Подобные украшения известны, видимо, из Ольвии⁹⁰, а также из Марицинского могильника близ Ольвии⁹¹. Весьма часто они встречаются в скифских курганах Нижнего Поднепровья⁹², изредка — на Северном Кавказе⁹³. И наоборот, в синхронных памятниках Северо-Западного Причерноморья и лесостепи подобные украшения пока не обнаружены. Сосредоточение вышеописанных бус в относительно узком районе Скифии, как нам представляется, свидетельствует об ограниченном количестве производственных и посреднических центров. В Скифию эти изделия могли попадать при посредничестве Ольвии, Херсонеса и Боспора. Об одном или ряде родственных центров-производителей, специализировавшихся на изготовлении подобной продукции, говорит и весьма специфический химический состав стекла этих бус.

Примечательны различные подвески и пронизи, выполненные в технике накладных орнаментов. Е. М. Алексеева собрала довольно представительную коллекцию подобных изделий, происходящих из античных городов Северного Понта, датировав их в широких пределах VI—II вв. до н. э.⁹⁴ Разделить бытование отдельных типов в более узких хронологических рамках ей не удалось, так как многие из них либо вообще депортизированы, либо происходят из культурных слоев городищ. Этот пробел в какой-то мере можно заполнить, изучая материалы, происходящие из скифских памятников.

При исследовании уже упомянутой ранее бусинной «лавки» на Елисаветинском городище было найдено несколько экземпляров подвесок с изображением бородатых пучеглазых лиц-масок с большими носами⁹⁵. Украшения имеют общие черты с типами 462 и 463, которые исследовательница датировала IV—III вв. до н. э.⁹⁶ Между тем елисаветинский комплекс хорошо датируется первой половиной IV в. до н. э., что соответствует датировкам средиземноморских образцов — около 370 г. до н. э.⁹⁷ В нескольких больших количествах в Скифии представлены цилиндриче-

⁸⁹ Алексеева. Ук. соч., т. 2, с. 39, 55, тип. 378, табл. 27, 102—105.

⁹⁰ В Херсонском краеведческом музее в связке бус, значащейся как найденная в Ольвии, также имеются подобные украшения. Однако эта связка сборная, а отдельные экземпляры не имеют инвентарных номеров. Поэтому полной уверенности в их ольвийском происхождении нет.

⁹¹ Ebert. Op. cit., S. 74, Abb. 83.

⁹² Лесков. Ук. соч., с. 100, рис. 86; Черненко, Бунятян. Ук. соч., с. 88, рис. 9, 4, 13; Тереножкин, Ильинская, Мозолевский. Ук. соч., с. 155, рис. 3, 25; Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Скифские курганы Никополющины. — В кн.: Скифские древности, с. 159, 161, рис. 40, 3; Бунятян, Чередниченко, Мурзин. Ук. соч., с. 108, рис. 41, 1; Бидзия, Болтрик, Мозолевский, Саговский. Ук. соч., с. 109, рис. 18; Бокий Н. М. Скифские курганы в бассейне р. Большая Высь на Кировоградщине. — В кн.: Скифы и сарматы, с. 202, рис. 2, 2. Помимо опубликованных подобные бусы в больших количествах известны по материалам Херсонской, Запорожской и других экспедиций (Привольное, к. 10, п. 2; к. 16, п. 2, 3; Новотроицкое, к. 11, к. 7, п. 1; Ольговка, к. 2, п. 3; Меловое, к. 3, п. 2; Богдановка, к. 1, п. 2 и мн. др.).

⁹³ Козенкова. Ук. соч., с. 64 сл., табл. XXIX, 52.

⁹⁴ Алексеева. Ук. соч., т. 3, с. 33—35, табл. 47.

⁹⁵ Брашинский И. Б. Южнодонская экспедиция. — АО 1980 г. М., 1981, с. 97 сл., рис. 1.

⁹⁶ Алексеева. Ук. соч., с. 41, табл. 47, 13, 29.

⁹⁷ Woolley. Op. cit., p. 157—159, pl. XIV; Seefried M. Glass Core Pendants Found in the Mediterranean Area. — JGS, 1979, 21, p. 18, fig. 1.

ские бусы-маски с двумя и более носатыми лицами. Они хорошо известны по раскопкам курганов Приднепровской Скифии⁹⁸, Восточного Крыма⁹⁹, лесостепи¹⁰⁰ и Северного Кавказа¹⁰¹ и датируются IV — началом III в. до н. э., что в общем соответствует датировкам средиземноморских образцов¹⁰².

Если маски в «Своде» представлены относительно хорошо, то этого нельзя сказать о подвесках в виде сидящего голубя. Е. М. Алексеевой учтено всего одно такое украшение, происходящее из Херсонеса. К тому же оно беспаспортно. Подобные изделия известны по находкам в Ольвии¹⁰³. Однако они также не дают материалов для датировок. Наоборот, образцы, найденные в Скифии, хорошо датированы IV в. до н. э.¹⁰⁴ В Средиземноморье подвески подобного типа происходят из могил V—III вв. до н. э.

Украшения, выполненные в технике накладных орнаментов, были широко распространены по всему античному миру. Они известны в Египте, на восточном побережье Средиземного моря, на Кипре, в Южной Италии, в Западном и Северном Причерноморье, а также на Кавказе. О центрах производства подобных изделий нет единого мнения ученых. Одни настаивают на египетском происхождении, другие — на сирийском, третьи считают их родиной Карфаген¹⁰⁵. Однако это лишь случайные высказывания, основанные на личных, во многом субъективных впечатлениях. Специальное исследование, посвященное стеклянным поделкам, выполненным в технике накладных орнаментов, в последние годы было предпринято М. Сифрайд¹⁰⁶. Она пришла к выводу, что первые подвески с изображением человеческих головок с пучеглазыми лицами появились практически одновременно во второй половине VII в. до н. э. в Египте, на Кипре и в Карфагене. Однако модными и широко распространенными они стали лишь в позднеклассический и эллинистический периоды. Интересно наблюдение исследовательницы о степени распространения антропоморфных и других подвесок в различных районах античной ойкумены. Так, хотя Египет и являлся одним из древнейших центров стеклоделия, подобные украшения не были там популярны, поскольку их находки единичны. Так же мало они были известны и на восточносредиземноморском побережье, в том числе в Тире и Сидоне, которые также были известны в древнем мире как центры развитого стекольного производства. Немного было найдено таких украшений и на Кипре. Наибольшая коллекция собрана на пуническом побережье, особенно в Карфагене. Она насчитывает сотни, если не тысячи экземпляров. В этом собрании имеются образцы, вовсе отсутствующие в других районах. Исходя из этого, М. Сифрайд, как нам представляется, совершенно справедливо полагает, что основным центром производства подобных предметов был Карфаген.

⁹⁸ Лесков. Ук. соч., с. 58, рис. 47, 52, 98; Бунятян, Чередниченко, Мурзин. Ук. соч., с. 68, рис. 7; с. 108, рис. 41, 1; Тереножкин, Ильинская, Мозолевский. Ук. соч., с. 184, рис. 9; Скадовский Г. М. Белозерское городище Херсонского уезда Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульца и началом Днепровского лимана. — Тр. VII АС, 1897, т. III, табл. XII; Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. — МИА, 1954, № 36, с. 148. Кроме этого, в фондах ИА АН УССР хранится много неизданных украшений из раскопок последних лет.

⁹⁹ Яковенко Э. В. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма. — В кн.: Древности Восточного Крыма, Киев, 1970, с. 125, рис. 4, 4.

¹⁰⁰ Іллінська В. А. Басівське городище. — Археологія, 1965, 13, с. 60, рис. 10.

¹⁰¹ Козенкова. Ук. соч., с. 65, табл. XXIХ, 60а и в.

¹⁰² Seefried. Op. cit., p. 18.

¹⁰³ Фонды ИА АН УССР — 0-49/445; фонды Николаевского музея — № а 956.

¹⁰⁴ Мелюкова. Раскопки курганов у с. Буторы..., с. 65, рис. 8, II; Онайко. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э., табл. XLIV.

¹⁰⁵ Kisa A. Das Glas im Altertum. Lpz, 1908, S. 93—95; Sleen W. G. N. Perles verre du bassin méditerranéen et du Proche-Orient. — In: Annales du 3-e Congrès des JIV, Liège, 1964; idem. A Handbook on Beads. Liège, 1967, p. 65, fig. 16; Vives A. Estudio de arqueología Cartaginesa. La necropoli de Ibiza. — In: Ancient Egypt, 1920, part 2.

¹⁰⁶ Seefried. Op. cit., p. 17—26.

Как известно, современное состояние археологических объектов не всегда отражает реально существовавшую некогда историческую ситуацию. Хотя в Карфагене и не открыто мастерских, специализировавшихся на производстве подобных украшений, но они достоверно зафиксированы и в других районах. Но что в Карфагене существовало высокоразвитое стекольное производство, сомнений нет. В свое время в этом городе были исследованы две стекловаренные печи ¹⁰⁷. Согласно Плинию (NH, XXXV, 26), пунические пески высоко ценились древними стеклоделами.

М. Сифрайд собрала некоторые данные и о распространении бус с накладными орнаментами в древнегреческих городах Северного Понта: в Ольвии, Херсонесе и Пантикапее. Однако эта сводка базируется лишь на сообщениях, имеющих в дореволюционных изданиях. Отсюда следует и ее вывод о том, что полихромные украшения с накладными орнаментами на северных берегах Черного моря были редким исключением; сюда они попадали случайно. Материалы, которые собрала Е. М. Алексеева, в совокупности с находками в глубинах хинтерланда, полностью опровергают этот тезис. Различные поделки в виде человеческих пучеглазых лиц, а также в виде фигурок животных и птиц попадали в Северное Причерноморье не случайно. Они пользовались широкой популярностью не только у греков, но и у местного населения. Нам сейчас трудно указать конкретные причины распространенности подобных изделий у обитателей Северного Причерноморья. Если пунийцы вкладывали в эти изображения конкретный смысл и видели в них воплощение Великих Богов и их спутников, то на северных берегах Черного моря эти украшения чаще всего выполняли роль амулетов-апоτροпеев. Не исключено, однако, что в некоторых случаях население юга Восточной Европы видело в них своих богов. В связи с этим интересна находка нескольких трехликих пронизей в святилище Сабазия и Деметры на поселении Панское-1 в Крыму ¹⁰⁸.

Много внимания в «Своде» уделено характеристике украшений со сложными узорами, выполненными в мозаичной технике. Е. М. Алексеева установила, что в древнегреческих городах Северного Понта эти изделия появляются со II в. до н. э., но широкое распространение они получают в римскую эпоху. Особенно интересны вариации сложноспаянных орнаментов. Это различные растительные мотивы, изображения лиц, фигурок и птиц, ковровые, ресничковые и сложногометрические рисунки ¹⁰⁹. Раскопки последних лет значительно дополнили коллекцию этих изделий. Особенно интересные наборы бус были добыты при исследовании некрополей сельских поселений Боспора ¹¹⁰. Довольно часто подобные украшения попадали и к сарматскому населению. Много их в последние годы было найдено в Северо-Западном Причерноморье. Так, в погребении 3 кургана 18 у с. Вишневого Татарбунарского р-на Одесской обл., раскопанном Дунайско-Днестровской экспедицией ИА АН УССР в 1978 г., было найдено несколько редчайших бусин, в том числе с узорами, выполненными в мозаичной технике. Одно из украшений — в виде маленького астрагальчика, украшенного ресничковым орнаментом. Белый глазок опоясывает красное кольцо. От этого центра отходят бирюзовые и белые лучи. Подобный тип в «Своде» отсутствует. Предлагается выделить его в тип 499а.

¹⁰⁷ *Ciutas P.* Les Carthagénien dans leur cités. — *Archéologie vivante*, P., 1969, 1, 2, p. 62.

¹⁰⁸ Алексеева. Ук. соч., т. 3, с. 35.

¹⁰⁹ Там же, с. 33—45, табл. 47—49.

¹¹⁰ Корпусова В. М. Мініатюрна пластика і мозаїка з боспорського некрополя поблизу с. Золоте. — *Археологія*, 1973, 9, с. 74—83; она же. Некрополь Золотое. Киев, 1983, с. 71—75.

Не менее интересна мозаичная бусина с изображением четырех лебедей. Основа изготовлена из непрозрачного желтого стекла. Поверхность разделена на четыре черные зоны. На них помещены изображения лебедей, выполненные из непрозрачного белого, красного и желтого стекла с контурной обводкой из бирюзового стекла. Е. М. Алексеевой учтена всего одна такая, при этом беспаспортная бусина из Херсонеса ¹¹¹. Бусина, найденная в погребении у с. Вишневое, несколько отличается от херсонесской, однако она выполнена в той же мозаичной технике, передает те же мотивы и хорошо датируется I—II вв. н. э.

Одна из глав второго тома «Свода» посвящена характеристике стеклянных бус с металлической прокладкой. Е. М. Алексеева устанавливает хронологию бытования подобных украшений в Северном Причерноморье. Она подчеркивает, что впервые они появляются в наших краях в III в. до н. э., однако широкое распространение получили в I—III вв. н. э. Исследовательница выдвинула интересное предположение о том, что помимо традиционного золочения античные стеклоделы-ювелиры знали и посеребрение ¹¹². Ее предположение подтверждено количественным спектральным анализом образцов, найденных в эллинских городах на северных берегах Понта и в сарматских памятниках ¹¹³. Что касается определения красителей, которые использовали античные стеклоделы, то Е. М. Алексеева сослалась на уже проведенные у нас в стране и за рубежом анализы, указав на несовершенство современных методов исследований, которые приводят к значительной порче археологических находок.

Касаясь ранее проделанных анализов, следует отметить, что они лишь в незначительной степени затрагивают античное стекло, найденное на юге Восточной Европы. Исследовались в основном египетские, ассирийско-вавилонские, индийские, римские, японские, среднеазиатские, древнерусские и западноевропейские стекла ¹¹⁴. Качественный спектральный анализ нескольких десятков образцов стекол римского времени, сделанный Ю. Л. Щаповой ¹¹⁵, не полностью отвечает современным требованиям. Наоборот, количественный спектральный анализ, применяемый В. А. Галибиным, как нам представляется, в настоящее время наиболее приемлем в археологической практике. Он позволяет определить не только тип стекла, но и геохимическую характеристику сырья. Это позволяет выявить не только школу в стеклоделии, но и в отдельных случаях конкретизировать центры производства тех или иных изделий. Постоянно увеличивающийся объем раскопок археологических памятников на юге Украины дает в руки исследователей большое количество интересующего нас материала, который можно использовать без нанесения ущерба изделиям.

Таким образом, опираясь на работу Е. М. Алексеевой, мы попытались дать краткую характеристику фаянсовых и стеклянных украшений, бытовавших в Скифии и Сарматии. В целом они повторяют типы и формы украшений, найденных в античных городах Северного Причерноморья. Однако в этой коллекции известны и образцы, там отсутствующие. Ввиду закрытого характера большинства варварских комплексов стеклянные изделия из них предоставляют хороший материал для датировок.

¹¹¹ Алексеева. Ук. соч., т. 3, с. 39, табл. 48, 49, тип 422.

¹¹² Там же, т. 2, с. 27—33, табл. 26.

¹¹³ Позолота: ХАЭ-76, с. Сергеевка, к. 4, п. 1, ЛОИА, ан. № 212/36; посеребрение: ан. № 212/38; Ольвия, фонды Николаевского музея, б/№, ан. № 244/25, 26.

¹¹⁴ Безбородов М. А. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск. 1969; Щапова. Очерки...

¹¹⁵ Щапова Ю. Л. Результаты спектрального анализа стеклянных изделий и брака из стеклоделательной мастерской, открытой в Комарове.— В кн.: Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 5. Київ, 1964, с. 67—80; она же. Результаты спектрального анализа стекла из Таваиса.— МИА, 1965, № 127, с. 249—255.

В заключение хотелось бы вкратце остановиться на путях проникновения этой продукции к местным племенам и формах торговли ею. В античное время можно выделить два типа центров, торговавших подобными поделками. 1. Центры, сами изготавливавшие и торговавшие бусами; для архаического времени как пример можно привести Ягорлыцкое поселение, для римского — мастерские-«лавки» в Танаисе ¹¹⁶ и на поселении Комарово в Черновицкой обл. ¹¹⁷ К сожалению, современное состояние источников не позволяет нам привести подобные примеры для классического и эллинистического времени. 2. Посреднические специализированные и неспециализированные центры. Наиболее показательным образцом такой посреднической специализированной бусинной «лавки» служит жомплекс, вскрытый в 1980 г. на Елисаветинском городище. В раннеэллинистическое время подобные транзитные центры существовали и в Восточном Средиземноморье ¹¹⁸.

Очевидно, такие торговые точки имелись и в крупных городах на Северном Понте. Под этим углом зрения можно рассматривать, например, комплекс, вскрытый в Ольвии в 1947 г. В одном из помещений там было обнаружено большое количество бус: пирамидальных и амфоровидных подвесок, биконических, округлых и других украшений ¹¹⁹. С этой точки зрения интересны и «клады» бус, найденные на Асаревичском и Горшковском городищах в Южной Белоруссии ¹²⁰.

Специализированные «лавки» вели в основном, вероятно, оптовую торговлю. К рядовому потребителю эти изделия, следует полагать, попадали при посредничестве странствующих греческих и варварских купцов. Последние могли вести торговлю не только бусами, но и другими товарами античного импорта ¹²¹.

Можно думать, что торговля мелкими украшениями осуществлялась по весу. Об этом косвенно свидетельствуют находки разновесов на Ягорлыцком поселении ¹²² и в бусинной «лавке» на Елисаветинском городище ¹²³. Торговля более крупными фигурными и полихромными поделками велась поштучно.

Насыщенность скифских погребений стеклянными и другими бусами общеизвестна. То, что они предназначались в основном для удовлетворения культурных и идеологических запросов скифского общества, также не вызывает сомнений. Однако, по нашему мнению, на этом их роль не исчерпывалась. В определенных случаях они могли, как и боевые наконечники стрел ¹²⁴, выполнять роль мелкой разменной монеты, служить наравне с золотом, серебром и медью средством накопления богатств. В истории древнего мира и в этнографии такие случаи хорошо известны.

А. С. Островерхов

¹¹⁶ Алексеева Е. М., Арсеньева Т. М. Стеклоделие Танаиса.— СА, 1966, № 2, с. 176—188; ср. Шапова. Очерки..., с. 157—160.

¹¹⁷ Смішко М. Ю. Поселення III—IV ст. н. е. із слідами скляного виробництва біля с. Комарів, Чернівецької обл.— В кн.: Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, с. 67—80; Шапова. Очерки..., с. 143 сл.

¹¹⁸ Woolley. Op. cit., p. 157—159.

¹¹⁹ Фонды ИА АН УССР, 0/47, № 553—601.

¹²⁰ Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, с. 94.

¹²¹ Островерхов А. С. Этапы и характер греко-скифских экономических связей в Поднепровье и Побужье.— В кн.: Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР. Киев, 1980, с. 29 сл.

¹²² Он же. Обработка кольчужных металлов на античных поселениях.— Археологія, 1981, 36, с. 36, рис. 7, 1.

¹²³ Брашинский. Южнодонская экспедиция..., с. 98.

¹²⁴ Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арианте. Геродот, кн. IV, гл. 81.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 115 сл.; он же. Скифы. М., 1971, с. 109.

Among the most popular imported goods to reach the local tribes in the North Black sea region were faïence and glass beads. These came to the remote hinterland from Greek cities on the northern shores of the sea. The author identifies the types of ornament commonly worn in Scythia and Sarmatia from the 6th century B. C. to the 4th century A. D. In this connection the classification worked out by Ye. M. Alekseyeva from material discovered in the Greek coastal cities has been of much assistance to the author. It is settled beyond doubt that the types of ornament favoured by the barbarian population were, by and large, the same as those in common use in the Greek colonies. In several instances, however, types found in the hinterland are not found in the Greek cities. Also, since many of the places where Scythian and Sarmatian ornaments are found the material had lain undisturbed in closed deposits, it has been possible to date some known types more precisely. The Greek coastal cities were not just transit points for Mediterranean products. They, too, sent small glass and, later, faïence beads of their own making for sale to the inland population. In the larger cities and barbarian settlements specialised bead «shops» were available for the wholesale trade. For the most part, however, the inland population probably got their decorative beads from itinerant merchants, along with other imported goods.

БОРЬБА ТИГРАНА ПРОТИВ ЭКСПАНСИИ РИМА В КАППАДОКИИ В 93—91 гг. до н. э.

В период около 95 г. до н. э. в Передней Азии, в двух сопредельных царствах, в Армении и Каппадокии, произошла смена династов, связанная с дипломатической деятельностью Рима и Парфии. На царствование в Армению после долгих лет заложничества в Парфии возвратился Тигран, сын царя Тиграна I (App., Sng. 48). Отпуская на родину наследника армянского престола, парфянский царь Митридат II рассчитывал в его лице обрести правителя, верного интересам Аршакидской державы. В Каппадокии решением римского сената царем был поставлен Ариобарзан, официальное прозвание которого *φιλορωμαίος*¹ оповещало о внешнеполитической ориентации нового правителя. Утверждая на каппадокийском троне своего ставленника, Рим осуществлял очередной шаг в экспансии на Восток.

В Армении Тигран II уже на второй год своего правления со всей ясностью продемонстрировал аршакидскому «царю царей»¹, что планы сохранения над Армянским царством парфянского влияния не имеют под собой оснований. В первой же своей крупной внешнеполитической акции — присоединении к Великой Армении Софенского царства — Тигран утвердил свою независимость от Парфии. Подчинив Софену, он осуществил объединение большей части армянских земель, теперь его власть распространилась почти на всю территорию Армянского нагорья. Этот шаг явно противоречил великодержавной позиции Аршакидов, господствовавших на восточных берегах Евфрата, на юге Софены и стремившихся к гегемонии над династиями прилегающих областей².

¹ Так он именует себя на монетах. См. *Мушегян Х. А.* Монетные клады Армении. Ереван, 1973, с. 156.

² Спустя два года (92 г.) парфяне перешли Евфрат и вторглись в Коммагену, где нанесли поражение Антиоху X Евсебу.

С 94 г. до н. э. Евфрат стал западной границей Армянского государства, за рекой начиналась Каппадокия. В 93 г. Тигран перешел Евфрат и изгнал царя Каппадокии Ариобарзана, положив тем самым начало активному участию в сложном международном конфликте (93—91 гг.) — в борьбе вокруг каппадокийского престола, ставшего к этому времени предметом спора между Римом, Понтом и Вифинией. Причины и цели участия Армении в каппадокийском конфликте до настоящего времени остаются невыясненными.

Встречающиеся в научной литературе взгляды на этот вопрос не учитывают внешнеполитических и стратегических интересов Армянского государства в сложившейся в начале I в. до н. э. международной расстановке сил, и потому создается превратное представление о Тигране как деятеле, не имевшем в Каппадокии собственных политических целей, чьи военные акции осуществлялись в рамках внешнеполитических задач Понтийского царства. Точка зрения Я. А. Манандяна, усматривавшего причины походов Тиграна в том, что после захвата Софены Каппадокия сделалась для Армянского царства «опасной соседкой»³, не может не вызывать серьезных возражений. В действительности Каппадокия, слабое в военном отношении государство, была неспособна угрожать никому из соседей и сама неоднократно подвергалась их вторжениям и оккупации: вифинцев (101 г.), понтийцев (100, 99—95 гг.), армян (93, 92 гг.). Понимание событий Я. А. Манандяном исходит из ошибочного, на наш взгляд, представления о якобы присущей Тиграну миролюбивой позиции в отношении экспансии Рима. Правильно отмечала О. И. Севастьянова в рецензии на книгу Я. А. Манандяна: «...Тиграну приходилось сталкиваться не столько с сопротивлением самой Каппадокии, сколько со стоявшим за ее спиной Римом»⁴. Достаточно указать, что, свергая в 93 г. с каппадокийского престола Ариобарзана, Тигран не мог не знать, что тот царствует согласно постановлению сената, и, следовательно, изгнание им ставленника Рима — это военное выступление против решения римского правительства.

Вопрос о конкретных политических задачах Тиграна в Каппадокии в современной зарубежной науке затрагивал Э. Вилль, который назвал Тиграна «защитником понтийских интересов». По его мнению, в 93 г. Тигран восстановил в Каппадокии царем сына Митридата⁵. Этот взгляд Э. Вилля совпадает с освещением событий Я. А. Манандяном, писавшим: «...Тигран II, побуждаемый Митридатом, как об этом свидетельствует и Юстин, напал на Каппадокию и занял всю страну. Ариобарзан бежал в Рим, и вместо него в том же 93 году вновь воцарился малолетний сын Митридата — Ариарат, опекуном которого был Гордий. Сдав завоеванную им Каппадокию сыну Митридата, Тигран сам вернулся в Армению»⁶. Сходство взглядов Я. А. Манандяна и Э. Вилля объясняется тем, что они в основном следуют известному труду Т. Рейнака⁷. Однако приведенные

³ Манандян Я. А. Тигран Второй и Рим. Ереван, 1943. с. 29, 33.

⁴ Севастьянова О. И. Новый труд по древней истории Армении. — ВДИ, 1946, № 2, с. 116.

⁵ Will E. Histoire politique du monde hellénistique. T. II. Nancy, 1967, p. 397.

⁶ Манандян. Ук. соч., с. 31.

⁷ Reinach Jh. Mithridate Eupator roi de Pont. P., 1890, p. 105. По вопросу об участии Тиграна в каппадокийском конфликте Т. Рейнак писал: «Царь Понта задумал вовлечь армянина в свои интересы: какая удача, если, прикрываясь плащом Тиграна, он сможет отвоевать Каппадокию, не затратив ни сил, ни денег, не предоставив Риму повода для нападения». И далее: «Войска Тиграна установили гарнизоны в Каппадокии, и Гордий, а в действительности Митридат, вновь был утвержден в качестве регента» (от имени Ариарата IX. — P. M.). Однако в обоснование этих утверждений Т. Рейнак не привел никакой аргументации. Труд Т. Рейнака, посвященный жизни и деятельности Митридата Евпатора, будучи первым в своем роде, во многом повлиял на формирование в исторической науке представлений о понтийском царе. Приведенная выше цитата из этого труда показывает, что вопроса об отношениях Понта и Армении Рейнак коснулся бегло и, как ниже увидим, представил его в искаженном виде. Сле-

мнения о передаче Тиграном в 93—92 гг. власти над Каппадокией номинальному царю Ариарату IX Филопатору, что в действительности означало переход страны под господство Митридата Евпатора, не находят подтверждения в сообщениях Юстина. Выяснение политических планов Тиграна в отношении Каппадокии, когда он, лишив власти Ариобарзана, по существу сделался хозяином положения в стране, станет возможным, если попытаться вскрыть политические цели каппадокийской знати — активного, но в исследовательской литературе, как правило, мало учитываемого участника борьбы 96—92 гг., и, в частности, определить роль Гордия в событиях этих лет.

В рассказе Юстина аристократ фригийского происхождения Гордий поначалу предстает как преданный интересам Митридата человек — орудие в достижении понтийским царем своих политических целей. В 100/99 гг. после смерти царя Каппадокии Ариарата VII Каппадокия перешла во владение Понта: на каппадокийский престол Митридат Евпатор посадил своего восьмилетнего сына под именем Ариарата Филопатора, выдаваемого им за отпрыска старой династии Ариаратидов, Гордий был поставлен во главе правления, через него понтийский царь осуществлял власть над страной. Но в 96—95 гг. планы Митридата, предусматривавшие полное включение Каппадокии в состав Понтийского государства, были сорваны восстанием местного населения: «каппадокийцы, угнетенные жестокостью, а также произволом начальников, отпали от Митридата»⁸. Восставшие призвали себе в цари Ариарата VIII, младшего сына Ариарата VI Епифана (120—111 гг.). Вооруженное выступление каппадокийской знати против понтийского господства было решительно подавлено Митридатом. Глава восставших, по существу ставленник Рима Ариарат VIII, бежал в римскую Азию, где вскоре скончался при неясных обстоятельствах. Победа Митридата, перспектива окончательного утверждения господства Понта в Каппадокии вызвали открытое вмешательство Рима. Римлян поддержал царь Вифинии Никомед III, опасавшийся дальнейшего усиления Митридата. Он обратился в Рим с предложением сместить Ариарата IX как самозванца и передать Каппадокийское царство под управление вифинского ставленника (Just., XXXVIII, 2).

Митридат Евпатор не оставлял надежд на присоединение Каппадокийского царства, Гордий возглавил понтийское посольство в Рим, где по поручению царя безуспешно пытался доказать, будто Ариарат IX в действительности сын не Митридата, а происходит из рода погибшего в войне с Аристоником Ариарата V⁹. Эта явная ложь была изобличена сенатом, который «отнял у Митридата Каппадокию» (... Mithridati... Cappadociam ademittit — Just., XXXVIII, 2), лишив Ариарата IX престола. Окончательным постановлением сената по каппадокийскому вопросу было провозглашение каппадокийцев «свободными», что, как правило, было

дует сказать, что с 1890 г., после выхода в свет труда Т. Рейнака, более не предпринималось попыток рассмотреть и тем более пересмотреть высказанную Т. Рейнаком точку зрения на взаимоотношения Понта и Армении и каппадокийский конфликт 93—91 гг. Без существенных изменений трактовка Т. Рейнаком интересующего нас вопроса была перенесена в последующие работы. Помимо упомянутых выше книг Я. А. Манавяна и Э. Вилля, см. также статьи в RE, s. v. Mithridates (PW, XV, 2, col. 2162 sqq.), s. v. Tigranes (PW, VI A 1, col. 976 sqq.), s. v. Gordios (PW, VIII, 2, Sp. 1592, 1593). Вопросы о сложившейся в 95—92-е гг. в Каппадокии политической ситуации, об отношениях Понта и Армении в 93—91 гг. и их политических целях выпали из поля зрения А. Дуггана (*Duggan A. King of Pontus. The Life of Mithradates Eupator*. N. Y., 1959, p. 138). Период 95—91-х гг. полностью опускает Г. Бенгтсон (*Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма*. М., 1982. с. 298).

⁸ Sed Cappadoces crudelitate ac libidine praefectorum vexati, a Mithridate deficient — Just., XXXVIII, 2. Здесь и далее перевод наш.

⁹ Т. Рейнак обоснованно полагает, что Ариарат IX мог быть объявлен внуком Ариарата V (op. cit., p. 100).

предварительным шагом к превращению страны в римскую провинцию¹⁰. Решение сената об упразднении царской власти свидетельствовало о том, что Римское государство рассматривает Каппадокию как страну уже находящуюся под его протекторатом. В ходе событий 95—93 гг. сенат присвоил себе право санкционировать вступление каппадокийского монарха на престол, контролировать его деятельность и даже упразднить приказом само существование царской власти (определять политический статус страны).

Однако угроза ликвидации Каппадокийского царства встретила противодействие местной аристократии, которая добилась у Рима согласия на сохранение монархии. Юстин пишет: «... Но каппадокийцы отказавшись от подаренной свободы, возражали: „не может народ жить без царя“»¹¹.

В 95—93 гг. Митридат Евпатор, после того как его господство в Каппадокии («царствование Ариарата IX») завершилось восстанием местного населения, а сенат, выявив отсутствие у Ариарата наследственных прав на царство, предписал ему покинуть Каппадокию, не имел оснований всерьез рассчитывать повторно посадить сына на престол в Мазаке. Он менее всего мог надеяться, что на его сына падет выбор каппадокийской знати, после того как Рим, видимо, вняв ее просьбам, отменил свое постановление о даровании Каппадокии «свободы» и согласился на сохранение в стране царской власти.

В новой ситуации Митридат, столкнувшись сразу с противодействием каппадокийцев, Рима и Вифинии (имевших каждый свои несхожие цели, но заинтересованных в его уходе из Каппадокии), стремился не допустить окончательного перехода Каппадокии в стан своих врагов. Применение им военной силы могло возыметь лишь обратный результат. Митридат надеялся, что решение каппадокийцами вопроса о престолонаследии окажется для него в целом приемлемым. Юстин сообщает: «Народы Каппадокии, вместо предложенной свободы просившие Гордия стать царем, ничего не достигли по той причине, что он был его (Митридата) другом»¹².

Итак, царем в 95 г. должен был стать Гордий, тот самый наместник, который стоял во главе понтийского правления, вызвавшего восстание. Теперь он оказался избранником «народа». Сообщая, что каппадокийцы желали видеть на престоле Гордия, Юстин говорит о каппадокийцах в

¹⁰ После военного разгрома Римом Македонского царства Антигонидов в 168 г. Македония была провозглашена «свободной». В 122 г. Фригия, прежде чем была присоединена к римской провинции Азия, решением сената также стала «свободной». В 95 г. сенат «приказал быть свободными» (*Tit. Liv., Epit. LXX*) городам Киренаики, уступленной Риму по царскому завещанию, а в 75 г. Киренаика стала провинцией.

¹¹ *Sed Cappadoces munus libertatis abnuentes, negant vivere gentem sine rege posse — Just., XXXVIII, 2.*

¹² ...populos Cappadocum, pro libertate oblata, Gordium regem orantes, ideo tantum, quoniam amicus suus esset, non obtinuisse — *Just., XXXVIII, 5*. С сообщением Юстина не согласуется краткое утверждение Страбона, что каппадокийцы с разрешения Рима «выбрали Ариобарзана» (*Strabo, XII, 2, 11*). При всей важности свидетельства Страбона следует все-таки отдать предпочтение Юстину (Помпею Трогу) как более информированному в данном случае источнику. В отличие от Юстина Страбон ничего не сообщает о Гордии и каппадокийских событиях 94—91 гг. (они пропущены им также в кратком обзоре деятельности Тиграна в разделе по истории Армении) и потому это свидетельство Страбона не может служить достаточным основанием для реконструкции событий. Источниками по истории каппадокийского конфликта, а также начала первой Римско-каппадокийской войны для Помпея Трога, возможно, послужили сочинения историков Митридатова круга, которые остались Страбону неизвестными или же, что более вероятно, были им игнорированы. Таким образом, сообщение Страбона о выборах Ариобарзана либо надлежит исправить указанием Помпея Трога — Юстина, либо же следует допустить, что перед нами какой-то дополнительный штрих к истории конфликта. В таком случае эти «выборы» могли иметь место уже после победы Суллы в 92 г., очевидно, в целях предания «легитимности» воцарению римского ставленника. При таких обстоятельствах несомненная фиктивность «выборов» Ариобарзана, предварительно утвержденного сенатом и к тому же навязанного силой оружия.

целом, не делая исключений. Примечательно также, что царствование Ариарата IX, вызвавшее в Каппадокии враждебное отношение к господству Митридата, привело к росту авторитета Гордия среди каппадокийской знати.

Сенат отверг кандидатуру Гордия на каппадокийский престол. Прибывшему в Рим каппадокийскому посольству сенат приказал признать царем Ариобарзана, что и было принято. В 95 г. постановлением сената и вопреки желанию каппадокийской знати (возможно народного собрания) вместо Гордия на престол вступил Ариобарзан Филоромей (a senatu Ariobarzanes constituitur — Just., XXXVIII, 2)¹³. Гордий продолжил борьбу. Он выступил против Ариобарзана как самостоятельный претендент на трон и в качестве такового (очевидно, по совету Митридата) обратился за помощью к Тиграну, только что подчинившему Софену.

Из свидетельства Плутарха (Sulla, 5) явствует, что в 92 г., спустя год после изгнания Ариобарзана войсками Тиграна, Гордий стоял во главе Каппадокийского царства. В сообщении Плутарха Гордий выступает в качестве противника Ариобарзана в борьбе за Каппадокийское царство. Сына Митридата Плутарх не упоминает и, видимо, неслучайно. Если мы учтем, что в 93—92 гг. царем Каппадокии (продолжавшей существовать в качестве царства) не мог быть ни лишившийся политической поддержки ее населения Ариарат IX, ни только что свергнутый Ариобарзан, то единственным, кто имел возможность в сложившейся ситуации занимать каппадокийский трон, мог быть только третий претендент на царство — Гордий¹⁴.

В рассматриваемом аспекте интерес представляют данные, имеющиеся у Плутарха о римско-армянском военном столкновении 92 г. в Каппадокии. Как это следует из его сообщения, войска Митридата в этом конфликте не принимали участия. Войскам Суллы противостояли самостоятельные каппадокийские силы и армия, отправленная им на помощь Тиграном. Вопреки мнению Т. Рейнака, факт отсутствия в Каппадокии в 93—92 гг. понтийских войск, до этого (в 95 г.) служивших гарантом царствования Ариарата IX, можно считать указанием на то, что в 93—92 гг. последний не занимал каппадокийский престол. Особого внимания заслуживает сообщение Плутарха об участии в конфликте каппадокийцев. Если допустить, что Гордий в 93—92 гг. — ставленник Митридата, что он вновь олицетворял понтийское господство, то в этом случае останется необъяснимой решительная поддержка, оказанная ему каппадокийцами: вступить в бой с римлянами их менее всего могла вдохновить идея защиты власти Митридата в том или ином ее проявлении. Факт, отмеченный Плутархом, согласуется с сообщением Юстина о том, что каппадокийцы прочили Гордия в цари. В качестве кого же они теперь его защищали от войск Суллы?

Сообщения Помпея Трога—Юстина и Плутарха, а также рассмотрение общего хода развития событий в 96—94 гг. подводят нас к выводу о том,

¹³ О стремлении каппадокийцев иметь царем Гордия Юстин сообщает при пересказе речи Митридата, произнесенной перед войсками. Сокращая главу II, 38 книги Помпея Трога, Юстин пропустил этот факт, отметив конечное событие, — «сенатом был утвержден Ариобарзан». Рассказ о Гордии и Ариобарзане — характерный пример сокращения Юстином текста Помпея Трога. Юстин нередко пропускает промежуточные события и отмечает их конечные результаты. Т. Рейнак пишет, что Гордий на трон был предложен Митридатом и только поддержан каппадокийцами (op. cit., p. 101), и вступает в противоречие с источником (Just., XXXVIII, 2), который недвусмысленно сообщает, что кандидатура Гордия в цари была выдвинута каппадокийцами. Вопреки сообщению Юстина о назначении Ариобарзана царем по приказу сената Т. Рейнак говорит о выборах Ариобарзана на престол самими каппадокийцами (op. cit., p. 101), затушевывая зависимый характер власти Ариобарзана от Рима, обходя стороной внешнеполитическое значение его воцарения как важного шага в римской экспансии в Малой Азии. Без учета последнего обстоятельства действия Тиграна останутся труднообъяснимыми.

¹⁴ Отмеченное обстоятельство дает основание толковать сообщение Плутарха о том, что «Сулла изгнал Гордия и восстановил на царстве Ариобарзана» (Plut., Sulla, 5), как свидетельство о правлении Гордия в Каппадокии в качестве царя.

что в 93 г. Тигран, оккупировав Каппадокию и изгнав римскую креатуру, передал власть над страной не Митридату Евпатору, господствовавшему в ней в 100—96 гг. от имени Ариарата IX, но утвердил на каппадокийском престоле Гордия, который начиная с 95 г. претендовал на царскую власть и опирался на поддержку местной знати.

Несомненно, что утверждение римского протектората в Каппадокии, на западной границе Армянского государства, создавало угрозу его независимости: переход Каппадокии под контроль Рима означал бы резкое ухудшение общего стратегического положения Армении, которая оказалась бы зажатой с запада территориями, зависимыми от Рима, а с востока и юга владениями Парфии. Предупреждая опасность, Тигран решил не допустить создания и укрепления на западной границе Армении форпоста римской экспансии¹⁵. В каппадокийском конфликте Тигран со всей решимостью попытался поставить заслон расширению римской экспансии в Малой Азии.

При всей общности интересов Понта и Армении в главной цели — ликвидации римского влияния в Каппадокии, в остальном их позиции серьезно расходились. Как уже отмечалось, для Митридата, вынужденного отказаться от планов посадить на трон Ариарата IX, воцарение Гордия было единственной возможностью удержать Каппадокию на дружественных позициях. Военное вмешательство Митридата на стороне Гордия могло лишь оттолкнуть от последнего каппадокийскую знать и содействовать успеху Ариобарзана¹⁶. Враждебной позицией каппадокийцев по отношению к Митридату следует объяснять нейтралитет Понта в событиях 93—92 гг. В целом вынужденное согласие Митридата на утверждение на каппадокийском троне Гордия означало его отказ от первоначальных планов подчинения и присоединения Каппадокии к Понту. Ликвидации Каппадокии как суверенного государства требовали стратегические интересы Понта. Возникший с устранением Митридата от участия в конфликте вакуум заполнила сила, до этого времени не проявлявшая активности, — Армянское царство, вступление которого в борьбу уже не оставляло места для понтийского влияния в Каппадокии.

В 93 г. вступив в Каппадокию, Тигран поддержал стремление каппадокийской аристократии к государственной самостоятельности. Он поддерживал ту самую знать, которая в 96—95 гг. восстала против понтийского владычества во главе с римским ставленником Ариаратом VIII, затем добилась ухода Митридата, а спустя год упорно воспротивилась — на этот раз угрозе со стороны Рима — ликвидировать Каппадокийское царство и обратить страну в провинцию. Теперь эта знать не доверяла Ариобарзану как клиенту Рима. Каппадокийцы стремились отстоять свою независимость и от Рима и от Митридата. Тигран выступил гарантом самостоятельности Каппадокийского царства во главе с царем Гордием. Утверждая его на престоле, он по существу шел на сближение с каппадокийской знатью, на установление с ней союзнических отношений. В сложив-

¹⁵ Стратегическое значение для Рима Каппадокии рассматривал О. В. Кудрявцев (Каппадокия в системе римской восточной политики (17—72 гг.). — ВДИ, 1955, № 2). По его мнению, Каппадокия — это один «из основных опорных пунктов римской обороны и римской агрессии на Востоке» (с. 48). «Каппадокия играет... первостепенную роль в римской политике по отношению к Армении», «Каппадокия представляла для римлян путь в Армению» (с. 57). Ср. Манасерян Р. Л. Процесс образования державы Тиграна II — ВДИ, 1982, № 2, с. 135, прим. 46. Отмеченное стратегическое значение Каппадокии правильно также и для начала I в. до н. э. (90-х гг.), когда Рим предпринял первые важные шаги, направленные на установление своей гегемонии в этой стране, однако в Армении была вовремя осознана создававшаяся угроза.

¹⁶ Сложность положения, очевидно, состояла в том, что каппадокийская знать относилась с большей неприязнью к Митридату, господствовавшему в Каппадокии почти пять лет (100—95 гг.), чем к Риму. Поставленная перед возможным выбором между клиентом Рима и понтийским ставленником, она могла отдать предпочтение не Митридату, но креатуре Рима, как наименьшему из двух зол. Независимость Гордия от Митридата была первым условием его признания каппадокийской знатью.

шейся ситуации со стороны Тиграна это было оптимальным решением в его противоборстве с римской экспансией. Освобождая Каппадокию от римской гегемонии, Тигран превращал эту страну в военном отношении в зависимое от Армении государство, которое фактически оказывалось на положении заслона между Армянским царством и восточными владениями Рима в Малой Азии¹⁷, так как военная слабость Каппадокии обрекала ее на переход под опеку одного из могущественных соседей.

Выступление Тиграна против экспансии Рима в 93 г. имело своим следствием прямое вмешательство в конфликт римлян — военное столкновение Армении и Рима в Каппадокии в 92 г. Сенат постановил восстановить на троне Ариобарзана, против Гордия во главе войск был направлен Сулла. Небольшое римское войско, подкрепленное силами союзников — контингентами италиков¹⁸, вторглось в Каппадокию. В походе Сулле сопровождал Ариобарзан. Навстречу войскам Суллы Тигран двинул крупную армию, на нее легла основная тяжесть борьбы. По-видимому, римлянам удалось разбить своих противников поочередно: каппадокийцы были уже разгромлены, когда произошло сражение римлян с армянской армией, также потерпевшей тяжелое поражение. «Сулла перебил много каппадокийцев, а еще больше поспешивших на помощь армянам»¹⁹. Из сообщения Плутарха явствует также, что в бою особенно отличились римские союзники. Таким образом, римско-армянский вооруженный конфликт — римско-армянская локальная война на территории Каппадокии в 92 г. — свелся к одному неудачному для армии Тиграна сражению и ее преследованию римлянами до границы Армянского царства. Вместе с этим в кровопролитной борьбе был решен вопрос, кому царствовать в Каппадокии — Ариобарзану или Гордию.

Выход к Евфрату победоносной армии Суллы вызвал широкий международный резонанс. В контакт с Римом поспешил вступить парфянский «царь царей» Митридат II. В ходе состоявшейся на Евфрате римско-парфянской встречи представитель Рима Сулла и представитель парфян Оробаз вели переговоры о заключении между обеими державами военного союза против Тиграна (*συνμαχία*)²⁰. Согласно достигнутой договоренности, река Евфрат признавалась границей сфер влияния и господства между Римом и Парфией. В римско-парфянских переговорах 92 г. обозначился будущий раздел Ближнего Востока Римом и Парфией, осуществленный в 66 г. до н. э.

Юстин, пересказывая речь Митридата перед войсками, сообщает, что сенат (но не Сулла, вступивший в переговоры с парфянами) не сразу разобрался в переменчивой расстановке сил в регионе конфликта, в сложном спектре интересов в Малой Азии. Митридат выражает возмущение, что в Риме «тем не менее ему вменяют в вину (все), если это совершают Гордий или Тигран...» (*tamen nihilominus imputari sibi, si qua Gordius aut Tigranes faciat* — Just., XXXVIII, 1)²¹. Как можно полагать, несмотря

¹⁷ В событиях 93—92 гг. выразитель интересов каппадокийской знати Гордий предстает и как кандидат, выдвинутый армянским царем на каппадокийский трон. Своим воцарением Гордий обязан военному вмешательству Тиграна. В конфликте с Римом в 92 г. армянские войска выступили гарантом его правления при полном соблюдении нейтралитета со стороны Понта.

¹⁸ Союзники (*συνμαχοί*) прибыли в составе римской армии вместе с Суллой из Италии.

¹⁹ καὶ πολλοὺς μὲν αὐτῶν Καππαδοκῶν πλείονας δ' αὐτῆς Ἀρμενίων προσζητοῦντας ἀποκτείνας (Plut., Sylla, 5). Это сообщение Плутарха осталось незамеченным Д. Маджи, писавшим: «Ни Тигран, ни Митридат не осмелились ему (Сулле. — Р. М.) сопротивляться, и армяне поспешно эвакуировали Каппадокию, забрав с собой Гордия и, вероятно, узурпатора, сына понтийского царя» (Magie D. Roman Rule in Asia Minor to the end of the third century after Christ. V. I. Princeton, 1950, p. 206).

²⁰ Манасерян Р. Л. Процесс образования державы Тиграна. — ВДИ, 1982, № 2, с. 136.

²¹ Это сообщение Юстина интересно и тем, что содержит указание на непричастность Митридата к выступлениям Тиграна и Гордия.

на нейтралитет Понта, армянское вторжение 92 г. в Каппадокию в сенате объяснили очередными происками Митридата, уже зарекомендовавшего себя опасным противником Рима на Востоке; на него и возлагалась всецело ответственность за изгнание Ариобарзана и воцарение Гордия — действия, к которым он менее всего был причастен. За Гордием, в прошлом наместником Митридата и исполнителем его воли, видимо, прочно укрепилась репутация понтийского ставленника, а покровительствовавший ему Тигран — в эти годы вершитель дел в Каппадокии (и зять Митридата) — не рассматривался в сенате как главный участник событий. С точки зрения сената все «беззакония» на Востоке могли исходить только от Митридата. Подобное заблуждение могло лишь способствовать дальнейшему ужесточению позиции Рима в отношении понтийского царя.

Политическое сближение Армении и Понта началось с брака Тиграна с дочерью Митридата Клеопатрой (94 г.), что, кстати, также могло привести к укреплению сената во мнении о причастности Митридата к последовавшему вскоре за этим нападению на римского ставленника. Брак Тиграна с понтийской царевной знаменовал установление дружественных отношений между Арменией и Понтом перед лицом римской угрозы и подтверждал взаимный отказ Митридата и Тиграна от применения силы в отношениях между ними. Сложившийся в 93—91 гг. союз Армении и Понта был направлен против экспансии Рима в Каппадокию и являлся по своим масштабам и задачам союзом регионального значения. Вместе с тем сближение Тиграна с Митридатом, начавшееся в 94 г. в обстановке нарастающего обострения отношений Армении с Парфией (после присоединения Софены), на первых порах должно было обеспечить тыл Армянского царства со стороны Понта. Митридат, вынужденный придерживаться нейтралитета в военном конфликте 93—92 гг., пытался по мере возможности воздействовать на ход событий. Согласие Тиграна сделать Клеопатру армянской царицей, казалось, должно было открыть перед Митридатом возможность оказывать влияние на политику Тиграна. Последующие события показали несостоятельность подобного расчета.

Как уже говорилось, в 92 г. в Каппадокии Тигран потерпел серьезное военное поражение, и на последовавших тотчас приевфратских переговорах оба великих противника Армении, Рим и Парфия, выступили с угрозой общими силами подавить поднимающееся государство. Складывавшаяся вокруг Армении враждебная обстановка требовала от Тиграна еще большей активизации борьбы. В 91 г., согласно Аппиану (*Mithr.* 10), в Каппадокию вторглись войска Митраоса и Багаоса, как правильно предполагает Т. Рейнак, полководцев Тиграна ²². Новое изгнание Ариобарзана, восстановленного год назад Суллой и признанного Митридатом II Парфянским, следует расценить как ответ Тиграна на римско-парфянские переговоры 92 г. о дружбе и военном союзе. Из свидетельства Аппиана известно, что на этот раз вследствие третьего военного вмешательства Тиграна во главе Каппадокийского царства встал Ариарат IX, сын Митридата. Сообщение Аппиана ставит перед нами вопрос, заслуживающий специального рассмотрения: почему в 91 г. на троне Каппадокии был восстановлен не Гордий, но Ариарат IX?

Исчезновение с политической сцены Гордия и вторичное воцарение понтийского принца, т. е. переход Каппадокии под владычество Митридата (91—90 гг.), можно объяснить прежде всего серьезными изменениями в позиции армянского царя, что было вызвано военной угрозой Армянскому государству со стороны Парфии. Тигран согласился на установление в Каппадокии понтийского господства только в 91 г., когда готовность Парфии оказать Риму военную помощь, заключить против Армении симонию вынудила его прекратить конфронтацию с Римом в Каппадокии.

²² *Reinach*. *Op. cit.*, p. 115. С Рейнаком согласны: *Манандян*. Ук. соч., с. 31; *Grousset R. Histoire de l'Arménie*. P., 1973, p. 86.

Вторичное воцарение Ариарата IX в 91 г. знаменовало не только конец двухлетнего преобладания Армении в Каппадокии, но также и крутую перемену в политическом положении каппадокийской знати. Тигран отказывался поддерживать борьбу каппадокийцев за независимое государственное существование. Каппадокия — фиктивное царство Ариарата IX — подпадала под прямое господство Митридата, включалась в состав Понтийского государства.

В сочинении Юстина (XXXVIII, 3) сохранилось сообщение об имевшей место договоренности между Тиграном и Митридатом, которая предусматривала, с одной стороны, переход Каппадокии под власть Понта, а с другой — захват Армянским царством людей и движимой собственности в стране. Политические цели Тиграна в Каппадокии в 93—92 гг. исключают отнесение этой договоренности к походам армянских войск в 93—92 гг. Сообщение Юстина, несомненно, относится к походу 91 г.²³ Оно существенно дополняет представление об обстоятельствах присоединения Каппадокии к Понту в 91 г. Как видно из свидетельства Юстина, вчерашний покровитель и защитник превратился во врага, который, прежде чем передать Каппадокию под владычество Понта, напоследок ее опустошил.

Этим же действиями Тигран подрывал на будущее всякую возможность возобновления добрососедских и союзнических отношений с каппадокийской знатью. Но это же беспощадное обхождение со вчерашним союзником свидетельствует о его решимости сосредоточить все свои силы на борьбе с возросшей парфянской угрозой и на некоторое время не возобновлять антиримской политики. В новой ситуации Тигран, уже лишенный свободы действий, чувствуя угрозу с тыла, счел наиболее правильным уступить гегемонию над Каппадокией Митридату, укрепить союз с Понтом. Таким образом, следует констатировать, что военная интервенция Тиграна в Каппадокию в 91 г. по своим целям и последствиям принципиально отличалась от его военных акций 93—92 гг.

В освещении истории каппадокийского конфликта, сталкиваясь с обилием фактического материала у Помпея Трога, Юстин максимально сокращает изложение событий и, как уже отмечалось, склонен концентрировать внимание на их исходе. Так, отмечая первое вторжение войск Тиграна в Каппадокию в 93 г., Юстин пишет: *Primo igitur adventu Tigranis Ariobarzanes, sublati rebus suis, Romam contendit* («При первом же нападении Тиграна Ариобарзан собрав свое имущество, бежал в Рим») и тут же заключает: *atque ita per Tigranem rursus Cappadocia juris esse Mithridatis coepit* («И, таким образом, с помощью Тиграна Каппадокия снова перешла под власть Митридата»). Приведенная цитата целиком исчерпывает сообщение Юстина о военных акциях Тиграна в Каппадокии. Юстин полностью опустил события 92 г., включая каппадокийский поход Суллы, поражение войск Тиграна, повторное воцарение Ариобарзана и римско-парфянскую встречу. Юстин отмечает конечный результат борьбы 93—91 гг. Тем самым три похода войск Тиграна в Каппадокию (против Ариобарзана в 93 г., против армии Суллы в 92 г. и вновь против Ариобарзана в 91 г.) оказываются представленными в виде одного. Последнее обстоятельство и послужило основанием для идущего от Т. Рейнака заблуждения, когда результат третьего по счету похода армянских войск (91 г.), а именно повторное воцарение Ариарата IX (91—90/89), был приписан их первому походу (93 г.)

В изложении Юстина после перехода Каппадокии под владычество Митридата, чтобы восстановить у власти Ариобарзана, прибывает на Восток уже не Сулла, поход которого Юстин предаст забвению, но Маний Аквиллий. С отмеченным переходом Каппадокии под господство Митридата Юстин непосредственно связывает дипломатическую миссию Мания Аквиллия (в 89 г.). Это обстоятельство, очевидно, свидетельствует в пользу

²³ К 91 г. относит это сообщение Юстина Т. Рейнак (op. cit., p. 115).

трактовки сообщения Юстина как указания на результат именно третьего похода войск Тиграна в Каппадокию ²⁴.

В последующие годы (90—89 гг.) Тигран готовился к войне против Аршакидской державы. Ее угрожающая позиция показывала, что сколько-нибудь серьезное выступление Армении против Рима может быть легко парализовано с Востока. Очевидно, к этому периоду относится завершение Тиграном военной реформы — создание конницы, обучение парфянским приемам ведения боя. В войне с Аршакидами кавалерия нового образца доставила ему победу. На период с 85 по 66 г. Парфия сошла на положение второстепенной державы, утратив ведущую роль в переднеазиатском регионе. Тем не менее даже после своего поражения Аршакиды остались серьезными противниками Армении на Востоке.

Новую фазу в своем противоборстве римской экспансии на Востоке Тигран открыл в 83 г., подчинив Сирию, Финикию и Равнинную Киликию. Тигран отдавал себе отчет в том, что переход под его власть наследства Селевкидов (почти всего азиатского побережья Восточного Средиземного моря) чреват большим столкновением с Римом, в которое, он, однако, теперь был готов вступить во главе сил созданной им державы, объединявшей обширные территории Переднего Востока. Правильную характеристику деятельности Тиграна в этот период дал Цицерон: имея в виду участие армянского царя в каппадокийском конфликте и его последующие военно-политические акции в Восточном Средиземноморье, Цицерон отмечал, что «... он (Тигран. — *P. M.*), совершая беззакония по отношению к нашим союзникам, можно сказать, развязал против нас войну» (... *ille iniuriis in socios nostros inferendis bello prope nos lacessisset*) ²⁵ и «вступил в борьбу почти за владычество» (*qui de imperio paene certavit*) ²⁶.

Р. Л. Манасерян

THE STRUGGLE OF TIGRANES II AGAINST ROMAN EXPANSION IN CAPPADOCIA

R. L. Manaseryan

There has been considerable backing (Reinach, Manandyan, E. Will) for the opinion that Tigranes' campaign in Cappadocia in 93—91 B. C. was undertaken, not with a view to his own political purposes, but in the interests of Mithridates Eupator. The fact is that in 93 when Tigranes had driven Ariobarzanes (installed by Rome) out of Cappadocia he did not hand the country over to Mithridates, as is generally supposed, but wishing to please the Cappadocian nobility, whose aim was to achieve independence from both Rome and Mithridates, he helped them put the local pretender Gordius on the Cappadocian throne. Tigranes' object was to prevent Rome from establishing hegemony over the states bordering on Armenia to the west. His idea was to have Cappadocia militarily dependent on Armenia, in effect as a buffer between Armenia and Rome's possessions in Asia Minor. The severe defeat inflicted upon the Armenian army in Cappadocia by Roman forces under Sulla's command in 92 and the Parthians' offer to conclude an alliance against Armenia in 91 roused Tigranes to cede Cappadocia to Mithridates.

²⁴ Одновременно с Ариобарзаном Маний Аквиллий восстановил на троне Никомеда IV. Излагая вифинские события, Юстин поступает характерным для него образом: говоря о кончине Никомеда III (94 г.), он представляет события так, будто наследовавший тому Никомед IV был немедленно изгнан Митридатом. Юстин и здесь опускает события 93—91 гг., заполненные конфликтными отношениями между Никомедом III и его братом Сократом Хрестом.

²⁵ *Cic., Pro P. Sestio oratio*, 27, 58.

²⁶ *Cic., Pro P. Sestio oratio*, 27, 59.

РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ИСПАНИИ В ПЕРИОД РАННЕЙ ИМПЕРИИ

Важное место в экономике рабовладельческого общества занимало ремесленное производство, которое в I—II вв. достигло в Средиземноморье значительного развития. В свое время Н. А. Машкин отмечал, что ремесленное производство в одной из областей римского мира, в Испании, было развито сравнительно слабо; отсюда шло главным образом сырье для италийских мастерских, а готовая продукция, наоборот, ввозилась в страну из Италии и Галлии¹. Но более тщательное знакомство с различного рода источниками показывает, что было бы неправильным рассматривать испанские провинции лишь в качестве источника сырья; Испания не только удовлетворяла собственные потребности в продуктах питания и основных видах ремесленных изделий, но большое количество их вывозилось отсюда в другие части империи и пользовалось широкой известностью в Средиземноморье.

В современной испанской историографии нет специальных трудов, посвященных характеристике ремесленного производства; оценка ему дается лишь в общих работах по экономике Испании, занимая в них незначительное место². Правда, в последнее время появился ряд работ, посвященных отдельным, наиболее важным отраслям ремесла, например производству гарума, керамическому производству³, основой для которых послужили многочисленные находки фрагментов испанских амфор как в Италии, так и на территории западных провинций.

Основными источниками по данной теме являются свидетельства античных авторов (Плиния Старшего, Марциала, Страбона), археологический материал, а также надписи, касающиеся развития ремесел в Испании. В последние годы вышло несколько изданий, содержащих подборки надписей по отдельным городам Испании, в том числе обнаруженных после издания CIL; среди них «Римские надписи Тарраконы» Г. Альфельди (далее — RIT), «Латинская эпиграфика Сагунта» Ф. Бельтрана, «Римские надписи Барселоны» С. Бигорры (далее — IRB)⁴.

Тем не менее среди исследователей нет единого мнения по ряду вопросов, касающихся сферы ремесленного производства испанских провинций в период Ранней империи, что побуждает еще раз обратиться к анализу материала по проблеме, сосредоточив особое внимание на вопросах об общем уровне развития ремесленного производства в Испании, соотношении различных отраслей, юридическом статусе ремесленников и их профессиональных объединениях.

Одним из наиболее распространенных в Испании было металлургическое производство, главным образом добыча и первичная обработка металлов. Уже в глубокой древности славу Пиренейскому полуострову создали богатства его недр: Страбон, ссылаясь на Посидония, рассказывает легенду о том, что во время лесного пожара серебро и золото расплавились, выйдя на поверхность и образовав целые реки (Strabo, III, 2, 9). Исклю-

¹ Машкин Н. А. История древнего Рима. М., 1956, с. 448.

² Historia de España Alfaguara. V. 1. Madrid, 1973; Historia de España por dir. M. Pidal. V. 2. España Romana. Madrid, 1962; Estudios de economía antigua de la Península Iberica. Barcelona, 1968; Blázquez J. M. Historia economica de la Hispania Romana. Madrid, 1978.

³ Ponsich M., Tarradel M. Garum et industries antiques de salaison dans la Méditerranée occidentale. P., 1965; Beltrán Lloris M. Las ánforas romanas en España. Zaragoza, 1970; Tchernia M. A. Les amphores vinaires de Tarraconaise et leur exportation au debut de l'Empire. — AEA, 1971, 44; La Peña J. F. Alfares y marcas de anforas del Valle medio del Guadalquivir. — AEA, 1967, 40.

⁴ Alföldy G. Die römischen Inschriften von Tarraco. B., 1975; Beltrán Lloris F. Epigrafía latina de Saguntum y su territorio. Valencia, 1980; Bigorra Mariner S. Inscripciones romanas de Barcelona. Barcelona, 1973.

чительное значение испанских рудников отмечал К. Маркс: «Эксплуатация испанских серебряных рудников Карфагеном и позднее Римом оказывала в древнее время приблизительно такое же действие, какое оказало на современную Европу открытие американских рудников»⁵. Необычайное богатство Испании металлами было предметом восхищения древних авторов. Страбон отмечал, что металлами полна вся страна и «нигде на земле не находили столько золота, серебра, меди и железа в естественном состоянии и такого достоинства» (Strabo, III, 2, 8). К нему присоединяется Плиний Старший: «Вся Испания изобилует месторождениями свинца, железа, меди, серебра и золота. Ближняя [Тарраконская Испания] в свою очередь производит также гипс, в то время как Бетика — сурик. Есть также мраморные карьеры» (Plin., NH, III, 30).

На основании сведений литературной традиции и результатов археологических раскопок можно представить себе карту размещения основных испанских рудников, в которых добывались металлы в римскую эпоху. Золото добывали в Астурии, Галлеции и Лузитании (Strabo, III, 3, 5; Plin., NH, XXXIII, 78), а также в песке многих крупных рек — Тага, Бетиса, Ана и их притоков⁶. О серебряных рудниках Плиний Старший писал: «они имеются почти во всех провинциях Римской империи, но самые замечательные из них — это рудники в Испании... когда здесь открывают жилу, то есть уверенность, что рядом находится и другая» (Plin., NH, XXXIII, 96). Крупные серебряные рудники существовали у Нового Карфагена (Strabo, III, 4, 6), в областях около Илипы и Сасапона в Бетике (Strabo, III, 2, 3); сереброносный свинец добывали на рудниках близ Кастулона (из-за обилия серебра гора в окрестностях этого города получила название Mons Argyrus — Strabo, III, 2, 11). Много серебра было на северо-востоке Лузитании (Strabo, III, 2, 9).

Свинец в большом количестве имелся в Бетике, на рудниках близ Кастулона и Уэльвы, в Кантабрии (Plin., NH, XXXIV, 158), а также в Лузитании. Медь добывали в Montes Mariani (совр. Сьерра Морена) в Бетике, а также на руднике в Випаске в Лузитании (CIL, II, 1581). Крупные рудники по добыче меди находились в западной части современной Андалузии. Кроме того, в Бетике и Кантабрии добывали железную руду; добывали в Испании и киноварь (сурик), которая, по словам Страбона, была не хуже Синопской земли (т. е. красной краски из Каппадокии — Strabo, III, 2, 6).

Таким образом, в системе Римской империи Испания играла важную роль, поставляя металлы, служившие в основном сырьем для ремесел Италии, а также некоторых провинций, в том числе галльских. Металлы отправлялись в Рим после первичной обработки на местных рудниках, где они переплавлялись в слитки. Частично руды использовались и в Испании, создавая базу для развития собственного металлургического производства.

Добытую руду непосредственно на рудниках дробили вручную или на каменных мельницах, а затем промывали, для чего строили специальные сооружения. На одном из рудников возле Нового Карфагена археологами были обнаружены девять бассейнов для промывки руды⁷. Затем металл, судя по остаткам от шлака, переплавляли в болванки в плавильнях рудников. Видимо, владельцами плавилен в I в. н. э. были свободные люди, а непосредственно в производственных операциях по переплавке металла были заняты их рабы и отпущенники. Рабов и отпущенников — плавильщиков серебра и меди, работавших на своих господ или патронов, упо-

⁵ Маркс К. К критике политической экономии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 138.

⁶ Например, в эпиграммах Марциала Таг постоянно имеет эпитет «златоносный» (auriferum) — Mart., X, 96, 3; XII, 2, 3; X, 17, 4.

⁷ Blázquez J. M. Economía de la Hispania romana republicana. — Hispania, 1973, 33, p. 223.

минает устав из рудного поселка в Випаске: *servi et liberti flatorum argentariorum aerariorum qui flaturis dominorum patron[orumque] operam dant* (Vip, I, 7-CIL, II, 5181). Плавильни упоминаются и в другом документе из этой же области (Vip, II=ИЛН, 792, § 5), где речь идет о том, что вся добытая руда должна доставляться в плавильни (*in officinas*) от восхода до захода солнца, что свидетельствует о строгом учете добытого металла. О выплавке серебра в Испании пишет Страбон: «Руда дробится рабочими и ее пропускают в воде через сита; затем осадок снова дробят и опять, процедив и слив воду, раздробливают; потом пятый осадок плавится» (Strabo, III, 2, 10). Не только чистая руда, но и шлак (*scoria*) подвергался обработке. Устав из Випаски устанавливает для этого особые правила. Лица, желающие «очищать, дробить, жечь, заготавливать, ломать, просеивать, промывать серебряные и медные шлаки, шлак и остатки от шлаков», могут направлять на эту работу рабов и наемных рабочих (*servos mercennariosque*), о чем должны заявить в трехдневный срок, а также обязаны уплачивать за это ежемесячно определенные суммы арендатору рудника; в случае неуплаты закон присуждает заплатить вдвойне (CIL, II, 5181).

Оглитый в болванки металл переправлялся в Рим и западные провинции, о чем свидетельствуют археологические находки. Например, в проливе Бонифачо, между островами Корсика и Сардиния, обнаружено 10 болванок меди в форме диска, вес которых колеблется от 22,5 до 24 кг. Их внешний вид подобен болванкам меди, обнаруженным в Планье, во Франции, которые имеют форму круглых хлебов; вес наименьшей — 10,5 кг, вес наибольшей — 95,5 кг. По форме букв они датируются I в. н. э. Болванки из пролива Бонифачо происходят из Картагены (Нового Карфагена) и портом их назначения была Остия, болванки из Планье — из Уэльвы⁸. В Майорке, на побережье Лас Салинас, было обнаружено 17 болванок свинца, который, вероятно, везли в Рим из рудника, расположенного в Тарраконской провинции. Они датируются 79—81 гг. на том основании, что имеют либо императорские титулы, либо сокращенные имена Веспасиана и Тита. Это свидетельствует о том, что данный рудник был владением императора; на болванках свинца сохранились клейма арендаторов рудных жил (их имена — Луций Манлий, Нумерий Мевий Апр, Квинт Корнут, Публий Эмилий Галл)⁹. Судя по именам, это были свободные люди, но для разработки рудных жил они использовали рабов и наемных рабочих (*servi et mercennarii*), которых упоминает устав из Випаски. Кроме того, в рудниках использовали труд осужденных (*damnati ad metalla*), о чем свидетельствуют многочисленные находки оков на территориях рудников¹⁰.

Как показывают эпиграфические источники, наемными работниками были коренные жители Испании, имевшие навыки в горном деле. В частности, на рудниках Юго-Западной Испании обнаружено немало надписей, упоминающих свободных лиц, среди которых много выходцев из Лузитании и Галлеции, что дало повод говорить об определенном миграционном движении¹¹. Видимо, свободные люди выполняли более квалифицированные и менее тяжелые работы, в частности, они могли заниматься и переплавкой добытых металлов. Можно назвать следующие имена свободных лиц — уроженцев Испании на рудниках юго-запада: Камалюс (судя по имени, лузитанец или галл) и Ребуррин из Каstellлюм Беренсе на северо-востоке, жители лузитанского города Талабриги (*talabrigenses*)

⁸ Blázquez. *Historia económica...*, p. 125.

⁹ Veny C. Diecisiete lingotes de plomo de una nave romana de las Salinas (Mallorca). — *Ampurias*, 1969—1970, 31—32, p. 191 ss.

¹⁰ Blanco Freijero A., Luzon Nogue J. M. *Mineros antiguos españoles*. — *AEArq*, 1966, 39, p. 78.

¹¹ *Ibid.*, p. 84.

расположенного между Бракаравгустой и Конимбригой ¹². В надписях упоминаются и женские имена: в надписи, найденной близ Ароче, Вибия Криспа из Арабриги (*arabrigensis* — CIL, II, 967), в надписи из Алогто — женщина из Олизипо (CIL, II, 959). Надгробие Фабии Приске из Серпензы (CIL, II, 974), умершей в возрасте 20 лет, поставили родители — отец, Гай Геминий Приск, и мать, Фабия Кадилла, что говорит о наличии в рудниковых районах семей свободных работников. Документы из Випаски упоминают живших на территории рудного поселка женщин и детей, причем, их, видимо, было много — устав предписывал особые часы для мытья женщин — от восхода солнца до седьмого часа дня (*praestare delecto a prima luce in horam septim[am] diei mulieribus* — CIL, II, 5181 = Vip. I, 3). В поселке, видимо, существовала школа, так как в уставе названы школьные учителя (*ludi magistri*), которые по распоряжению прокуратора рудника освобождались от повинностей (там же). О применении женского и детского труда в рудном деле источники не сообщают ничего.

В рудниках Кастулона недавно открыта надпись, посвященная 20-летнему юноше по имени *Paternus*, принадлежавшему к *gentilitas* кантабров оргономесков ¹³. На основании подобных надписей из рудников Юго-Западной Испании, датированных II в. н. э., Х. М. Бласкес, не приводя других доказательств, полагает, будто они указывают на перемены в системе эксплуатации в рудном деле во II в., которые заключались в переходе от использования рабского труда к применению труда свободных ¹⁴. Нам кажется, что как в I в., так и во II в. на рудниках использовался труд и рабов, и свободных, хотя, возможно, процент свободного труда во II в. на рудниках увеличивается, причиной чему могло служить, в частности, и такое явление, как разорение мелких свободных собственников, которые были достаточно многочисленны в этот период в северо-западных районах Испании.

Широкая разработка рудных залежей в Испании требовала соответствующих орудий труда — молотов, кирок, лопат, клиньев и др., которые, вероятнее всего, изготовлялись здесь же, а не ввозились извне, как и другие необходимые орудия труда из металла, в частности, для сельскохозяйственных работ. Надписи из Испании называют немало ремесленников, связанных с обработкой различных металлов. Так, сохранились надписи из различных городов Испании, упоминающие медников. Из Гиспалиса дошла надпись на большой доске из мрамора (время Флавиев), которую посвятила группа медников (*confectores aeris*) Титу Флавия Полихрису, отпущеннику Августа, прокуратору императорского рудника на Марианской горе (*T. Flavio Aug. lib. Polychryso proc. montis Mariani praestantissimo* — CIL, II, 1179). Объединившись, они поставили почетную надпись лицу, от которого непосредственно зависело их материальное благополучие и ход работ. Х. М. Сантеро считает это объединение ремесленной коллегии, а Тита Флавия Полихриса их возможным патроном ¹⁵.

В Кордубе сохранилось надгробие, к сожалению, значительно испорченное, которое содержит имена восьми членов отпущеннической семьи (пять мужчин и три женщины), среди которых есть два указания на их профессию медников: первый — *C. Octavius Av... Felix aerarius*, другой, согласно восстановлению Хюбнера, — *C. Octavius T. C. L., Primus a[er]i a [rius]* — CIL, II, 2238. Видимо, можно рассматривать эту надпись как надгробие семьи медников-отпущенников. Наконец, меднику Апру (*aerarius Aper*) из Тарраконы RIT, 441 посвящена весьма пространная эпитафия

¹² Blanco (Freijero) A. *Antigüedades de Riotinto*. — *Zephyrus*, 1962, 13. p. 92 ss.

¹³ D'Ors A., Contreras R. *Orgonomescos en las minas romanas de Sierra Morena*. — *AEArq.*, 1959, 32, p. 167.

¹⁴ Blázquez. *Historia económica...*, p. 147.

¹⁵ Santero Santurino J. M. *Asociaciones populares en Hispania Romana*. Sevilla, 1978, p. 126.

в стихах, что очень редко для Испании, датируемая III в. Надпись сделана на большом блоке серого известняка (60 × 235 × 50 см) (по мнению Альфельди, это лишь часть надгробного памятника, разрушенного позже). Судя по столь редкому для Испании надгробию, Апри, очевидно, был свободным и состоятельным человеком.

Среди мастеров-металлистов можно назвать оловянщика (*plumbarius*) Эмилия Ассара из Тарраконы (CIL, II, 6108 = RIT, 440). Надгробная надпись, поставленная ему женой, сохранилась на постаменте статуи из серого известняка (62 × 47 × 38 см) и датируется второй половиной II в. — первой половиной III в. Из надгробия из Гиспалиса известно имя Фрутония Брокка, занимавшегося торговлей или обработкой железа (*Frutonium Broccus negotians ferrarius* — CIL, II, 1199). В поздней (239 г.) надписи из Сегисамоны упоминается гвоздарь (*clavarius*) Пелагий, возможно, раб, судя по имени (CIL, II, 5812).

Были в Испании и оружейники. В частности, нам известен изготовитель панцирей (*loricarius*) Корнелий Априлис из Астиги в Тарраконской провинции, который «радно исполнял обет» в честь богов и богинь (*Dis Deabus ascrum. Cornel. Aprilis loricarius libens animo solvit* — CIL, II, 3359): сохранилось лишь небольшое основание воздвигнутой им статуи. В Валенсии существовала мастерская военных значков (*fabrica alas* [?] *et signorum*), во главе которой стоял некий Амплиат, посвятивший вместе с Каллироей и отпущенниками (*Ampliat... et Callirhoe et lib[ertil]*) надпись Вирии Акте (CIL, II, 3771)¹⁶. Интересно, что вместе с этой надписью было найдено несколько других, также посвященных Вирии Акте (CIL, II, 3772, 3773, 3774). Это обстоятельство, а также то, что надписи были найдены в окрестностях форума¹⁷, свидетельствует о высоком положении Вирии Акты в обществе, хотя, судя по имени, она могла быть несвободного происхождения, но, как видно из надписи, сама имела отпущенников и рабов, а также мастерскую в Валенсии. Амплиат был скорее всего одним из отпущенников Вирии Акты и управлял принадлежащей ей мастерской.

Из литературной традиции нам известно о производстве оружия в ряде городов Испании, в том числе и в Бильбилье, в Тарраконской провинции, на родине Марциала, для которого Бильбила — «славная сталью», «гордая сталью» (Mart., I, 49; XII, 18). Здесь существовало производство, которое превосходило славу нориков и халибов (Mart., IV, 55). Мечи из Бильбилы завоевали славу среди римлян благодаря своей исключительной закалке. Интересно, что собственных рудников здесь не было (Plin., NH, XXXIV, 144), и металлургическое производство снабжалось железом из соседних районов. Высокое качество испанских мечей происходило, по мысли древних, от исключительных свойств воды из реки Салона. Плиний писал, что различие в сортах железа зависит от закалки, а она в свою очередь от вод, в которые погружается раскаленное железо: «Этой единственной операции достаточно, чтобы создать репутацию и славу многих городов... таких, как Бильбила и Туриако в Испании, Кумы в Италии» (XXXIV, 144; ср. Mart., IV, 55). Подобное ремесло существовало и в других областях Испании — в долине Ибера, в Кантабрии, Галлеции, Бетике¹⁸.

Следует указать, что, поскольку название мастерской в надписи частично испорчено, то в разных изданиях даются различные ее названия. Кроме использованного нами прочтения (см. Штаерман Е. М. ИЛН, № 447. — ВДИ, 1955, № 4, с. 224) существуют и другие. Так, Хюбнер предлагает читать *fabrica auraria* или *armorum et signorum*. (CIL, II, 3771), Перейра Менаут — *fabrica ararum et signorum*, т. е. мастерская по производству алтарей и статуй (*signa*) для фамильного или общественного культа (Pereira Menaut G. *Inscriptiones romanes de Valentia*. Valencia, 1979, p. 58). Эта надпись, известная с XVI в. в настоящее время утрачена.

¹⁷ См. Pereira Menaut. Op. cit., p. 12.

¹⁸ Dolc M. *Simblanza arqueológica de Bilbilis*. — AEArq, 1954, 27, p. 189.

С обработкой металлов, главным образом драгоценных, была в значительной степени связана и работа ремесленника-ювелира. Надписи называют имена нескольких лиц, занимавшихся ювелирным делом. Так, в Валенсии работал серебряных дел мастер (*argentarius vasclarius*) Луций Юлий Аполавет, надгробие которому поставила супруга ¹⁹. О производстве в Испании серебряной посуды пишет Плиний, причем сообщает любопытный факт: «В правление Клавдия его раб Друзиллиан, по имени Ротунд, диспенсатор Ближней Испании, имел пятисотфунтовое (серебряное) блюдо, для изготовления которого пришлось сперва выстроить мастерскую, а восемь его помощников — по пятидесятифунтовому» (Plin., NH, XXXIII, 145) ²⁰. Естественно, что для производства этих необыкновенных блюд нужны были умелые мастера.

Золотых дел мастер (*aurifex*) Луций Юний Юкунд работал в Таррако-не. Вместе с некоей Фабрицией он оставил надпись на плите из серого известняка, датируемую I в. (CIL, II, 4434 = RIT, 446). Известно также имя позолотчика (*inaurator*) из Тарраконы Агафокула (*Agathocules*), раба Корнелии Крусейды, происходящего из г. Виенны в Галлии (CIL, II, 6107 = RIT, 394). Датируется надпись началом империи. Возможно, что надгробие поставила сама госпожа ²¹.

Таким образом, несмотря на крайне ограниченный круг источников, можно видеть, что металлургическое производство получило достаточно широкое развитие в Испании в I—II вв., особенно на рудниках, где шла непосредственная обработка добытой руды. Мы видим представителей различных специальностей, связанных с обработкой металлов, — медников, мастеров по обработке железа, оловянщика, гвоздаря, изготовителя панцирей. Значительного развития достигает ювелирное производство, основанное на обработке драгоценных металлов. Надписи сообщают имена позолотчика, мастеров по обработке золота и серебра. Все это свидетельствует о наличии глубокой специализации в ремесленном производстве Испании.

Важное место в экономике испанских провинций занимали ремесла, связанные с переработкой продукции сельского хозяйства. Особо широкое развитие получило производство оливкового масла. Упоминания о маслинах в источниках многочисленны. Маслина росла в Испании на побережье Средиземного моря, а также на значительной части побережья Атлантического океана (Strabo, III, 4, 16). Плантации маслин находились в Бетике, не случайно в одной из эпиграмм Марциала Бетис появляется «с венком на кудрях, сплетенным из веток оливы» (Mart., XII, 98, 1). Плиний пишет, что в Бетике маслины высаживают на очень жирной почве (NH, XVII, 31) и получают от них обильные урожаи (NH, XVII, 94). Особенно ценились маслины из Лузитании, росшие около Эмериты (Plin., NH, XV, 17). Свидетельства литературной традиции единодушны в похвалах испанскому маслу (Strabo, III, 2, 6; Plin., NH, XV, 8; Mart., V, 16; VII, 28). Важную роль маслиноводства в экономике Испании отмечают и современные исследователи ²². Хотя в нашем распоряжении нет источников, позволяющих проследить сам процесс изготовления испанского масла, тем не менее можно утверждать, что он был аналогичен таковому в дру-

¹⁹ CIL, II, 3749. Судя по имени, возможно, он был отпущенником.

²⁰ Цит. по: Смирин В. М. Рабство в римской Испании. — В кн.: Штаерман Е. М., Смирин В. М., Белова Н. Н., Колосовская Ю. К. Рабство в западных провинциях Римской империи в I—III вв. М.: Наука, 1977, с. 58.

²¹ В Эмерите работал также специализировавшийся на обработке драгоценных камней ювелир — «жемчужник» Сильван, сын Арпестея (*Silvanus Aristaei fil. margaritarius*), умерший в возрасте 80 лет, надгробную надпись которому поставил его отпущенник и наследник *Pr[ati]m[us]*? (или *Pr[otu]s*?) — CIL, II, 496. Как считает В. М. Смирин, последний мог наследовать и само ремесло своего бывшего господина (Смирин. Ук. соч., с. 49).

²² Мишулин А. В. Античная Испания. М., 1952, с. 52; Сергеев М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.—Л., 1958, с. 125, 133.

гих районах империи, в том числе и Италии. Масло производили на виллах, о чем говорят находки прессов и давлений, обнаруженных, в частности, на виллах Ла Кокоса, Лиедена, Тосса де Мар и др.²³

Продажей масла занимались специальные люди, особенно если речь шла о вывозе из страны. В Испании существовала профессия разливателя масла (*diffusor olearius*). Им был Марк Юлий Гермесиан из Астиги в Бетике (CIL, II, 1481). Надгробие ему поставили сын, Марк Юлий Гермес Фронтиниан, и внук, Марк Юлий Гермеспан. Интересны сами имена представителей этой семьи: они говорят о том, что и разливатель масла и его потомки были или провинциалами, получившими римское гражданство, или отпущенниками²⁴. Лица этой профессии, видимо, не только разливали масло, купленное у производителей, они же занимались торговлей маслом в Испании и в других районах империи. Например, сохранилось надгробие Гая Секстия Регулиана, разливателя масла из Бетики (*diffusor olearius ex Beatica*, с. *Sextius Regulianus*— CIL, VI, 29722), который торговал в городе Лугудуне в Галлии; надпись ему посвятила корпорация разливателей масла из Бетики (*corpus diffusorum oleariorum*), куратором которой он являлся. Члены этой корпорации занимались в Галлии не только розливом, но и продажей бетийского масла.

Одной из важных отраслей испанского хозяйства было изготовление особых рыбных приправ (*muria*, *garum*), пользовавшихся широкой известностью в Римской империи. Одна из них (*muria*) представляла собой рассол из тунца (*faber*), вторая (*garum*), более дорогая, изготовлялась из скумбрии. О приготовлении гарума пишет Плиний Старший. Из его рассказа можно понять, что делали его из внутренностей скумбрии, которые после извлечения из рыбы помещали в небольшие бассейны, заполненные соленым раствором. После этого «полуфабрикат» разливали в открытые горшки и выставляли на два месяца на солнце (?). Затем содержимое процеживали и в специальных небольших сосудах, кувшинах или амфорах отправляли в Италию и другие страны. Плиний отмечал, что в его время «особо ценился гарум, сделанный из скумбрии продавцами рыбы в Новом Карфагене... Скумбрию эту ловят жители островов Мавретании, Бетики, г. Картеий, и она не употребляется ни на что другое» (XXXI, 93). Тут же он замечает, что за исключением духов нет ничего, что бы стоило так дорого и имело такую же известность, как гарум. «Гисперийский рассол» из скумбрии упоминает вскользь Марциал (XIII, 40). Возможно, высокая цена объяснялась сложностью изготовления, а может быть, в рассол добавляли какие-либо дорогостоящие компоненты.

Страбон писал, что помещения для засола рыбы имелись во многих городах — Малаге, Секси (III, 4, 2), Новом Карфагене, Мелларии, Белоне (III, 1, 8); в Бетике перерабатывалась не только местная рыба, но и доставляемая с остального побережья (III, 2, 6). В результате археологических раскопок открыто много подобных помещений для производства солений. Комплексы по производству гарума находились в 26 населенных пунктах, расположенных по побережью Испании, среди которых такие города, как Ибица, Хавеа, Секси, Торрокс, Картея, Виллавьеха, Белон, Уэльва²⁵. Некоторые археологические находки свидетельствуют о широте и размахе производства рыбных солений, приносившего немалые доходы. Так, в Картее было раскопано помещение для засола, имеющее 6 бассейнов объемом 20 куб. м; в Виллавьехе солельня имела 9 отделений

²³ О находках прессов см. *García y Bellido A.* Dos «villae rusticae» romanas recientemente excavadas.— AEAq, 1953, 26; *Beltrán Martínez A.* La «villa» romana de Liédana (Navarra).— AEAq, 1951, 24; *Historia económica y social de España*, dir. por Vázquez de Prada. V. I. Madrid, 1973.

²⁴ Федорова Е. В. Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982, с. 95.

²⁵ *Ponsich M., Tarradell M.* Garum et industries antiques de salaison dans la Méditerranée occidentale. P., 1965.

различных размеров, общим объемом от 40 до 50 куб. м ²⁶. Наиболее полный комплекс открыт в Белоне (близ совр. Болоньи), но и он представляется исследователями лишь малой частью общего большого производства. Здесь открыты пять ансамблей: первый состоит из 6 бассейнов на берегу моря, общим объемом 20 куб. м (из них два небольших для гарума), второй — из 9 бассейнов объемом от 40 до 50 куб. м, объединенных вокруг одного двора, третий представляет собой зал, вокруг которого собрано несколько бассейнов, объемом 35 куб. м; четвертая группа включает 8 бассейнов в одном помещении и 2 меньших размеров в соседнем (как считают, для гарума) общим объемом 40 куб. м. Наконец, пятый ансамбль состоит из 6 бассейнов объемом от 30 до 40 куб. м, помещенных в одном зале ²⁷. Большинство этих комплексов построено в период правления Августа.

Интересно, что некоторые из комплексов для производства рыбных консервов связаны с виллами. Например, в Сан Педро де Алькантара, в 45 км к западу от Малаги, найдены остатки трех небольших бассейнов, а также развалины виллы с термами ²⁸. Подобную картину можно наблюдать в Пунта дель Ареньяль, в Хавеа (совр. провинция Аликанте), где размещалось наиболее северное из известных на сегодня испанских производств рыбных консервов ²⁹. Правда, исследователи отмечают, что здесь производился не гарум, а другие виды изделий из рыбы, о чем свидетельствует сам вид комплекса, отличающегося от южных комплексов. Здесь обнаружено 13 бассейнов различных размеров, пруд-садок для живой рыбы, размером $28 \times 7 \times 4$ м, соединенный с морем каналами, а также остатки виллы, из которой происходят основания колонн, расписная штукатурка, остатки керамики и т. п. Основная масса материала приходится на I—II вв.; видимо, в этот период производство процветает, сосуществуя с виллой. После 150 г. по неизвестной причине комплекс по производству рыбных консервов и вилла были разрушены, но второй период в деятельности производства начинается почти сразу же, с конца II в. и длится до конца III в. Интересно отметить, что именно к первому периоду относятся лучшие строения, а также бассейны, выбитые в скале. На втором этапе деятельности вилла не отстраивается заново, зато более интенсивно ведутся постройки хозяйственного комплекса: строится 11 новых бассейнов различных типов и размеров. Видимо, хозяева, переселившиеся в другое место, предпочли не отстраивать виллу, а использовать землю для расширения производства, несомненно приносившего им немалые доходы. Таким образом, мы видим, что владельцы прибрежных вилл использовали местоположение для получения дополнительных прибылей.

Произведенная продукция вывозилась за пределы Испании, особенно вывоз солений возрастает в I—II вв. и это не случайно: включение Испании в общеперскую экономическую систему открыло новые рынки, в том числе и самого Рима, что явилось стимулом для более активного развития этой отрасли производства. Для вывоза гарума использовались специальные амфоры типа Дрессель 7-11, которые обнаружены по всему Западному Средиземноморью, а также на территории Галлии и Германии ³⁰. О значении данной отрасли хозяйства говорит и то, что на монетах многих южных городов Испании изображались тунцы и другие рыбы, как, например, на монетах Гадеса, Секси, Илипы, Кумбарии, Асидо, Ластиги, Оссонобы, Абдеры и др. ³¹ Таким образом, производство рыбных консервов занимало

²⁶ Blázquez J. M. Estructura económica de la Bética al final de la República Romana y a comienzos del Imperio. — Hispania, 1967, 17, p. 29.

²⁷ Ponsich, Tarradell. Op. cit., p. 86—87.

²⁸ Ibid., p. 83.

²⁹ Martín G., Serres M. D. La factoria pesquera de punta de l' Arenal y otros restos romanos de Javea (Alicante). Valencia, 1970.

³⁰ См. Blázquez. Historia económica..., p. 120—121.

³¹ См. Guadán A. M. Numismática ibérica e ibero-romana. Madrid, 1969.

важное место в экономике Испании, причем работало оно главным образом на экспорт.

Важное место в экономике Испании занимало производство тканей, хотя источники сообщают немного об этом виде ремесла. Испанские ремесленники занимались, в частности, обработкой шерсти овец, особенно из Бетики. Она была широко известна в тот период, служила для производства парадных тог и зимних плащей (*lascernae Baeticae* — Mart., XIV, 133). О вывозе из Испании тканей и шерстяных плащей пишет Страбон (III, 2, 6). Производство шерстяных тканей требовало наличия специального оборудования. В уже цитировавшейся надписи из Сегисамона (CIL, II, 5812) назван мастер, занимавшийся изготовлением шерсточесалок (*pectenarius*), — Валерий Кандид, возможно, вольноотпущенник. В Испании, как и в других частях империи, существовали, видимо, сукновальные мастерские, в которых трудились и свободные, и отпущенники, и рабы. Нам известны представители некоторых профессий: сукновалы (*fullo*) из Сегисамона, отпущенник Бебий Валодд и Элен, вероятно, раб (CIL, II, 5812), работник, занимавшийся обработкой шерсти (*lanificus*) из г. Тукци в Бетике (CIL, II, 1699).

Производство тканей было связано с их окраской. Испания славилась натуральными красителями³². Занимались здесь и изготовлением пурпура, что досталось в наследство от финикийян. Двое ремесленников, изготовлявших пурпур (*purpurarii*), известны нам по надписям: оба проживали в Бетике — один в Кордубе (CIL, II, 2235), другой — в Гадесе (CIL, II, 1743). Красильщик (*infector*) Либерал жил в Обулконе в Бетике (CIL, II, 5519, конец II в. или начало III в.) Судя по краткости надписи и по имени, он мог быть рабом³³.

Ткани изготовлялись не только из шерсти, но и из льна. Лен часто упоминается в литературных источниках, особенно у Плиния Старшего, который называет основные районы культивирования этой культуры и дает ей высокую оценку. В I в. лен из Сетабиса и окрестностей Тарраконы славился как лучший в мире. Упоминает Плиний и заклийский лен, который «завезли в Италию и который особо пригоден для охотничьих и рыболовных сетей. Лен этот выращивается в Испании, между Галлецией и океаном» (Plin., NH, XI X, 10). Как умелые льноводы были известны жители г. Эмпория (Strabo, III, 4, 9). Согласно Страбону и Плинию, лен шел на изготовление сетей, а главное, тканей. «Необычайно тонкие и красивые ткани» являлись продукцией г. Салации (Strabo, III, 2, 6; Plin., NH, VIII, 73). Из Тарраконы дошла надпись позднереспубликанского времени на иберийском языке, которая сообщает имя иберийской женщины — ткачихи льна (*Fulvia lintearia* — CIL, II, 4318a = RIT, 9, ныне утрачена), что подтверждает наличие доримских традиций в обработке этой культуры в Испании.

Производство тканей предопределяло наличие людей, занимающихся изготовлением одежды. Надпись из Кордубы в Бетике (к сожалению, плохо сохранившаяся) называется портного (*vestifarius*) — CIL, II, 2240), а в Гиспалисе существовала коллегия портных (*l[et] corpus centonnari[et]orum*), состоящая из 100 человек и созданная по милости императора Антонина Пия, которому члены коллегии в благодарность за это посвятили надпись (CIL, II, 1167). Подобная коллегия засвидетельствована и в Тарраконе (CIL, II, 4318 = RIT, 436). От надписи сохранился лишь небольшой фрагмент, к тому же ныне утраченный: *colleg... cent....* Видимо, речь идет о посвятителем или надгробном камне. Как полагает Г. Альфельди, посвятителем мог выступать патрон *colleg(ium) cent(onariorum)*, а возможно, *colleg(ium) [fabrum et] cent(onariorum)*.

³² Среди прочих продуктов, вывозимых из страны, Страбон (III, 2, 6) называет «большое количество кермеса» — красителя малинового цвета, добываемого из чешуи насекомых, и «киновари, которая не хуже Синопской земли». О рудниках по добыче киновари (*minium*) в Сисапоне, в Бетике см. Plin., NH, XXXIII, 118—121.

³³ Смирин. Ук. соч., с. 48.

Вывоз из Испании масла, вина, гарума и других подобных продуктов повлек за собой значительное развитие керамического производства, в первую очередь изготовления амфор, служивших тарой для них. Большое количество гончарных мастерских обнаружено по берегам Бетиса (Гвадалквивира), где гончары использовали речную глину главным образом для производства больших, почти сферических амфор для транспортировки масла. Немало гончарных печей обнаружено и в других местах. Типы римских керамических горнов в Испании изучены Д. Флетчером³⁴. Попытку подсчитать возможное количество амфор, производимых в одной из печей в Катриа (район по реке Гвадалквивир, между Севильей и Кордубой), сделал Х. Ремезаль³⁵. Учитывая величину печи и амфор, он подсчитал, что при одном обжиге в такую печь помещалось 36 амфор. Объем каждой из производимых амфор — около 70 л, следовательно, за один раз изготавливали амфоры общим объемом 2500 л. Он допускает, что амфоры могли помещаться в печи и рядами, в этом случае за один раз обжигалось 79 амфор общим объемом 5500 л. Если принять эти расчеты, то даже горн с минимальной производительностью (36 амфор), совершая два обжига в неделю, за пять месяцев работы (май — сентябрь) производил тару для 100 000 л масла. Уже одна эта цифра свидетельствует о широких масштабах производства оливкового масла в Бетике. Автор отмечает, что район Катриа, расположенный в 2 км к юго-востоку от Лора дель Рио, на левом берегу Гвадалквивира, вообще представлял собой исключительное место в плане производства амфор. Здесь обнаружено почти 600 фрагментов амфор, содержащих клейма, но что особенно интересно, среди них выделяется 84 варианта различных штампов (для сравнения — в Пуэрто эль Барко найдено около 400 экземпляров штампованной керамики, но среди них насчитывается только 13 видов различных штампов)³⁶.

Можно назвать такие штампы, как PP, AA, 110 AE et ..., III ENNIULI, QQ LL, II QQ et CFS и т. д. Обычно представлены члены одной семьи, только в последнем случае — группа из трех лиц, одно из которых принадлежало к другой фамилии. Единообразие штампов Катрии на протяжении большого периода времени (от правления Клавдия до III в.), а также частое присоединение термина *portus* позволили Ремезалу Родригесу прийти к выводу о том, что горны Катрии были собственностью муниципия или фиска и производство тары было поручено *conductores*, подчиненным строгому контролю фиска или муниципия³⁷. Различие штампов объясняется множеством печей и было введено с целью отличия их продукции одной от другой. Веретенообразные амфоры высотой 95—100 см производились в области леетанов в Тарраконской провинции³⁸. В этом районе обнаружены четыре мастерские на расстоянии 20—50 км к северо-востоку от Барселоны, которые были заняты производством этого типа амфор. К ним можно добавить горн, обнаруженный при раскопках виллы Торре Лаудер в Матаро³⁹. Производство этих амфор приходится на послед-

³⁴ *Fletcher Valls D.* Tipología de los hornos cerámicos romanos de España. — *AEArq*, 1965, 38, p. 170—174. Флетчер выделяет четыре основных типа горнов: 1) горны с круглой печью (в качестве примера можно назвать 12 круглых горнов из Albalat dels Tarongchers, пров. Валенсия, 4 м диаметром, со стенами, выложенными из камней, обмазанных глиной, горн в местечке Ла Рокета в Каталонии и др.); 2) горны овальной формы (например горн в Борриоль, пров. Кастельон); 3) горны прямоугольные, с одним очагом (горн из Вальс де Укс, пров. Кастельон, горны из Ампурии, из Эсихи в Андалузии и др.); 4) горны прямоугольные, с двумя очагами (например горн в Ла Каргadora в пров. Валенсия, прямоугольный в плане, с двумя сводчатыми удлиненными очагами).

³⁵ *Remesal Rodríguez J.* La economía oleícola bética: nuevas formas de análisis. — *AEA*, 1977—1978, 50—51, p. 87—142.

³⁶ *Ibid.*, p. 100.

³⁷ *Ibid.*, p. 119.

³⁸ См. *Tchernia M. A.* Les amphores vinaires de Tarraconaise et leur exportation au début de l'Empire. — *AEArq*, 1971, 44, p. 38—85.

³⁹ *Ribas Beltrán M.* La villa romana de la Torre Llauder de Mataro. Madrid, 1966.

ние годы республики — II в. н. э., а предназначались они для вина. Особенно много остатков амфор данного типа обнаружено на западе Нарбоннской провинции и в Аквитании, что свидетельствует о вывозе испанского вина в эти районы империи.

Испанские гончары не ограничивались лишь производством амфор. Во времена Марциала большой известностью в Риме пользовались гончарные изделия из Сагунта в Тарраконской провинции (Mart., IV, 46; VIII, 6; XIV, 108). Здесь добывали особый сорт глины, из которой делали сосуды для вина и масла (*vasa Saguntina*). Исследователи отмечают, что сосуды конкурировали на внешних рынках с галльскими и экспортировались в Аквитанию, Остию, порт Рима, и другие места ⁴⁰.

Значительное место в керамическом ремесле занимало производство строительных материалов: кирпича, черепицы, керамических труб для обогрева полов и стен. О черепичных мастерских упоминает муниципальный закон из Урсона в Бетике. Интересно заметить, что закон оговаривает число рабочих в черепичных мастерских: их должно быть не более 300 (CIL, II, 5439; XXVI) — *figlinas teglarias maiores tegularum CCC tegularium*. Хотя эта цифра кажется слишком большой для рабовладельческого общества ⁴¹, видимо, порой в подобных мастерских действительно работало значительное число рабочих. Можно привести еще надпись из Валенсии, в которой речь также идет о черепичной мастерской (правда, следует оговорить, что надпись хронологически выходит за рамки данной работы, она относится к III—IV вв.). Надпись была обнаружена недавно, в 1946 г., в позднеримском некрополе, среди остатков римской керамической мастерской. Она процарапана на еще не обожженной черепице твердым предметом, возможно, шилом. Надпись опубликована дважды ⁴², и оба ее издателя предлагают различное чтение, что связано с плохой сохранностью надписи. Если следовать прочтению Перейры, то первая часть надписи представляет собой послание Юлия (видимо, занимавшего пост управляющего данной мастерской), направленное собственнику мастерской. Юлий сообщает, что некий Анфим оплатил количество проданной черепицы. Число нельзя прочесть ясно. Вивес считает, что черепиц было 542. В ответ в надписи, сделанной чуть позже, но также на еще свежей черепице, хозяин пишет, что не согласен со счетом Юлия, так как насчитал на две черепицы меньше. Судя по надписи, речь идет скорее всего о небольшой мастерской в окрестностях Валенсии, выполнявшей мелкие заказы жителей города и окрестностей. По социальному положению Юлий, возможно, был рабом, судя по обращению к хозяину: *ago gratias domine*. Надпись интересна и тем, что вводит нас в круг повседневных забот простых испанских ремесленников. Испанские ремесленники умели изготавливать из особого сорта глины чрезвычайно легкие, полые кирпичи, которые не тонули в воде (Plin., NH, XXXV, 171). Таким образом, даже несмотря на недостаток материала, видно, что в Испании были развиты различные отрасли керамического производства, направленные главным образом на обслуживание потребностей местного населения.

Развивалось в Испании и каменотесное дело. Оно было связано прежде всего с добычей различных пород камня в каменоломнях. Работа в каменоломнях была необычайно тяжела, там использовали главным образом труд рабов. Посвятительная надпись из Лузитании, из местечка Виллависоза, неподалеку от Эборы, доносит до нас имя «мраморщика» (*marmorarius*) Гермеса, раба Аврелии Вибии Сабины, посвятившего алтарь местному божеству Эндовелику (*Deo Endovelice* — CIL, II, 133). Д'Орп

⁴⁰ Clavel M., L'éveque P. Villes et structures urbaines dans l'Occident Romain. P., 1971, p. 237.

⁴¹ Возможно, эта цифра означает число черепиц. Обычно керамические мастерские находились за пределами города.

⁴² Pereira Menaut. Op. cit., № 73; Vives J. Inscriptiones latinas de la España Romana. Barcelona, 1971, № 5876.

считает, что он работал в каменоломнях, непосредственно на добыче мрамора⁴³. Другой мраморщик, Публий Рутилий Синтроп, жил в Гадесе (CIL, II, 1724). Судя по имени, это был свободный человек и занимался непосредственно обработкой мрамора. В надписи говорится о том, что он за собственный счет выстроил в храме Минервы из мрамора нишу для богини. Из Альмаден де ла Плата, в 55 км от Севильи, происходит надгробная надпись, которую посвятили Луцию Альфию Лукану, 65 лет, его товарищи-мраморщики (conpragani marmorarienses). Значит, в данной местности существовал *pagus marmogarius*, где добывали мрамор.

О мастерской по обработке мрамора в Бетике говорит Плиний (NH, III, 15). Следует отметить, что искусство обработки мрамора развилось в Испании уже в период римского господства, так как в доримский период мрамор практически не использовался, а применялся известняк (на юге и востоке) или гранит (на севере и северо-западе)⁴⁴. Мангас отмечает большую роль в обработке мрамора выходцев из Греции; в частности, публикуя список 411 греческих имен рабов, большую часть из них он связывает с работами ремесленными или художественными⁴⁵.

Испанские мастера достигли значительных успехов в работе по камню, из местных мастерских вышло немало бюстов и памятников большой выразительной силы, подлинных шедевров провинциального искусства. Можно назвать хотя бы некоторые: в Бетике это священный алтарь I в. из Асты Реги, бюст Августа из Лора дель Рио, бюсты Ливии и Германика из Медины Сидониа, Нерона и Гальбы из Италики, женская голова эпохи Юлиев-Клавдиев из Муниципального музея в Хересе и т. д.; в Лузитании — коллекция бюстов Археологического музея, бюсты Августа и Ливии, найденные в Myrtilis (совр. Мертола), бюст Клавдия из Алькасер до Саль, Тиберия из Капарры и др. В Тарраконской провинции существовали значительные мастерские в Барселоне и Тарраконе, откуда вышли многие произведения, сделанные как из местного камня, так и из материала, привезенного из северо-восточных районов⁴⁶.

Это позволяет считать, что в испанских провинциях было немало ремесленников, работавших в мастерских по обработке камня. Среди них были и рабы. Сохранилась надгробная надпись из Кордубы, посвященная резчику рельефов (*caelator anaglyptarius*) Гаю Валерию Диофану, отпущеннику (CIL, II, 2243). Надгробие поставил его бывший хозяин Гай Валерий Зефир, тем самым почтив «своего преемника, отпущенника и преданнейшего воспитанника» (*su[c]c[less]o[r] em suum, lib. et alumnum indulgentissimum*).

Много камня требовалось и на строительство жилых домов, общественных зданий, мостов, акведуков⁴⁷ и т. п., которое велось в огромных масштабах, так как в период империи старые иберийские города исчезали и на их месте возникали новые, римского типа.

Две надписи из Италики (CIL, II, 1131, 1132) сообщают о наличии в этом городе рабочих — пильщиков камня (*serrarii*). Вторая надпись очень фрагментарна, а в первой — Марк Цецилий Александр посвящает мраморный камень *statio serrariorum Augustorum*. Как полагает Х. Сантеро,

⁴³ D'Ors A. *Epigrafía Jurídica de la España Romana*. Madrid, 1953, p. 78.

⁴⁴ Canto A. M. *Avances sobre la explotación del marmar en la España Romana*. — AEA, 1977—1978, 50—51, p. 184.

⁴⁵ Mangas Manjarres J. *Esclavos y libertos en la España Romana*. Salamanca, 1971, p. 57—60.

⁴⁶ Blázquez. *Historia económica...*, p. 135—136; García y Bellido A. *Esculturas romanas de España y Portugal*. V. 1—2. Madrid, 1949.

⁴⁷ Чтобы представить размах этого строительства, достаточно привести некоторые цифры: так, в Испании сохранились остатки 13 театров (в Тарраконе, Сагунте и других городах, в том числе в Эмерите на 5500 зрителей), 9 амфитеатров (в том числе в Италике, рассчитанный на 21 тыс. зрителей), 6 цирков (в Тарраконе, Сагунте, Эмерите и др.). Активно велось строительство мостов и акведуков, в том числе был построен знаменитый мост через р. Таг в Алькантаре (Касерес), всемирно известный акведук в Сеговии длиной более 5,5 тыс. м., акведуки в Тарраконе, Эмерите и т. д.

надпись свидетельствует о наличии в Италике коллегии рабочих данной специальности, которые были императорскими рабами⁴⁸. Работали они, судя по всему, в каменоломнях, которые принадлежали также императору. Надпись по термину *Augustorum* датируется периодом совместного правления Марка Аврелия и Луция Вера (161—168 гг.). Обширное строительство подразумевало наличие целой армии строителей, среди которых было немало людей, работавших с камнем. Возможно, именно строителями были каменщики (*lapidarius*) Луций Эмилий Квартин из Клунии (*CIL*, II, 2772) и Ребуррин из Кальдас де Визелла (*CIL*, II, 2404). В надписи на камне из серого известняка, датируемой II в. (*CIL*, II, 4085), Квинт Аттий Мессор сообщает, что он на свои деньги с помощью штукатуров и маляров (*per tector[es] et pictor[es]*) восстановил разрушившиеся от старости фронтоны и портики храма Минервы Августы (*exhedra[m] cum fronte templi Minervae Aug[ustae] vetustate corrupto*). Интересно, что Хьюбнер предлагал иное прочтение надписи, он считал, что Кв. Аттий Мессор сам был штукатуром и маляром, восстановившим этот храм. Но Альфельди (*RIT*, 39) предложил новое прочтение.

Таким образом, каменотесное дело также получает значительное развитие в Испании в период Ранней империи. Причем, в этом ремесле можно проследить определенное разделение труда. Одни группы ремесленников трудились в карьерах, на добыче различных пород камня (среди них большое место занимали рабы), другие работали в мастерских по изготовлению памятников, бюстов, надгробий, алтарей, третьи занимались строительными работами, связанными с камнем.

Заканчивая обзор основных ремесел, получивших развитие в испанских провинциях, хочется привести еще одну любопытную надпись, которая была обнаружена в г. Игабруме и датируется концом I — началом II в.⁴⁹ Под скульптурой, изображающей Нил, помещена надпись, из которой видно, что это был дар Тита Флавия Виктора *collegium illichiniariorum*. Существование подобной коллегии не отмечено в Римской империи, поэтому среди исследователей существуют разногласия в определении ее типа. Так, А. Бланко считает, что речь идет о *collegium siliginiariorum* (т. е. о коллегии хлебопеков, делавших пшеничный хлеб — *panes siligineus*)⁵⁰. А. Гарсиа-и-Бельидо считает, что скульптура изображает Изиду и что это была коллегия производителей светильников, т. е. дела, связанного с культом этого божества⁵¹. Наконец, И. Гиль полагает, что *illychiniarii* были производителями или торговцами фитилей для светильников, поскольку эта деятельность связана с Нилом, по берегам которого растет папирус — основной материал для производства фитилей⁵².

Надписи сообщают о профессиональных коллегиях различных типов. Так, в некоторых городах засвидетельствовано наличие *collegium fabrorum* (сам тип *fabri* не определяется). Такая коллегия существовала в Барсиноне (*CIL*, II, 4498), где отпущенник Нумерий Ауфустий Гомунций (*N. Aufustius Numuncio*), севи́р-августал, посвящает надпись Минерве как дар от *collegium fabrorum* данного города. Существовали подобные объединения и в Тарраконе. Так, Квинт Муррий Фалес принес в дар *collegium fabrum* часы (*horilegium* — *CIL*, II, 4316 = *RIT*, 435). Надпись сделана на небольшом постаменте из серого известняка, обнаружена в 1860 г. на одной из улиц города. В Тарраконе же найдена надпись, посвященная Теренцию Кандиду, который, возможно, был патроном *corpus* или *collegia fabrorum* нескольких городов (*RIT*, 351). Засвидетельствована коллегия центонариев в Тарраконе (*centonnarii* — *CIL*, II, 4318 = *RIT*, 436). В коллегии объ-

⁴⁸ См. *Santero Santurino*. Op. cit., p. 126—127.

⁴⁹ *Santero Santurino*. Op. cit., № 94, p. 122.

⁵⁰ *Blanco A.* El Nilo de Igabrum.— *Habis*, 1971, 11, p. 251—256.

⁵¹ *García y Bellido A.* Les religions orientales dans l'Espagne romaine. Leiden, 1967, p. 113—114.

⁵² *Gil Fernandez J.* Illychiniarus.— *Habis*, 1973, 4, p. 181—188.

единялись рабочие — пильщики камня (*serrarii*) из Италики (CIL, II, 1131, 1132), плавильщики меди (*confectores aeris*) из Гиспалиса (CIL, II, 1179). В Уксаме существовало объединение сапожников (*collegium sutorem* — CIL, II, 2818). Коллегия делает посвящение *Lugovibus*, возможно, это местное божество выступает в качестве патрона коллегии⁵³. В Испании существовала еще одна коллегия, которая не засвидетельствована в других частях империи. Это *collegium stratorum* из Тарраконы⁵⁴. В надписи идет речь об алтаре, которой посвятил Минерве Луций Валерий Флавий, исполнив обет в честь *collegium stratorum* Тарраконы. Хотя подобная коллегия неизвестна в римском мире, сам термин *strator* встречается в военных надписях, в том числе в одной надписи из той же Тарраконы (CIL, II, 4114 = RIT, 130 — *strator legio X Gemina*). На военной службе стратор — это рабочий, занятый строительством военных путей. А в данную колледию, по мнению Х. Сантеро, объединялись люди, занятые мощением улиц и дворов (*stratura*)⁵⁵.

Важное значение приобретает вопрос о том, имели ли ремесленники Испании в рассматриваемый период свои производственные объединения или нет. Е. М. Штаерман отмечала, что ремесленные объединения в Испании встречались гораздо реже, чем в Италии и Галлии⁵⁶. Действительно, до нас дошло сравнительно немного надписей, сообщающих о тех или иных объединениях ремесленников, но, видимо, этого еще недостаточно для того, чтобы сделать вывод о незначительном развитии таковых. На наш взгляд, развитие ремесленных коллегий имеет прямую связь с уровнем романизации провинций, который был достаточно высоким в испанских провинциях, особенно в Бетике и юго-восточной части Тарраконской провинции, и именно в этих районах должно было существовать немало профессиональных объединений. В недавно вышедшей книге Х. М. Сантеро «Народные объединения в Римской Испании» приводятся эпиграфические свидетельства о 122 коллегиях, из которых 36, т. е. почти 30%, автор считает профессиональными объединениями. Таким образом, можно полагать, что в Испании, как и в других романизованных районах империи, было немало коллегий чисто ремесленного характера. Большая часть из них существовала во II—III вв. Наибольшее количество коллегий было сконцентрировано в Бетике (в Гиспалисе — семь коллегий, в Кордубе, Малаке, Италике); в Тарраконской провинции они появляются в наиболее романизованных городах — в Тарраконе (пять коллегий), Новом Карфагене, Бракаравугсте. Из Лузитании не сохранилось ни одного упоминания об объединениях ремесленников. Это лишний раз подчеркивает связь, существовавшую между возникновением коллегий и определенным уровнем романизации.

Итак, источники свидетельствуют о достаточно высоком уровне развития ремесленного производства в испанских провинциях. Если сравнить сведения о развитии ремесел в Испании, содержащиеся в труде Страбона и относящиеся к периоду правления Августа, с более поздними, сообщаемыми Плинием Старшим или полученными из надписей, то можно

⁵³ См. *Santero Santurino*. Op. cit., p. 121. Следует попутно отметить, что это далеко не единственное упоминание о сапожниках в Испании. Они названы в надписях из Нового Карфагена (CIL, II, 5125, 5934), причем, в последней надписи им был отпущенник Луций Вергилий Гиляр (*L. Vergilius L. l. Hilagus*), имевший собственных отпущенников; сапожник из Сегисамона Автоний Миссил, также отпущенник (CIL, II, 5812). На руднике в Випаске (как, видимо, и на других рудниках) были также сапожники, закон охранял в этом случае интересы ремесленников, запрещая всем остальным заниматься починкой обуви. Исключение делалось лишь для тех, кто «поправляет или чинит свою или господскую обувь» (CIL, II, 5184, § 4). Таким образом, на рудниках сапожным делом могли заниматься и рабы, чинившие господскую (*domini*) обувь.

⁵⁴ *Santero Santurino*. Op. cit., № 95.

⁵⁵ *Ibid.*, p. 123.

⁵⁶ *Штаерман Е. М.* Кризис рабовладельческих отношений в западных провинциях Римской империи. М., 1957, с. 157.

увидеть, что в период Ранней империи здесь развивались традиционные отрасли ремесла, характерные и для более раннего периода, такие, как добыча и обработка металлов, производство масла, гарума, тканей. Заслуга римлян заключалась не в развитии здесь каких-либо новых отраслей, а в том, что они расширили и поставили на новую основу традиционные направления в развитии испанского ремесленного производства, подчинив его в значительной степени нуждам италийской экономики. Именно в I—II вв. эти традиционные отрасли достигают наивысшего уровня развития. Наблюдается развитие специализации в ремесленном производстве, выделение множества отраслей, например, в металлургии, обработке камня и других ремеслах, что влекло за собой высокое качество производимой продукции.

Испанские ремесла были направлены как на обеспечение нужд местного населения, так и на экспорт, куда шли такие необходимые товары, как предварительно обработанные металлы и продукты питания — масло, вино, а также некоторые дорогостоящие продукты, например гарум. Говоря о степени развития ремесел в первую очередь следует обратить внимание на то, насколько ремесло, удовлетворяло запросы местного многочисленного населения. В этом испанские ремесленники преуспевали, так как все необходимое производилось внутри страны, а ввозились в основном предметы роскоши⁵⁷. Это, на наш взгляд, заставляет пересмотреть точку зрения о незначительном развитии испанских ремесел.

В. И. Армичева

⁵⁷ Список ввозимых товаров см. *Frank T. An Economic Survey of Ancient Rome*. V. 3. Baltimore, 1937, p. 185—187; *West L. C. Imperial Roman Spain; the Objects of Trade*. Oxf., 1929, p. 89—91.

SPANISH HANDICRAFT PRODUCTION IN THE EARLY EMPIRE

V. I. Armicheva

The author discusses Spanish handicraft of the 1st and 2nd centuries A. D., in particular: metallurgy, especially the extraction of the metal and part of the preparatory work on it; the processing of agricultural products; production of ceramics; stonemasonry. She finds that handicraft production was on a fairly high level in the Spanish provinces of the Empire. Its products went to securing the needs of the local population and also of the export trade, which it provided with basic products such as partially processed metals and food — olive oil, *garum* and wine. The author sees a connection between the level of handicraft production and that of Romanization in the Spanish provinces which allows her to find in the latter an economic phenomenon also. One manifestation of Romanization in Spain's economy was the expansion of associations (*collegia*, corporations and the like) some of which were production units. For example, there is evidence of the existence of such associations in the mining industry (a law from Vipasca) and the same applies to other branches of industry. The author gives much attention to analysis of the work force, the correlation of the different categories of workmen — slaves, freedmen and free men. She finds that there was a considerable penetration of slave labour into Spanish, industrial handicraft.

ЧАСТНОЕ ПИСЬМО

В ГРЕКО-РИМСКОМ ЕГИПТЕ II—IV вв. н. э.

КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Понятие литературного факта принадлежит поэтике. То или иное явление быта (шарады, дневники, письма) при определенных условиях становится частью «язычной словесности». С одной стороны, возникает соответствующий признанный жанр (литературное письмо, мемуары и т. п.), с другой — «олитературируются» дневники и письма, не предназначенные для публикации¹.

Известно, что «профессиональная» греческая эпистолография стала «подлинно художественным жанром» лишь в первые века нашей эры². Папирологи также отметили литературность бытового греческого письма II—IV вв.³ Х. Циллиакус констатировал вторжение риторики в письмо и объяснил это риторическим школьным образованием. Сугубая функциональность и деловитость посланий заменяется многоречивостью, склонностью к отступлениям, изысканной вежливостью⁴. А. Москади находит в письмах из архива Теофана (первая половина IV в. н. э.) аттицизмы, поэтические выражения, литературные реминисценции, развитую риторическую культуру — плод второй софистики, которая к концу IV в. дала такие шедевры эпистолографии, как послания Либания, Юлиана Отступника, каппадокийских отцов церкви⁵. По мнению Х. Коскенниemi, революцию совершила греческая литературная теория. Теоретики видели в письме замену дружеского разговора, средство поддержания родственных и дружеских связей на расстоянии. До II в. н. э. такое понимание было свойственно лишь узкому кругу образованных людей, а все прочие посылали деловые записки, расписки и т. п. Лишь со II в. воззрения, родившиеся еще в среде ранних перипатетиков, распространяются вширь, охватывая массу пишущих⁶. Влияние античной теории письма отметил и Г. Х. Юти⁷.

Названные историки и филологи истоки литературного факта ищут и находят в сфере культуры: литературной теории, образования; психология, мораль, социальные отношения остаются за скобками. Со своей стороны, историки, изучающие психологию и мораль, пытаются выделить их в чистом, беспримесном виде, оставляя за скобками стиль; литературная сторона письма ими игнорируется. Так, крупнейший папиролог А. Кальдерини сетовал на общие эпистолярные формулы, скрывающие лицемерие

¹ Ю. М. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 264—267.

² История греческой литературы. Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. Т. III. М., 1960, с. 145. Что касается латинской эпистолографии, то здесь, по мнению Т. И. Кузнецовой, заслуга создания художественного письма принадлежит Плинию Младшему (см. в кн.: Античная эпистолография. Очерки. М., 1967, с. 129).

³ Это наблюдение было сделано лишь в 50-е гг. Еще в 1928 г. К. Прео доказывала, что греко-египетские письма — «не малая литература перед лицом большой, они даже не образуют среднего звена между литературой и разговором; они более кажутся застывшим разговором, лишенным всех живых элементов» (*Preau C. Quelques caractères des lettres privées grecques d'Egypte.* — *CdE*, 1928, 7, p. 149; но и К. Прео отмечала изменение стиля с конца III в. н. э. — p. 154—155).

⁴ *Zilliacus H. Selbstgefühl und Servilität. Studien zum unregelmässigen Numerusgebrauch im Griechischen.* Copenhagen — Helsingfors, 1953. S. 76—78; *idem.* Zum Stil und Wortschatz der byzantinischen Urkunden und Briefe. — In: *Akten der VIII Internationalen Kongresses für Papyrologie.* Wien, 1955. Wien, 1956, S. 158.

⁵ *Moscadi A. Le lettere dell'archivio di Teofane.* — *Aegyptus*, 1970, 50, p. 98—99.

⁶ *Koskenniemi H. Studien zur Idee und Phraseologie des griechischen Briefes bis 400 n. Chr.* Helsinki, 1956, S. 70.

⁷ *Youtie H. Ch. Scriptiunculae posteriores.* P. I. Bonn, 1981, p. 331—334.

и убогость мысли. Свою задачу он видел в поиске искренности, индивидуальных черт, отклонений и нюансов ⁸.

При этой постановке вопроса перемены стиля ясно видны, но не учитываются, а перемены психологии и морали либо не видны вовсе, либо сводятся к проникновению христианства. Например, Ф. Жокс отрицает всякие новшества в христианских и вообще позднеантичных письмах из Египта ⁹. Условия жизни египетского крестьянина, по его мнению, не менялись на всем протяжении греко-римского тысячелетия, неизменными пребывали и психология, и мораль. Отклонения, наблюдаемые в письмах образованных людей, Ф. Жокс относит за счет стиля: здесь с литературной патетикой описываются «литературные» бедствия ¹⁰. «Литературность» как бы не связана с психологией и моралью. Нужно-де отбросить ее, чтобы понять, что ничто не изменилось. Ф. Смолка, изучая психологию солдатских писем, находит в них черты старые, как мир, извечно присущие солдатам: страх перед командиром, постоянные жалобы на нехватку денег, расчеты на получение отпуска ¹¹. Тот факт, что эти черты видны только в посланиях римской эпохи, он объясняет переменой стиля: эти письма, в отличие от птолемеевских, демонстрируют солдата как частное лицо ¹². Но чем обусловлена смена стиля? Остался ли солдат как частное лицо неизменным, если изменилось его изображение?

Ссылки на внедрение христианства дают возможность исследователям преодолеть статичность картины. Так, А. Кальдерини отнес на счет новой религии чувства уважения и сострадания, проникшие в переписку между бедными и богатыми ¹³. По мнению Д. Г. Уинтера, христианство влило новую струю доброты, милосердия, симпатии и надежды ¹⁴. Эту точку зрения опроверг Д. Тибилетти, который провел семантический анализ писем III—IV вв. с целью выявить особенности и различия мироощущения христиан и язычников ¹⁵. Таких особенностей не оказалось. Переход в христианство не менял кардинально привычки, образ мыслей и способы их выражения. Были отдельные нюансы: христианин просил адресата помолиться за него, язычник сообщал, что преклонит за него колени. Библейские фразы и термины вытесняли привычные. Но эти новации не означали перемены психологии ¹⁶. Между тем Д. Тибилетти не отрицает колоссальных перемен в III—IV вв. в политической, социальной, культурной и религиозной сферах. Если переход в христианство ничего не значил, то где истоки новой духовности ¹⁷?

Как нам представляется, ключ к познанию психологии и морали писем II—IV вв. лежит в области поэтики. Сам стиль письма должен стать историческим источником. Необходимо понять, чем вызвано изменение стиля, превращение письма в литературный факт.

Х. Коскенниemi описывал стиль прежде всего на основании вводных

⁸ *Calderini A. Pensiero e sentimento nelle lettere private greche dei papiri. — Studi della Scuola papirologica. V. 2. Milano, 1917, p. 10, 18—19.*

⁹ *Joze F. Le christianisme et l'évolution des sentiments familiaux dans les lettres privées sur papyrus. — Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, t. VII, fasc. 4, Budapest, 1959, p. 411—420.*

¹⁰ *Ibid.*, p. 414.

¹¹ *Smolka F. Lettres de soldats, écrites sur papyrus. — Eos, 1929, 32, p. 164.*

¹² *Ibid.*, p. 154.

¹³ *Calderini. Pensiero...*, p. 27.

¹⁴ *Winter J. G. Life and Letters in the Papyri. Ann. Arbor, 1933, p. 176, 190.*

¹⁵ *Tibiletti G. Le lettere private nei papiri greci del III^e IV secolo d. c.: Tra paganesimo e cristianesimo. Milano, 1979.*

¹⁶ *Ibid.*, p. 127—128.

¹⁷ Характерно некоторое разочарование историков в ценности писем как исторического источника. По мнению Э. Вишницкой, большинство писем принадлежит людям малообразованным, не привыкшим выражать свои проблемы и чувства. Более же интересные послания отражают образ мыслей высших слоев, который и без того известен по литературным свидетельствам (*Wipszycka E. Remarques sur les lettres privées chrétiennes des II^e—IV^e siècles (A propos d'un livre de M. Naldini). — JJP, 1974, 18, p. 206—207).*

и заключительных формул. Между тем, если подходить к письму как к явлению литературы, не менее важна его основная часть. Попробуем выделить ее элементы.

Трактат «О стиле» (I в. н. э.), приписываемый Деметрию Фалерскому¹⁸, определяет письма следующим образом: «Сжатое выражение дружеского расположения и рассказ (ἔκθεσις) о простых вещах простыми словами»¹⁹. В греко-египетских письмах рассказ вводился формулами: хочу, чтобы ты знал (γινώσκεις σε θέλω и т. п.), разъясняю тебе (φανερὸν σοι ποίω). По мнению Д. Тибилетти, данные слова отделяют вступление от основной части²⁰. Однако основная часть могла обходиться без рассказа, и тогда эта формула не употреблялась. Непременным элементом основной части был не рассказ, а просьба (требование, мольба, поручение, приказ и т. п.). Как отметил Х. Стеен, приказы и требования появляются в письмах чаще других оборотов речи вследствие делового характера большинства посланий²¹. Рассказ и просьба — не новость для писем II—IV вв., они присутствовали в них и прежде; обновилась прежде всего форма этих элементов, сделавшись риторически приподнятой. Стояло ли за этой патетикой новое содержание, а за содержанием новые чувства, или мы имеем дело с чисто формальным явлением?

До II в. н. э. рассказ в основном повествовал о хозяйственных делах, а просьба сводилась к посылке вещей и денег. Со II в. н. э. в письмах речь все чаще идет о физическом и психическом состоянии корреспондентов²², прежде всего о болезни и смерти. Укажем лишь на три наиболее представительные антологии писем. Собрание С. Витковского охватывает птолемеевскую эпоху, подборка Б. Ульссона — раннеримскую (от начала римского владычества до конца I в. н. э.). Антология М. Нальдини включает христианские письма II—V вв. Если первая хрестоматия (всего — 72 письма) содержит два мимолетных упоминания о болезни (Ер. priv. gr. 70; 35) и одно — о смерти (еще не состоявшейся) (Ер. priv. gr. 8), а вторая (всего — 80 писем) — три краткие упоминания о болезни (Р. Olsson 44; 45; 48), то третья (всего 97 писем) — 14 сообщений о болезни и смерти (Р. Naldini 8, 32, 34, 35, 53, 54, 60, 61, 72, 74, 76, 78, 81, 93). Все это — не удивительно. Как отметил Э. Ауэрбах, «христианской антропологии с самого начала было свойственно подчеркивать в человеке все, что в нем подвержено страданиям, все преходящее в нем»²³. В. Сираго в литературных источниках увидел страх римлян II в. н. э. перед болезнью и смертью: одни, подобно Элию Аристиду, не скрывали его, другие, как Марк Аврелий, демонстрировали свое мужество, но все боялись и трепетали²⁴.

Уже в письмах I—II вв. болезнь выступает в роли отговорки, оправдания. Так, некий Аполлоний извиняется перед арсиноитским гимнасиархом Хайремоном за невыполнение какого-то дела: «Если бы мой сын не был ужасно болен» (Р. Olsson 45, 14—70—80 гг. н. э.). Он же приводит слова служителя гимнасия (пайдокора): «После жатвы я буду работать, теперь же я болен» (Р. Olsson 44, 5—6—70—80-е гг. н. э.). Некая Тепнетсокис оправдывается перед сестрой за опоздание с посылкой фигов: «Если бы я не

¹⁸ О сомнительности авторства Деметрия Фалерского см.: Миллер Т. А. — в кн.: Античная эпистолография, с. 5 сл.

¹⁹ *Demetr., De elocutione*, 231. Пер. Н. А. Старостиной и О. В. Смыки. — В кн.: Античные риторика. М., 1978, с. 274.

²⁰ *Tibiletti. Le lettere...*, p. 68.

²¹ *Steen H. A. Les clichés épistolaires dans les papyrus grecs.* — *Classica et mediaevalia*, v. I, fasc. 1—2, 1938, p. 123.

²² Ср. замечание Б. Ульссона о повышении эмоциональности писем во II в. н. э. по сравнению с письмами I в. (Р. Olsson, S. 11—12).

²³ Ауэрбах Э. Мимесис: Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976, с. 253.

²⁴ *Sirago V. A. Involutione politica e spirituale nell'impero dell II sec. Napoli*, 1974, p. 395—396.

была больна, я послала бы их много раньше» (Р. Tebt. 414, 9—10 — II в. н. э.). Стратег Аполлоний, «не будучи в состоянии из-за болезни плыть на судебное заседание», просит адресата представить его в суде (Р. Оху. 726—135 г. н. э.). С нагнетающими повторами солдат расписывает болезнь и какие-то беспорядки, помешавшие ему отправиться к отцу: «Ибо тогда такой приступ болезни... и пять дней я не мог ни отправиться к тебе, ни выйти за ворота лагеря не мог никто из нас» (Р. Mich. 478, 6—13 — начало II в. н. э.). Тот же автор, Клавдий Теренциан, сообщает отцу Клавдию Тибериану, что не нашел, с кем послать письмо, так как был болен (Р. Mich. 477, 36 — начало II в. н. э.). Из-за болезни приглашенные не прибыли на свадьбу (Р. Оху. 3133, 7—8 — II в. н. э.). На болезнь ссылались также в официальных документах как на причину неявки в суд²⁵, освобождения от литургии²⁶. В приведенных письмах болезнь почти не описывается: в крайнем случае говорится, что она «ужасна». Рассказа как такового почти нет. Нет и просьбы, ибо единственная цель пишущего — оправдаться перед адресатом. Исключение — письмо стратега Аполлония, где болезнь автора вынуждает его просить о помощи.

Подлинно развернутый рассказ, сопровождаемый экспрессивными просьбами, появляется со II в. Лучшее свидетельство его распространенности — рождение клише. Приведем пять рассказов о болезни, а затем выделим из них клишированные элементы. Начнем с письма Тициана жене: «Поскольку случился нарочный к вам, я решил написать тебе о том, что со мной приключилось: я был схвачен болезнью надолго и даже не мог пошевелиться. Когда же болезнь моя стала легче, мои глаза начали гноиться и появилась трахома, и я ужасно страдал, и (болели) другие части моего тела, так что я был близок к операции, но — слава богу! Мой отец, из-за которого я, несмотря на болезнь, оставался здесь, еще болен до сих пор, и из-за него я еще на месте. Итак, сестра, укрепись душой, пока бог не приведет меня к вам благим путем. И того ради я беспрерывно молюсь богу, пока он не приведет меня обратно к вам благим путем. Болеют все в доме, мать и все рабы, так что некому нам услужить, но обо всем всегда просим бога»²⁷. Автор другого письма, Иуда, упал с лошади и состояние его плачевно: «Если я хочу перевернуться на другой бок, то не могу этого сделать сам, без помощи двоих людей и даже некому подать мне глоток воды» (Р. Оху. 3314, 8—10 — IV в. н. э.). Боязнь беспомощности движет автором следующего послания. Он еще здоров, но сакраментальная фраза о глотке воды наготове: «Как бы я не оказался больным и неспособным налить себе глоток воды или... что иное из этих вещей» (Р. Naldini 81, 15—18, — IV в. н. э.).

Уже известный нам воин Клавдий Теренциан сообщает своему отцу Клавдию Тибериану: «Болезнь теперь нешуточная, так что я нуждаюсь в том, чтобы меня кто-то кормил, в чем ты убедишься, прибыв в город» (Р. Mich. 477, 37—39 — начало II в. н. э.). И, наконец, приведем слова некоей женщины: «Это я написала тебе, болея, чувствуя себя ужасно, почти не в состоянии подняться со своего ложа, ибо весьма плохо чувствую себя» (Р. Naldini 60, 7—11 — IV в. н. э.).

²⁵ Sudhoff K. *Arztliches aus griechischen Papyrusurkunden: Bausteine zu einer medizinischen Kulturgeschichte des Hellenismus*. Lpz, 1909, S. 201.

²⁶ См. например, Р. Mich. 426—199—200 гг. н. э. — жалоба Гемелла Гориона на назначение к литургии, несмотря на одноглазие. По мере роста литургий к этому предлогу, по-видимому, прибегали все чаще. Септимий Север был вынужден даже издать постановление: «Непродолжительные болезни граждан не освобождают их от литургий; пусть и физически больные исполняют повинности, если они достаточно здоровы для заботы о своих делах» (Р. Col. 123, IX, 35—39). Ср. также письмо Корнелия стратега Аполлонию с просьбой освободить какого-то человека от повинностей в связи с погребением брата (Р. Giss. 65 а — эпоха Траяна).

²⁷ PSI 299 = Р. Naldini 8 = Sel. Pap. 158, 2—17 — конец III в. н. э.

При всей своей многоречивости эти рассказы содержат ряд штампов. Первый из них — немота, неспособность автора к каким-то действиям. Тициан не может пошевелиться (μη δύνασθαι μηδὲ σαλεύσθαι), женщина не может встать со своего ложа (μη δυναμένη ἀναστῆναι), Иуда не может перевернуться на другой бок. Немошь описывается с целью показать нужду автора в помощи, необходимость участия. Тициан смиренно констатирует: «Болеют все в доме, мать и все рабы, так что некому нам услужить, но обо всем просим бога». Иуде некому подать глоток воды, а автор другого письма боится оказаться неспособным налить себе глоток воды. «Глоток воды» — весьма популярное словосочетание. Монах абба Миос просит известного Абиннея за своего шурина, ссылаясь на то, что «глоток воды единому из малых сих не останется без награды» (P. Abinn. 19, 8—10 — середина IV в. н. э.). Миос явно цитирует Евангелие (Math. X, 42; Marc. IX, 41). Относительно авторов других писем такой уверенности быть не может. Налицо лишь общее место, эпистолярный штамп.

Из нейтрального сообщения о каком-либо событии рассказ превращается во взволнованное повествование. Он должен вызвать сочувствие читателя, породить жажду милосердия. Уже эта цель эпистолярного рассказа II—IV вв. сближает его с художественным произведением. Однако, поскольку мы имеем дело с реальными, а не фиктивными письмами, одним эмоциональным воздействием дело не может ограничиться. От конкретного адресата требуется конкретный отклик. Здесь на сцену выходит просьба (мольба, приказ и т. п.).

Чаще всего просят о приезде. Просьбу о приезде можно найти и в птолемеевских, и в раннеримских письмах, но почти без рассказа о болезни. Исиада, умоляя своего мужа Гефестиона явиться, описывает крайне тяжелые материальные обстоятельства. Между прочим она добавляет, что и мать Гефестиона плохо себя чувствует (τυγχάνει βαρέως ἔχουσα) (Ep. griv. gr. 35, 28—29 — 168 г. до н. э.). Отец пишет Оннофрию: «Мать твоя призывает тебя вернуться домой немедленно, поскольку твой брат чувствует себя плохо, хотя его состояние и улучшилось» (SB 10240, 3—7 — 41 г. н. э.). Начиная со II в. н. э. просьба о приезде связана уже с рассказом о болезни и является его логическим развитием. Вышеупомянутый Теренциан требует от отца: «Ты хорошо поступишь, если, быстро разделавшись со своими делами, отплывешь ко мне» (P. Mich. 477, 36—38 — начало II в. н. э.). Свалившийся с лошади Иуда просит жену прислать шурина, добавляя: «Ибо в толикой нужде познаются друзья человека, чтобы и ты пришла ко мне на помощь, когда я на чужбине и болен» (P. Oxy. 3314, 14—17 — IV в. н. э.). Некий Апион пишет Дидиму: «Отложив все, сразу по получении этого моего письма, отправляйся ко мне, поскольку твоя сестра больна. И, отправляясь, захвати с собой ее белый хитон, бирюзовый же не бери, но, если хочешь продать его — продай, если хочешь оставить своей дочери — оставь. Но не пренебреги ею в чем-либо и не мучь свою жену и детей...» (P. Tebt. 421 = Sel. Pap. 135, 1—12 — III в. н. э.). Отец заключает письмо дочери следующими словами: «Итак, получив это письмо, немедленно приходи со своим мужем, ибо твоя мать очень плоха и жаждет тебя видеть» (SB 11437, 14—19 — IV—V вв. н. э.).

О необходимости немедленного приезда пишут и родственники больных и их слуги. Некий Серен сообщает: «С помощью богов наша сестра начала выздоравливать, а брат Гарпократион спасается и здравствует, так как отеческие боги помогают нам, даруя здоровье и спасение. Я собирался прийти сам... когда люди Сарапiona сообщили, что он плохо себя чувствует. Так что я прошу тебя писать мне об этом время от времени, если будет нарочный» (P. Oxy. 935-Sel. Pap. 136, 3—18 — III в. н. э.). Слуга Деметрий считает приезд своего господина Флавиана к больной жене столь важным, что послал бы за Флавианом сына, Афанасия, если бы Афанасий сам не заболел. Когда госпожа «была в великой муке», Деметрий послал господину письмо, чтобы он «всеми возможными способами вырвался к нам,

ибо этого требует долг». «Теперь же не знаю, что далее писать о ней, ибо, кажется, как я уже говорил, она чувствует себя лучше и может сидеть, но все еще больна. Мы ее ободряем, ежечасно ожидая твоего прихода» (Р. Оху. 939 = р. Naldini 61 = Sel. Pap. 163 — IV в. н. э.).

Итак, посещение «ободряет» больного. Суть его не только в том, чтобы «подать глоток воды» и ухаживать за несчастным, но и в выражении сочувствия. Более того, сочувствие не обязательно должно переходить в содействие. Иногда все, чего ждет больной, — это письмо или иной знак внимания. Человек «рисковал лишиться ноги и самой жизни», а мать и сестра не заинтересовались о нем и не написали письма, говорится в одном из писем²⁸. Коэфана выговаривает сыну Теодулу: «Хочу, чтобы ты знал, что, хотя сказал тебе управляющий: „Мать твоя Коэфана болеет вот уже тринадцать месяцев“, — ты не решился написать мне письмо, хотя знаешь...» (Р. Naldini 93, 5—8 — IV—V вв. н. э.). В этих письмах приказание вообще отсутствует, а в рассказе речь идет о бессердечии корреспондента, что должно усилить сочувствие.

Авторов писем тяготит не физическая боль как таковая, но сознание одиночества и беспомощности²⁹. Страх перед одиночеством неразрывно слит со страхом болезни и смерти. Иногда это болезнь самого автора письма (такие случаи разобраны выше), иногда болезнь и смерть родственников и знакомых. Амон пишет матери: «Ты знаешь, как обстоят дела в нашем доме, особенно когда я на чужбине. Займись же ими усердно и молись каждый день о моем спасении, ибо ты ведаешь, что нет со мной ни сестры, ни брата, ни сына, никого иного, кроме бога. Умоляю тебя, госпожа мать моя, не забывай обо мне ни на день, чтобы я не умер на чужбине, не имея никого возле себя» (Р. Naldini 72, 5—20 — IV в. н. э.). Последние слова почти дословно повторяют авторы других писем: «Как бы я не погиб жестокой смертью на пороге старости!» — приводит стихотворную цитату некий воин³⁰. «И я сообщил тебе это, обеспокоенный твоим отсутствием у нас. Как бы не случилось с тобой (такого), что и тела твоего не найдем» — вызывает сын к отцу (Р. Оху. 1680 = Р. Naldini 32, 5—9 — III—IV вв.). В отличие от предыдущих авторов его беспокоит не собственное одиночество на чужбине, но одиночество отца, чудится смерть отца, а не своя.

Вообще не следует считать эгоизм авторов писем слишком прямолинейным. Они способны искренне и глубоко страдать от потери близких, но и в этом страдании главная их забота — о сочувствии, главная беда — одиночество. Горем проникнуто письмо женщины, уехавшей из Египта в Апамею Сирийскую и потерявшей там мать. В ее письме есть обычные элементы: рассказ и поручение. Но рассказ практически полностью состоит из описания чувств. «Хочу, чтобы ты знала, госпожа моя, что после пасхи моя мать, твоя сестра, умерла. Пока мать была со мной, она была весь мой род. Со смертью же ее я осталась одна, никого не имея в чужих краях. Вспомни же, тетя, что мать моя просила у тебя и, если найдешь нарочного, пошли мне» (Р. Bouriant 25, 9—12 — IV в. н. э.).

Приведем еще одно письмо женщины, потерявшей близкого человека.

²⁸ Р. Haun. inv. 16, II в. н. э. — *Bülow-Jacobsen A. Family Letter.* — ZPE, 1978, 29, S. 253—258.

²⁹ Это подтверждают и прошения. С птолемеевских времен мы находим в них жалобы на побой, ссылки на старость и болезнь. Просители ищут сочувствия, но не говорят о нем, не сетуют на недостаток его, на одиночество. Именно такие сетования содержит прошение рипария Флавия президу Фиваиды. Флавий согласился быть рипарием (стражником), если ему предоставят помощника. Некий магистрат Филоксан пообещал и обманул. «пренебрегая мною, несчастным, ежедневно преследуемым бичами и поражаемым ударами по телу, не имеющим ни брата, ни жены, ни сына, которые могли бы посочувствовать (*συμπάδιν*) мне. так что дыхание моей жизни в опасности» (Р. Tebt. 904, 5—7 — V в. н. э.). Арейон, сын Диоскора, обращается к президу Сабиниану. Арейона беспокоят практоры, несмотря на его старость, бедность и приключившееся с ним несчастье — смерть жены и детей (Р. Ryl. 659—322 г. н. э.).

³⁰ Р. Berl. inv. 24555, 24—25 — II—III вв. н. э. Об одиночестве римских солдат на сторожевом посту в пустыне см. O. Florida, p. 31.

«Арсиде Аполлонию, сыну, привет. Отраднo мне через это письмо обнять тебя, ведь ты знаешь приключившееся с моим сыном блаженным Хайремонoм: внезапно случилось несчастье и нужно погребать его во второй гробнице. По необходимости пишу тебе. После бога у меня никого нет кроме тебя, и я знаю симпатию, которую ты питал к нему (т. е. к покойному. — А. К.)» (Р. Giss. 68, 1—11 — время Траяна — Адриана). Арсида пишет стратегу Аполлонию о своем умершем сыне (сам Аполлоний, хоть и назван в письме «сыном» — лишь один из родственников или знакомых). В письме есть просьба и рассказ, вводимый словами «ведь ты знаешь». Но более всего интересно обоснование письма: «Отраднo мне через это письмо обнять тебя». Арсида видит в письме не только возможность обратиться с мольбой и излить горе, но и средство смягчить страдание³¹.

Письма содержат не только мольбы о сочувствии, но и изъяснения такового. Жанр утешительных писем традиционен — его знает уже письмовник Деметрия (№ 5)³². Однако письма II—IV вв. вносят в этот жанр нечто новое. Во-первых, они подробно описывают переживания сочувствующего, применяя риторические клише: плач, отказ от сна и пищи и т. п. Например, муж пишет уехавшей из дома и оскорбленной кем-то жене: «Хочу, чтобы ты знала, что с тех пор, как ты покинула меня, я погружен в скорбь, ночью рыдая, днем же печалюсь... и ты послала мне письма, которые могут сдвинуть камень, так что твои слова тронули меня»³³.

Во-вторых, поводом к сочувствию становится не только какое-то несчастье (смерть и т. п.), но и чувство как таковое. Сочувствие делается в полном смысле слова состраданием чувству. Солдат пишет матери: «Хочу, чтобы ты знала, что я так долго не писал тебе писем из-за того, что был в лагере, а не из-за болезни. Так что не печалюсь, ибо я весьма опечален, услышав, что ты слышала. Ведь я не был очень болен. Поражаю сказавшего тебе. Не утомляй себя, посылая мне что-либо»³⁴. Перед нами рассказ, вводимый формулой «хочу, чтобы ты знала», о чувствах солдата, возникших в ответ на чувства матери («не печалюсь, ибо я весьма опечален, услышав, что ты слышала»), сострадание порождено не несчастьем, но чувством как таковым.

Врач Серен утешает свою мать, Антонию: «Услышав, о госпожа, о смерти... я был в горе. Но все это свойственно людям, и нас постигнет то же. Я много утешал Марка, опечаленного либо смертью того, либо тем, что ты печалишься. Но по милости богов этот остался у тебя» (Р. Ross. Georg. III, 2, 2—5 — III в. н. э.). Чувства Марка, как и чувства солдата, возникли не только в ответ на несчастье, но и в ответ на чувство: он опечален печалью матери. В свою очередь Серен вынужден успокаивать Марка.

Сохранившийся в папирусах греко-латинский письмовник III—IV вв. дает образец подобных излияний: «Я узнал, что Лициний, твой искренний друг, умер и печалюсь тому, что ты опечален, много вспоминая о нем» (Р. Bon. 5, III—IV, 6—8). Понимание чужих эмоций видно в письме Деметрия, управляющего и, вероятно, раба Флавиана. Выше мы частично цитировали это послание. Деметрий разрывается между жалостью к госпоже (это его чувство, ярко описанное), желанием ободрить ее, срочно вызвав Флавиана (ее чувство — тоска, отсутствие бодрости), и боязнь

³¹ Ср. SB 10648, 5—8 — начало II в. н. э.: «Из писем твоих, когда беру их, я получаю и родину, и друзей, и все самое дорогое». Само по себе пребывание на чужбине, даже безотносительно к болезни и смерти, воспринималось чрезвычайно тяжело и рождало жажду сочувствия.

³² Прокл (Либаний) также упоминает сострадательное послание (№ 14).

³³ Р. Oxy. 528 = Sel. Pap. 125. 6—14 — II в. н. э. См. также Р. Oxy. 115 — II в. н. э.; Р. Giss. 19 — начало II в. н. э.

³⁴ Р. Oxy. 1481, 2—7 — начало II в. н. э. В птолемеевских письмах, пытавшихся снять беспокойство адресата, совершенно отсутствует печаль автора по поводу этого беспокойства: «Не беспокойся из-за матери, ибо она уже здорова» (Р. S. A. Athen. 60, 8—10); «умоляю тебя не беспокоиться» (Р. Oxy. 744, 13—14).

излишне огорчить господина (чувство Флавиана также изображено). Деметрий испытывает жалость к физической боли госпожи и одновременно сочувствует чувству тревоги господина — именно последнее характерно для вышеприведенных писем. Он кается: «Прости меня, господин мой, и прими за проявление моей доброй воли, если я, не желая того, вверг тебя в такое смятение, написав о ней то, что ты получил. Ибо, будучи не в себе, когда она была в великой муке, я послал первое письмо, прося, чтобы ты всеми возможными способами вырвался к нам, ибо этого требовал долг; когда же я решил, что она поправляется, я постарался, чтобы ты получил через Евфросиюна другое письмо, дабы ободрить тебя» (Р. Оху. 939 = Р. Naldini 61, 10—18 — IV в. н. э.).

В христианском письме II—III вв. сочувствие делается объектом моделирования: «И относительно Гермiony позаботься, чтобы она не печалилась. Несправедливо, чтобы она из-за кого-либо печалилась. Ибо я слышал, что она печалится» (Р. Naldini 3, 17—19). Анализ собственных чувств в их отношении к эмоциям другого человека проявляет Флавий Геркулан: «Я весьма обрадовался, получив твое письмо... Но я весьма опечален тем, что ты не пришла на день рождения моего мальчика — ни ты, ни твой муж, ведь ты могла бы много дней радоваться с ним. Но ты имеешь более важные дела и из-за них пренебрегла нами. Я желаю, чтобы тебе было во всем так же хорошо, как мне, но я печалюсь, что ты не со мной. Если ты без меня не несчастлива, я рад твоему счастью, хотя и мучаюсь все же, не видя тебя» (Р. Оху. 1676 = Sel. Pap. 151, 2—25 — III в. н. э.). Геркулан «сорадуется» своей вольноотпущеннице и печалится, не видя ее. За всем этим сквозит дружелюбная ирония: ниже мы рассмотрим откровенно ироническое послание Сарапаммона, который «сорадуется» своему должнику, если тот «остается в своем неразумии».

В отличие от других приведенных писем у Флавия Геркулана — сопереживание не горю, а радости адресата. Страдает же он от отсутствия «сочувствия» его счастью. Сочувствие счастьем (если понимать под сочувствием не сострадание, но разделенное чувство), казалось бы, заложено в поздравительном (*εὐχαρητικός*) типе писем — № 19 у Деметрия и № 16 у Прокла (Либания). Однако в таких письмах речь идет о конкретных удачах, с которыми и следует поздравить³⁵. Упор делается именно на эту удачу, а не на чувство, переполняющее поздравителя. Напротив, главное в письме Флавия Геркулана — рассказ о чувствах.

Современная психология ищет истоки свободного выражения эмоций в рефлексии чувства (отличия ее от рефлексии разума). Г. П. Дрейтцел пишет о человеке XX в.: «Мы любим любовь, мы боимся испугаться, мы испытываем боль в ожидании боли...»³⁶. «Боль в ожидании боли» пронизывает письма II—IV вв. Совершенно здоровые люди в стандартных выражениях требуют не забывать о них ни на день, чтобы не погибли они в одиночестве, на чужбине, где некому подать глоток воды. Если же болезнь уже налицо, то она воспринимается поистине как мученичество.

С этим типом чувствования упорно сражалась философия первых веков нашей эры. Секст Эмпирик, например, поучал: «...Ничего не выдумывающий относительно того, что страдание есть зло, подчиняется (лишь) волнению, необходимо вызванному страданием; а воображающий, что страдание просто не свойственно (природе человека), что оно только зло, удваивает этим мнением тягость, возникшую в связи с наличием страданий. Разве мы не видим, что при операциях часто сам оперируемый больной мужественно выдерживает боль от операции... потому что подвергается лишь тому волнению, которое вызвано операцией, а тот, кто присутству-

³⁵ См., например, Р. Оху. 1663 — II—III вв. н. э.

³⁶ Dreytzel H. P. The Socialization of Nature: Western Attitudes towards Body and Emotions. — In: Indigenous Psychologies: The Anthropology of the Self. London, etc., 1981, p. 221 f.

ет, как только увидит небольшую струю крови, бледнеет, дрожит, покрывается потом, теряет самообладание, наконец, падает, лишившись речи не из-за страдания, но из-за мнения, что страдание есть зло? Таким образом, иногда тревога из-за мнения о каком-либо зле как зле больше той, которую причиняет само так называемое зло»³⁷.

Человек позднеантичной эпохи способен описать свои эмоции, рассказать о них, осознать их — он как бы ощущает собственные чувства, что и делает любую боль вдвое больнее. Поэтому сострадание так необходимо авторам писем, поэтому так важно им излить душу. Но и чужое чувство они способны понимать с гораздо большей остротой, чем прежде.

Характерно, что, борясь против излишней чувствительности, философия этой эпохи нападала и на сочувствие. По мнению А. Р. Хэндса, стойки осуждали жалость как эгоистическое чувство, ибо ее рождает опасение того, что и сам ты можешь впасть в нищету. Бедным следует помогать, но без жалости³⁸. Напротив, письма жителей римского Египта чрезвычайно сентиментальны. Чувство и сочувствие не только изображаются, но и возводятся в культ. Сентиментализм оказывается оборотной стороной милосердия.

Болезнь — не единственное проявление «мученичества» в римском Египте. Столь же остро воспринимались и все прочие удары судьбы. Их описание мы находим в эпистолярном рассказе, а призыв содействия и сочувствия — в просьбе. Некий Мор сообщает Эпимаху: «Хочу, чтобы ты знал, что мы просеяли ячмень из Оазиса, и никогда мы не просеивали с таким трудом. Ибо дождь шел и ветер был необоримый» (Р.Оху. 1482, 4—7 — ок. 120—160 гг. н. э.). Хозяйственные неприятности заботят многих. «Если можешь, приди к нам немедленно, поскольку весьма мучают нас, приди, чтобы увидеть, что они делают с нами, и посети наш клер» (Р. Mich. 519, 5—13 — первая половина IV в. н. э.). «Напиши мне, дабы рассказать мне обо всем: о спасении вашем и о том, отяготил ли вас землевладелец» (Р. Оху. 2788, 1—5 — III в. н. э.). Гермий настоятельно требует брата Гориона: «Смотри, не прояви нерадения. Пусть моряк сам явится для заключения контракта, если из-за штиля он не может привести судно сегодня, ибо мы отягощены немало. Если же проявишь нерадение, то наш дом может оказаться в тягостных обстоятельствах по причине отсутствия геуха из-за низменного Аммония, спекулятора и агента префекта. Если у тебя есть серебряные монеты или солиды, быстро пошли их. Ибо я сделал столько займов, что не буду иметь кредита, если не поступлю справедливо...» (Р. Оху. 1223 = Sel. Pap. 164, 11—28 — конец IV в. н. э.).

«Смотри, не погуби себя трудами!» — взывает отец к сыну. Сам он «полон» хозяйственными делами, и беспокоясь за сына, призывает его вернуться домой: «Чтобы ты не заставил меня (самого) мучиться поездкой к тебе (Μή ἵνα σκόλης με ἐλθεῖν ἐπὶ σέ)» (SB 9449 — 41—42 гг. н. э.). В тех же словах Таос просит проявить заботу о ней, как и обо всех, «ибо, во-первых, дело и тебя касается, а во-вторых, я припадаю к твоим стопам, чтобы ты не мучил меня поездкой в Александрию (ἵνα μή με σκόλης εἰς Ἀλεξανδρείαν)» (Р. Mert. 83, 7—8 — конец II в. н. э.).

Жена пишет о бросившем ее муже: «Хочу, чтобы ты знал, о брат, что Апион, муж мой, измучил меня, обнаружив, что у меня ничего нет» (SB 9271, 3—6 — I—II вв. н. э.). Муж высокопарно жалуется супруге: «Не перестану писать о том, что сделал и делает со мной коварный Антоний, и о том, как он сумел убедить Сибитила неразумно отпасть от меня

³⁷ *Sext. Empir., Adversus mathem.* XI, 158—160. Пер. А. Ф. Лосева. — В кн.: Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Т. II. М., 1976, с. 33. Ср.: *Sen., Ep.* 13, 4—5.

³⁸ *Hands A. R. Charities and Social Aid in Greece and Rome.* London — Southampton, 1968, p. 81—83.

и бросить меня на чужбине»³⁹. Упоминание о коварстве усугубляет традиционное описание одиночества на чужбине.

Примеры можно было бы умножить. Мы еще коснемся обид, проистекающих из родственных конфликтов. Здесь же остановимся на несчастье, не столь ярко отраженном в письмах, сколь в прошениях. Это несчастье — бедность. Жалобами на пренебрежение к кротости и бедности полнятся прошения II—IV вв. Бедность противопоставляется богатству и силе. Интереснее всего, что бедняками объявляют себя довольно богатые люди⁴⁰. Вероятно, и прежде люди страдали от социальной несправедливости, от разрыва между уровнем потребностей и уровнем возможностей. Но глубина переживания собственной бедности свидетельствует о рефлексии.

«Полезно, оказавшись в несчастье, отступить и не спорить с судьбой. Принадлежа к числу бедных и несчастных, мы не причисляем себя к ним» (Р. Оху.120 R, 4—9 = P. Naldini 62 = Sel. Par. 162—IV в. н. э.), — рассуждает автор одного из писем. В подлиннике «бедные» — *μέτριοι*. Именно этим термином, который прежде имел совсем иное значение (умеренный, средний), называли себя «бедняки» в прошениях.

Термин *μέτριοι* мы встречаем в отрывках греко-латинского письмовника III—IV вв. как эквивалент раурег. Он фигурирует здесь в образце поздравительного письма (Р. Воп. 5, X, 15—19 — III—IV вв.). К IV в. относится знаменитый письмовник, приписываемый Либанию или Проклу, в отличие от более раннего письмовника Деметрия в нем есть особый род писем — *μετρίαστικῇ* (униженный), № 36. Либаний (Прокл) так характеризует его: униженное (письмо), посредством которого унижаемся в отношении чего-либо и смиряемся (*μετρίαζομεν τι καὶ ταπεινοφρονοῦμεν*)⁴¹. Появление у Либания (Прокла) термина *μέτριοι* не случайно. Автор униженного письма не просто льстит вышестоящему. Он демонстрирует свою бедность, свое ничтожество и переживает их.

Именно такое болезненное переживание мы находим в двух следующих письмах. Первое из них — так называемое «письмо блудного сына». Приведем рассказ и просьбу из него: «Хочу, чтобы ты знала, что я не надеялся на твое прибытие в метрополию. Поэтому я не пришел в город. Я постыдился явиться в Караниду, ибо хожу в тряпье. Я написал тебе, что наг. Прошу тебя, мать, помирись со мной. Впрочем, я знаю, что причинил это самому себе. Я был наказан, как и следовало. Понимаю, что согрешил... Разве ты не знаешь, что я лучше ослепну, чем задолжаю человеку хотя бы обол?» (BGU 846 = P. Helbig. 14, 5—16 — II в. н. э.). Автор письма — римский гражданин Антоний Лонгин, человек, вероятно, образованный и состоятельный и явно не христианин. Но какие евангельские фразы: «хожу в тряпье» (*χαρῶς περιπατῶ*), «лучше ослепну» и, наконец, вопль о наготе (*γυμνός εἰμι*)! Тот же мотив звучит в послании Италика, подобно Лонгину не принадлежавшего, судя по имени и стилю письма, к низам египетского общества. Италик выговаривает матери и сестре: он написал им через Евфрания о своих делах, они же о своем «спасении» ему ни разу не сообщили. «И в письме я писал вам, что наг (*γυμνός εἰμι*)» (Р. Оху. 2151, 8—10 — III в. н. э.). Автор еще одного письма работает и занимается делами, «живя на соли, хлебе и воде» (Р. Naldini 3 — II—III вв. н. э.).

В годы, когда христианская проповедь призывала «всех труждающихся и обремененных» (Math. XI, 28), таковых оказывалось великое множество. Они алкали и жаждали, сидя на хлебе, воде и соли, они были наги и

³⁹ SB 9534, 2—8 — III в. н. э. Далее следуют обвинения в грабеже и уверения в том, что все это автора письма не заботит, «ибо боги хранили меня и хранят теперь».

⁴⁰ Ковальзон А. Б. «Умеренные» в римском Египте (К вопросу о судьбе полисной идеологии на Востоке). — В кн.: Античный и средневековый город. Античная древность и средние века. Свердловск, 1981, с. 50—63.

⁴¹ Demetris et Libanii qui feruntur Τύποι ἐπιστολικοὶ et ἐπισταλμαῖοι χαρακτῆρες. Lipsiae, 1910, p. 18.

молили одеть их, больны и просили посетить их (или хотя бы послать письмо), они — странники на чужбине, где одиночество и призрак смерти грозят человеку. Их мольба о милосердии, их упреки в черствости звучат в греко-египетских письмах почти так же, как в Евангелии от Матфея: «Ибо алкал я, и вы не дали мне есть, был странником, и не приняли меня; был наг, и не одели меня; болен и в темнице, и не посетили меня» (Math. XXV, 42—43).

Подведем итоги рассмотрению рассказа и просьбы — важнейших элементов основной части письма. Их «олитературивание» налицо, но оно вовсе не было результатом влияния античной литературной теории, как не был, вероятно, результатом влияния теории греческий роман. Подобно роману, письма II—IV вв. сплошь и рядом повествуют о бедствиях, неудачах, испытаниях. Содержанием рассказа становятся не только события как таковые (хозяйственные дела и т. п.), но и чувства, порожденные событиями. Просьба направлена не только на содействие, но и на сочувствие.

Стиль рассказа и просьбы сделался более возвышенным и эмоциональным потому, что авторы писем смогли осознать свои эмоции, проанализировать их. Обновились ли чувства египтян? Конечно, многие «глубинные» ощущения остались прежними, но изменилось отношение к ним: из неосознанного оно сделалось рефлексивным. Авторы писем «переживают» свои эмоции, любят ими и ужасаются им. Иное отношение к чувствам — иной стиль. Там, где человек птолемеевской эпохи лишь выражал грусть, беспокойство и т. п., там египтянин II—IV вв. ее изображает. Клишированный, стандартный характер изображения — признак массовости духовного процесса.

Принято считать, что позднеантичная повествовательная проза порождена «интересом к индивидуальным переживаниям», который был свойствен этой эпохе⁴². Однако поздняя античность интересовалась внутренним миром человека не более чем внешним. Если письма обращены к эмоциям, то прошения II—IV вв. — к социальным обобщениям, коих не знала предыдущая эпоха. Изменились не интересы, но отношение к жизни: на место бездумного действия стало осмысление — и чувств, и общества, и религии, и нравственности. Строго функциональный подход сменился «избыточным», «избыточными» сделались и документы эпохи, наполнившись «необязательными» риторическими красотоми.

Из сферы чувств перейдем в сферу морали. И здесь без понимания эволюции стиля невозможно заметить никаких перемен. Например, почтение к родителям высказывается в птолемеевских и в римских, в языческих и в христианских письмах. Но как оно высказывается? К птолемеевской эпохе относится письмо Филонида его отцу, архитектору Клеону. Семья Клеона входила в александрийскую аристократию, регулярно общалась с царем. Интеллектуальный уровень этих людей чрезвычайно высок, их письма отличаются чувствительностью и изяществом. Неудивительно встретить здесь развернутую тираду этического содержания: «Ничто не будет мне дороже, чем заботиться о тебе остаток жизни достойным тебя и меня образом и, если произойдет нечто, что суждено людям, постараться, чтобы ты получил все почести... Имей в виду, что с тобой ничего печального не случится, но я позабочусь обо всем, чтобы ты не имел печали» (Ер. griv. gr. 8, 5—6; 12—14 — 255 г. до н. э.).

Филонид выражает свое моральное чувство и описывает свои намерения. Точно так же чиновник Дионисий обещает облагодетельствовать брата своего знакомого, исходя из своих высоких нравственных качеств: «Толикое благородство, а не грубость, я выказывал всем людям, более же всего тебе и твоему брату из-за Сараписа и из-за твоего благородства»

⁴² История греческой литературы с. 45.

(Sel. Pap. 98, 2—8 — 160 г. до н. э.). Описание собственного морального чувства в первом лице — характерная черта эпистолярного стиля до II в. н. э.

В качестве параллели письму Филонида приведем два письма римской эпохи, где речь идет об отношении к родителям. Семпроний с негодованием обрушивается на младшего брата Марка. Он узнал, что братья дурно относятся к матери («с трудом рабствуете госпоже вашей матери»). Засим следует наставление: «Если кто из братьев противоречит, ты должен отхлестать его по щекам». Наставление переходит в сентенцию: «Ибо мы должны почитать родительницу как бога, в особенности же такую хорошую». Тирада завершается изложением морального чувства: «Я написал тебе это, брат, зная сладость господ родителей» (SB 6263 — II—III вв. н. э.). В письме сыновей «господину нашему и владыке отцу Теофану» изложение убеждений от первого лица слито с сентенцией: «Ибо мы считаем это трудом первейшим и все превосходящим. Ведь закон природы учит нас ни о ком другом так не заботиться и не печься, как о хорошем отце, и этим более всего славиться в полисе и менее всего слушать других, думающих иначе»⁴³.

Где различие между письмом Филонида и посланиями III—IV вв.? Суть тирад та же, но стиль иной. На место выражения собственного морального чувства становятся наставление и сентенция. Оба этих элемента противозаконны с точки зрения эпистолярной теории Деметрия и уже поэтому не могут быть результатом ее влияния. Автор трактата о стиле из всех мудрствований допускает в письмах лишь пословицы. «Ведь пословицы общедоступны и общеупотребительны. (Когда же) кто-нибудь изрекает гномы и предается увещаниям, то похоже, что он не беседует в письме, а вещает с театральной машины»⁴⁴.

Тем не менее со II в. н. э. наставления и сентенции широким потоком вливаются в письма. Так, человек, упавший с лошади, взывает: «Ибо в такой нужде познаются близкие человека, чтобы и ты пришла ко мне на помощь, когда я на чужбине и болен» (Р. Оху. 3314, 14—17). Естественное проявление милосердия обосновывается абстрактно. Мы не будем здесь перечислять бесчисленные наставления и максимы (частично они приведены ниже в связи с отдельными сторонами морали). Заметим лишь, что некоторые письма целиком состоят из такого рода элементов и превращаются в нечто среднее между философским трактатом и христианской проповедью⁴⁵.

Что означает появление в письмах сентенций и наставлений? По нашему мнению, это признак нового отношения к морали, подобно тому как эмоциональный рассказ — свидетельство нового отношения к чувству. Сентенция — носитель моральной нормы, она верна для всех случаев жизни. Приводя сентенцию, автор письма от сугубо личного переходит к общему. Он уже не просто демонстрирует свою добродетель, но рассуждает по поводу добродетели вообще, стремится привить ее адресату или третьему лицу. Он морализует.

Мораль писем II—IV вв. — нормативная мораль. Самые интеллектуальные письма в папирусах предыдущей эпохи всего лишь выражают моральное чувство, более или менее наивное. Этика как таковая не интересует отправителей. Соответственно она не становится темой письма и предметом описания.

Выше мы пытались доказать, что и чувства не были темой писем птолемеевской и раннеримской эпохи. Их авторы иногда выражали свое беспокойство или радость, но почти никогда не изображали, не описывали, не анализировали. Это же касается и морального чувства. Письмо

⁴³ P. Ryl. 624 = *Moscadi. Le Lettere...*, № 4, 14—19 — первая половина IV в. н. э.

⁴⁴ *Demetr.*, De elocutione, 232. — В кн.: Античные риторики, с. 274.

⁴⁵ Ср., например, Р. Оху. 3069 = Р. Tibiletti, 20 — III—IV вв. н. э.

Филонида по своей изысканности — редкое исключение среди птолемеевских писем. Но и Филонид не типизирует любовь к отцу и не делает ее предметом размышления: его занимает его личное отношение к Клеону, а не сыновняя любовь как таковая. Письма II—IV вв. литературны уже потому, что касаются не только конкретного, но и всеобщего, не только отношений между конкретными персонажами, но и отношений между людьми вообще.

Кроме сентенций и наставлений они знают и другие средства превращения морали в самостоятельный объект повествования. Эти средства — чужая речь и сопоставление с термином. Плутогения, жена известного Паниска, упрекает свою мать: «Уже восемь месяцев, как я прибыла в Александрию, а ты не написала мне ни одного письма. Вот опять ты обращаешься со мной не как со своей дочерью, но как со своим врагом» (P. Mich. 221, 4—8 — 296 г. н. э.). Общие термины — дочь, враг — подводят ситуацию под общую норму, типизируют ее. Не просто А дурно обращается с Б, но А обращается с Б не так, как положено матери обращаться с дочерью.

Серенилла пишет отцу Сократу: «Я хочу, чтобы ты знал, что я одинока. Помни: „Моя дочь в Александрии“, — чтобы я знала, что у меня есть отец, и чтобы не думали, что у меня нет родителей. И тому, кто передаст тебе это письмо, дай другое — о твоём здоровье» (P. Helbig 19 = BGU 385, 5—8 — II—III вв. н. э.) Здесь отношения между Серениллой и Сократом также формализуются терминами: дочь, отец, родители.

Сатурнил, как и оба предыдущих персонажа, недоулен своим корреспондентом из-за отсутствия писем: «Ты знаешь, брат, что не только как к брату отношусь я к тебе, но и как к отцу, как к господину, как к богу» (P. Mich. 209, 11—13 — конец II — начало III в.).

Сочетание сентенции, наставления и сопоставления с термином мы видим в послании воина Гемелла брату. Гемелл пытается ликвидировать конфликт: «Прошу тебя написать мне, и боги просят тебя о том же. Даже если я не знаю... ты должен в этом одном уступить мне. В ответ на призыв, о брат, примиришься со мной, чтобы я мог наслаждаться твоим доверием в походе. Уже прежде ты не относился ко мне как брату, неужели ты будешь так же относиться ко мне и теперь, когда я на чужбине? Но я отношусь к тебе как очень почтительный брат, как я отношусь к Сарапису. Ведь нет большей надежды, чем доверие между братьями и близкими. Сделай же не иначе, но сообщи мне о своем спасении и слушайся матери»⁴⁶. Аналогичную конструкцию мы встречаем у апостола Павла: «Но не считайте его за врага, а вразумляйте как брата» (II, Thess. 3, 15). Однако Павел употребляет слово «брат» фигурально. В письмах же речь идет о соответствии конкретного лица его реальному месту, о сведении частного к общему. Еще одно послание гласит: «Позаботься же, господин брат, о том, чтобы и собственную, и чужую часть (имущества) охранять и беречь как брат и как труженик (πονήν) и не терпеть других, пренебрегающих (этим)», (P. Amh. 95, 12—18 — III в. н. э.). Риторический оборот типа «как брат» «как враг» и т. п., подобно всей риторике, типизирует и систематизирует моральные отношения.

Интересную роль играет в письмах II—IV вв. чужая речь. Античная теория считала, что письмо — «это как бы одна из сторон в диалоге»⁴⁷. Чужая речь сплошь и рядом вводила вторую сторону или третье лицо. Мы уже приводили два примера чужой речи. Серенилла требует от своего отца Сократа помнить: «Моя дочь в Александрии». Речь отца — ожидаемый ответ на призыв Серениллы. Здесь же дана предполагаемая реакция окружающих, «скрытая» чужая речь: «Чтобы не думали, что у меня нет

⁴⁶ P. Mich. 502, 5—14 — II в. н. э. Ср. сентенцию в письме Бесодора Теофану об отношениях между братьями («Ведь нет ничего честнее и крепче...») — P. Negm. Rees 6 = *Moscadi. Le lettere...*, № 11, 14 — первая половина IV в. н. э.

⁴⁷ *Demetr., De elocutione*, 223. — В кн.: Античные риторики, с. 273.

родителей» (P. Helbig 19). Козфана, упрекая своего сына в черствости, приводит слова третьего лица: «Хотя сказал тебе управляющий: „Мать твоя, Козфана болеет вот уже тринадцать месяцев“, — ты не решился написать мне письмо» (P. Naldini 93, 5—8).

Подобно Козфане, Паниск, пеняя на отсутствие письма, ссылается на свидетеля: «Посыльный, прибыв ко мне, сказал мне, что, когда он собирался уходить, то сказал жене и ее матери: „Дайте мне письмо для передачи Паниску“, — и не дали» (P. Mich. 217, 20—25 — 296 г. н. э.). Теон обижен своим отцом Теоном, не взявшим его в Александрию, несправедливость этого поступка он изображает в своем письме всеми средствами, в том числе передает слова матери Архелаю по поводу поступка своего мужа: «Он возмутил меня, возьми его (т. е. сына. — А. К.)» (P. Оху. 119, 9—10 — II—III вв.). Семпроний пишет Аполлинарию и упоминает послание Юлия Сабина, в котором Сабин передал ему слова Аполлинария о том, что Семпроний не закончил дела «не потому, что не смог, но так как не захотел, как ты говоришь, и, хотя я это понимаю, но все же не оправдываюсь» (P. Mich. 486 — II в. н. э.). В послании брату Максиму Семпроний приводит его слова, являющиеся к тому же сентенцией: «Ты пишешь мне, что нелегко каждому человеку дать много» (P. Mich. inv. 280 — конец II в. н. э.).

Чужая речь иногда звучит скрыто, как выражение общественного мнения. Серенилла, письмо которой упомянуто выше, бонтся, «чтобы не думали, что у меня нет родителей». Автор другого послания беспокоится относительно посылки масла: «Смотри не пренебреги (этим), чтобы не показалось, что я обманываю людей» (P. Оху. 1665, 24—26 — III в. н. э.). Авторы беспокоит, что люди думают об их поступках. Необходимо, например, уведомить о получении директив, «чтобы не беспокоить людей необходимостью писать тебе, чтобы ты не оказался людям в тягость» (P. Оху. 1677, 7—9 — III в. н. э.).

Во всех приведенных отрывках скрытая или открытая чужая речь — отражение чужой моральной позиции. Эту позицию авторы писем научились изображать, как они научились изображать чужое чувство. Подобно чувству, моральная позиция сделалась темой, объектом эпистулы. Как и сентенция, наставление, термин, чужая речь «обобщала» ситуацию, но не тем, что типизировала ее, а тем, что вводила ее в круг чужих мнений, в том числе и общего мнения.

Итак, мораль в письмах II—IV вв. отличается от морали предыдущей эпохи не столько новыми чувствами и добродетелями, сколько своим отношением к чувствам и добродетелям. Это иной тип нравственности, запечатленной характерными элементами стиля. Отсюда, конечно, не следует, что сами добродетели и моральные чувства остались прежними. Как мы пытались показать выше, новое отношение к эмоциям было связано с новыми эмоциями (жажда милосердия, повышенная чувствительность и т. п.). Новое отношение к морали, по нашему мнению, сопряжено с двумя противоречивыми фактами: невиданным распространением конфликтов и призывами к прощению, терпению, непротивлению злу.

Первый тезис, казалось бы, противоречит наблюдению Х. Коскеними о филофронетичности, дружелюбии писем II—IV вв.⁴⁸ Но это — диалектическое противоречие. Принципиальная филофронетичность, настоячивые заявления о величии дружбы более всего создают конфликтные ситуации. Переписка становится проявлением дружеских чувств, а следовательно, отсутствие письма — признак пренебрежения к корреспонденту⁴⁹. Сетование на леность в написании писем — клише в эпистолографии позднеримской эпохи⁵⁰.

⁴⁸ Koskeniemi. Studien..., S. 202.

⁴⁹ Ibid.. S. 64—67.

⁵⁰ Tibiletti. Le lettere..., p. 77—80.

Речь, видимо, должна идти не только о соблюдении ритуала. В атмосфере повышенной эмоциональности, мнительности, всеобщего «мученичества» письмо становится хлебом сочувствия. На сочувствие, а не на содействие прежде всего были направлены требования «несчастных». Однако именно такие требования выполнимы труднее всего. Постоянные упреки в отсутствии любви, в неродственном отношении — такова реальность писем. До II в. н. э. эти упреки были бы невозможны.

Перенос моральных требований с деяния на чувство создавал немислимый прежде максимализм этики. Другой источник максимализма — нормативность морали, склонность к анализу ситуации и ее оценке по некоему эталону. В птолемеевскую эпоху некий Исидор обижал некоего Петесуха — этим ограничивался конфликт. Теперь Исидор ведет себя не так, как подобает брату, а Петесух, напротив, относится к Исидору как к брату, отцу и богу. К брату следует относиться таким-то и таким-то образом и т. п. Конфликт типизирован и углублен, он стал объектом описания и рассуждения.

Мы не будем приводить примеров, сошлемся на папирусы, процитированные выше. Принципиальный вывод, который позволяют сделать эти письма, — утрата патриархальности в отношениях родства. Еще А. Кальдерини заметил, что послания к братьям и сестрам говорят о распаде древней семьи⁵¹. Данный факт имеет, вероятно, свои социально-экономические предпосылки, но суть его в рефлексивных чувствах и отмеренных добродетелях. Вместо бессознательного повиновения старшим и традиционной семейной солидарности — жесткие логические требования того и другого. А там, где логика заменяет традицию, возможны любые парадоксы.

Один из парадоксов — сочетание обвинений и угроз (см. предыдущие письма) с призывами к непротивлению злу. Максим наставляет сыновей Хайремона и Евдаймона: «По просьбе моей (а я просил вас лично и теперь пишу настоятельно) прощайте (*ἀνέχεσθαι*) друг другу и любите один другого». Наставление переходит в поручение: Максим просит сыновей заботиться о винограднике, «сколько у вас есть сил» (*κατὰ δύναμιν ὑμῶν ἐστίν*) (SB 7562, 12—17 — 159 г. н. э.). Автор другого письма сообщает: «И твой сын Горион крепко тебя обнимает. Ибо вот я служу ему по силе моей (*κατὰ τὰς δυνάμεις μου*). Смотрите же, не огорчайте друг друга, чтобы мы не волновались. Оставьте это, пока я не пришел к вам. Ибо небольшое дело случилось с нами. Однако прощайте друг другу, как я прощаю» (P. Iand. 96 = P. Tibiletti 4, 9—12 — III в. н. э.). Противоположную позицию занимает Аврелий Зоил в письме к своему брату Диогену. Как и автор предыдущего послания, он упоминает свою «службу»: «Знай, что я провел уже 14 лет, служа родителям твоим, и не был наглецом». «Ибо я, служа, подвергаюсь поношению». Прощать впредь он не намерен: «Я долго терпел (*ἀνέχόμενος*), но не собираюсь терпеть (*ἀνέχεσθαι*) далее» (P. Iand. 97 = P. Tibiletti 2, 3—4; 7—8, 15—17 — III в. н. э.).

Глагол *ἀνέχω* в первых двух примерах мы перевели «прощать», в третьем — «терпеть», но смысл его одинаков. Речь идет о служении по мере сил и о терпении, прощении тому, кто обижает тебя. Выше процитированы наставления из языческих писем (автор первого из них прямо говорит о богах). Менее удивительно встретить призыв к прощению в христианском послании. Паниск просит брата позаботиться о дочери Апиона: «Кротко (*πράως*) обращайтесь с ней; даже если она противоречит вам»⁵².

⁵¹ Calderini. Pensiero..., p. 24.

⁵² P. Mich. 219, 8—9 — 296 г. н. э. Сам Паниск не был христианином, но отдельные письма его содержат христианскую терминологию. По мнению Ф. Фариды, это результат вероисповедания писцов, обслуживающих его (Farid F. Paniskos: Christian or Pagan. — Museum philologum londoniense, 1977, 2, p. 109—117).

Выше приводилось письмо Гемелла брату. Гемелл просит уступить (простить) ему (συγχωρεῖν), поскольку «нет большей надежды, чем доверие между братьями и близкими»⁵³.

Письмо Теренциана отцу особенно показательно: «Два года назад я ввел женщину в свой дом, но я не позволял и не позволю себе брать кого-либо без твоего согласия, и ты никогда не узнаешь о таком моем поступке. Если есть женщина, которую я хотел бы ввести, женщина, способная более ладить с тобой, чем со мной, и быть в согласии более с тобой, чем со мной, то я скорее угождаю тебе, чем даю повод порицаниям с твоей стороны. Из-за этого до нынешнего дня женщина не вошла в мой дом, ибо не было твоего соизволения. Ты также сознаешь, что я, избавив тебя от беспокойств, останусь без женщины, если ты на протяжении всей своей жизни сохранишь непреклонность. Если же нет, то ту, которую ты одобришь, ту я и желаю. Я писал тебе это письмо ночью, ибо тогда выдалось удобное время, но не имел возможности отослать его тебе» (P. Mich. 476, 10—21 — начало II в.).

Теренциан с помощью искусной риторики подчеркивает два момента: свое непереносимое страдание и покорность любой воле отца. Но в том-то и дело, что покорность сына — на грани непротivления злу. Воля отца осознана как зло. Зло, которое надо терпеть. Автор другого письма заявляет брату: «Отец сделал мне много зла, и я терпел (ἔστεῖχα) в ожидании твоего прихода»⁵⁴.

Эпоха одновременно твердила два афоризма: «Враги человеку домашние его» (Math. 10, 35—36) и «всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» (Math. 5, 22). Во II—IV вв. традиционные отношения подвергались критическому анализу, о коем прежде нельзя было и помыслить. Дочь выступала с претензиями к отцу или матери, брат — к отцу или брату. Когда этого не было, не было и необходимости в непротivлении, в насильственном преодолении собственных чувств.

Семейные конфликты вписываются в общую картину социальных неурядиц. Об этом свидетельствует терминология писем. «С трудом рабствуете (δουλεύετε) госпоже (κυρία) нашей матери», — пишет братьям Семпроний. Он знает «сладость господ (τῶν κυρίων) родителей» (SB 6263). Господа, рабы, сладость рабствования господам, добровольное услужение — в таких рамках движется мысль Семпрония. Преодоление неудовольствия в рабстве — такова его цель. Но чтобы заговорить о ней, надо было перестать оценивать рабское состояние как естественное. Только тогда служение господину могло превратиться в подвиг.

«Ибо вот я служу (ὑπηρετῶ) ему по силе моей (κατὰ δύναμιν μοῦ)» (P. Iand. 96), «знай, что я провел уже 14 лет, служа (ὑπηρετῶν) родителям твоим», «ибо я, служа (ὑπηρετῶν), подвергаюсь поношению» (P. Iand. 97). В центре писем, которым принадлежат эти цитаты, — проблемы терпения, служения, любви. Если исключить родственный момент, останется проблема добровольного служения как таковая, служения, несмотря на четкое понимание его несправедливости. Раб осознал себя рабом, господина господином, службу службой. Как жить дальше? Письма отвечают: прощать, терпеть, служить «по мере сил своих».

По-видимому, нельзя говорить о том, что норма всепрощения сменила другую норму — талионную. Талион в письмах как был, так и остался на уровне морального чувства — нормой он не стал. Человек птолемеевской эпохи угрожает: «Постарайся же больше не слушаться нас, чтобы я не превратил дружбу во вражду» (Ep. priv. gr. 15, 1—2 — 247 г.

⁵³ См. прим. 46. Ср. P. Abinn. 32, 7—8 (середина IV в. н. э.) — письмо гермопольского священника Абиннею с просьбой помиловать «дезертира»: «Прости (συγχώρησι) его в этот раз».

⁵⁴ P. Оху. 1775, 9—11 — IV в. н. э. См. употребление глагола ἔστεῖχω в I Cor. 9, 12; 13, 7.

до н. э.). Египтянин византийской эпохи не менее категоричен: «Если не сделаешь этого, знай, что все благодеяния, совершенные мной для тебя, я уничтожу» (Р. Mich. 521 — V в.). Когда же в письмах II—IV вв. речь заходит о прощении, на сцену выходит сентенция, угрозу сменяет абстрактное поучение. Произойшла не смена моральных норм, но смена типов морали: норма заступила место непосредственного морального чувства. Соответственно поменялся стиль писем, сделался более насыщенным сентенциями, философичным и т. п.

Еще одним стилистическим достижением греко-египетского письма II—IV вв. стала ирония. Литературную характеристику иронии как риторического тропа раскрывают письмовники Деметрия и Либания: оба они знают иронический род писем (№ 20 у Деметрия и № 5 у Либания) ⁵⁵. Мы попытаемся выяснить социально-психологическую сторону явления.

Выше уже упоминалось письмо Аврелия Зоила брату Диогену (Р. Iand. 97). Зоил получил послание Диогена и убедился, что оно показывает «глупость» отправителя. «Ибо я, служа, подвергаюсь поношению. Я не сумасшедший, не наглец и не мышь. Потрудись внимательно прочитать (*φιλοπόνει*) мое письмо. Знай, что я провел 14 лет, служа родителям твоим, и не был наглецом, подобно тебе и моей сестре... Я терпел от тебя прежде, но не собираюсь терпеть далее. И это я разъясню и моей сестре Таэсис, если она явится ко мне с божией помощью (*σὺν θεοῖς*)». Последняя фраза врывается ироническим диссонансом во враждебную речь Зоила. Вероятно, о скором прибытии сестры «с божией помощью» сообщало ему послание Диогена. Извещение о «прибытии с божией помощью» — типичное эпистолярное клише ⁵⁶. Зоил издевается не только над братом и сестрой, но и пародирует риторическое клише, употребляя его в сниженной ситуации.

Далее читаем: «Я понял, что ты собираешься любить (*φιλοστοργεῖν*) меня. В то время как мать моя в опасности, я обнаружил, что, хотя ей за 100 лет, ты намерен безжалостно выбросить ее за дверь». Зоил «понял», что Диоген собирается его любить, из письма Диогена, в котором, вероятно, содержалось слово *φιλοστοργεῖν*, входившее в состав ряда эпистолярных формул ⁵⁷. Изъяснения в любви к корреспонденту — обязательный момент писем II—IV вв. От постоянного употребления смысл этих фраз, вероятно, стерся. Зоил оживляет его, высвобождает от стереотипного восприятия. В результате становится видна ложность и бессмысленность клише.

Пародийное обыгрывание эпистолярной риторики мы находим в письме недовольного сына к отцу. «Ты хорошо сделал, не взяв меня с собой в город. Если ты не желаешь брать меня с собой в Александрию, я не напишу тебе письма, не буду с тобой разговаривать и не пожелаю тебе здоровья. Если ты не поедешь в Александрию, я не приму твоей руки и вообще не буду приветствовать тебя. Если ты не желаешь брать меня, произойдет это. И мать моя сказала Архелаю: „Он (отец. — А. К.) возмущил меня, возьми его (сына. — А. К.)“. Итак, ты поступил хорошо. Пришли мне великие дары — стручки. Ты обманул нас здесь 12 числа, когда отплыл. Впрочем, пришли мне, прошу тебя. Если же не пришлешь, я не буду ни пить, ни есть» (Р. Оху. 119, 2—14 — II—III вв. н. э.).

Все письмо — сплошная ирония. Но сын иронизирует не столько над отцом, сколько над собой и над своим «горем» и «возмущением». При этом

⁵⁵ Определение Деметрия: «Иронический (тип. — А. К.): когда называем вещи наоборот и плохие именуем хорошими» (*Demetrii et Libanii...*, р. 11. Пер. Т. А. Миллер в кн.: Античная эпистолография, с. 14). Прокл (Либаний) называет ироническим письмом, «в котором хвалим кого-либо притворно с самого начала, в конце же являем свои намерения, обнаруживая, что все это мы сказали, „притворяясь“» (*Demetrii et Libanii...*, р. 16).

⁵⁶ См., например, SB 9903, 10—12 — 200 г. н. э.; Р. Grenf. II, 73, 15—16 — III—IV вв. н. э.; Р. Оху. 1763 9—11 — III в. н. э.

⁵⁷ *Tibiletti. Le lettere...* 95—96.

употребляется уже знакомый нам прием снижения. Сын требует «великих даров», которыми оказываются стручки. Он обещает «не есть и не пить» — фраза, которую многие писали всерьез. Так, Алина настолько беспокоится о своем муже, стратеге Аполлонии, что не может ни есть, ни пить с удовольствием, ночи же проводит без сна (P. Giss. 19 — начало II в. н. э.). «Всякий раз, как вспоминаю о вас, я не ем, не пью, а плачу», — пишет воин Аполлинарий матери (P. Mich. 465, 9—107 г. н. э.). Муж, стосковавшийся по жене, погружен в скорбь, «ночью рыдая, днем же печалась» (см. прим. 33). Ирония делает смешным сентиментализм писем, столь характерный для II—IV вв. В том же письме недовольного сына возвышенное негодование снижает эпистолярный ритуал: посылку письма, приветствие, пожелание здоровья — все, чего сын угрожает лишить отца.

Негодование Аполлония, автора другого письма, вполне серьезно: «Ты пишешь мне, что я разрушаю тебя (т. е. твое имущество. — А. К.) в твое отсутствие, и это еще хуже, чем первое (первый упрек. — А. К.). Если ты хочешь знать мое мнение теперь, ты не должен считаться человеком... Если это то, что ты хотел, чтобы я тебе написал, пишу тебе. Ибо ты, вероятно, не читаешь того, что я тебе пишу... Чтобы не казалось, что я много пишу, молюсь о твоем здоровье (ἐρρωσθαι σε εὔχουμαι)» (P. Оху. 2783, 11—27 — III в. н. э.).

Последние фразы — одновременно ирония и пародия, пародия на эпистолярную риторику вообще и на письмо адресата в частности. Адресат просил Аполлония о письме — обычная для писем II—IV вв. просьба. Аполлоний отвечает, но не так, как принято. Письмо Аполлония завершается обычным пожеланием здоровья (еще одно клише!), но в свете предыдущей фразы («чтобы не казалось, что я много пишу») это пожелание несерьезно.

Сарапаммон иронизирует над Пиператом и одновременно угрожает ему (Пиперат задолжал арендную плату за семь лет): «Ты, вероятно, знаешь, о чем я тебе написал. И если остаешься в своем неразумии, я радуюсь вместе с тобой. Если же раскаяешься, то знаешь, о чем речь...»⁵⁸. Здесь очень интересна фраза: «радуюсь вместе с тобой (συνχέρω σοί)». Вспомним, что в поздравительных письмах, как учит писемовник Прокла (Либания), надлежит συγχαίρειν... τοῖς φίλοις (радоваться вместе с друзьями)⁵⁹, что и делают авторы посланий (P. Abinn. 33, 3—6 — середина IV в. н. э.). Вновь перед нами пародия на эпистолярный штамп.

Не менее показательно письмо Аврелия Демаревса жене Аврелии Арсиное. По мнению Д. Тибилетти⁶⁰, заключительная фраза письма содержит иронию: «Весьма Вас благодарю за то, что в то время как я часто писал Вам, Вы совсем не писали мне и не вспоминали моих слов относительно сохранности нашего дома, о чем я постоянно и в письмах и лично указывал»⁶¹. Данная фраза действительно иронична, но не пародийна. Начало же письма — явная пародия: «Я считаю излишним писать тебе на этот раз относительно наших дел и трудов, даже если часто и тороплюсь писать тебе об этом во многих письмах и не менее часто указываю лично. Ведь ты сама, будучи матерью нашего ребенка, более меня желаешь, чтобы делами занимались, чтобы забота о них происходила при неусыпном надзоре. Относительно же заботы о себе самой думай прежде всего, ведь часто я писал тебе, чтобы ты не жалела на это ничего из нашего имущества» (сткк. 12—26).

Сравним с письмом Демаревса фразу из письма Гераклида: «Писать тебе, знающему более меня каждую работу, я считаю излишней потерей

⁵⁸ P. Tebt. 424 = Sel. Pap. 154, 1—6 — конец III в. н. э.

⁵⁹ Demetrii et Libanii..., p. 26.

⁶⁰ Tibiletti. Le lettere..., p. 78.

⁶¹ P. Оху. 1070 = P. Tibiletti. 16, 47—50 — конец III в. н. э.

времени. Разве лишь, чтобы не казаться пренебрегающим, пишу тебе» (SB 7347, V. 30 — III в. н. э.). Паниск просит жену писать о себе, если она не желает писать о делах (P. Mich. 217—296 г. н. э.). Перед нами стандартная вежливая конструкция: автор уверен в компетентности адресата, главная его забота — личное благо адресата, а не дела. Демаревс придает этой конструкции иронический смысл, поскольку компетентность и усердие жены явно под вопросом. В результате вся риторическая и сентенциозная фраза делается пародией на себя самое и на аналогичные выражения.

Как нам представляется, пародийность — ядро иронии процитированных писем. Осознанно или бессознательно авторы их высмеивают эпистолярный стиль с его преувеличенной «чувствительностью», с его морализаторством и стертыми клише. М. М. Бахтин называл пародирование господствующих стилей «самокритикой литературного языка» эпохи⁶². Пародирование и критика риторики — известное явление в античности (достаточно вспомнить Петрония и Лукиана)⁶³. Рефлексия стили неувидительна и в греко-египетских письмах, если учесть, что им знакома рефлексия чувства и рефлексия морали.

Иронии противостоит настойчивое требование серьезности и боязнь насмешки. Как отмечает Х. Стен с III в. н. э. появляется новая формула эпистолярного приказа: требование не относиться беспечно, пренебрежительно ($\mu\eta\ \acute{\alpha}\mu\epsilon\lambda\acute{\eta}\sigma\eta\varsigma$), но высказать серьезность, усердие ($\sigma\pi\omicron\upsilon\delta\acute{\alpha}\zeta\omega$ и его производные)⁶⁴. По-видимому, такая перемена не случайна. Если прежде основным был результат, дело (соответственно требовали не медлить и т. п.), то теперь главное — отношение к делу. Серьезное, моральное отношение — одна из форм сочувствия, понимания.

Дементрий выговаривает своему отцу Гераклиду: «Ты совершил неверный поступок... ты, кажется, смеешься ($\epsilon\pi\epsilon\gamma\gamma\epsilon\lambda\alpha\tilde{\iota}\nu$) над моим делом» (P. Оху. 938—III—IV вв. н.э.) (речь идет о заготовке корма для скота). Дидим требует от своего отца Хайремона: «Не пренебрегай трудами геуха... ведь я знаю твою серьезность и усердие» ($\tau\omicron\ \sigma\pi\omicron\upsilon\delta\epsilon\omicron\nu\ \kappa\alpha\iota\ \epsilon\pi\iota\ \langle\epsilon\iota\rangle\ \chi\epsilon\varsigma$) (P. Оху. 1218, 2—5 — III в. н. э.). Отец Теренциана пренебрегает своими делами и не приезжает к больному сыну. Между тем его болезнь стала «нешуточной» ($\acute{\alpha}\chi\epsilon\lambda\omicron\iota\omicron\varsigma$) (P. Mich. 477 — начало II в. н. э.). Аврелий Зоил утверждает, что он не сумасшедший, не наглец и не мышь, и требует усердного отношения к своему письму. «Чтобы ты не думал о нас как о скрягах, насмехавшись ($\chi\alpha\tau\alpha\gamma\epsilon\lambda\omega\sigma\sigma\alpha\nu$) над нами, в то время как мы относимся к твоим детям как к родным, почитаем и любим их больше собственных и радуемся не меньше тебя и их отца», — звучит обида в другом письме (P. Оху. 3313, 15—21 — II в. н. э.).

Тема иронии подводит нас к чрезвычайно важному вопросу: как сами авторы писем оценивали и объясняли свой стиль? Если существовала ироническая самокритика стиля, то возможна, вероятно, и его положительная оценка, объяснение его причин и характера.

Выше уже отмечалось, что главный грех с точки зрения авторов писем II—IV вв. — отсутствие сочувствия и прежде всего небрежность в переписке. Ника оправдывается в этом грехе перед Береникой: она написала письма, но Беренике их не доставили. «Неужели я настолько невоспитана ($\acute{\alpha}\mu\alpha\theta\eta\varsigma$), чтобы не писать тебе?» — задает Ника риторический вопрос (P. Mert. 82, 10—12 — конец II в. н. э.). Аммоний негодует: «Вы считаете меня, братья, подобным какому-то варвару или бесчеловечному египтянину» (P. Оху. 1681 = Sel. Pap. 152, 4—7 — III в. н. э.). Автор другого письма упрекает некоего Келета: «Удивляюсь, что до сих пор ты не разъяснил мне... как намеревался.... Ибо все египтяне — глу-

⁶² Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, с. 414.

⁶³ Попова Т. В. Литературная критика в сочинениях Лукиана. — В кн.: Древнегреческая литературная критика. М., 1975, с. 382—414; Kibel W. Petrons Kritik der Rhetorik (Sat. 1—15). — RhM, 1978, 121, S. 311—328.

⁶⁴ Steen. Les clichés epistolaires..., p. 162—168.

пы (*ἀνέσθητοι* — бесчувственны) (P. Ups. Frid. 10, 1—5, 9—10—250—300 гг. н. э.).

Перед нами два объяснения бесчувственности, бесчеловечности: невоспитанность и принадлежность к низшим слоям общества (т. е. к египтянам). Оба этих «порока» тесно связаны. В 215 г. н. э. Каракалла приказал изгнать из Александрии всех египтян, в особенности же крестьян. Признаком, по которому можно отличить египетских крестьян, являются обычаи, противные «культурному образу жизни» (*ἀναστrophῆς πολιτικῆς*) (P. Giss. 40, II, 16—29). Как показал Г. И. Белл, «бесчувственность» египтян была общим местом в представлениях египетских греков римской эпохи и противопоставлялась эллинскому человеколюбию (*φιλανθρωπία*)⁶⁵. При этом Каракалла не возражал, если египтяне посещали Александрию «ради более культурной жизни» (P. Giss. II, 25—26). Водораздел проходил не между этносами, но между «образованным обществом» и плебсом. К плебсу «культурные люди» относились с презрением. Так, художник в прошении упоминает «деревенскую наглость арендатора, не желающего ни платить денег, ни отдавать землю» (CPR, V, 9, 15).

Культурность не отождествлялась с богатством. Более того, «бесчувственность» воспринимали как результат заносчивости и жизненного успеха. «Ты имеешь более важные дела и из-за них пренебрегаешь нами... я рад твоему счастью», — пишет Флавий Геркулан своей вольноотпущеннице. «Явно кичась своим богатством и великим изобилием владений, ты презираешь друзей», — читаем в другом письме (Sel. Pap. 147, 10—13 — III в. н. э.). Фигура «некультурного» богача популярна в античной литературе: достаточно вспомнить Трималхиона.

«Чувствительность» и моралистичность писем, их риторичность — все это, вероятно, черты «культурного образа жизни» (*ἀναστrophῆς πολιτικῆς*), умения вести себя. По мнению такого эпистолографа, как Плиний Младший (Ep. III, 13,3), «замечательная изобретательность и великолепный язык бывают иногда и у невежд; ладно скомпоновать, разнообразить речь фигурами дано только людям образованным».

Е. А. Беркова находит в письмах Сидония Аполлинария «картину сложившегося интеллигентного общества, резко обособившегося от остальной, еще мало просвещенной массы»⁶⁶. Конечно, Аврелию Зоилу, Сарапаммону или Серену далеко до Сидония Аполлинария. Но претензия на «культурный образ жизни», на обособление от «непросвещенной массы» египтян налицо. Налицо и такие пороки «интеллигентного общества», как слабость духа, неспособность переносить удары судьбы, рефлексия. Их оборотная сторона — стремление к анализу, ироничность, осознание противоречий.

Мы далеки от того, чтобы зачислить в «интеллигентное общество» всех авторов писем II—IV вв. Во-первых, речь может идти только о «литературных» посланиях, а их, конечно, меньше, чем обычных деловых записок. Во-вторых, многие номинальные авторы просто безграмотны, а все красоты стиля их писем — заслуга профессиональных писцов, отражение психологии писцов. И все же превращение письма в литературный факт — свидетельство возникновения довольно широкого «образованного круга», охватывавшего не только высшие, но и средние слои. Этого круга не было в предыдущую эпоху, хотя и тогда александрийцы лучше знали Гомера, чем египетские крестьяне. «Интеллигентное общество» в Египте II—IV вв. отличается не степенью образованности, а сознанием своей образованности, своей обязанности писать, думать и чувствовать в соответствии с

⁶⁵ Bell H. I. Philantropia in the Papyri of the Roman Period. — In: Hommages a J. Bidez et à F. Cumont, Bruxelles, 1949 (Collection «Latomus», 2), p. 31—32.

⁶⁶ Беркова Е. А. Поздняя римская эпистолография (IV—V вв. н. э.). — В кн.: Античная эпистолография..., с. 262.

«культурным образом жизни». Приход римлян в Египет ускорил исчезновение «царской собственности»: царская земля и земля клеруков превращались в частную, «царские монополии» на ремесло и торговлю уходили в прошлое. Возник широкий слой средних землевладельцев, не связанных с государственной службой (в отличие от клеруков птолемеевского периода), имеющих досуг и независимость. Еще в 202 г. появились городские советы в метрополиях. Превращение номовых центров в полисы, а их жителей — в граждан создавало иллюзию полисного, а следовательно, и культурного образа жизни.

Принадлежность к «культурному обществу», к «эллинам» отделял средние слои от бесправного моря египетских крестьян, вызывала у них стремление к некоторому подчеркиванию своей культурности. В то же время не мог не ощущаться разрыв между полисной цивилизацией и имперской социальной действительностью. Отсюда, вероятно, рефлексивность мышления, «избыточность» восприятия, тяга к размышлению, обобщению, описанию. Эти люди не просто чувствовали, но изображали свои чувства, не просто действовали, но анализировали свои действия и действия других людей, «судили» ближних. Из такого описательного (не функционального) отношения к жизни и родилось литературное бытовое письмо.

А. Б. Ковельман

THE PRIVATE LETTER IN GRAECO-ROMAN EGYPT AS A LITERARY GENRE

A .B. Kovel'man

In Egypt, in the 2nd to 4th centuries, Greek letter-writing acquires a literary resonance. Traditional elements of the letter, such as narration and request, change their colouring. The narrative tells of the mishaps and feelings of the writer or of other people and the request is not so much for assistance as for sympathy. The authors of the letters are acutely conscious of their emotions: they do not express them, they dissect and portray them. The result is that they feel themselves deeply unhappy in situations which were easily borne by people of the preceding epoch. In earlier times the letter-writer concerned himself only with his own moral problems, now he deals with morality in the abstract, in the form of aphorisms. General norms of behaviour are depicted also by the comparative method, a particular case being compared, or contrasted, with the normative: e. g. «you treat me not like a father but like an enemy», and the like. Another person's speech is often cited in confirmation and objectification of the writer's own moral position. Acute awareness of the moral standard leads to exaggeration of the significance of family and other private conflicts, inflating them to universal proportions. This sort of thing engenders an appeal for forgiveness and forbearance. Once the near and dear person becomes an enemy there arises a need to forgive and love one's enemies (usually members of one's family). The sentimental and sententious manner of these letters becomes itself an object of reflection. On the one hand it is treated ironically, on the other hand it is demanded, its absence is resented. The style of these letters reflects notions, entertained by upper and middle social groups, about «the cultured way of life» and the difference between educated people and Egyptian peasants. The new epistolary style was an outgrowth of the newly formed «educated society», which itself was a product of municipalization and the development of private property. Characteristic features of this society were an illusory vision of polis society and a sharp awareness of actual miseries — illness, loneliness, poverty, and the like.

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ. Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии. Древнеегипетские наскальные надписи. М.: Наука, 1983, 184 с.

В 1961 г. по инициативе ЮНЕСКО были приняты меры к спасению ценных исторических памятников древнего Египта, оказавшихся в результате сооружения Асуанской плотины под угрозой повреждения или разрушения. Академия наук СССР приняла активное участие в этой кампании и направила в Египет археологическую экспедицию во главе с известным советским археологом и египтологом академиком Б. Б. Пиотровским. В экспедиции участвовали советские исследователи О. Г. Большаков, Н. Я. Мерперт и Р. М. Джанполандян, а также археологи из Управления древностей ОАР Фуад Якуб и Саид Хинди. В результате успешных работ, продолжавшихся в сезоны 1961/62 и 1962/63 гг., были сняты точные копии многочисленных надписей и изображений, характеризующих взаимоотношения Египта и Нубии во времена Древнего, Среднего и Нового царств (III и II тыс. до н. э.). Предварительные данные о сделанных открытиях были опубликованы Б. Б. Пиотровским на русском¹ и немецком² языках. Окончательные итоги подведены в рецензируемой монографии, содержащей издание двухсот найденных иероглифических текстов с переводом и комментариями, а также изображений, высеченных на скалах и отдельных камнях.

В кратком вступлении автор точно определяет зону, на которую распространялись изыскания руководимой им экспедиции. Это было в основном высохшее в незапамятные времена русло реки, впадавшей в Нил, протяженностью в 300 км — Вади Аллаки. Систематически был обследован и изучен отрезок этой долины на расстоянии 80 км от нильского берега до впадения в Вади Аллаки небольшого Вади Кулейб. Дальше на юго-восток была проведена разведка местности еще на два десятка километров, вплоть до местности Умм-Карейат, где находились в древности золотые рудники.

Первая глава книги носит скромное название «Историческая справка» (с. 5—23). На самом же деле содержание ее гораздо шире: это краткое, интересное, насыщенное целым рядом ценных наблюдений исследование социально-экономических, политических и культурных взаимоотношений Египта и Нубии на протяжении почти двух тысячелетий.

Особое внимание уделяет автор вопросу об этническом составе населения Нубии. Анализируя термин *нехси*, он считает его в первую очередь обозначением негров, но допускает возможность более широкого употребления его применительно ко всему коренному населению Нубии в противоположность, например, термину *ам*, обозначавшему азиатов. Из приводимого автором обильного исторического материала ясно видно, что этнической розни между местным населением и завоевателями-египтянами

¹ Пиотровский Б. Б. Археологическая экспедиция в Нубию. — Вестник АН СССР, 1962, № 1, с. 88—93; *он же*. Нубийская археологическая экспедиция. — Вестник АН СССР, 1964, № 11, с. 93—98; *он же*. Две египетские надписи VI династии в Вади Аллаки (Нубия). — ВДИ, 1966, № 1, с. 80—88.

² Piotrovsky B. Wadi Allaki — der Weg der Alten zu den Goldminen Nubiens. — In: Proceedings of the 26 International Congress of Orientalists. New Delhi, 1964. New Delhi, 1968, V. II, p. 12—16.

не было ³. Конечно, часть нубийцев угоняли в рабство (см., например, с. 12, где говорится о 300 неграх — рабах и рабынях, ср. с. 16), но наряду с этим отмечается (со ссылкой на наблюдения У. Эмери), что в масштабах вельмож времен IV династии в Гизе некоторые погребенные имели явно негроидные черты (с. 6). В более позднее время (при XX династии) нубиец с характерным именем Панехси являлся наместником Нубии. Кстати говоря, в следующей главе (с. 37) сообщается также, что некоторые участники экспедиций в Нубию, оставившие свои надписи на скалах в Вади Аллаки, были кореными нубийцами, принявшими египетские имена (чужеземные имена встречаются крайне редко).

Таким образом, взаимоотношения между египтянами и нубийцами были далеко не всегда одинаковыми. Во времена IV династии они были сравнительно мирными (с. 5). При VI династии египетская власть держалась на военной силе. Иногда нубийцы восставали против фараонов и даже совершали набеги на Элефантину (с. 7). В периоды ослабления и распада Египта Нубия полностью восстанавливала свою независимость; после нового усиления египетской державы (при XII и XVIII династиях) произошли второе и третье завоевания Нубии. Но даже во времена Нового царства, когда египетское господство в Нубии весьма упрочилось и наместники фараона установили массовые сборы даров (роспись одной из фиванских гробниц этого времени среди приносящих дары запечатлевает не только работоспособное мужское население покоренной страны, но и старух и женщин с детьми — с. 14), отнюдь не исключались мирные связи между египтянами и нубийцами. Имеются указания на существование между ними «немой торговли». Жители Северной Нубии и Куша (Южной Нубии) в большом количестве пополняли египетскую армию. Всегда проводилось четкое различие между мирными нубийцами и племенами, оказывавшими сопротивление.

Упорное стремление египетских фараонов к освоению (насильственному или мирному) богатств Нубии имело глубокие причины, далеко не одинаковые в различные эпохи. Во времена Древнего царства в Нубии еще не добывалось золото, которым она славилась в более поздние времена. Египетские завоеватели стремились в первую очередь вывозить отсюда камень для строительных работ (с. 5, 7). С другой стороны, развитие в III тыс. до н. э. ирригационного земледелия в Египте приводило к сокращению пастбищ, и спрос на продукцию скотоводства покрывался за счет угона крупного и мелкого рогатого скота из соседних стран, заселенных пастушескими племенами, в том числе из Нубии (с. 5). Кроме того, Нубия снабжала Египет черным деревом, слоновой костью и шкурами леопардов. Значительные перемены происходят лишь в конце III тыс. до н. э., когда в Нубии, между Нилом и Красным морем, начинают разрабатываться месторождения золота. При XII династии впервые нубийское золото доставляется в Египет, а при XVIII династии в надписи Тутмоса III уже говорится о бесчисленном количестве золота из страны Вават (Северной Нубии); показательное, что в списке дани этот металл стоит на первом месте (с. 12).

Большое внимание в рассматриваемой главе уделяется культурным взаимодействиям Египта и Нубии. Автор отмечает, что «несмотря на жесткую эксплуатацию Нубии египетским государством в эпоху Среднего царства, культура племен Нубии продолжала развиваться, так как взаимоотношения Нубии и Египта способствовали росту производительных сил подчиненной страны» (с. 11). Особенно ярко это выявляется во времена Нового царства, когда «нубийцы восприняли египетскую культуру и ремесленники, там (т. е. в Нубии. — Д. Р.) работавшие, изготавливали предметы искусства, которые невозможно отличить от изделий центрального Египта» (с. 17). Автор, опираясь на свои прежние исследования, специально останавливается на высокохудожественных изделиях (особенно на декоративных щитах), найденных в гробнице Тутанхамона, сравнивая их с аналогичными изображениями в гробнице наместника Нубии Хи (с. 14 — 16) ⁴, где чрезвычайно красочно показано принесение нубийцами даров фараону. Подлинные щиты из царской гробницы безусловно, хотя иногда с некоторыми вполне понятными отклонениями, соответствуют изображенным в росписи гробницы Хи.

³ Хотелось бы при этом напомнить, что аналогичные явления наблюдались в древней Месопотамии, где, как неоднократно отмечалось И. М. Дьяконовым, отсутствовали какие-либо признаки вражды между шумерами и аккадцами.

⁴ Весьма показательны исключительно интересные иллюстрации на с. 8—9 и 15.

Фараоны Нового царства не довольствовались богатой данью, в том числе золотом и золотыми изделиями, получаемыми из Нубии. Они сами в широких масштабах стали организовывать работы в рудниках, расположенных в пустыне, отделяющей Нил от Красного моря. Для этого снаряжались крупные экспедиции по естественным путям, которыми служили вади (в первую очередь изученное советскими археологами Вади Аллаки). Организация экспедиций к золотым рудникам была делом исключительно трудным. Люди и животные массами гибли в безводной пустыне от жажды (с. 19—20). Обильный поток золота, добытого в результате этих трудов и испытаний, обогащал в первую очередь фараона и храмы. Между царскими чиновниками и жрецами происходили частые споры при разделе добычи. Потребовались специальные декреты (например, известный декрет Сети I в Наури), чтобы защитить интересы храмов (с. 20—21). Все эти обстоятельства необходимо учитывать при оценке памятников, обнаруженных и изученных участниками экспедиции в Вади Аллаки.

Во второй главе разбираемой книги — «Вади Аллаки и его надписи» — отмечается, что первым исследователем, который обратил внимание на эпиграфические памятники в Вади Аллаки, был Ярослав Черны. Он посвятил им небольшую статью в «*Journal of Egyptian Archaeology*» за 1947 г. В этой статье он использовал фотографии, хранящиеся в Каирском музее, но незначительное количество надписей не дало возможности опубликовавшему их египтологу, по его собственному признанию, сделать какие-либо исторические выводы. Таким образом, советским исследователям, изучившим в подлинниках и притом на месте нахождения 200 надписей, в том числе несколько точно датированных, принадлежит основная заслуга обогащения египтологии целой группой первоисточников, значительно пополнивших наши знания о взаимоотношениях Египта и Нубии.

Подавляющее большинство египетских надписей, найденных в Вади Аллаки, относятся ко времени Нового царства. Они принадлежат участникам экспедиций, направлявшимся к золотым рудникам. Только две надписи (№ 199 и 200) датируются временем Древнего царства (VI династии), т. е. периодом, когда золото Нубии еще не добывалось. Авторами их являются хорошо известные из других источников Хунес и Уни — начальники караванов, которые направлялись в нубийские каменоломни за строительными материалами (с. 32).

От времени Среднего царства из этих мест пока не дошло ни одной надписи, хотя Вади Аллаки находилось под властью Египта, владевшего ключевым пунктом этого района — крепостью Бакет. Автор объясняет это обстоятельство тем, что египтяне еще не разрабатывали сами рудников в этих местах и получали отсюда золото в виде дани. Впрочем, Б. Б. Пиотровский допускает возможность существования другого пути к древним рудникам — по Вади Короско, который проходил южнее. Здесь экспедиция чехословацкого египтолога З. Жабы обнаружила три египетских надписи Среднего царства (с. 35). Так или иначе, частые регулярные передвижения египетских караванов по Вади Аллаки зафиксированы пока лишь для Нового царства. Продолжались они с некоторыми перерывами и позднее, в античные времена и в эпоху раннего средневековья, хотя письменных памятников этих эпох дошло минимальное количество (одна краткая римская надпись и три арабских — с. 25). Автор убедительно объясняет это тем, что передвижение стало осуществляться не на ослах, а в основном на верблюдах⁵, двигавшихся гораздо быстрее; уже не требовались длительные остановки, во время которых можно было высекать надписи на скалах, отдельных камнях и каменных стелах (с. 25—26).

Наибольшее количество надписей было зафиксировано на стоянках, отстоящих друг от друга на расстоянии 25—30 км (столько могли пройти за день пешие люди и вьючные ослы). Участники экспедиций выбирали для длительного отдыха удобные места под естественными навесами скал и в пещерах. Таких стоянок зафиксировано три: Хукаб Карар, Хукаб Хашм ат Таргоми и Умм-Ашира. Особенно много надписей было обнаружено на последней (134 из общего числа 200, с. 30).

Наиболее замечательна надпись на стеле высотой почти в метр (№ 197), высеченная по приказу Рамсеса II, в которой сообщается о сооружении колодца. Об этом колод-

⁵ В древнем Египте верблюды были известны, но использовались крайне редко. Показательно, что в изображениях на скалах Вади Аллаки только один раз фигурирует верблюд (направо от надписи № 21).

це было известно и прежде из надписи, найденной в Кубане (близ устья Вади Аллаки). Оба текста прекрасно дополняют друг друга. Ранее обнаруженный сообщал о том, что колодец был вырыт в третий год правления Рамсеса II и имел в глубину 12 локтей (выше 6 м), причем вода выступала на 4 локтя. Однако название колодца было в надписи попорчено, и его безуспешно пытался восполнить американский египтолог Д. Г. Брестед. Надпись, открытая советской экспедицией, содержит его наименование полностью: «Колодец „Рамсес Мери-Амон, доблестный в жизни“». Но, самое главное, теперь оказалось возможным определить точное местоположение колодца, от которого сохранилась впадина, засыпанная песком⁶.

Интересна также одна короткая надпись (№ 73): «Колесничий, блюститель ... (вероятно, в лакуне стояло слово „коней“ — Д. Р.), Рамес» — рядом с прекрасно выполненным изображением коня, что наряду с другими надписями и изображениями дает основание предположить, что египетские сановники и воины передвигались по вади на колесницах (с. 31).

В основном надписи были предназначены для увековечивания имен и титулов лиц, принимавших участие в экспедициях к рудникам: главным образом *шемсу* («сопровождающих»), различных писцов, довольно часто жрецов, реже воинов. Неоднократно упоминаются «начальники скота», что свидетельствует о перегонах и перевозках скота из Нубии в Египет (с. 39), имевших важное значение для египетской экономики. Не случайно очень частыми оказываются на скалах Вади Аллаки изображения коров.

Много сведений дают памятники о религии. Наиболее почитаемым богом в изучаемом районе являлся «Хор (Гор) страны Бак». С его культом было связано почитание его матери Исида, изображаемой в виде крылатой змеи (с. 41). Упоминаются также верховный бог Египта Амон, Тот, бог пустыни Мин и бог-покровитель близлежащей Элефантины Хнум. Хотелось бы еще прибавить к этому списку бога Себека. Правда, он не упомянут в текстах Вади Аллаки, но изображение рядом с надписью № 123 крокодила, явно священного (о чем свидетельствует корона на его голове), намекает на почитание его как бога.

Интересны указания на культы чужеземных божеств: нубийской богини Аникет (с. 41) и ханаанской богини Анат, упомянутой в составе теофорного имени Пананат (№ 138)⁷.

В связи с разбором надписей автор неоднократно упоминает связанные с ними изображения. Кроме того, последним посвящена весьмараткая (с. 111—122, включая иллюстрации), но очень насыщенная ценными наблюдениями и выводами глава «Петроглифы». Тщательно анализируются содержание и художественный стиль ряда этих рисунков, высеченных на камне. Автор учитывает перподизацию, предложенную Г. Лейзнером, обследовавшим 600 аналогичных наскальных рисунков (начиная с доисторических времен и вплоть до раннеарабского времени включительно), но добавляет к установленным этим исследователем пяти группам еще одну — группу произведений византийского времени, для которых типичными являются фигуры жирафов с птицами на спинах (с. 112).

Что касается древнеегипетских рисунков времени Среднего и Нового царств, то огромный интерес представляет оригинальная фигура человека, смотрящего в особый прибор. На основании аналогичных находок в Фивах Б. Б. Пиотровский пришел к заключению, что это своеобразные звездные часы, предназначенные в отличие от солнечных часов для определения времени ночью. В Нубии подобный прибор обнаружен впервые, что имеет большое значение для изучения культурных связей египтян с нубийцами.

Для изучения египетского фольклора большой интерес представляет схематическое, но достаточно четкое изображение мифического змея с ногами человека (с. 114 и

⁶ По словам проводника Ибрагима, сопровождавшего советских археологов, этот колодец пытались вторично отрыть в конце XIX в. английские солдаты, но потерпели неудачу (с. 29—30). Не случайно урочище Умм-Ашира («Мать племени») имеет другое название — Бир ал Аскери («Воинский колодец»).

⁷ О почитании этой азиатской богини в той же Элефантине см. Волков И. М. Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине V в. до н. э. М., 1915, с. 52—54.

табл. 9, № 6), которое заставляет вспомнить мудрого змея из знаменитой «Сказки о потерпевшем кораблекрушение», который не полз, а шел⁸.

Для изучения художественного стиля петроглифов большой интерес представляют лаконичность и выразительность форм идущих птиц и скачущего козла (с. 114 и табл. 2, № 1). Эти фигуры, умело начертанные беглыми штрихами, весьма своеобразны. Особенно оригинальна при всей своей схематичности композиция рисунка на отдельном камне близ Умм-Аширы. Здесь мы видим многovesельную ладью со стоящими и лежащими в ней людьми; все фигуры изображены анфас. Как определил автор, «это совершенно по стилю неегипетское изображение передает как будто ритуальную сцену, связанную с ладьей» (с. 116 и табл. 7 на с. 121). В том же стиле выполнены еще два петроглифа (табл. 6 и 8). Поскольку в египетском искусстве анфасные изображения исключительно редки, предположение автора о местном характере этих петроглифов вполне убедительно.

Из всего сказанного явствует, что исследование Б. Б. Пиотровского, основанное на материалах руководимой им экспедиции, представляет большую ценность для историков, археологов и искусствоведов. Основные выводы автора хорошо обоснованы. Лишь некоторые второстепенные моменты представляются мне спорными. Так, на с. 27 и 101 решительно утверждается, что на изображении № 7 (Хукаб Карар) представлен фараон перед богом Хором (Гором). Однако краткая надпись рядом с этим рисунком, упоминающая лишь некоего Небнетру, сына Хори, не дает этому никакого подтверждения. К тому же коленопреклоненный человек показан совершенно обнаженным, если не считать узкого пояса. По этим причинам причисление его к фараонам кажется мне слишком рискованным. Скорее можно предположить, что здесь запечатлен сам писец Небнетру.

На с. 5 фараон Нармер безоговорочно причисляется к I династии. Действительно, ряд египтологов отождествляет его с первым фараоном I династии Менесом (Миной). Однако многие египтологи (Ю. Я. Перепелкин⁹, Н. С. Петровский¹⁰, И. В. Виноградов¹¹ и др.) считают предположение, что Менес носил троякое имя Нармер, весьма сомнительным. Вполне возможно, Нармер принадлежал к числу додинастических царей Египта, которых иногда объединяют в особую династию, не особенно удачно названную нулевой. Таким образом, вопрос остается весьма спорным, и было бы желательно, чтобы, принимая одну из вышеуказанных точек зрения, автор указал на существование иных взглядов.

Другой спорный вопрос возникает при установлении точного происхождения имени известного сановника времени VI династии, совершившего ряд экспедиций в Нубию. Б. Б. Пиотровский, следуя за автором специальной работы, посвященной египетским личным именам¹², предпочитает чтение «Хирхуф» (с. 6—7). Однако большинство египтологов¹³, признавая это имя теофорным и, следовательно, допуская выдвигание вперед имени бога Хора при написании, читают это составное имя как «Хуфхор». Поскольку этот вопрос еще не получил окончательного разрешения¹⁴, автор, разумеется, сохраняет за собой право примыкать к той точке зрения, которая представляется ему более убедительной. Однако хорошо было бы информировать читателя о существовании иного взгляда.

⁸ О значении для изучения истории Нубии этого записанного на папирусе произведение, хранящегося ныне в Государственном Эрмитаже, подробно сообщается на с. 11.

⁹ Всемирная история. Т. 1. М., 1955, с. 154 (глава IV, принадлежащая перу Ю. Я. Перепелкина).

¹⁰ Воробьев-Десятовский В. С., Итс Р. Ф., Липин Л. А., Петровский Н. С. Очерки по истории древнего Востока. Под ред. акад. В. В. Струве. Л., 1956, с. 23—24 (раздел «Древний Египет» написан Н. С. Петровским).

¹¹ История древнего мира. Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой и И. С. Свенцицкой. Т. 1. М., 1982, с. 98 (лекция 5, принадлежащая перу И. В. Виноградова).

¹² Ranke H. Die ägyptischen Personennamen. Glückstadt, 1935.

¹³ Ю. Я. Перепелкин, Н. С. Петровский, И. А. Стучевский и др.

¹⁴ Французские египтологи Э. Дриотон и Ж. Вандье придерживаются традиционного чтения (Les peuples de l'Orient Méditerranéen. II. Egypte. P., 1952, p. 209). Из советских египтологов форму имени Хирхуф предпочитает В. И. Авдиев (История древнего Востока. М., 1970, с. 167).

Что касается советской и зарубежной литературы по истории египетско-нубийских взаимоотношений, то она использована исчерпывающим образом. Только в одном случае хорошо было бы сделать добавление, а именно упомянуть статью Е. Н. Максимова «Папирус № 1115 из собрания Государственного Эрмитажа»¹⁵. Эта статья посвящена «Сказке о потерпевшем кораблекрушение», которой уделено значительное внимание в рецензируемом труде (с. 10—11).

Все эти замечания касаются, конечно, отдельных деталей. В целом работа Б. Б. Пиотровского представляет необычайно интересное исследование, основанное на анализе вновь открытых текстов и изображений, и содержит ряд ценных исторических выводов.

В заключение необходимо отметить прекрасное художественное оформление книги и, в частности, образцовое воспроизведение иероглифических текстов и рисунков, выполненное А. Л. Вассоевичем.

Д. Г. Редер

¹⁵ Древний Египет и древняя Африка. Сб. статей, посвященный памяти акад. В. В. Струве. М., 1967, с. 94—106.

Б. Г. ПЕТЕРС. *Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья*. М.: Наука, 1982, 207 с., илл.

Рецензируемая монография вносит существенный вклад в изучение морского дела в античных государствах Северного Причерноморья. До настоящего времени в советской исторической литературе не было специальных работ, посвященных этой теме. Отдельные аспекты античного кораблестроения в северопричерноморских государствах затрагивалось попутно в обобщающих работах В. Ф. Гайдукевича¹, В. Д. Блаватского², Н. И. Сокольского³, а также освещались в небольших статьях. Поэтому монография Б. Г. Петерса, в которой с наибольшей полнотой сведены воедино и обобщены обширный археологический материал и письменные свидетельства древних авторов, безусловно, представляет интерес и являет собой значительный этап в изучении морского дела в Северочерноморском регионе.

В первой главе монографии Б. Г. Петерс дает обоснование темы исследования, общий обзор источников и результатов подводных археологических работ, систематизирует материал, изложенный в трудах отечественных историков. В следующих главах автор детально рассматривает морское дело в государствах Северного Причерноморья на начальном этапе мореплавания, в классический, эллинистический и римский периоды. Проблемы, затронутые Б. Г. Петерсом во второй главе, посвященной изучению древнейшего этапа мореплавания в пределах акватории Понта Евксинского, были до настоящего времени одними из самых малоизученных ввиду отсутствия ряда источников — в первую очередь, археологических памятников с воспроизведенными на них изображениями судов, соответствующих каждому периоду мореплавания. Поэтому следует признать удачной избранную Б. Г. Петерсом методику — рассмотрение проблем морского дела на широком историческом фоне с привлечением аналогий из других регионов. На основе археологических памятников Западного Крыма и Керчи и их идентификации с находками в районах Западной Грузии и Анатолии автор устанавливает возможный факт каботажного плавания вдоль восточного побережья Черного моря в конце II — начале I тыс. до н. э., прослеживает морские связи Фракии с Боспором и Буго-Днепровским лиманом.

В третьей главе монографии автор рассматривает генезис морского дела в древней Греции с момента расцвета полисной системы в V в. до н. э. и одновременно выявляет

¹ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949.

² Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.

³ Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971.

влияние техники судостроения метрополии на развитие мореплавания и типологию северопричерноморских судов. Убедительно выглядит трактовка Б. Г. Петерсом граффито с изображением трех военных кораблей на ручке крышки чернолаковой леканы V в. до н. э. из Мирмекия (с. 44, рис. 2—4). Первые два корабля представляют собой униремы, близкие по своей конструкции к классическим типам военных судов материковой и островной Греции того времени, которые имели в качестве движителя по 25 весел на каждом борту и два широколопастных рулевых весла на корме. Третий корабль — это тот же тип судна, но меньшего по водоизмещению. Сопоставляя между собой все три корабля, можно добавить, что кораблестроители Боспорского государства, по всей видимости, не всегда придерживались общепринятых канонов, определявших размеры того или иного типа судна, а сооружали корабли, одинаковые по типу и предназначению, но разные по размерам и количеству весел. Подтверждением этого может служить граффито на фрагменте краснофигурного кратера V—IV вв. до н. э. из Херсонеса, воспроизводящее унирему (с. 47, рис. 5).

Автор работы аргументированно показывает, что в классический период наряду с военным значительное развитие получили торговый флот и его строительство в таких крупных торгово-ремесленных центрах, как Пантикапей и Ольвия. Используя сведения письменных источников и археологический материал, Б. Г. Петерс реконструировал основные элементы корабельной оснастки, присущие торговым судам классического периода. В то же время, касаясь изображения торгового судна, воспроизведенного на наружной стороне дна чернолакового сосуда V в. до н. э. из Ольвии (с. 47, рис. 7), автор неправомерно ограничивается только описанием устройства основных его частей и корабельного такелажа. Изображенное судно представляет особый интерес, поскольку оно являет собой довольно редко встречающийся тип торгового судна с установленным в носовой части дополнительным четырехугольным парусом, предназначенным для увеличения скорости движения по морю. Наиболее раннее упоминание о подобной парусной оснастке встречается у Полибия (XVI, 15, 2). Несмотря на отсутствие более ранних источников, особенно северопричерноморского происхождения, можно предположить, что в судостроении государств Северного Причерноморья — если не повсеместно, то в крупных портовых городах наверняка — использовались наиболее передовые по тем временам технические достижения.

Четвертая глава монографии посвящена исследованию морского дела в эллинистический период. В изучение этого вопроса Б. Г. Петерс внес значительный вклад своими предыдущими работами и подводными археологическими изысканиями, давшими ценный с исторической точки зрения материал. К тому же к моменту написания монографии накопился богатый материал, позволивший рассмотреть проблематику морского дела в Северном Причерноморье гораздо шире, чем это было возможно несколько десятилетий назад. Б. Г. Петерс предпринял детальный анализ состава торгового и военного флота, типологии судов эллинистического периода. Довольно удачна его попытка схематической реконструкции изображения северопричерноморского торгового судна (с. 52, рис. 8), для чего автор привлек не только имеющиеся изображения торговых судов на керамике, монетах, известняковых плитах, но и найденные подводными археологическими экспедициями ИА АН СССР в районе Донузлава остатки торгового судна IV—III вв. до н. э. Реконструкция донузлавского судна — только начало большой работы, продолжение которой возможно лишь при дальнейшем проведении подводных археологических исследований. Приемлемой следует признать методику поэтапного хронологического изучения автором морского дела в эллинистический период: за описанием каждого известного к настоящему времени изображения корабля следует его интерпретация, вносящая много нового в разработку вопросов, касающихся конструктивных особенностей торговых судов и военных кораблей. Интересен анализ автором изображения кормовой части торгового судна эллинистического времени из Пантикапея (с. 53, рис. 9). Б. Г. Петерс дает определение каждого из компонентов судовой оснастки, технических приемов, применявшихся античными кораблями для обеспечения корабельного быта.

Не менее интересны также гипотезы автора о формах реечного крепления парусов к судовым мачтам, так как ранее этот вопрос в литературе об античном кораблестроении не подвергался специальному исследованию. Автор на основании анализа изображений и аналогий к ним показал, что реи на торговых судах изучаемого пери-

ода могли состоять как из двух отдельных стволов дерева, связанных в нескольких местах у мачты, так и из одного цельного ствола.

В разделе главы, посвященном классификации военных кораблей эллинистического времени, важным представляется вывод автора о том, что на щитке бронзового перстня IV—III вв. до н. э. из Тирамбы (с. 59, рис. 11) изображен военный корабль. Уникальность воспроизведенного судна заключается в том, что оно единственное среди северопричерноморских памятников изображает бирему — судно с двумя рядами весел по каждому борту. Несмотря на схематичность и разномасштабность изображения гребцов и отдельных частей самого корабля, Б. Г. Петерс дал детальное описание основных элементов корабельной архитектуры, показав при этом принципиальное значение строительства судов данного типа для общего развития военноморского дела в эллинистических северопричерноморских государствах. Помимо вопросов кораблестроения автор уделяет внимание такой немаловажной проблеме, как выяснение условий подготовки и комплектования команды судов кадрами моряков, обладающих необходимыми навыками эксплуатации и управления кораблями. При этом он выявляет два основных источника, за счет которых формировались экипажи северопричерноморских судов: свободные граждане и наемники. Свое заключение он мотивирует ссылкой на целый ряд документов и в первую очередь на хорошо известный афинский декрет 346 г. до н. э. о разрешении набора боспорскими царями Спартоком и Перисадом матросов для службы на морских судах. К сожалению, автор ограничивается только констатацией факта о наборе наемников для нужд флота: вопрос же этот следует рассматривать в более широком плане. Сам факт просьбы боспорских царей о присылке им из Афин матросов для боспорского флота — событие неоднозначное, обусловленное, по всей видимости, внутриполитической обстановкой в Северном Причерноморье во второй половине IV в. до н. э. Война Спартокидов на море с Гераклеей Понтийской за Феодосию показала слабость боспорского военного флота (Ролуаеп., VI, 9, 4), его неспособность вести активные военные действия. Достигнутая договоренность о присылке матросов и явилась одной из мер, предпринятых боспорскими царями для укрепления своих военно-морских сил.

Значительное место отведено в монографии технике античного кораблестроения. Отсутствие прямых источников, касающихся организации судостроения и применения технических приемов при сооружении корпусов, постановке шпангоутов, оборудования палубных надстроек и такелажа автор умело компенсировал аналогиями из других регионов античного мира: в частности, были использованы обширные сведения, приводимые Афинеем, которые помогли составить представление о мастерстве и технических возможностях северопричерноморских судостроителей.

Касаясь вопросов судостроительного дела, Б. Г. Петерс справедливо отмечает, что ранее многие исследователи недооценивали возможности Северного Причерноморья в этом плане. Флот был необходим северопричерноморским государствам с момента их возникновения для самостоятельного развития экономических, хозяйственных, политических и военных связей. И для его создания, причем в довольно крупных масштабах, имелись все необходимые условия. В связи с этим автор подробно останавливается на сроках эксплуатации кораблей античного времени и — что особенно важно — определяет районы, богатые запасами корабельного леса в эллинистический период. Такими районами были, по его мнению, Таманский и Керченский полуострова, предгорья Кавказа. В то же время следует отметить, что автор необоснованно обходит стороной ряд других областей Северного Причерноморья, которые также могли быть поставщиками леса, пригодного для кораблестроения. Исследования, проведенные В. В. Докучаевым и В. И. Бибиковой, позволяют установить распространение лесов в I тыс. до н. э. в долинах Днепра⁴ и Южного Буга⁵, на что, в частности, указывал еще в I в. до н. э. Дион Хрисостом (XXXVI, 11, 48). Большими запасами пригодной для строительства судов древесины располагала юго-западная часть Крымского полуострова⁶. Значительные лесные массивы были сосредоточены в окрестностях совр. Ба-

⁴ Докучаев В. В. Наши степи прежде и теперь. М., 1953, с. 89 сл.

⁵ Бибикова В. И. Из истории голоценовой фауны позвоночных в Восточной Европе. — В кн.: Природная обстановка и фауны прошлого. Вып. 1. Киев, 1963, с. 130.

⁶ Габлиц К. Физическое описание Таврической области по ее местоположению

лаклавской Бухты⁷. Нельзя считать до конца решенными рассмотренные в книге вопросы, касающиеся типов военных кораблей Северного Причерноморья в эллинистический период. Приведенные автором сведения античных писателей о многорядном расположении весел на кораблях малоубедительны, так как до настоящего времени они не документированы археологически.

Заключительная глава рецензируемой монографии посвящена морскому делу в римский период. Б. Г. Петерс рассматривает в этом разделе развитие военного и торгового флота на общем фоне военно-политических событий и экономической жизни северопричерноморских государств I в. до н. э.— IV в. н. э. Этот период характеризуется многочисленными войнами Митридата VI и его преемников, что не могло не сказаться на активизации действий флота и дальнейшем совершенствовании техники кораблестроения. В начале главы Б. Г. Петерс в хронологической последовательности анализирует действия военных флотов и военно-морскую тактику в ходе первой и третьей войн Митридата VI с Римом. Сопоставляя источники в совокупности, автор справедливо отмечает, что время правления Митридата Евпатора на Боспоре было периодом наивысшего расцвета военного кораблестроения и что после его поражения господствующее положение на Черном море окончательно занимает римский флот.

Гораздо больше по объему и количеству источниковедческого материала содержит раздел данной главы, посвященный классификации морских судов и их практического применения. Свободное владение источниками дало автору возможность установить наличие в кораблестроительной практике классов судов, ранее не появлявшихся в Северном Причерноморье. К числу таких новых типов он обоснованно относит изображенную в граффито II в. до н. э.— I в. н. э. из Пантикапея носовую часть судна с расположенной на баке двуступенчатой башней, предназначенной для штурма с моря прибрежных укреплений (рис. 22). Именуемые самбуками, эти башни достигали значительных размеров и, следовательно, могли устанавливаться на специально построенных судах. Комплексное исследование автором изображений судов на обломке штукатурки из Патрея I в. до н. э. (рис. 26), на мраморном рельефе из Херсонеса II—III вв. н. э. (рис. 32), на фрагменте глиняного грузила из Фанагории (рис. 34) позволило установить римское влияние на технику кораблестроения боспорских городов начиная с I в. н. э.

Отмечая важность и значимость выводов автора по поводу военно-морского флота северопричерноморских государств римского периода, нельзя умолчать о том, что в этом разделе монографии не дано четкого определения типов военных кораблей, входивших в состав морских сил Митридата VI Евпатора. Рассматривая действия военного флота в ходе войны с Римом, Б. Г. Петерс единожды со ссылкой на Аппиана (Mithr. 108) упоминает о биремах, посланных Митридатом VI на выручку своей дочери Клеопатры, находившейся в осажденной Фанагории. Сведения, приводимые Аппианом, позволяют установить типологию военных судов в гораздо большем объеме. Так, в период первой войны с Римом в составе военного флота Митридата VI, участвовавшего в морском сражении у Родоса, имелись триеры и пентеры (App., Mithr. 24—25). Пентеры использовались и в третьей войне с Римом, при осаде и штурме с моря Кизика (ibid., 73). Кроме того, в данной главе имеются некоторые неточности, в частности, на с. 106 и 110 перепутана нумерация рисунков.

Сделанные замечания ничуть не снижают научной ценности монографии Б. Г. Петерса; в отличие от ряда предшествующих работ, носящих узорегиональный характер, она базируется на материале источников всего Северного Причерноморья, что говорит о широте ее проблематики. Книга занимает заслуженное место в изучении морского дела в античных государствах. К числу ее неоспоримых достоинств следует отнести разработанную Б. Г. Петерсом единую типологическую таблицу судов и кораблей Северного Причерноморья и сводку всех имеющихся сведений античных ав-

и по всем трем царствам природы. СПб., 1785, с. 25; Маслов Е. П. Крым. Экономико-географическая характеристика. М., 1954. с. 34.

⁷ *δ' Ασκοι* Э. Д. Описание Черного моря и Татарии.— ЗООИД, 1902, XXIV. с. 120; *Габлиц*. Ук. соч., с. 26.

торов об условиях плавания по Понту Евксинскому, конструкциях кораблей и организации морского дела в северопричерноморских государствах, что, в свою очередь, окажет помощь в дальнейшем изучении этой темы.

С. А. Беляев, В. Н. Таскаев

* * *

Проблемы морского дела и мореплавания — одни из важнейших и вместе с тем менее всего изученных среди других вопросов истории античного общества. Понятен поэтому тот интерес, который проявляется в науке к их разработке. Он выразился в целом ряде обобщающих трудов, а также работ, затрагивающих частные вопросы истории античного мореплавания¹. Что касается советской историографии, то обобщающего исследования по названной проблеме в ней до недавнего времени не было. Поэтому монографию Б. Г. Петерса, известного специалиста в области подводной археологии и истории античного судоходства, следует рассматривать как первую попытку заполнить существующий пробел.

Первая глава рецензируемого труда посвящена источникам и историографии. Однако автор не предпринимает в ней попытку проанализировать содержание имеющейся в настоящее время источниковой базы и важнейших этапов в истории изучения проблемы — все повествование сведено к простому перечислению источников и исследователей. В тексте мы не находим анализа каждого свидетельства, синтеза сведений группы источников (с. 9—24), в то время как античная традиция и надписи содержат столько прямых и косвенных данных о морском деле в Северном Причерноморье, каждое из которых требует специального исследования.

Более развернутый историографический анализ, безусловно, позволил бы автору яснее и четче представить проблемы, ожидающие своего решения. К ним прежде всего следует отнести вопрос о достоверности информации, содержащейся в такой группе источников, какую представляют изображения древних кораблей, периодически обнаруживаемых в ходе археологических раскопок. В рецензируемом труде эта группа древних свидетельств положена в основу рассмотрения проблемы. На ней строится классификация типов северопричерноморских судов и, с привлечением некоторых данных античной традиции и эпиграфики, автором выдвигаются общ исторические заключения. На наш взгляд, главный вопрос, требующий ответа при изучении рисунков кораблей, состоит в том, насколько достоверна содержащаяся в них информация и какой характер происхождения они имеют. Если в отношении вазописи интерпретация изображений еще может опираться на знание особенностей художественного отображения морской практики, средиземноморские аналоги и опыт объяснения типов изображенных судов, накопленный в отечественной и зарубежной науке, то интерпретации рисунков, происхождение которых остается неясным, должна предшествовать работа по выявлению основных принципов их выполнения, лежащих в основе самой техники рисунка. Такой метод не только определил бы наиболее перспективные пути исследования, но и отвечал бы задаче дифференцированного рассмотрения источников. Автор же ограничился классификацией по принципу: суда с тараном — военные, суда без тарана — гражданские (с. 40, 83, 90).

Начиная со второй главы изложение истории морского дела в Северном Причерноморье автор ведет согласно выделенным им этапам: древнейший этап, классический период, эллинистический, римский. Заметим, что Б. Г. Петерс не обосновал принципы такого разделения, а главное — не указал, что конкретно кладется им в основу выделения каждого этапа (то ли принцип исторический хронологии, то ли достижения в кораблестроении или навигации). Не осветил автор и такого вопроса, какие характерные особенности изображений кораблей он учитывал при выделении каждого периода. Лишь в конце главы 5 он бегло высказывается о характерных чертах изображений кораблей римского времени — изображении верхней части корабельных носов в виде головы птиц (с. 102). Отмеченные недостатки сказались в рецензируемом труде

¹ Morisson R. T., Williams Y. S. Greek Oared Ships 900—322 B. C. Cambr., 1968; Rouge Y. La marine dans l'antiquité. P., 1975.

на анализе автором разных групп источников. Так, например, по мнению Б. Г. Петерса, фрагмент чернофигурного кратера VI в. до н. э. из Пантикапея изображает два греческих корабля с одним рядом весел, относящихся, по выражению автора, к судам типа монара (или унирема). В правомочности такого утверждения заставляют усомниться два обстоятельства. Первое связано с тем, что в VIII—VI вв. до н. э., даже во время наиболее интенсивного строительства триер, господствующим типом боевых судов оставалась пентеконтера, о чем свидетельствует Фукидид, сообщающий о присоединении к эскадре Алкивиада двух пентеконтер этрусков во время Сицилийской экспедиции афинян. Второе основано на распространенности указанного сюжета в вазовой живописи в VI—V вв. до н. э. в Средиземноморье и идентификации специалистами изображенных кораблей с пентеконтерой (с. 41)². Добавим к этому, что автор не попытался сопоставить типы изображений с терминами, обозначающими конкретные типы судов в произведениях античных авторов и эпиграфических документах. К примеру, рисунок на крышке чернолаковой леканы автор определяет как древнейший рассказ о морском бое на Северном Понте, но забывает указать, что два корабля, имеющих по 15 весел с каждого борта, можно отождествить с еще одним, чрезвычайно распространенным в античную эпоху типом судов — триаконтерой, использовавшейся, как свидетельствуют письменные данные, в качестве легких, посыльных судов в греческих городах-государствах (с. 43 сл.). Подобным образом в одном весьма стилизованном граффито на фрагменте краснофигурного кратера из Херсонеса V—IV вв. до н. э. автор не распознал одно из первых изображений триеры в Северном Причерноморье (с. 45).

Вторую группу источников по истории морского дела на Северном Понте, которая подвергается осмыслению и анализу автором рецензируемого труда, составляют данные античной традиции и надписей из городов Северного Причерноморья. Это уже не закодированная графическая информация, а свидетельства авторов — современников и очевидцев, позволяющие уточнить частные вопросы и рассмотреть отдельные периоды в истории морского дела населения Северного Причерноморья. В известной степени указанная задача автором выполняется. Однако в ходе ее реализации остались не рассмотренными вопросы устройства триеры и времени ее появления в составе флота античных городов Северного Причерноморья (с. 62—67). Судя по содержанию главы 4, Б. Г. Петерс не предложил новых решений проблемы, ограничившись постулированием трехрядности гребного аппарата, и не изложил собственной позиции по поводу расположения банок, уключин, весел, а также количества гребцов из общего числа экипажа в 162 человека. Что касается другой стороны этой проблемы, то данные Плутарха, Энея Тактика и Полиэна позволяют датировать появление триеры в составе боспорского флота временем между 387—346 гг. до н. э. В пользу этой даты свидетельствует и афинский декрет в честь Спартока II и Перисада I, датированный 346 г. до н. э. Как известно, в нем идет речь о посылке на службу боспорским царям матросов-афинян. Исследователи декрета (Диттенбергер, Латышев, Жебелев, Граков, Гайдукевич и др.) не обратили внимания на то, каких матросов просили Спарток и Перисад. Между тем информация об этом содержится в самом обозначении матросов-афинян. В стк. 60 надписи сказано: «...дать тех *ὑπὸ τῶν*, которых просит Спарток и Перисад...». Если принять во внимание, что гиперейторы (младшие офицеры, рулевые) служили в афинском флоте на триерах, то становится понятным, что речь в декрете идет не об отсутствии флота на Боспоре или незначительном количестве гребцов и матросов, а о том, что не хватало специалистов, может быть, даже советников для новых типов судов боспорского флота (ср. с. 67). Появление триер в составах флота северочерноморских полисов к тому же фиксируется появлением их изображений.

Анализируя данные античных авторов, Б. Г. Петерс приходит к выводу, что в Северном Причерноморье эллинистического времени могли строить крупные военные корабли: пентеры, гексеры, октеры (с. 69, 83). При этом не приводятся конкретных данных, подтверждавших бы правомочность этих утверждений; автор приводит лишь обширные цитаты из произведений Афиней (с. 70—74) и Калликсена (с. 74—76), в которых содержатся рассказы о кораблях, не имевших отношения к Северному Причерноморью, и ссылается на традиции строительства судов «полиэрес», известных в

² Morisson, Williams. Op. cit., p. 112—116.

Гераклее Понтийской. Но для боспорского флота, заметим, имеются прямые данные, свидетельствующие о введении Эвмелом в состав флота центер и гексер, а Митридат VI Эвпатор, по данным Аппиана, развернул на Боспоре строительство катафрактов и дикротов, использовавшихся в период войн с Римом для перевозки тяжелой конницы к театру военных действий и для морских сражений. Кстати, изображения носовой части кораблей этого типа исчерпывающе представлены на монетах создателя Понтийской державы. Неслучайно проводимая постоянно модернизация боспорского флота и морское могущество, достигнутое в конце IV — начале III в. до н. э., официально признаются Афинами (декреты в честь Спартока II и Перисада I, декрет в честь Перисада III). Разбирая декрет в честь Диофанта, автор учитывает только данные о том, что флот Боспора был захвачен Савмаком, и проходит мимо информации о флоте Херсонеса (с. 82): в этом декрете упоминаются четыре корабля херсонеситов — три, на которых Диофант вернулся с войском в Пантикапей, и один, посланный херсонеситами за Диофантом во время восстания. Этот последний, названный в декрете «кораблем херсонесских граждан», представляет интерес прежде всего. В надписи не сообщается, к какому типу относится это быстроходное судно, однако идентичность терминов для обозначения его принадлежности, наблюдаемая как в литературной традиции, так и в эпиграфике, позволяет поставить его в функциональном плане и как собственность государства в один ряд с «Саламном» и «Паралом» в Афинах и Гераклеяской «Леонтофорой».

Не меньший интерес представляет вопрос о самой технологии судостроения в Северном Причерноморье. Несмотря на то, что этот вопрос уже становился предметом специального рассмотрения в советской историографии³ и разбирается автором рецензируемого труда (с. 125—128), все-таки данные подводной археологии не получили в указанных работах интерпретации с точки зрения способов кораблестроения. Изучение более чем 2500 античных кораблекрушений показало, что греческие и римские суда строились способом, диаметрально противоположным способам строительства в европейское средневековье. Античными судостроителями использовалась так называемая техника собирания сшитых судов или техника обшивки в клинкер, суть которой заключалась в тщательном изготовлении обшивки, а затем последующего ее наращивания на шпангоуты. На такой характер строительства корпуса судна указывают остатки добузлавского кораблекрушения IV в. до н. э.

Укажем также на отдельные неточности (с. 80, 99, 106), повторы изложения (с. 69, 83; с. 34, 76), спорные реконструкции на основании сопоставления остатков кораблекрушения и рисунков судов (с. 56—62), а также погрешности в оформлении приложения (в оглавлении работы пропущена глава «Источники и историография»). Опыт, проделанный Б. Г. Петерсом, убеждает, что только всестороннее рассмотрение проблемы и комплексный анализ источников, системный подход в исследовании истории морского дела и мореплавания могут обеспечить объективное представление об уровне развития флота греческих городов и аборигенного приморского населения Северного Причерноморья.

Н. П. Писаревский

³ Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. — МИА, 1971, 178, с. 66—77.

F. JOANNÈS. *Textes économiques de la Babylonie récente*. Études assyriologiques. Editions: Recherche sur les civilisations, cahier № 5. Paris, 1982. 450 p.

В рецензируемом труде транслитерированы, переведены и исследованы изданные недавно в автографии Ж. М. Дюрана нововавилонские хозяйственные и частноправовые документы¹. Тексты распределены на несколько групп в зависимости от места их

¹ Durand J. M. *Textes Babylonniens d'époque récente*. P., 1981.

составления и содержания. Опубликованные Дюраном в той же книге религиозные, астрономические и медицинские тексты, а также письма не включены в рецензируемую работу, поскольку в ней рассматриваются только документы экономического характера.

Значительная группа табличек происходит из Ниппура. Довольно много текстов составлено в Шатире — маленьком городе, располагавшемся, вероятно, между Ниппуром и Уруком. Тексты ахеменидского времени из Ниппура имеют много общего с документами архива дома Мурашу, составленными в том же городе во второй половине V в. до н. э. Однако примечательно, что в новых² текстах дом Мурашу вовсе не упоминается. В них, в частности, содержатся ценные, ранее совершенно неизвестные данные о деятельности храма Экур, главного святилища Ниппура. Как видно из этих текстов, храм владел стадом не менее чем в 300—500 голов крупного рогатого скота.

Во многих документах из Ниппура упоминаются повинностные наделы. Земельные наделы, которые назывались *bīt ritti* (дословно «дом руки»), жаловались гражданским чиновникам не только царской администрацией, но и храмами. Например, в Уруке эти наделы в конечном счете входили в состав земель храма Эанна. Другими словами, когда наделы давали храмы, получатель не обрабатывал их сам, и они оставались включенными в рамки традиционного землепользования. Однако трудно определенно установить обязанности владельцев данных наделов. Судя по одному тексту, с последних необходимо было платить налог царю. По мнению автора книги, эти наделы засвидетельствованы начиная со второго года царствования Кира II, следовательно, были введены вскоре после захвата Вавилоном персами для вознаграждения чиновников царской и храмовой администрации в форме доходов с земли. Жоаннес полагает, что, несмотря на чужеземное происхождение, это нововведение было довольно легко принято вавилонскими храмами (с. 10—16). Однако это мнение о персидском происхождении указанного надела необходимо пересмотреть, поскольку в одном недавно изданном тексте времени правления Набоннида уже упоминается *bīt ritti*³.

Относительно наделов, которые получали воины, служившие лучниками и всадниками (*bīt qašti*, *bīt sīsī* — «надел лука», «надел лошади»). Жоаннес принимает высказанное рецензентом предположение, что они были введены во время царствования Камбиса, если не еще раньше, при Кире. Вместе с тем Жоаннес утверждает, что наш перевод выражения *bīt aspastu* как «надел лошади» является ошибочным (с. 9, прим. 1). Однако это не совсем точно, так как выражение *bīt aspastu* вовсе не засвидетельствовано в текстах. Очевидно, здесь имеется в виду *bīt aspātu*, которое рассматривалось нами как состоящее из аккадского *bītu* (дословно «дом»), иранского *aspa* («лошадь») и позднеавилонского суффикса множественного числа *-ātu*, и, таким образом, оно является синонимом *bīt sīsī*³.

По подсчетам Г. Кардашиа и М. Столпера, средняя площадь надела лука, судя по документам архива Мурашу, не превышала 20 кур или 26 га земли (см. с. 85). В тексте № 25 рецензируемого сборника упоминается надел лука одного воина площадью 12 га. Значительный интерес представляет текст № 4, который, однако, не датирован (Жоаннес склонен отнести его ко времени Артаксеркса II). В нем фиксируется уплата подати (*ilku*) в 15 «наделов лука», в том числе 1,5 мины серебра с надела ткача Нинурта-ахиддина и 1 мины 50 сиклей с надела плотника Энлиль-иддина. Кроме того, 3 сикля серебра были уплачены одним строителем (*arad ekalli*), который владел лишь частью надела. В том же тексте в качестве владельца надела лука упомянут также надзиратель над каналами. В других текстах, приведенных в рецензируемой книге, в качестве владельца «надела лука» выступают, в частности, надзиратель причала и сборщик пошлины в городе Описе.

Таким образом, первоначально «наделы лука» жаловались только воинам, которые обязаны были служить в персидской армии в качестве лучников, для обеспечения существования их самих и приобретения ими необходимого снаряжения, но с течением времени положение изменилось. В результате закладов, дробления и фик-

² Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum. P. 55. L., 1982, № 75 : 2.

³ Dandamajew M. A. Die Lehnbeziehungen in Babylonien unter den ersten Achämeniden. — In: Festschrift für W. Eilers. Wiesbaden, 1967, S. 39—40.

тивного усыновления владельцами наделов могли стать и не воины при условии выполнения нанятыми ими лицами определенных обязанностей по отношению к государству. Не исключено, что в позднеехеменидское время наделы можно было также и продавать. Во всяком случае, в документе № 31, составленном в Шатире в 41-м году правления Артаксеркса I, фиксируется продажа одного надела лука за 0,5 мины «чистого серебра». По мнению Жоаннеса, начальники совокупности наделов сами решали судьбу надела, владелец которого умер, и вместе с остальными совладельцами отвечали перед государством за несение соответствующих повинностей (с. 40).

В тексте № 2 фиксируется уплата в 427 г. до н. э. в Нишпуре 13,5 сиклей серебра в качестве годовой подати с одного повинностного надела. Примечательно, что в отличие от синхронных документов архива Мурашу из того же города налог выплачивается не через посредство Мурашу, а владелец земли сам вносит необходимую сумму непосредственно двум сборщикам податей.

Некоторые тексты являются контрактами о сдаче в аренду полей частными лицами. При этом, что характерно для вавилонских документов, владелец поля обычно получал 1/3 урожая в качестве арендной платы.

Часть текстов происходит из Урука и освещает деятельность храма Эанна. Среди них — несколько документов относительно недоимок по уплате арендной платы храму Эанна. Значительный интерес представляет документ № 41: «Бания, сын Бу[д]лита, передал своего раба ⁴ Ана-Нана[йя]-так[лака...] Калбе, сыну Икиша[йи], за 100 [+ x кур ячменя?] остатка долга за 10-й год Набонида. Когда Калба потребует этого раба, Бания должен передать его в счет [своего] долга». Далее в тексте следуют имена свидетелей и дата. Сумма долга сохранилась не полностью и составляла более 18 000 л ячменя (или, может быть, фиников, которые оценивались одинаково с ячменем; в денежном эквиваленте указанная сумма составляла более 1 мины 40 сиклей серебра; раб в это время стоил приблизительно 1,5 мины серебра). Бания был арендатором храмовой земли и за недостачу в арендной плате обязался передать своего раба храмовому чиновнику, по-видимому, для последующего внесения его в списки рабов Эанны.

В документе № 42 также фиксируется передача тому же чиновнику Калбе раба другого арендатора за неуплату более 30 кур (5400 л, начало цифры отбито) ячменя. При этом хозяин раба выступает поручителем за обычные гарантии, которые были необходимы при продаже рабов. Другими словами, передача раба в счет долга оформляется как продажа.

Остановимся более подробно на документе № 67. «44 кур 4 пан фиников, 2 кур 3 пан 2 сут ячменя, 5,5 сикля серебра, 13 связок чеснока, принадлежащих Нергал-рецуа, рабу ⁵ Иддин-Мардука, потомка Нур-Сина, за Нергал-нациром, сыном Надина. Он должен уплатить 44 кур 4 пан фиников в месяце *ташриту* 5-го года в один прием по мерке 1 пан у Борсиппского канала. В месяце *нисанну* он должен уплатить 5,5 сиклей серебра, 13 связок чеснока. В месяце *аяру* он должен уплатить 2 кур 3 пан 2 сут ячменя полностью в один прием. Его земля с финиковыми пальмами, расположенная у Борсиппского канала [...], является залогом Нергал-рецуа. Другой кредитор не имеет права (на это имущество), пока Нергал-рецуа не будет удовлетворен. (Все это), не считая предыдущих, — ссуда, (а именно) 80 кур фиников[...] мин серебра, которые Нергал-нацир должен Нергал-рецуа. Свидетели, [Вавилон?] 21-й день [месяца...] 5-го года [...царя Вавилона] и стран» ⁶.

Как видно из приведенной долговой расписки, Нергал-рецуа дал в ссуду одному свободному 8064 л. фиников, 480 л ячменя, 5,5 сиклей серебра и 13 связок чеснока, не считая прежней ссуды, состоявшей из 14 400 л фиников и определенной суммы денег. При этом, как отмечает Жоаннес, ссуду ячменем и финиками предполагалось

⁴ Lamūtānu. Перевод Жоаннесом этого слова как «подчиненный» (subordonné, р. 164) явно не точен. Ср. там же строку 5, где это же лицо названо *amēlūtu*, т. е. абстрактным термином для обозначения рабов.

⁵ Qallu — наиболее распространенный для обозначения рабов термин, который Жоаннес переводит нечтоно «слуга» (serviteur, см. р. 271).

⁶ В разрушенном месте Жоаннес восстанавливает имя Камбиса, но с таким же основанием можно предположить, что документ относится ко времени Кира (см. ниже).

погасить после нового урожая. Этот текст содержит новые данные о пекулии раба Нергал-рецуа, известного из большого количества документов, составленных в течение 27 лет — с 554 по 527 г. до н. э. Часть их рассмотрена и в рецензируемой работе, но все они были обстоятельно исследованы нами в книге «Рабство в Вавилонии» (М., 1974, с. 215 сл.), которую Жоаннес, как и другие ассириологические издания на русском языке, не использовал.

Автор подробно останавливается на реализации сельскохозяйственных продуктов храма Эанна и показывает, что их расходовали на содержание храмового персонала, оплату услуг ремесленников, выплату доходов по различным пребендам и, наконец, для приобретения товаров, которые невозможно было достать в Уруке. Например, согласно документу № 58, в течение двух месяцев два лица сдали на храмовые склады 290 талантов (8700 кг) шерсти. За излишки своей продукции чиновники Эанны приобретали в Вавилоне золото для украшения храмовых статуй, серебро, которое служило основным платежным средством, железо, виноградное вино и т. д.

№ 119 — позднеахеменидский документ об уплате храмовой десятины неким Апллой, который, судя по разбитому тексту, был каким-то дворцовым чиновником. Десятина была внесена через раба-налогоплательщика. По поводу этого текста Жоаннес пишет, что до сих пор были известны только два документа, сходных по содержанию с № 119, а именно СТ XLIX, № 5 и 6⁷, которые относятся к эллинистическому времени, если не считать недавно опубликованной Дюраном позднеахеменидской таблички HE 194 (ссылку см. на с. 538, прим. 1). По мнению Жоаннеса, исходя из этих изолированных случаев уплаты храмовой десятины, трудно сделать сколько-нибудь определенные выводы, но скорее всего термин «десятина» в указанных документах является пережитком, поскольку в более ранние периоды десятина вносилась царями или другими лицами, которые посвящали в храм те или иные предметы ради благополучия царя (с. 358—359). Такое утверждение нам совершенно непонятно, поскольку к настоящему времени издано более трехсот документов I тыс. до н. э., свидетельствующих о том, что храмовая десятина была обязательным налогом, который должны были платить все свободные⁸. Далее, в связи с упомянутыми выше текстами СТ XLIX, 5 и 6, фиксирующими уплату десятины для оплаты работ по удалению мусора с территории храма Эсагила, следовало бы сослаться на синхронный документ совершенно идентичного содержания, опубликованный еще в конце прошлого века⁹.

В рецензируемом сборнике содержатся также контракты о продаже полей, движимого имущества, включая рабов, о найме труда и т. д.

Жоаннес много внимания уделяет исследованию термина *mār banī* (в рецензируемом труде он транскрибирован *mār bānī*), который он переводит «знатные» (*notables*). По его мнению, эти люди играли огромную роль в вавилонском обществе, поскольку они занимали высшие административные должности, принимали важные решения и руководили производственной и торговой деятельностью храмов. Среди таких «знатных» были также ремесленники престижных специальностей, которые имели дело с дорогими материалами (золото, серебро, ценные камни и дерево). Такие мастера являлись членами высшего общества в отличие от рядовых ремесленников. Как считает автор, обычно пребендариями были «знатные», но пока нет достаточных оснований предполагать, что только они имели право на храмовые доходы (см. с. 112, 203—206, 221—223 и др.).

Такое мнение представляется нам глубоко ошибочным. Во-первых, вавилонские документы достаточно ясно свидетельствуют о том, что пребендариями могли стать только *mār banī*¹⁰. Во-вторых, этот термин, несомненно, обозначал статус полноправного свободного, или гражданина, как об этом свидетельствует обильный просопогра-

⁷ Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum. P. XLIX. L., 1968.

⁸ Дандамаев М. А. Храмовая десятина в поздней Вавилонии.— ВДИ, 1965, № 2, с. 14—34.

⁹ Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum. P. IV. L., 1898, № 39 с.

¹⁰ См. ссылки на тексты: Дандамаев. Рабство в Вавилонии, с. 264.

фический материал¹¹. К числу *māg banī* относились как высшие государственные и храмовые чиновники, купцы и другие состоятельные люди, так средние слои населения и основная часть земледельцев и ремесленников, которые были свободными. Не останавливаясь здесь подробно на этом, отметим следующие данные, которые не позволяют переводить указанный термин как «знатные». Прежде всего, когда рабов отпускали на свободу, им давали соответствующий документ, который назывался *ṭurru māgbanūti*, дословно «табличка о свободе»¹². Совершенно очевидно, что после манумиссии рабы вовсе не переходили в разряд «знатных», а лишь становились свободными людьми. Далее, согласно одному нововавилонскому тексту, проститутка отдала в усыновление своему брату младенца, которому исполнилось лишь 17 дней. По условиям контракта, пока мать будет заниматься своей профессией, ее сын должен оставаться у нее. Когда же она выйдет замуж за *māg banī*, ребенка необходимо было передать усыновителю¹³. Вряд ли эта женщина рассчитывала выйти замуж за знатного, а не просто за свободного человека, тем более если иметь в виду свидетельства клинописных документов о том, что на проститутках редко женились. Например, в одном вавилонском тексте содержится предостережение: «Не бери замуж проститутку, ибо она имеет 600 мужей»¹⁴.

Анализируя тексты рецензируемого сборника, Жоаннес привлекает по ходу исследования и много ранее изданных документов. Однако в ряде случаев ссылки на них неверны. Так, на с. 132, прим. 2 с ссылкой на документы Nbn¹⁵ 3 и Nbk¹⁶ 33 утверждается, что храмовый писец Набу-аххе-буллит должен был передать в счет своего долга храму Эанна 12 рабов. На самом деле указанные тексты являются частно-правовыми долговыми расписками, и в них совершенно не упоминаются храм Эанна, писец Набу-аххе-буллит или какие-либо рабы. На с. 38 и др. вместо *ḥadru* следует читать *ḥaṭru*, имея в виду предложенную В. А. Лившицем иранскую этимологию этого слова¹⁷. На с. 112, прим. 1 вместо E. Unger следует читать H. Hunger, а на с. 398 и др. вместо *sēriṭu* следует транскрибировать *seriṭu*¹⁸; на с. 358 и 440 документ № 119 датирован разными годами правления Артаксеркса I.

К книге приложены обстоятельные указатели собственных имен, географических названий, различных титулов и предметный указатель.

В заключение необходимо отметить, что рецензируемый труд, несмотря на отдельные спорные положения и неточности, является важным вкладом в изучение экономической истории Вавилонии, ибо он в очень удобной форме предлагает вниманию ассириологов большое количество новых, зачастую очень трудных и в ряде случаев совершенно уникальных текстов, содержащих богатый, ранее неизвестный материал, и их надежную интерпретацию и обстоятельное исследование.

М. А. Дандамаев

¹¹ Dandamayev M. A. The Neo-Babylonian Citizens.— Klio, 63, 1981, p. 45—49.

¹² Дандамаев. Рабство в Вавилонии, с. 255—257.

¹³ См. там же, с. 84.

¹⁴ См. ссылку на текст: The Assyrian Dictionary. V. VI. Chicago, 1956, p. 101.

¹⁵ Strassmaier J. N. Inschriften von Nabonidus. Lpz, 1889.

¹⁶ Idem. Inschriften von Nabuchodonosor. Lpz, 1889.

¹⁷ Лившиц В. А. Нововавилонское *ḥaṭ(a)ru*.— ВДИ, 1979, № 4, с. 95—100.

¹⁸ Von Soden W. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1959—1981, p. 1036.

ГЕРМАН ЮНКЕР И ЕГО «ГИЗА». ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ

В 1984 г. исполнилось 55 лет с момента выхода в свет первого тома «Гизы» Германа Юнкера, а в 1985 г.— 30 лет со времени завершения этого двенадцатитомного издания¹. Ни у кого сейчас нет сомнений, что это самая важная книга для египтолога, занимающегося эпохой Старого царства, поэтому представляется излишним говорить о ее достоинствах, писать особую юбилейную статью. Мне хотелось бы показать, что нового дала египтологиче- ская работа австрийского ученого, какие задачи она

¹ Junker H. Giza I—XII. Bericht über die... Grabungen auf dem Friedhof des alten Reich bei den Pyramiden von Giza. B. I—XII. Wien [und Leipzig], 1929—1955.

ставит перед современной наукой, какие открывает перед ней перспективы. Однако для начала немного истории.

К началу нашего века сведения о Египте времени Старого царства были очень немногочисленны и отрывочны. Раскопки Р. Лепсиуса уже тогда представляли собой вчерашний день египтологии, более новые раскопки О. Мариэтта и У. Флиндерса Питри не отличались тщательностью, а издания их материалов по качеству стояли значительно ниже прекрасной публикации Лепсиуса. На рубеже веков интерес к Старому царству возрос; это было время, когда по образцовым по тогдашним меркам изданиям стали доступны некоторые интересные гробницы, когда К. Зете выпустил свод важнейших староегипетских надписей, когда в новообразованном Каирском музее открылась крупнейшая экспозиция памятников этой эпохи. Они были известны уже в разных частях страны, а большой столичный некрополь возле великих пирамид в Гизе все еще оставался практически неисследованным.

В 1903 г. началась грандиозная эпопея раскопок в Гизе. Служба древностей Египта предоставила концессии на раскопки американской, немецкой и итальянской экспедициям; впервые масштабы работ позволили исследовать огромный некрополь как единое целое. Результаты раскопок были ошеломляющими; количество староегипетских памятников росло на глазах; старые теории опровергались с невиданной ни до, ни после скоростью, и на их месте вырастали новые. Наиболее эффектные открытия выпали на долю американской экспедиции под руководством Дж. Э. Райзнера: настоящими сенсациями стали обнаружение тайника царицы *Htp-hrg.s I*, матери Хеопса, и подземной часовни царицы *Mt(j)-s(j)-'nh(.w) III*. Но известное правило, гласящее, что там, где начинаются эффектные находки, зачастую кончается серьезное археологическое исследование, проявилось здесь, к сожалению, в полной мере. Райзнер публиковал в кратких статьях, не претендующих на полноту, лишь наиболее выигрышные памятники, оставляя на будущее осмысление и полное издание материалов. Проект этого многотомного издания, которому нельзя, впрочем, отказать в размахе, остался невыполненным, а материалы раскопок, соответственно, недоступными широкому кругу исследователей; лишь в последние годы, с большим опозданием и неизбежными из-за такой задержки лагунами стали выходить их публикации.

Г. Юнкер, возглавивший австрийскую экспедицию, к которой в 1911 гг. перешла половина немецкой концессии, не был столь удачлив как археолог; он сделал, пожалуй, лишь одно открытие, сопоставимое с открытиями Райзнера, — уникальные росписи в погребальной камере мастабы *K'(.j)-m-'nh*. И все же, когда речь заходит о Гизе, первым на ум приходит имя Германа Юнкера.

Причина этого — подход австрийского ученого к исследованию и публикации памятников, обнаруженных при раскопках, в своей основе отличный от подхода Райзнера. Предварительные информации Юнкера о ходе раскопок отличались от статей Райзнера тем, что это были отчеты о проделанных работах и соответственно о некрополе в целом. Австрийская экспедиция работала в 1911—1914 и 1925—1929 гг., и все это время с завидной регулярностью выходили отчеты, а одновременно с этим велась подготовка полной публикации, выход первого тома которой совпал с завершением раскопок.

Уже первый том «Гизы» стал событием в мировой египтологии; последующие тома подтвердили, что автор их — непревзойденный знаток Старого царства и по существу первый специалист по этой эпохе, в изучении которой есть большая специфика. Если же учесть, что Юнкер с немалым успехом занимался храмами птолемеевского времени с их огромной спецификой², а наряду с руководством археологическими работами трактовал как филолог такие сложнейшие тексты, как «Мемфисский трактат» или «Спор Человека и Ба», становится ясно, сколь широки были интересы и сколь велики возможности этого ученого. Несомненно, однако, что главным трудом его жизни была все-таки именно «Гиза».

Первый том «Гизы» появился, когда наука о Старом царстве только зарождалась, последний — когда она стала полноправной и самостоятельной отраслью египтологии, и немалую роль в этом сыграла именно работа Юнкера. В ней образцово изданы поис-

² Р. Каминос считает выполненную Юнкером публикацию храма Исиды на острове Филэ лучшим в египтологии изданием эпиграфического памятника (*Caminos R. The Recording of Inscriptions and Scenes in Tombs and Temples.* — АЕЕР, p. 24—25).

тине огромные материалы, без которых не может обойтись ныне ни один исследователь; Юнкер полностью расчистил значительную часть некрополя и полностью опубликовал полученные материалы. В результате «Гиза» оказалась первой и до сих пор, пожалуй, единственной в египетской археологии полной и законченной публикацией результатов комплексных работ на большой территории.

Особо следует отметить принципы публикации. Именно в «Гизе» были впервые соблюдены на современном уровне все требования к изданию таких сложных и разноплановых памятников, как гробницы. Первый том начинается с подробного исследования топографии некрополя, в значительной степени определившей его развитие; к каждому тому приложены планы публикуемых частей некрополя, в тексте даны тщательные и удобные для работы планы всех гробниц, дополняемые большим количеством фотографий. Словом, работа археолога и архитектора выполнена очень хорошо, еще лучше эпиграфическая часть. Все изображения и надписи воспроизведены в прорисовке, прорисовки полностью дублированы photographиями и при необходимости цветными воспроизведениями. Все, что может требовать пояснения, — особенности изображений, написаний, словоупотребления и т. д. — снабжено подробнейшими комментариями. Построение комментариев своеобразно — они идут параллельно описанию материалов и включают в себя рассмотрение теоретических вопросов. На первый взгляд это может показаться неудобным, однако, как показывает практика работы с книгой, когда автор рассматривает теоретические вопросы в тех местах, где публикуемый материал их ставит и позволяет разрешить, это чисто психологически воспринимается лучше, чем исследование, более отделенное от материала. Такой принцип построения комментариев, последовательно проведенный во всех томах, оказывается особенно полезным для молодого ученого, который получает редкую возможность побывать в творческой лаборатории крупного исследователя, куда при традиционном изложении ему, как правило, проникнуть трудно. Кроме того, специально выделенные теоретические разделы составляют до половины объема первых томов. Такое сочетание в одной книге публикационной и исследовательской частей делает «Гизу» самой популярной в лучшем смысле этого слова работой по Старому царству; некоторые издания превосходят ее отдельными сторонами (чикагское издание масштабы Mgr-w(j)-k'(.j) — качеством воспроизведений, публикация масштаб возле пирамиды Ttj — филологическими достоинствами комментариев Б. Ганна, впрочем, не всегда), однако в целом ни одна книга к ней не приближается. Ей пытались подражать, правда безуспешно; построенное по ее образцу десяти томное издание материалов раскопок в Гизе С. Хассана не выдерживает никакого сравнения с ней, — однако, если бы образец не был так хорош, качество подражаний было бы гораздо хуже. Как особую заслугу Юнкера следует отметить помещенный в последнем томе подробнейший указатель ко всем изданным в предыдущих томах материалам и ко всем высказанным мнениям, что не только облегчает работу с книгой, но и делает ее ценным справочником, к которому всякий исследователь эпохи обращается в первую очередь. К сожалению, ни в одной другой работе по Старому царству нет ничего подобного; в новом издании мемфисского (третьего) тома «Топографической библиографии» Б. Портера и Р. Мосс указатель хотя и охватывает гораздо большие материалы, но по подробности значительно уступает указателю Юнкера и заменить его никак не может³. Таким образом, «Гиза» представляет собой и прекрасное издание большого количества интересных памятников, и отличное их исследование, и учебник для начинающего исследователя, и справочник для зрелого специалиста.

Всего этого было бы достаточно для того, чтобы обеспечить книге долгую и счастливую жизнь, однако значение «Гизы» этим не исчерпывается. Юнкера можно по праву назвать основоположником комплексного метода в изучении египетских погребальных памятников, являющихся основными для этой культуры. При раскопках он обнаружил ряд гробниц, не слишком примечательных самих по себе, но зато представляющих всю (или почти всю) линию развития этого типа сооружений на протяжении IV—VI династий, причем большая часть их была построена по стандартному плану

³ Porter B., Moss R. *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings*. 2^d ed. V. III It. Memphis—Oxford, 1974—1981, p. 355—392, 903—1013. Значение этого нового указателя огромно, однако по сравнению с юнкеровским он выполняет совершенно другие задачи.

и стандартно декорирована, что очень облегчило их сопоставление. Впервые у египтолога появилась возможность изучать не единичный, пусть даже самый великолепный памятник, а более или менее полную, локально ограниченную группу хорошо сопоставимых памятников, соорудившихся на протяжении значительного периода времени, что для науки имеет гораздо большее значение.

Юнкер был ученым, чрезвычайно внимательным ко всяческим мелочам, что особенно важно для исследователя Старого царства, где так называемые «мелочи» зачастую играют решающую роль. Декор часовен староегипетских гробниц, в том числе и в Гизе, очень стандартен, почти все сюжеты изображений встречаются уже на рубеже IV—V династий и затем существенных изменений не претерпевают. Это было хорошо известно, и в науке до Юнкера существовало убеждение, что староегипетская система гробничных изображений после своего сложения менялась очень незначительно⁴. Юнкер первым увидел, что изменения, и весьма серьезные, с течением времени происходили, но заключались они не в смене сюжетов изображений, а в расположении сцен по стенам часовни. Иными словами, от изучения системы чисто изобразительных элементов он перешел к исследованию системы более высокого уровня, включающей также и пространственные характеристики этих элементов. Стало понятно, что вся часовня представляет собой единую систему, между элементами которой существуют принципиально важные взаимосвязи, ранее оставшиеся незамеченными⁵.

В результате комплексного подхода к изучению часовен появился новый весьма надежный критерий для датировки гробниц — расположение настенных рельефов. Умение виртуозно пользоваться им в комплексе с другими датировочными факторами позволило Юнкеру создать наиболее точную хронологическую схему для некрополя в Гизе. Полученные им хронологические привязки ряда гробниц служат реперными точками, на которых в значительной степени держится современная относительная хронология не только Гизы, но и всех столичных, а если брать шире, то и провинциальных погребальных комплексов.

Помимо решения прикладной задачи — уточнения датировок, размещение изображений на стенах часовен и в первую очередь их положение относительно ложной двери, отражающее существовавшую в древности культовую практику, позволило реконструировать многие важные элементы этой практики, а также подойти вплотную к вопросам онтологического характера — представлениям египтян о загробной жизни, а по существу о жизни и человеке вообще.

Однако именно здесь Юнкер останавливается в своем до сих пор быстром и уверенном движении, и остановка эта отнюдь не случайна — она является закономерным результатом допущенного им серьезного просчета. Создавая принципиально новую для египтологии комплексную методику исследования, он совершенно не интересовался вопросами методологии. Поэтому бесполезно искать в его книге специальный раздел, посвященный методологической основе работы; блестящие наблюдения разбросаны по всем двенадцати томам и не сведены в систему. Создается впечатление, что Юнкер сам не сознавал, насколько велико для науки значение того подхода, которым он постоян-

⁴ Специально об этом не говорилось, однако сам факт молчания достаточно красноречиво свидетельствует о существовании общепринятого мнения о неизменности гробничных изображений. Систематизаторы их, Л. Клебс и П. Монтэ, если и замечают отдельные перемены, не видят гораздо более серьезных процессов, которые впервые понял Юнкер; см. *Klebs L. Die Reliefs des Alten Reiches. Heidelberg, 1915; Montet P. Les scenes de la vie privée dans les tombeaux égyptiennes de l'Ancien Empire. Strasbourg — Paris, 1925.*

⁵ Говорить о методике Юнкера достаточно сложно, поскольку он, с одной стороны, действительно очень близко подошел к комплексному пониманию указанных проблем, но, с другой, последовательное изложение принципов исследования у него полностью отсутствует. Поэтому следует учитывать, что все приведенные ниже методические соображения имеются у Юнкера, но лишь в зародыше: выявление и систематизация их является результатом работы автора настоящей статьи, который продолжил направление, намеченное австрийским ученым. Также автору настоящей статьи принадлежит и терминология — выражений «система», «уровень системы» и т. д. наука времен Юнкера еще не использовала. Разумеется, все это ни в коей мере не умаляет заслуг Юнкера — значение того, что он сделал или только намечал, огромно. Изложение методики комплексного исследования староегипетских гробниц см. *Большаков А. О. Роль изображений в мировоззрении египтян эпохи Старого царства: Дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Л., 1985, гл. 2.*

но пользовался. В результате он неизбежно все время отходит от последовательного соблюдения методики и сразу же теряет имевшиеся у него преимущества, позволявшие ему решать недоступные другим задачи.

Так, например, Юнкер недостижим во всем, что касается функционирования системы гробничных изображений, понимание которой подводит его вплотную к возможности разрешить, наконец, проблему Ка, лежащую в центре египетского мировоззрения. Однако здесь он прерывает последовательное движение и, перешагивая через несколько значительных стадий исследования, принимается за другие материалы, понять которые невозможно, не пройдя через эти стадии. Результатом является совершенно бесцветная теория Ка, которую из-за ее крайней расплывчатости теорией можно назвать лишь чисто условно; нельзя не признать, что она уступает многим концепциям, предложенным ранее, и прежде всего концепции Г. Масперо. Такие сбои сразу же происходят у Юнкера, как только он совершает неоправданные скачки в анализе материала; такова, например, его безосновательная концепция «вселенского бога», существование которой он приписывал египтянам⁶.

Отход от строгого соблюдения методики приводит к ошибкам не только в достаточно отвлеченных теоретических построениях, но и при анализе конкретного материала, в котором Юнкер так силен. От понимания часовни как системы он сумел подойти к пониманию *всей гробницы* как единой системы более высокого порядка, однако здесь отступления от методики привели к тому, что, несмотря на многие ценные наблюдения, показать, как гробница функционирует как комплекс, он не смог⁷.

То, что Юнкер не изложил четко свою методику, привело к тому, что она осталась незамеченной современниками⁸. В результате на много лет египтология осталась без мощного инструмента исследования. Практически каждый египетский памятник вне зависимости от своего характера (эпиграфического, изобразительного и т.д.) является памятником археологическим, поэтому для того, чтобы понять его как единое целое, начальным этапом его исследования должна быть археологическая интерпретация. Но современная археология основывается прежде всего на комплексном методе, все еще чуждом египтологии, и, поэтому египтолог, как правило, пропускает этот этап исследования, совершая скачок в анализе материала, подобный тем, в пагубности которых мы уже убедились на примере Юнкера⁹. Работ, свободных от этого недостатка, немного, но именно они дают наилучшие результаты. Прекрасный образец комплексного

⁶ Нельзя, однако, не признать, что, как правило, Юнкер ошибался красиво. К примеру его чтение титула верховного жреца Гелиополя как *m' Wt* — «видящий Великого (бога)» ошибочно, но чтобы так изящно ошибиться, нужно быть ученым юнкеровского уровня.

⁷ О корреляции между основными частями гробницы — часовней и погребальной камерой см. *Большаков А. О.* Из истории египетской идеологии Старого царства. — ВДИ, 1982, № 2, с. 97—101.

⁸ Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с рецензиями на «Гизу». Например, такой тонкий исследователь, как Р. О. Фолкнер, в своей рецензии на II и III тома уделяет большое внимание частным вопросам, совершенно не касаясь методики, которая в этих томах используется в полной мере: *Faulkner R. O. Giza II and Giza III* by Hermann Junker. — JEA, 1941, 27, p. 166—169.

⁹ В последнее время пишут о системе изображений (Bildprogramm) в гробницах, но это касается только изображений на одной отдельно взятой стене, т. е. уровень комплексности оказывается гораздо ниже, чем у Юнкера. Такое понимание системы проведено, например, в недавней публикации одной из важнейших староегипетских гробниц: *Moussa A., Altenmüller H. Das Grab des Nianchnum und Chnumhotep*, Mainz, 1977. К тому же теоретического обоснования системного подхода, хотя бы на таком уровне, не дается, что приводит к серьезным просчетам. Так, недавно В. Вуд попытался объяснить всю систему изображений в часовне H3jj-r(w) как единое целое, однако именно в силу отсутствия такого теоретического обоснования он допускает методологический просчет, стараясь понять этот совершенно уникальный памятник, используя только его данные, не привлекая того, что известно о других гробницах, в результате чего приходится к фантастическим выводам. Впрочем, и такая работа, не слишком удачная, но использующая системный подход, остается явлением единичным; см. *Wood W. A Reconstruction of the Reliefs of Hesy-re.* — JARCE, 1978, 15, p. 9—24. В рамках системного подхода выполнено исследование автора настоящей статьи, который надеется, что ему удалось быть достаточно последовательным в соблюдении методики: см. *Большаков.* Роль изображений...

подхода к староегипетским материалам дал в своей книге Ю. Я. Перепелкин¹⁰, которому удалось по-новому интерпретировать ряд известных памятников благодаря включению эпиграфических материалов в общий контекст гробницы. Из исследователей, работающих в стиле, приближающемся к юнкеровскому, и более или менее последовательно использующих комплексный подход, следует отметить Г. Дж. Фишера и Н. Канавати; к сожалению, продолжить этот список, пожалуй, невозможно.

Можно было бы сказать еще очень много о «Гизе», о ее достоинствах и недостатках, настолько огромно ее значение и неисчерпаемы материалы. Однако самый главный урок, который она дает всем нам, — это то, какие большие перспективы открывает перед наукой комплексная методика исследования, и то, что всякое отступление от последовательного ее соблюдения неминуемо оборачивается неудачей.

В заключение хочется наметить основные задачи, стоящие перед современной наукой о Старом царстве в свете материалов Юнкера и его методики. Прежде всего необходимо четко сформулировать методику, намеченную Юнкером в первых томах, и значительно расширить ее, соединив эпиграфический, текстологический и т.п. анализ с археологическим, архитектурным, искусствоведческим и т.п. исследованием. Необходимо последовательно распространить методику на все материалы Юнкера, особенно изданные в последних томах¹¹. Это позволит представить себе значительный участок Гизы как единое целое, выявить его хронологию и закономерности развития. Необходимо, основываясь на этом, распространить методику на остальные материалы Гизы, полученные Хассаном и Райзнером, когда последние будут полностью изданы (правда, произойдет это не скоро). В результате можно будет рассмотреть как единое целое один из двух основных староегипетских некрополей, в силу ряда причин являющийся эталонным при изучении других некрополей. Следует проделать такое же исследование других некрополей, прежде всего Саккары, и произвести их сопоставление, что позволит понять их развитие как единый процесс и выяснить его закономерности.

Путем последовательного применения комплексной методики и расширения сферы ее приложения от реконструкции культовой практики, на которую направлены предыдущие этапы исследования, возможно будет перейти к изучению пластов представлений, стоящих за этой практикой, т. е. к изучению основ мировоззрения. Необходимо распространить методику на другие категории памятников с последующим переходом от изучения их структуры к исследованию связанных с ними представлений.

Предлагаемое направление исследований займет несколько десятилетий и потребует усилий многих специалистов, однако в настоящее время это стало насущной необходимостью. Можно не сомневаться, что по этому плодотворному пути пойдут рано или поздно очень многие, и это будет лучшим памятником Герману Юнкеру, ученому, на много лет опередившему свое время.

А. О. Большаков

¹⁰ Перепелкин Ю. Я. Частная собственность в представлении египтян Старого царства. — ПС, 1966, вып. 16 (79).

¹¹ Методика, наиболее четко выдержанная в первых томах, гораздо хуже соблюдается во второй половине «Гизы» (о причинах этого судить трудно), в результате чего последние тома оказываются значительно слабее первых в теоретическом отношении.

B. R. FOSTER. Umma in the Sargonic Period. Connecticut: Hamden, 1982

В книге известного специалиста-шумеролога Б. Фостера «Умма в саргоновский период» собрана, интерпретирована и исследована группа административных документов из Месопотамии (487 табличек), относящаяся к III тыс. до н. э. Как показывает автор, документы происходят из древнего города Уммы (современная Джоха) и его окрестностей и принадлежат тому периоду истории Месопотамии, который называется саргоновским — по имени Саргона Аккадского, первого великого объеди-

нителя Шумера и основателя династии (по средней хронологии эта династия правила в XXIV — XXII вв. до н. э.).

Тексты, собранные в исследовании Б. Фостера, хранятся в разных музеях мира, их автографы были опубликованы в разное время в ряде изданий; исследовались и отдельные проблемы, связанные с переводом и интерпретацией некоторых из них, однако Б. Фостер является первым исследователем, объединившим и изучившим все известные документы такого рода. Объединить все тексты в одну группу позволила своеобразная принятая в них система датировки. В своей полной схеме эта датировка состоит из года, месяца и дня, каждый из которых обозначен номером, например 5-й год, 5-й месяц, 27-й день (5 mu 5 iti 27 ud). Специалисты называют эту группу текстов *mu-iti texts*. Исследователи, занимавшиеся хронологией этих документов, датировали их по-разному, в рамках от досаргоновского периода до конца саргоновского периода и начала так называемого периода гутиев (с. 2—8). Такая путаница, по мнению автора, происходила потому, что документы *mu-iti*, датированные одним и тем же годом, могут относиться к разным эрам, т. е. разделяться значительным промежутком времени. Судя по комментарию к тексту MAD 4, 68 на с. 70, автор считает, что эры были связаны с правителями Уммы — *энси*, т. е. при смене правителя города заканчивалась старая и начиналась новая эра. На основании палеографического анализа — исследования почерка и формы документов — Б. Фостер разделил все документы *mu-iti* на три большие группы, каждая из которых относится к отдельной эре: группа А — время аккадского царя Римуша (2260 — ? гг. до н. э.), группа Б — время Нарам-Сина (?) (2236—2200 гг. до н. э.) и группа С — время Шаркалишарри (2200—2176 гг. до н. э.).

Большинство текстов группы А, по мнению автора, образуют единый архив и представляют собой: А1 — отчеты дворца о поступлении и расходовании продуктов и персонала, А2 — отчетные записи хозяйства *энси*, А3 — отчеты о проведении каких-то работ, за которые отвечал *энси* Уммы. Эти последние представляют особый интерес, и на них автор останавливается наиболее подробно. Среди документов А3 — отчеты о проведенных работах, записи выдачи работникам, записи потерь рабочей силы, различные записи, связанные с расходом и передачей различных металлов и металлических орудий. В некоторых документах А3 упоминается местность Сабум, на основании чего автор предполагает, что все тексты А3 происходят из Сабума и отражают какие-то особо крупные работы, там производившиеся. Эти работы продолжались не менее 1,5 лет, и на них было занято более 3000 работников. Судя по документам, *энси* Уммы был особо заинтересован в этих работах: в них принимали участие его рабы, и он сам не менее двух раз посещал Сабум в этот период. Характер работ из документов неясен; как предполагает автор, судя по сравнительно небольшому объему выработки, они были связаны с добычей камня в каменоломнях.

Б. Фостер сделал попытку соотнести факт интенсивных и продолжительных работ жителей Уммы в отдаленном географическом пункте (по его мнению, Сабум можно локализовать у границ или даже на территории современного Ирана) с известными историческими данными начала эпохи Саргонидов, в частности правления второго царя этой династии Римуша. Одним из важных событий правления этого царя было подавление восстания, поднятого против него рядом городов, в том числе и Уммой. Судя по одной из надписей Римуша, он разгромил восставшие города и среди них Умму, захватил в плен многих жителей и правителей восставших городов¹. В конце надписи Римуш указывает, что он «вывел» 3600 пленных и «*ana karāšim iškun*». Последнее выражение исследователи переводили как «поместил в лагерь для военнопленных», однако Гельб в большой статье о военнопленных в Месопотамии подверг сомнению этот перевод и предложил понимать это выражение как означающее, что Римуш воздвиг могильный холм над убитыми врагами². Фостер предлагает вернуться к прежнему буквальному переводу этого пассажа и переводить его как «put them in a camp», а тексты из Сабума понимать как отчеты именно этого лагеря военнопленных, в котором должны были работать жители Уммы после разгрома поднятого ими восстания. Это предположение автора очень любопытно, но остается пока только интересной

¹ Hirsch H. — AfO, 1963, 20, p. 34.

² Gelb I. J. Prisoners of War in Early Mesopotamia. — JNES, 1973, 32, p. 70—98.

гипотезой, основанной на логических умозаключениях. После разгрома восстания Римуш, очевидно, назначил в Умме нового правителя — *энси*, и, следовательно, начался новый отсчет лет, т. е. новая эра (как мы уже упоминали выше, по наблюдениям автора, каждая новая эра начиналась с приходом к власти нового *энси*). Дошедшие до нас документы о выдачах работникам и о производившихся работах в Сабуме датированы начиная с 4-го года очередной эры. В других документах группы А (а все они, по мнению Фостера, образуют единый архив), датированных годами 0—3, нет упоминаний ни о Сабуме, ни о работниках. Либо работы в лагере для военнопленных начались только через четыре года после его основания, что, конечно, совершенно нереально, либо, если документы из лагеря, датированные первыми годами после разгрома Уммы, не дошли до нас случайно, лагерь, «основанный Римушем для жителей Уммы и жителей других восставших городов» (с. 50), существовал не менее четырех лет до начала зафиксированных в документах работ. Другими словами, более 3000 военнопленных мужчин в течение по крайней мере шести лет (последний документ группы А датирован 6.2) жили и работали в лагере для военнопленных на полном государственном обеспечении. Это звучит явно фантастически. Не проще ли вернуться к гипотезе, выдвинутой еще Никольским и поддержанной Тюменевым? Рассматривая в своей работе ряд документов этой группы, опубликованных Никольским, А. И. Тюменев высказал предположение, что в них нашли отражение работы привлеченного к повинности населения³. Ни по своему масштабу, ни по количеству потерь рабочей силы работы в Сабуме не представляют исключения в истории Месопотамии. Государственные работы (рытье каналов, строительство стен и крепостей), в которых принимали участие тысячи работников, отбывавших государственную повинность, известны нам и из периода III династии Ура⁴ и из периода Исины—Ларсы⁵. При таких масштабах работ были, конечно, и естественные потери рабочей силы, как это было и в Сабуме.

Таким образом, предположение автора о существовании специальных лагерей для военнопленных мужчин при Римуше и использовании в саргоновский период в течение длительного времени пленных для производства крупных общегосударственных работ остается на уровне гипотезы. Тем не менее попытка автора соотнести данные хозяйственных документов с фактами, известными из царских надписей, т. е. соотнести две совершенно разные группы текстов, которые обычно изучаются отдельно, несомненно, весьма плодотворна и указывает нам на новое и весьма многообещающее направление исследований в шумерологии.

Документы следующей группы текстов, группы Б (128 табличек), отражают разные стороны деятельности крупного земледельческого и скотоводческого хозяйства. Двумя ведущими персонами этого архива являются Ур-Шара и его жена Ама-э. Первый упоминается в основном в документах, связанных со скотоводством (это списки скота с указанием местоположения стад и именами пастухов, счета на выдачи и потери животных, на наличие кож и т. п.). Масштабы его деятельности обозначить трудно, но, судя по тому, что в одном из документов (USP 56, р. 78) за ним числится недостача в 550 животных, они были довольно широки. Часть скота обозначена как принадлежащая дворцу, кому принадлежал остальной скот — неясно.

Жена Ур-Шары, Ама-э, манипулировала с зерном, шерстью и металлом. В ее распоряжении находились значительные участки обрабатываемой земли. В одном из документов (MAD, 4, 149, р. 54) за ней записано шесть участков общей площадью примерно 114,3 га. Работали на этих участках, во всяком случае на некоторых из них, государственные работники — *гуруши* (MAD 4, 167, р. 60). Управлялись участки государственными чиновниками, и часть урожая с них поступала на склады государственного хозяйства, а часть шла на расходы по обработке.

Весь этот архив автор называет «семейным архивом» на том основании, что в большинстве документов в качестве ведущих лиц упоминаются муж и жена. Фостер считает, что архив отражает связи между частными лицами, независимыми богатыми горожанами, и каким-то крупным хозяйством (храмовым или государственным). По предположению автора, семья Ур-Шары брала в аренду крупные участки земли у храма или

³ Тюменев А. И. Государственное хозяйство древнего Шумера. М., 1956, с. 226.

⁴ Там же, с. 369—378.

⁵ Walters S. D. Water for Larsa. L., 1970, p. 151.

государства и сдавала их по частям в аренду мелким арендаторам, извлекая из этого немалые доходы. Что касается скота, то, насколько можно понять, автор считает, что Ур-Шара на каких-то договорных началах брался пасти государственный или храмовый скот также с целью получения дохода.

По мнению Фостера, «длительное существование архива, около 26 лет, говорит о том, что это семейное предприятие было доходным для обеих заинтересованных сторон, и это семейство было преуспевающим в своих начинаниях» (с. 48). В такой трактовке этого архива нельзя не усмотреть бессознательной попытки автора объяснить документы III тыс. до н. э. с точки зрения окружающей автора современной атмосферы делового предпринимательства.

Одним из важных оснований считать Ур-Шару и Ама-э частными, независимыми предпринимателями является, по мнению автора, отсутствие при их именах отчества и каких-либо титулов (с. 76). Однако отсутствие отчества говорит скорее против того, что эти лица были рядовыми общинниками. Именно наличие отчества может служить важным, хотя и не абсолютным признаком принадлежности к общине. Отсутствие его при именах столь богатых и вовлеченных в столь обширную деятельность лиц говорит скорее о том, что они занимали очень высокое положение и никаких обозначений при их именах не требовалось. В других текстах, приведенных автором, имеется немало примеров, когда без титулов и отчеств в хозяйственных документах упоминаются члены царской фамилии и люди, близкие царю⁶. По нашему мнению, назвать этот архив «семейным частным архивом частных независимых лиц» можно только с большими оговорками. Никаких собственно фамильных документов (купли-продажи недвижимости, рабов, раздела имущества, усыновления и т. п.) в архиве нет. Эта группа документов производит скорее впечатление архива одного из отделений государственного хозяйства или храмового, а сами Ур-Шара и Ама-э выступают не как независимые арендаторы, а скорее как управители, в чьем распоряжении находятся чиновники более низкого ранга, осуществляющие непосредственное управление на местах. В состав управляемых этой парой земельных владений и стад входили, вероятно, поля и скот, бывшие в их собственном владении. Такая практика, когда частные имена крупных чиновников и вельмож управляются тем же аппаратом, что и государственные или храмовые владения, которые находятся в их ведении, хорошо известна в Месопотамии, в частности в старовавилонский период. В этой группе документов из Уммы прослеживается, на наш взгляд, явное типологическое сходство с документами более позднего старовавилонского периода, что придает особый интерес их изучению.

Следующая группа документов — группа С, датированная автором временем Шаркалишарри, состоит из 257 табличек. В них зафиксирована разнообразная деятельность государственного хозяйства в Умме. Сопоставляя документы группы Б и С, автор делает следующие выводы о характере сельскохозяйственного производства в саргоновской Умме (с. 101). Государство владело крупными участками земли. В состав государственного хозяйства в этот период кроме хозяйства самого царя входили также храмовые хозяйства и хозяйства правителей городов — *энси*. Управление всей этой системой было сосредоточено в руках *энси* как царского чиновника, что свидетельствует, по мнению автора, об усилении центральной власти в этот период. Часть государственных земель находилась в держании у высших чиновников и вельмож (как Этиб-Мер), часть была в держании у людей, которые вероятно, занимались сдачей ее в аренду. Об условиях такой аренды в Умме известно мало. Сбор платежей с земли, находившейся в аренде, был распределен между чиновниками; размер платежей зависел

⁶ Так, некий Этиб-Мер упоминается в списке выдач овец царю, царице, их детям и еще ряду каких-то лиц, быть может родственников царя. Только при одном имени в этом списке упоминается титул, отчеств при именах нет, так как все эти лица принадлежали к высшему кругу придворных и их имена были хорошо известны (с. 143). Этот же Этиб-Мер без титула и отчества упоминается в целом ряде других текстов, содержащих записи разных выдач царю и его приближенным (с. 88). В ряде текстов он же выступает как держатель огромных земельных участков (с. 88). И только в одном тексте он назван по должности — управитель Дома (*šabga é* — с. 88). Поскольку ранее этот титул носило другое лицо (см. текст на с. 143), то очевидно, что Этиб-Мер долгое время не имел определенной должности и в различных документах его имя упоминалось без отчества и титула, хотя он занимал чрезвычайно высокое положение и был близок к царю.

от типа аренды. Собранные платежи передавались государству. Обработка арендованной земли производилась держателями земли или их арендаторами. На государственных землях часть работ производилась наемными людьми, часть зависимыми работниками — *гурушами*, а часть — свободными общинниками. Зерно — платежи за аренду и поступления с государственных земель — ссыпалось на государственные склады. Отсюда производились разнообразные выплаты и прежде всего выдачи до-вольствия.

Существовавшая в Умме система производства, распределения и расчетов действовала, по мнению Фостера, весьма эффективно и была вполне устойчива. Последнее обстоятельство объясняется автором, в частности, тем, что она была основана на «age-old community agricultural practice» (с. 102).

Предложенная автором интерпретация текстов группы С в основном согласуется с предложениями других исследователей, работавших с подобными текстами (Даймел), но есть и отличия. Главное из них — то особое ударение, которое автор делает на значении свободного предпринимательства (*free enterprise*) в экономике. По мнению Б. Фостера, возможности такого «свободного предпринимательства» в шумерский период до сих пор недостаточно учитывались исследователями, так как изучались в основном либо тексты досаргоновского Лагаша, интерпретация которых в значительной мере затруднена, либо тексты периода III династии Ура, в которых отразился «упадок арендной системы и небывалый подъем ресурсов государственной рабочей силы и государственной системы распределения» (с. 102).

К сожалению, шумерские хозяйственные документы, в том числе и тексты *mu-iti*, чрезвычайно трудны для интерпретации, а система хозяйственной терминологии, употреблявшаяся в них, почти не разработана исследователями, поэтому их толкование во многом зависит от того, каким образом исследователь представляет себе всю экономическую систему, в рамках которой написан данный документ. Стремление Б. Фостера объяснить многие явления древней экономики исходя из близкой ему современной системы свободного предпринимательства уже было отмечено нами выше. В статье «Новый взгляд на шумерское храмовое государство» Б. Фостер подверг критике существующие гипотезы о характере шумерского государства⁷. Он показал, что выдвинутая Даймелем гипотеза о теократическом характере государства в Месопотамии III тыс. до н. э. опиралась на источники, понимание которых даже в наше время настолько далеко от ясности, что не дает никаких оснований для определенных выводов. Что касается критики этой теории (Гельб, Дьяконов), то автор считает, что она была направлена не по адресу: критике подверглись основные положения самой гипотезы Даймеля, а тот факт, что сама гипотеза не имеет прочных корней как основанная на неправильном толковании «темных» текстов, по мнению Фостера, ускользнул от внимания исследователей. Более того, в ряде случаев критики Даймеля пользовались теми же текстами, толкуя их так же произвольно, как и Даймел, в пользу своей точки зрения. Теория храмового государства должна быть, по мнению Фостера, либо вовсе отвергнута, либо в корне пересмотрена. Что касается «нового взгляда», т. е., видимо, взгляда самого автора статьи, то он остается из данной статьи неизвестным. Более полно взгляды Фостера на экономику Месопотамии III тыс. до н. э. будут изложены, видимо, в его новом исследовании «Institutional Land», которое должно вскоре появиться.

В заключение надо отметить, что работа о древней Умме в целом сделана на самом высоком уровне современной ассириологической науки, хотя интерпретация собранных автором текстов в целом ряде случаев вызывает определенные сомнения, что объясняется крайней сложностью трактовки шумерской хозяйственной терминологии. Все переводы шумерских текстов, приведенные автором, тщательно обоснованы, все термины сопровождаются подробным комментарием и библиографией работ, в которых эти термины ранее исследовались или переводились, что делает работу Фостера неоценимым источником сведений по шумерской хозяйственной терминологии. Еще более поднимает ценность работы то, что большинство приведенных текстов автор сам сверил с оригиналами. В конце работы автор приводит копии, сделанные им, 75 *mu-iti*

⁷ JESHO, XXIV, III, p. 225—241.

текстов из различных музеев мира. Работа сопровождается подробной библиографией и указателем наиболее интересных и спорных шумерских терминов, встречающихся в приведенных текстах.

Н. В. Козырева

A. SNODGRASS. *Archaic Greece. The Age of Experiment*. London, 1980, 235 p.

В последние десятилетия историки, изучающие античную Грецию, все чаще и чаще обращаются к периоду архаики — непосредственному предшественнику той классической древней Греции, которая известна всем со школьных лет как колыбель европейской культуры и науки. Особенно много крупных работ о ранней истории Греции выходит на английском языке и принадлежит в большинстве английским исследователям¹.

Видное место среди этих трудов занимает рецензируемая монография. Ее автор, профессор Кембриджского университета Э. Снодграсс — известный специалист в области античной истории и археологии. Он вел раскопки в Спарте, Беотии и на Сицилии. Две его крупные работы посвящены греческому оружию и военному делу, его перу принадлежит также исследование «темных веков» греческой истории². К последнему труду хронологически примыкает рецензируемая книга.

Обобщающий труд об архаической Греции Э. Снодграсса органически сочетает свидетельства античных авторов с анализом данных археологии. Снабженная хорошими иллюстрациями книга состоит из шести глав. В двух первых главах автор рассматривает демографическую ситуацию в архаической Греции, а также комплекс археологических находок. В третьей главе обсуждается вопрос формирования полиса, в четвертой характеризуются основные черты экономики, в пятой исследуется феномен становления индивидуальности гражданина в ионийских полисах, в шестой описываются конец рассматриваемого периода и его роль в греческой истории.

Красной нитью в труде Э. Снодграсса проходит мысль о том, что архаика — эпоха уникальных достижений греков, и именно тогда произошли все те кардинальные изменения, которые привели Грецию к небывалому расцвету в последующие столетия. VIII век до н. э., по мнению автора, отмечен «структурной революцией»: наблюдаются существенные изменения в сельском хозяйстве, обеспечившие резкое возрастание урожаев, и стремительный рост населения Греции. К важнейшим достижениям эпохи архаики Э. Снодграсс относит возникновение тех форм греческой государственности (полис), которые определили греческую политическую историю на протяжении нескольких последующих столетий, а также Великую греческую колонизацию. В результате последней сформировалась та политическая карта греческой ойкумены, которая оставалась неизменной четыре столетия.

В период архаики были заложены основы греческой религии, на которых она развивалась в дальнейшем. Это время, подчеркивает Э. Снодграсс, характеризуется также крупнейшими открытиями в области культуры; идеал поведения был дан в гомеровском эпосе, который на века сохранил память о прошлой славе Греции. Непреходящее значение греческого искусства также обязано достижениям VIII—VI вв. до н. э. Тогда были поставлены задачи, которые затем разрабатывались не только греками, но и всем западноевропейским искусством. Эпоха архаики завершается крупнейшими достижениями в области интеллектуальной жизни греков: осознанием индивидуальности каж-

¹ Назовем важнейшие из них: *Finley M. J. Early Greece: the Bronze and Archaic Ages*. L., 1970; *Jeffery L. H. Archaic Greece: the City States c. 700—500*. L., 1976; *Starr C. G. The Economic and Social Growth of Early Greece*. L., 1977; *Emlyn-Jones E. J. The Ionians and Hellenism*. L., 1980; *Murray O. Early Greece*. L., 1980 (рец. — ВДИ, 1983, № 2, с. 178 сл.).

² *Snodgrass A. Early Greek Armour and Weapons*. Edinburgh, 1964; *idem. Arms and Armour of the Greeks*. L., 1967; *idem. The Dark Age of Greece*. Edinburgh, 1971.

дого гражданина, возникновением науки, и в первую очередь философии. По мнению Э. Снодграсса, все перечисленные черты нигде не возникали в такой концентрации и нигде не развивались столь быстро, как в Греции рассматриваемого периода.

Каждая из названных проблем в той или иной мере уже служила предметом исследования современных ученых. Однако Э. Снодграссу, пожалуй, впервые удалось с такой полнотой осветить в одной монографии все упомянутые аспекты греческой истории и культуры. Особенно ценно, что автор впервые для обоснования своих выводов столь полно и разнообразно привлек археологические источники.

Остановимся на наиболее интересных и характерных, на наш взгляд, примерах использования памятников материальной культуры. В работах, посвященных архаической Греции, обычно отмечается рост населения в этот период, и в качестве одной из причин колонизационного движения называют относительную перенаселенность. Для доказательства названного тезиса Э. Снодграсс приводит два впечатляющих графика, составленных на основании раскопок некрополей Афин, Аттики и Аргоса, а также находок керамики в этих центрах между серединой X и концом VIII в. Примерно до второй четверти VIII в. наблюдается едва заметный рост кривой графиков, затем обе кривые очень круто поднимаются вверх. Таким образом, названное явление не только отражается в реальных материалах, но и оказывается хорошо датированным.

Не менее наглядно иллюстрируется другое общеизвестное явление — стремительное развитие металлообрабатывающих ремесел. Автор учитывает изготавливавшиеся из металлов посвящения в храмы: эпизодически они появляются в IX в., число их значительно возрастает в VIII в., а в VII в. подобных находок столь много, что они даже не поддаются точному учету. При этом темпы роста количества металлических приношений намного опережают интенсивность возрастания населения. Э. Снодграсс прослеживает зарождение новой черты в работе древних мастеров: изготовление для приношений вещей, непригодных к утилитарному использованию, но удивляющих мастерством исполнения. Таковы огромные котлы VIII в. на трех ножках с тщательно выполненными рельефами, которые невозможно было бы рассмотреть, если бы котлы действительно предназначались для приготовления пищи на открытом огне — они были бы сразу закопчены. Таковы и гигантские булавки для скалывания платья, несоразмерные по величине с обыкновенными изделиями такого рода.

Керамика, наиболее массовый археологический материал, характеризуется Э. Снодграссом как источник, которым следует пользоваться с большой осторожностью при реконструкции древней экономики. Яркий пример дает архаическая коринфская расписная керамика, широко распространенная почти по всему греческому миру (в том числе и в Северном Причерноморье). Казалось бы, можно сделать заключение о ведущей роли этого производства в экономике Коринфа, земли которого, как известно, не были особенно благоприятными для земледелия. Однако свидетельства античных авторов, и в первую очередь Фукидида, показывают, что Коринф извлекал главные доходы из своего выгодного географического положения. Через Коринфский перешеек шла вся сухопутная торговля из Пелопоннеса. Около 600 г., очевидно при тирани Перикле, на перешейке был построен деревянный волк для кораблей, державших курс из Эгейского моря в Западное Средиземноморье. Конечно, от эксплуатации его государство получало немалый доход. Сами же коринфяне держали флот для посреднической торговли по обеим сторонам перешейка.

В архаических слоях греческих колоний находят массу привозной керамики, что обычно рассматривается как свидетельство интенсивных торговых связей с метрополией. Однако доля этой привозной керамики должна быть пересмотрена с помощью современных методов анализа глин. По-видимому, она не столь велика, как казалось ранее, и, следовательно, мы преувеличиваем размеры торговли и количество кораблей дальнего плавания в архаический период. Доказательством служит изучение нерасписной серой золийской керамики буккеры в греческих колониях на юге Франции и в Испании. До недавнего времени вся эта керамика считалась импортом из Фокеи, метрополии указанных колоний. Теперь же установлено ее местное происхождение. В связи с этим можно объяснить неразвитостью местного производства такой ранее непонятный факт, как полное отсутствие этой керамики в одной из фокейских колоний (Элее). Часть «милетской» керамики из Истрии также оказывается сделанной в этой колонии. Сравнительно небольшой объем торговых перевозок подтверждает и то, что

лишь к концу арханческого периода начинается строительство специальных грузовых кораблей.

Э. Снодграсс уделит большое внимание вазовой живописи как источнику знаний о жизни греков VIII—VI вв. Интерпретация погребальных сцен на вазах геометрического стиля приводит автора к заключению, что многие черты погребального ритуала микенского времени продолжали жить в период ранней архаики. Э. Снодграсс подробно останавливается на расцвете вазовой живописи в последние десятилетия эпохи архаики. Интересен его анализ вазовых рисунков, которые изображают не сохранившиеся в письменных источниках варианты известных греческих мифов. Автор пытается раскрыть механизм перевода устного рассказа на язык живописи.

Можно не согласиться с толкованием ученым имен гончаров и вазописцев, произведенных от этниконов. Э. Снодграсс разделяет традиционный взгляд на имена Скиф, Колх, Лидиец и им подобные как на отражающие этнос их носителей³. Исследователь полагает, что греки, не будучи в состоянии выговорить варварские имена, давали кличку их носителям по национальной принадлежности. Конечно, так случалось далеко не всегда. В отечественной литературе неоднократно отмечалось, что сами греки имели имена, произведенные от различных этниконов⁴.

Относительно изготовления и росписи ваз трудно предположить, что иноземцы столь глубоко восприняли греческую мифологию и приемы ремесла, чтобы их работы ничем не отличались от работ греческих мастеров. Так, хранящаяся в Эрмитаже гидрия со сценой свадебного шествия Зевса и Геры расписана мастером Скифом. Как пишут К. С. Горбунова и А. А. Передольская, изящная форма вазы, сдержанный четкий рисунок и тонкая гравировка в деталях позволяют считать вазу одним из лучших произведений чернофигурного стиля последней четверти VI в. до н. э.⁵ Вне сомнения, мастера с подобными именами вернее считать греками. Напомним, что на рубеже VIII—VII вв. до н. э. брат Гесиода получил имя Перс, а в VI в. до н. э. правителя Занклы звали Скифом. Эти примеры показывают, что в эпоху архаики греки могли носить имена, образованные от варварских этниконов.

Одним из художественных открытий греческой вазописи VI в. было обращение к сюжетам из повседневной жизни. Э. Снодграсс неправ, относя все жанровые сцены к изображению жизни аристократических слоев греческого общества; он полагает, что в мифологических сценах прославлялось прошлое знатных родов, а в жанровых (военные сюжеты, упражнения и гимнасии, гетеры) отражалась современная жизнь аристократов. Трудно думать, что Э. Снодграссу неизвестны такие сюжеты на чернофигурных вазах, как наказание раба в керамической мастерской, гончар за работой, покупка обуви в мастерской сапожника, работа на маслодельном прессе, пахота и др.⁶ Все они отражают жизнь рядовых тружеников. Напомним, что сам Э. Снодграсс считает владельцев керамических мастерских (не говоря уж об их работниках, которые часто бывали рабами) людьми скромного достатка.

Все вышеизложенное не означает, что автор рецензируемой книги концентрирует внимание исключительно на свидетельствах материальной культуры. Важным компонентом его исследования является анализ формирования индивидуальной личности в эпоху архаики. Для этого Э. Снодграсс обращается к творчеству новийских философов и поэтов. Особое место он уделяет найденному в 1973 г. папирусу с большим фрагментом из сочинения Архилоха. Признанный в древности величайшим поэтом, он был известен до сих пор преимущественно по небольшим цитатам из произведений других античных авторов. Исследователь подчеркивает важность того, что в отличие от прочих стран древнего мира интеллектуальные достижения выдающихся греков были доступны широкому кругу их сограждан, что задолго до установления демократии в каждом гражданине формировалось чувство права на собственную индивидуальность в обществе. Автор показывает, что греческое общество достигло такого уровня благосостоя-

³ Ср. подобное мнение в кн.: Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М., 1953, с. 105.

⁴ Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981, с. 91—96; там же литература вопроса.

⁵ Горбунова К. С., Передольская А. А. Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961, с. 29.

⁶ См. репродукции этих рисунков в кн.: Древняя Греция. М., 1956, с. 162—165.

ния, при котором могло содержать определенное число людей, занятых научными (в первую очередь философскими) изысканиями, обычно не имевшими практического применения.

Э. Снодграсс приходит к выводу, что вторая половина VIII в. была поворотным пунктом в истории Греции. Именно тогда зародились явления, в дальнейшем определившие развитие греческого общества: усовершенствование земледелия, широкое развитие металлообрабатывающих ремесел, появление звукового алфавита, коренные изменения в изобразительном искусстве, колониционное движение, большой размах строительства храмов и кораблей и др. Понадобилось, однако, еще несколько поколений, чтобы освоить названные достижения; в VII в. было сделано большинство решающих шагов, которые сформировали греческую цивилизацию. Расцвет Греции в эпоху классики не был внезапным, как полагали прежде, — он явился результатом накопленных достижений в три предыдущих столетия.

Каждое отдельное достижение, подчеркивает Э. Снодграсс, не было чем-то уникальным. Прототип города-государства известен на Востоке; задолго до VIII в. в Египте была изобретена письменность и строились огромные каменные храмы, а в составе финикийского флота насчитывалось множество разновидностей кораблей. Заимствуя у восточных цивилизаций их культурные завоевания, греки никогда прямо не копировали их, но превращали в свое, нечто новое. Прекрасный пример — алфавит. На основании финикийского слогового письма впервые в истории у греков появился звуковой алфавит, и этим принципом воспроизведения устной речи мы пользуемся до сих пор. Для объяснения уникального развития Греции Э. Снодграсс привлекает феномен, известный в системной теории как эффект множества. Достижение в одной области может не иметь большого значения. Но два или более независимых достижения вступают во взаимодействие, усиливают эффект в каждой области и содействуют материальному и социальному прогрессу общества в целом.

Комплексное изучение письменных и археологических источников приводит исследователя к выводу, что главную роль в экономике архаической Греции играло земледелие, вслед за ним следует назвать военные захваты и лишь после этого — торговлю и ремесло.

В своей книге Э. Снодграсс стремился охватить все возможные для современного исследователя аспекты развития архаической Греции. Во многом это ему удалось. Однако, к сожалению, вне поля зрения автора оказался один из ключевых вопросов, а именно вопрос о развитии рабовладения, без чего не может быть научно объективно освещена история становления греческого общества, благосостояние которого основывалось главным образом на труде рабов. На страницах рецензируемого труда даже слово «раб» почти не встречается, хотя автор уделяет некоторое внимание группам зависимого земледельческого населения материковой Греции.

Оставляя без внимания столь фундаментальные вопросы, как отношения между классами и появление новых форм эксплуатации, Э. Снодграсс не освещает той социально-экономической базы, на основе которой стали возможны все охарактеризованные им завоевания греков. Ведь именно в архаический период был совершен поворот от патриархальной формы рабства к более развитым его формам. Это явление следует рассматривать как один из важнейших факторов прогрессивного развития греческих полнсов.

В целом же книга Э. Снодграсса вносит серьезный вклад в наши знания об истории и культуре одного из наиболее интересных и значительных периодов жизни древней Греции.

М. В. Скржинская

Исторические судьбы Египта сложились так, что с IV в. до н. э. он вошел в орбиту интенсивных и разносторонних связей Средиземноморского региона. В 332 г. до н. э. Александр Македонский подчинил себе страну Нила. Птолемеевская династия проводила политику укрепления связей с Грецией и Римом. В 30 г. до н. э. Египет покорился Риму. В 395 г., с разделом империи на две части, он отошел к Восточной Римской империи. Под властью ромеев Египет находился до 641 г., когда набирающие мощь арабы менее чем за год отвоевали у византийцев ее богатую провинцию. Изложенные факторы в основном и обусловили особенности развития страны Нила в политическом, экономическом, социальном и культурном отношении в IV в. до н. э. — VII в. н. э. С этим связаны и главные этапы в формировании и развитии своеобразного феномена восточнохристианского искусства — искусства египтян-христиан (коптов). Наряду с многотысячелетней художественной традицией древнего Египта и культурным воздействием стран-соседей — Сирии, Палестины, Византии и др. — основы этого искусства заложил греко-римский вариант эллинистического искусства.

На протяжении почти ста лет изучения коптского искусства исследователи стремились выявить степень влияния, оказываемого греко-римским искусством на искусство христиан-египтян. В довольно значительном ряду такого рода работ сравнительно немного найдется исследований, в которых бы освещалась эта проблема на примере ткачества, пожалуй, наиболее самобытного и самого известного вида художественного творчества коптов. Специально этому вопросу посвящено исследование американского ученого Джеймса Триллинга «Римское художественное наследие: ткани из Египта и Восточного Средиземноморья 300—600 гг.». Эта работа появилась в результате подготовки Текстильным музеем в Вашингтоне выставки того же названия¹.

Для упомянутой выставки было отобрано 117 образцов. Их музейную обработку (инвентарные и технические данные) взяла на себя известный специалист по коптскому ткачеству С. Макмилан-Аренсберг. Историко-культурный очерк написал специалист по позднеантичному и византийскому искусству Дж. Триллинг, построив его следующим образом: благодарности организациям и лицам, способствовавшим устройству и проведению выставки (с. 9—10); введение (с. 11—19); очерк о гобеленовых тканях (с. 29—30), сопровождаемый каталогом вещей, исполненных в этой технике (с. 31—92, № 1—103). Затем рассматриваются ткани, выполненные в петельчатой технике (с. 93—95, № 104—107), шелка (с. 96—101, № 108—115), образцы, изображения на которых исполнены в технике резерважа (с. 102—103, № 116, 117). Закljučают книгу два дополнения. В первом рассматривается группа тканей, узор на которых выполнен так называемой плетенкой (с. 104—108, 6 илл.). Во втором дополнении, написанном Катрин де Карбоннель, излагается процесс перемонтировки занавесы с эрматами (кат. № 1). На с. 110 — таблица соответствий музейных инвентарных номеров каталожным номерам в книге. Библиография, включающая более 80 названий, приведена на с. 111—112.

Принципиальные соображения автора главным образом выражены во «Введении». Перед ним стояла сложная задача — на примере коллекции коптских тканей одного музея проследить корни античного искусства в искусстве коптов. Обычно под античной традицией в коптском ткачестве подразумевали лишь использование мастерами сюжетов и персонажей греко-римской мифологии и значительно меньше внимания уделяли античному наследию в стиле, в использовании технических приемов и т. п. Книга Дж. Триллинга составляет, по счастью, исключение: основное внимание он

¹ Этот музей был основан в 1925 г. Г. Х. Майером (George Hewitt Myers). Коллекция так называемых коптских тканей в нем, пополняющаяся в основном за счет покупок, в количественном отношении сравнительно скромная (около 450 номеров), но в историко-культурном плане и в отношении техники выполнения вещей она представляет чрезвычайный интерес.

уделил изучению стиля, художественных особенностей и техники выполнения тканей. (Правда, в какой-то степени это можно объяснить характером музейного собрания: ткани с орнаментальными мотивами преобладают в нем над тканями с сюжетными изображениями.) Автор широко привлекает ткани других собраний, руководствуясь в первую очередь стилистической близостью материала. Интересно методическое предложение Дж. Триллинга, позволяющее, как он думает, установить не только относительную, но и абсолютную хронологию для позднеантичных тканей (с. 19). Для этого следует, по его словам, определить группы мастерских, затем выявить различия внутри этих мастерских, выделив изменения стиля, отражающие ход времени и влияния иных традиций ткачества. Установив связи этих различных групп мастерских с твердо датированными тканями, мы тем самым переведем относительную хронологию в абсолютную. Автор подчеркивает, что такую работу можно провести на огромном в количественном отношении материале. Сам он предпринял попытку продемонстрировать такой подход на группе тканей с разнообразными мотивами плетения (см. Дополнение I, с. 104—108), уточнив их хронологический ряд².

Большой интерес для исследователей представляют введенные Дж. Триллингом в научный оборот приобретенные музеем в 1950 г. два фрагмента льняных тканей с изображениями, выполненными в технике резерважа (с. 102—103, № 116, 117). На первом представлена сцена детства Диониса, на втором — стоящая мужская фигура (жаль, что не воспроизведены пояснительные надписи).

Убедительно иллюстрируют положение автора об использовании разными мастерами одних и тех же образцов — «прорисей» — фрагменты тканей IV в. с погрудным изображением Диониса (с. 52, № 30—32) и прямоугольная вставка с бюстом Диониса (с. 32, № 4), имеющая прямые аналогии в Бруклинском музее и Лувре.

Большой интерес, особенно для реставраторов, представляет Дополнение II (с. 109—110), в котором К. де Карбоннель подробно описывает перемонтировку большой завесы с эрматами на новую основу. Несомненную научную ценность будет иметь скрупулезная фиксация технических, технологических, колористических данных памятника, проведенная при этой операции.

Как и во всяком большом исследовании, в работе Дж. Триллинга есть некоторые упущения и просчеты. Так, нет описания целого ряда памятников (с. 37, № 14; с. 38, № 16; с. 45, № 23; с. 54, № 35, 36; с. 71, № 65; с. 77, № 76 и др.), не указаны даты некоторых образцов (с. 51, № 29; нам кажется, что эта ткань VII в.). Вероятно, просто опечатка на с. 48: выставка коптских памятников в Эссене имела место не в 1953, а в 1963 г. Описывая широко известный фрагмент петельчатой ткани с изображением оранта (с. 94, № 106), следовало бы привести мнение Й. Шварца о том, что это, «судя по всему, женщина; конец имени на $\lambda\alpha$ заставляет идентифицировать ее со святой Феклой»³. Гонимик с поднятой рукой в медальоне (с. 63, № 52), скорее всего, представляет амазонку. Сцену в прямоугольнике со всадником, попирающим поверженного врага (с. 63, № 53), можно трактовать как сцену триумфа, очень распространенную в позднеантичном искусстве. В центре медальона (с. 81, § 83, табл. 7, фрагментированное цветное изображение на обложке) представлено не лицо, как пишет автор, а голова медузы Горгоны. Можно конкретизировать эпизод из трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде», представленный на медальонах, украшающих тунику (с. 47, № 26): Орест и Пилад собираются похитить статую Артемиды. Кстати, этот сюжет видим и на коптской ткани из собрания Исторического музея в Москве⁴. Странно, что Дж. Трилинг редко описывает очень распространенный изобразительный мотив на коптских тканях — маленьких человечков, фигурирующих в литературе как путти, эроты, амуры, «мальчики с локоток» и др. Именно эти персонажи с птицами в руках, символизирующими дары-приношения, представлены на медальоне № 24 (с. 45).

² К использованной автором литературе по этому вопросу нужно добавить работу, посвященную одному из важнейших рассматриваемых памятников: *Riefstahl R. M. Recent Textile Discoveries in Palmyra.* — *Parnassus*, v. VII, № 4, 1935, p. 15—18.

³ *Schwartz J. Catalogues d'art copte.* — *Chronique d'Égypte*, t. XL, № 79, janvier 1965, p. 226.

⁴ *Lebedeva V. Ein koptischer Stoff des Historischen Staatmuseums zu Moskau.* — *Byzantinische Zeitschrift*, Bd. 35, № 1, 1935, S. 78—79, Taf. I (автор сюжет не определила).

При изучении коптских тканей большие сложности возникают при определении времени их создания. По этому вопросу у исследователей больше всего расхождений. Нам трудно согласиться с некоторыми датировками автора. Так, туника (с. 45, № 23) скорее всего не VI (?) в., а VIII в. Мало вероятно, чтобы две полосы с растительными побегам и животными (с. 71, 65) могли относиться к V—VI вв. Стилизация изобразительных мотивов и грубое льняное полотно, в которое вотканы полосы, заставляют нас отнести памятник на два-три столетия позднее. Вероятно, на столетие-полтора моложе фрагмент клада с «танцовщицами», всадником и nereидой на морском чудовище (с. 77, № 75), полоса-вставка с изображениями «танцоров» и рыб (с. 77, № 76) и медальон с Паном и нимфой (с. 78, № 77), тем более что аналог из Лувра, указанный автором, датируется П. дю Бурге XI (!) в. Несомненно, позже VI в. два фрагмента одной полосы с фигурами человека, хищников и птиц (с. 78, № 78). Концом V — началом VI в. датирует автор фрагмент звездообразной вставки (с. 85, № 91), хотя аналогии, на которые он ссылается, относятся к IX—XI, XII вв. Нас не убеждает отнесение группы тканей (с. 86—88, № 92—96) к VI в., они явно IX—XII вв. Мы сомневаемся, чтобы туника с орнаментальными вставками растительного и геометрического характера (с. 92, № 103) относилась к VI в. В Луврском каталоге такого рода вещи датируются XI в.

Вызывает недоумение, что Дж. Триллинг не обратил внимание на такую деталь, как крест в круге на клаве фрагмента туники V—VI вв. с фигурами людей и животных (с. 65, № 57). Коптские мастера — ткачи и скульпторы — довольно часто прибегали к такому приему: включая христианские эмблемы и символы в изображения античной тематики, они как бы уничтожали их старый языческий смысл и придавали им новое, христианское звучание. Автор не упоминает также о технике так называемой «летучей иглы», которой исполнены геометрические узоры на большинстве фигурирующих в книге тканей.

Нельзя не высказать несколько критических замечаний принципиального характера. Так, автор считает, что на экземпляре № 96 (с. 88) представлен «конец плетеньки, как темы в позднеримском текстильном искусстве примерно конца VI в.» (с. 108). Однако памятники с аналогичными мотивами и близкие по технике выполнения относятся к XI—XII вв.⁵

Вслед за К. Весселем и П. дю Бурге Дж. Триллинг пишет (с. 11), что слово «коптский» не означает какого-то определенного стиля. Это утверждение по меньшей мере странно. Название «коптский» условное, но оно характеризует совершенно конкретные формы своеобразного, отличного от византийского или какого-либо другого стиля, сложившегося на основе местной многотысячелетней художественной традиции и впитавшего в себя искусство Греции и Рима, Сирии и Палестины, Византии и даже Индии, а по мнению некоторых исследователей, и ряда районов Африки и Китая. На сегодняшний день мы действительно не можем дать конкретного, четкого определения коптского стиля из-за многообразности, разнообразности, противоположности его составляющих.

Автор рассматривает материал, хронологические рамки которого, по его мнению, ограничиваются 300—600 гг. Создается впечатление, что он разделяет бытующую в литературе до сих пор точку зрения, согласно которой античные влияния в искусстве коптского Египта прекращаются с подчинением страны арабам. Эта точка зрения явно устарела. Исследования последних двух десятилетий убедительно доказали, что в коптской среде к VII в. в основном изживаются только художественно-стилистические принципы эллинизма, а греко-римские образы продолжают жить до начала II тыс.⁶ Несостоятельность позиции автора по этому вопросу очевидна и в

⁵ *Du Bourguet P.* Musée National du Louvre. Catalogue des étoffes coptes. I. P., 1964, p. 630, AC 727 (I 84); p. 633, AC 733 (I 91); *Baginski A., Tidhar A.* Textiles from Egypt 4th—13th Centuries C. E. L. A. Mayer Memorial Institute for Islamic Art. Jerusalem, 1980, p. 161, № 255, pl. VIII.

⁶ По этому вопросу см.: *Grube E.* Studies in the Survival and Continuity of Pre-Muslim Traditions in Egyptian Islamic Art.— *Journal of the American Research Center in Egypt*, v. I, 1962, p. 75—97. *Thompson D.* A Fatimid Textile of Coptic Tradition with Arabic Inscription.— *Ibid.*, v. IV, 1965, p. 145—150; *Leipen N.* Classical Tradition in Early Christian Art: A Textile Fragment in the Royal Ontario Museum.— In: *Studies in Textile History*/Ed. V. Gervers. Toronto, 1977, p. 168—177.

попытках «уточнить» датировки ряда памятников в сторону их «омоложения», о чем уже говорилось выше.

Жаль, что Дж. Триллинг совершенно не затронул вопроса символики изображений на коптских тканях. Его соотечественники С. Льюис и А. Джонс ⁷ на примере коптских тканей с изображениями всадников с несомненностью показали, что эти изображения связаны с неистребимой верой человека в бессмертие, с надеждой на счастливую загробную жизнь. Нам кажется, что такое символическое осмысление приложимо к подавляющему большинству изображений на коптских тканях с IV по XI в.

В заключение надо сказать, что отмеченные нами недочеты ни в коей мере не снижают ценности рецензируемого исследования. Значение его еще более повышается, поскольку это одна из первых капитальных работ на подобную тему. Сам автор склонен был рассматривать ее как «сырьевой материал для будущих исследований» (с. 19), однако в ней так много тонких наблюдений и верных, свежих суждений, что они несомненно обогатят литературу по данному вопросу и будут способствовать пробуждению новых идей у специалистов.

А. Я. Каковкин

⁷ *Lewis S.* The Iconography of the Coptic Horseman in Byzantine Egypt.— *Journal of the American Research Center in Egypt*, v. X, 1973, p. 27—63. *Jones Alan M.* The Equestrian Motif in Coptic Textiles Including a Catalogue of Textiles in the Collection of the Kelsey Museum of Ancient and Medieval Archaeology. Detroit, 1974.

ЗАСЕДАНИЕ В ЛО ИВ АН СССР, ПОСВЯЩЕННОЕ 70-ЛЕТИЮ И. М. ДЬЯКОНОВА

15 января 1985 г. в Ленинградском Отделении Института востоковедения АН СССР состоялось заседание Ученого совета, посвященное 70-летию доктора исторических наук Игоря Михайловича Дьяконова. Его имя хорошо известно не только специалистам по истории и филологии древнего Ближнего Востока, но и всем, кто профессионально занимается или просто интересуется историей и языками древности.

В этом заседании участвовали не только ленинградцы, но и приехавшие из других городов ученики и друзья И. М. Дьяконова; поступили десятки приветственных телеграмм. Выступавшие воздали должное научным заслугам И. М. Дьяконова. За 50 лет научной деятельности Игорь Михайлович выпустил полтора десятка монографий и более двухсот статей (не считая сотен статей в энциклопедиях), и каждая из этих работ знаменовала собой новый заметный шаг вперед в познании древнего мира. Созданная им научная школа, к которой принадлежат почти все советские ассириологи, занимает ныне одно из ведущих мест в мировой науке. Ученики И. М. Дьяконова работают в Ленинграде, Москве, Тбилиси, Баку, Ереване, Минске, Воронеже, Грозном и других городах СССР и за рубежом. Международный научный авторитет И. М. Дьяконова выразился в избрании его почетным членом ряда зарубежных академий и научных обществ. Историк и лингвист, филолог и переводчик, Игорь Михайлович полон энергии и творческих планов. В настоящее время он во главе группы молодых лингвистов работает над сравнительно-историческим словарем афразийских языков. Первые выпуски этого словаря уже вышли в свет и получили самую высокую оценку в научных кругах.

В выступлениях отмечались также замечательные человеческие качества И. М. Дьяконова — принципиальность, научная щедрость и честность, готовность делиться своими огромными знаниями.

Юбилей был отмечен также небольшой научной сессией — заседанием Ленинградского ассириологического семинара. Первое слово было предоставлено юбиляру, выступившему с докладом «Об одном возможном направлении исследования древних обществ». Отметив успехи нашей науки в изучении социально-экономической истории древности, И. М. Дьяконов указал на недостаточное внимание, уделяемое исследованию социальной психологии в различных ее аспектах и прежде всего — социально-психологических причин и социально-психологических (прежде всего эмоциональных) следствий различных культурных явлений, сложной диалектики взаимоотношений между традицией и возникающими новыми явлениями.

Доклад В. К. Афанасьевой (Ленинград) «Почему Намзитирра узнал Энлиля» посвящен интерпретации одноименного шумерского мифологического текста. М. А. Дандамаев (Ленинград) выступил с докладом «Иранское *ambaru* в вавилонских текстах». Это слово не приводится в существующих словарях аккадского языка. Оно заимствовано из древнеперсидского и означает «амбар», «склад». И. Ш. Шифман (Ленинград) прочитал отрывки из подготовленного им перевода угаритской поэмы о борьбе Силача Ба'лу с богом смерти Муту. Доклад А. Г. Лундина (Ленинград) «Протосинайские надписи из рудника Л» продолжает его работы по дешифровке ранних семитских алфавитов. По мнению докладчика, указанные надписи близки к сафским памятникам, связанным с заупокойным культом, что позволяет определить их содержание. Ю. Б. Юсифов (Баку) прочел доклад «К локализации страны Аратта». Предложенная докладчиком локализация — район к югу от оз. Урмия. Доклады А. Ю. Милитарева (Москва) «К дешифровке нескольких надписей ливийским письмом», В. Я. Портомо-

ского (Москва) «Сравнительно-историческое языкознание и восточные языки», А. Г. Беловой (Москва) «Комплементы и фонетические расширители в афразийском корне» и А. Ю. Айхенвальд (Москва) «Проблемы реконструкции синтаксического строя ливийско-гуанчских языков» посвящены различным теоретическим и практическим проблемам, возникшим в ходе работы над «Сравнительно-историческим словарем афразийских языков». Доклад М. Н. Зислина «Абу-л-Фарадж о согласной *нун* в системе древнееврейского языка» был посвящен трактовке проблем фонетики в средневековом грамматическом трактате.

Прочитанные доклады, вызвавшие большой интерес и оживленную дискуссию, будут опубликованы. Их тематика и содержание дают некоторое представление о широте интересов юбиляра и значении его деятельности для развития исследований по истории и филологии древнего Востока.

В. А. Якобсон

ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМАМ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ВОСТОКЕ

(Ереван, 16—20 мая 1984 г.)

В течение пяти дней мая 1984 г. в Ереване проходил Второй Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке, организованный сектором античной археологии ордена Трудового Красного Знамени Института археологии АН СССР и Отделом античной археологии Армении Института археологии и этнографии АН Армянской ССР. В работе симпозиума приняло участие около 80 ученых — специалистов по истории, археологии и искусству из научно-исследовательских институтов, музеев и высших учебных заведений РСФСР, Армении, Грузии, Азербайджана, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана. Состоялось семь заседаний, было заслушано и обсуждено 49 докладов, тематика которых свидетельствует о широте разработки советскими учеными проблем эллинизма на Востоке. В соответствии с темой симпозиума большинство докладов было посвящено истории духовной и материальной культуры Закавказья и Средней Азии в эпоху эллинизма.

Принципиально важную проблему — закономерности возникновения и развития эллинистической культуры на Востоке — рассмотрел в своем докладе «К вопросу закономерностей возникновения и развития эллинистической культуры» Б. Н. Аракелян (Ереван). Выделив восемь возможных форм и способов сложения и эволюции эллинистической культуры (от простого заимствования и подражания до гармоничного скрепления основных начал двух культур и формирования подлинно эллинистической культуры или скрепления уже сформировавшихся эллинистических культур двух или более народов в процессе сложного синкретизма), докладчик подчеркнул асинхронность этих процессов в различных регионах, вследствие чего общепринятая периодизация, созданная на основе западного материала, не применима на Востоке. Эллинизм был сменен здесь не римским периодом, а постэллинистическим. Б. Н. Аракелян отметил важность изучения местных черт, которые определили самобытность эллинистической культуры, синкретической по своему характеру, в различных регионах. Выявление этих трудноуловимых черт имеет исключительное значение как для определения самобытности культуры отдельных стран, так и для изучения эллинистической культуры в целом. Докладчик указал также на значение постэллинистической культуры на Востоке для развития культуры раннего феодализма, в системе которой она сохранилась в виде традиций и пережитков.

Основные проблемы и задачи изучения истории эллинизма в связи с работой над двухтомной историей эллинизма сектора истории древнего мира Института всеобщей истории АН СССР поставила в своем докладе «Проблемы и задачи изучения эллинизма» Е. С. Голубцова (Москва). Дальнейшего уточнения и осмысления требует понятие «эллинизм». Важно определение хронологических границ эллинистического периода, поскольку не для всех стран и регионов может иметь место единообразие. Нерешенной остается проблема географических границ распространения эллинизма. Если для этой эпохи мы считаем характерным взаимопроникновение греческих и местных начал, то можно ли и в какой степени можно называть эллинистической страной Грецию. Неясны также восточные границы эллинизма. Сложный вопрос встает о синтезе экономических, социальных и культурных взаимоотношений Запада и Востока, при котором следует учитывать уровень развития вступающих в эти взаимоотношения стран, поскольку именно этот уровень определяет специфику эллинистического периода того или иного региона. Конкретно-историческая ситуация в каждом отдельном случае вызывает свои специфические черты. Одной из самых сложных проблем остается эллинистическая культура, необходимо изучение всех компонентов культуры различных регионов.

Опыт типологического сопоставления на примере эллинизма в Вавилонии и Армении продемонстрировал в своем докладе «Эллинизм в Вавилонии и в Армении» Г. Х. Саркисян (Ереван). Определив эллинизм как распространение элементов греческой цивилизации (языка, материальной и духовной культуры, политического и экономического строя и т. д.) в странах Востока в совокупности с результатами их взаимодей-

ствий с соответствующими элементами цивилизаций этих стран, докладчик выявил разницу в реакции субстратов, существенно отличавшихся друг от друга по историко-культурным параметрам, при наложении на них одной и той же, инородной для них цивилизации. По мнению Г. Х. Саркисяна, в Вавилонии, представляющей тот тип стран, вовлеченных в эллинизм, которые характеризовались древними цивилизациями, элементы греческой цивилизации усваивались лишь пассивно, в меру неизбежности, вызванной господством греко-македонян. Армения же принадлежала к числу стран, переживавших бурный экономический, политический и культурный рост, чем и объясняется активное, но избирательное освоение ею элементов греческой цивилизации, здесь воспринимались формы, соответствовавшие потребностям общества, но не успевшие еще сложиться. В дальнейшем они частично были вытеснены местными формами, частично органично вошли в национальную армянскую культуру, сложившуюся в раннем средневековье.

Против принятого деления средиземноморской ойкумены в эллинистическую эпоху на две зоны — восточную, где наблюдалось тесное взаимопереплетение культур, и западную, развивавшуюся самостоятельно, а с рубежа III—II вв. до н. э. — под влиянием Рима, выступила В. И. Козловская (Владимир), прочитавшая доклад «Восток и Запад в эпоху эллинизма: к проблеме континуитета культурных связей средиземноморской ойкумены». Все возрастающий материал источников позволяет, как считает докладчик, поставить проблему континуитета в контактах Востока и Запада в до- и эллинистическое время. Ряд эллинистических центров (Афины, Родос) осуществляли связи (прежде всего экономические, а также политические) с традиционными еще для доэллинистического времени партнерами: полисами Западного Средиземноморья, развитыми туземными центрами Иберии, Кельтики, Лигурии, Сицилии и — через посредничество тех и других — с глубинными зонами Южной и Юго-Западной Европы. О глубине этих связей свидетельствует тот факт, что ряд важных культурных заимствований (в области архитектуры, религии) был осуществлен местными народами Западного Средиземноморья именно в эллинистическую эпоху.

Говоря о характере культурных контактов колонистов и коренного населения в Переднеазиатском Средиземноморье в эпоху эллинизма, И. Ш. Шифман (Ленинград) в докладе «Культурные контакты в эллинистическом переднеазиатском Средиземноморье (Опыт структурной характеристики)» выделил факторы, способствовавшие их сближению (языческая религия, постоянные контакты в деловой и административной сферах) и препятствовавшие ему (греческое представление о неграках как о варварах, развитие догматических религий). Считая, что центристельные силы были сильнее центробежных, докладчик ссылается на распространение двуязычия, усвоение греческой образованности и восточной премудрости, религиозный синкретизм. Вместе с тем имело место и осознанное либо неосознанное сопротивление эллинизации.

К истокам формирования греко-восточного религиозного синкретизма обратился А. Ю. Согомонов (Владимир) в докладе «Греко-восточный религиозный синкретизм: истоки формирования». Темой доклада для него стал храм, раскопанный на левантийском побережье, на поселении Телль Сукас (около Хамы), куда в VII в. до н. э. восточногреческие полисы под эгидой Родоса вывели эмпорий. Наиболее вероятной докладчик считает принадлежность храма Аполлону и финикийскому Решефу, соответствие которых для более позднего времени устанавливается билингвами с Кипра. Паритетный синкретизм эпохи архаики существенно отличался от эллинистического, так как строился прежде всего на значительной степени генетического родства религий. Тем не менее, как отмечает докладчик, он обусловил формирование одной из магистральных линий эллинизации: синтез греческого и восточного.

Другой аспект формирования эллинистической культуры стал темой доклада В. И. Исаевой (Москва) «Восток в греческой идеологии IV в. до н. э.». Она выделила три варианта в восприятии эллинами культуры Востока: доброжелательный (который, очевидно, восходит к Геродоту), негативный (возникший в период Греко-Персидских войн) и третий вариант, распространенный в кругах интеллектуальной элиты, основанный на мнении о возможности приобщения других народов к благам греческой культуры. Докладчик указала, что стереотипом как бытового сознания, так и идеологии было положение о невежественности варваров, наряду с утверждением о повыше-

ной военной опасности со стороны Востока и ответственности Персии за греческие неурядицы. Экономический аспект восприятия Востока эллинами основывался на представлении о его несметных богатствах.

Одной из центральных проблем истории культуры древнеармянского общества — его идеологическим представлениям — был посвящен доклад Г. А. Тираняна (Ереван) «Армавир и некоторые вопросы династической преемственности официального культа». Официальный культ царствующей династии Еруандидов, основы которого были заложены в Армавире (святылище с храмом бога Солнца Аполлона-Митры и богини Луны Артемиды-Анаит, а также обожествленных предков), сочетал в себе местные, пранские (ахеменидские и парфянские) и эллинские (селевкидские) влияния и был успешно заимствован последующими династиями — Арташесидами и Аршакидами. Изваяния богов-покровителей предков династии вместе со статуями предков еще при Еруандидах переносятся в Багаран, а затем в Арташат. В связи с основанием новой столицы в Валаршапате здесь (как ранее в Арташате) были воздвигнуты, по-видимому, два храма. Аршакиды не внесли существенных изменений в царский культ. Почитание статуй обожествленных предков всеми тремя династиями должно было, по мнению докладчика, подчеркнуть преемственность их культово-политических воззрений и идею родственных связей между ними.

Культурные связи Армении с эллинистическим миром показал на примере коропластики Ж. Д. Хачатрян (Ереван) в докладе «Образ богини Анаит в античной коропластике Армении». Он обратился к образу Анаит — наиболее почитаемой богини армянского пантеона, иконография которой имела свои традиционные, канонические типы. Как свидетельствуют многочисленные статуэтки матери с ребенком (несколько композиционных групп) I в. до н. э. — II в. н. э., представляющие один из самых распространенных типов среди статуэток Армении, под воздействием эллинистической культуры в это время возникает новый образ богини, в котором подчеркиваются черты благотворительной покровительницы страны, Великой Матери. Анализируя изображения богини с двумя детьми, Ж. Д. Хачатрян склонен отождествлять одного из них с ее супругом или возлюбленным (видимо, Ара армянского пантеона), второй же, по его мнению, должен был подчеркивать идею плодородия, продолжения жизни.

Э. А. Барсегян (Ереван) в докладе «К вопросу об инструментальной музыке эллинистической Армении» выявил, в чем именно проявилось греческое влияние на инструментальную музыку Армении (совершенствование инструментария и исполнительного стиля), и рассмотрел ее характер в позднеэллинистический период, когда уже существовали развитые формы инструментально-ансамблевого музицирования, которые сохранились и в постэллинистический период и нашли отражение в раннесредневековой литературе. Докладчик представил также аудитории воссозданный им старинный духовой инструмент — пог, исполнение на котором нескольких старинных армянских мелодий было с интересом встречено участниками симпозиума.

На основе комплексного исследования источников, прежде всего нумизматических, был построен доклад М. О. Зардаряна (Ереван) «Эллинистическая Армения в системе переднеазиатской международной торговли». Он говорил о возрастающей роли Армении в переднеазиатской международной торговле в эллинистическую эпоху, когда расширение границ Армении поставило сухопутную, а отчасти и морскую торговлю Малой Азии в зависимость от нее. Как отметил докладчик, эта роль Армении в транзитной торговле оставалась неизменной и после установления римского владычества в Малой Азии и Леванте, в условиях возобновившегося в Передней Азии противостояния Востока и Запада, но уже в лице Парфии и Рима. Столица Армении Арташат становится тогда одним из ведущих центров международного товарообмена в этом регионе.

Местные традиции в государственном устройстве древней Армении выявил С. М. Кркияшарян (Ереван) в докладе «О бдешхате в древней Армении». Остановившись на анализе власти бдешхи, докладчик отметил вместе с тем и влияние эллинистической среды на государственные институты страны. Указав на спорность толкования характера бдешхата, докладчик высказал свое мнение, согласно которому бдешхат по существу соответствовал должности правителя области и прошел долгий путь развития. Возникновение его С. М. Кркияшарян склонен относить ко времени правления Тиграна II и связывать с расширением границ государства. Позднее, когда Армения лиши-

лась части территории, бедства превратились в назначаемых царем наместников на окраинах царства.

С результатами раскопок нового археологического памятника эллинистической Армении — поселения Аван-Ариндже (на северо-восточной окраине Еревана) — познакомил в своем докладе «Поселение в Аван-Ариндже — новый памятник эллинистической культуры Армении» *А. Р. Демирханян* (Ереван). Выявленные в ходе раскопок архитектурные остатки, следы металлургического производства, многочисленная и разнообразная керамика, характерная для синхронных памятников Армении, а также богатый инвентарь карасных погребений (в том числе две драхмы — Готарза I и Александра Македонского) — все это позволило докладчику сделать предварительный вывод о довольно высоком уровне развития древнего поселения, которое лежало на торговом пути, связывавшем в античное время центры Армении Арташат и Двин со столицей Иберии Мцхета. Датировка — II—I вв. до н. э.

Основой доклада *Ю. Г. Виноградова* (Москва) и *В. И. Кадеева* (Харьков) «Армянские лучники на службе Митридата Евпатора» послужил найденный в 1970 г. в Херсонесе фрагмент надгробия с надписью «начальника армянских лучников, вооруженного длинным щитом». Эта надпись дает, как считают докладчики, основание решить спорный вопрос об этнической атрибуции упомянутых в ольвийском декрете IOSPE, I², 35 армянцев и прийти к выводу, что понтийский царь Митридат в годы покорения Северного Причерноморья передислоцировал мобильные контингенты армянских гиппотоксотов сначала в Херсонес, а затем в окрестности Ольвии.

Об эпиграфическом материале шла речь и в докладе «Эпиграфические заметки (I. Декрет в честь Маркиана из Прусы. 2. Апаранская надпись Трдата)» *В. П. Яйленко* (Москва), обратившегося к этой известной надписи, которая трактовалась по-разному. Докладчик считает, что в надписи сообщается о пожаловании Тиридатом жене и сыну своего сановника местности Ниге (не имевшей полиса), доходы с которой шли им «на убор», датировка надписи — 97 или 297 г. Другая часть доклада *В. П. Яйленко* была отведена восстанавливаемому им декрету Ольвии в честь Маркиана из Прусы, свидетельствующему об оживленных связях Ольвии с малоазийскими городами.

С. Т. Еремян (Ереван) в докладе «Древнеармянский глобус» рассказал о результатах своих исследований выдающегося памятника культуры раннесредневековой Армении — «Армянской географии», автором которой, как устанавливается ныне, является известный ученый-энциклопедист VII в. Аваня Ширакаци. В картографических вопросах общетеоретического характера Аваня Ширакаци следовал методу Клавдия Птолемея и руководствовался его картографической основой, поэтому возникла необходимость параллельного картографирования текстов обоих географов, что дало возможность *С. Т. Еремян* реконструировать также «Древнеармянский атлас мира», который и был продемонстрирован докладчиком аудитории. Этот атлас дает облик поверхности Земли, заключенной между 60° северной широты и 16° 25' южной широты с протяженностью в 180°. Земля, по мысли Аваня Ширакаци, населена людьми в широтном направлении, а на юге и севере необитаема из-за сильной жары и холодов. Вся суша сводится им к трем материкам: Европе, Ливии и Азии, морями Аваня Ширакаци считает только три замкнутых бассейна: Индийский, Греческий (Средиземное море) и Гирканский (Каспийское). Таким образом, как доказал *С. Т. Еремян*, Армения имела свою картографию уже в VII в., задолго до появления арабской картографии.

Разностороннее влияние античной культуры на становление культуры раннефеодальной Армении было показано также в докладах *Э. Л. Даниеляна* (Ереван) «От античной к раннесредневековой естественнонаучной мысли в Армении и Византии», *С. С. Мнацаканяна* (Ереван) «Концепция центричности в водчестве средневековой Армении и ее античные истоки» и *Г. В. Ордоьяна* (Ереван) «Отголоски античных ипподромов в средневековой Армении».

Обратимся теперь к докладам, посвященным различным аспектам духовной и материальной культуры Грузии в эллинистическую эпоху.

В докладе *А. Ю. Кахидзе* и *Н. В. Вашакидзе* (Тбилиси) «Эллинистические традиции в погребальных обрядах колхов (По материалам могильников Юго-Западной Грузии)» рассматривался вопрос о греческом влиянии на погребальные обряды колхов. Опираясь на новейшие археологические открытия, они отметили наличие довольно тесных контактов между Юго-Западной Грузией и греческим миром начиная с позднеархаи-

ческого времени. Как свидетельствуют материалы раскопок могильника Пичвнари, эллинизация местного населения намечается с классического времени и этот процесс углубляется с раннего эллинизма. Напротив, могильники внутренних районов Юго-Западной Грузии, где влияние эллинской культуры менее ощутимо, обнаруживают значительное сходство с погребениями других районов Грузии, Армении и Азербайджана.

Воздействие античных традиций на архитектуру и строительное дело Иберии в эллинистическое время показал Ю. М. Гагошидзе (Тбилиси) в докладе «Об архитектуре и строительном деле Иберии эллинистического времени». Наряду с долгим и устойчивым сохранением старых местных традиций здесь появляются и новые черты — регулярная планировка, черепичная кровля, тесаный камень и др., которые докладчик связывает с эллинскими традициями.

Тема доклада Д. В. Ахведиани (Тбилиси) — «Некоторые вопросы производства и потребления черепицы в Грузии (Колхида, Иберия) эллинистического периода». Отметив тесную связь производства черепицы с ростом градостроительства, докладчик выявил различное соотношение местного производства и импорта черепицы в разные периоды и в разных регионах. В Колхиду в IV в. до н. э., по-видимому, черепицу только ввозили, на рубеже IV и III вв. и в середине II в. до н. э. наряду с привозной использовалась черепица и местного изготовления, в остальные периоды (III — II и I вв. до н. э.) — только местная. Иная картина наблюдается в эллинистической Иберии, где потребность в черепице удовлетворялась продукцией лишь местного производства.

Отметив ведущее и определяющее значение местного начала в златокузнечестве древней Грузии, А. М. Чкониа (Тбилиси) в докладе «Златокузнечество древней Грузии — традиции и контакты» выделяет два этапа в его развитии: на первом (V — первая половина IV в. до н. э.) воздействие эллинистической культуры ограничено, на втором этапе (вторая половина IV — II в. до н. э.) характер златокузнечества меняется и наряду с закономерным развитием традиций местного искусства большую роль начинают играть новые направления, обусловленные интенсивными контактами с внешним миром (новые формы, мотивы, система декора).

О результатах раскопок позднеэллинистического могильника в окрестностях села Агаяни, которые с 1975 г. проводит Настакисская археологическая экспедиция, рассказали А. В. Божочадзе и Н. Г. Мирианашвили (Тбилиси) в докладе «Новооткрытый могильник из с. Агаиани». Среди обильного погребального инвентаря — золотые и серебряные украшения, серебряные, бронзовые, глиняные и стеклянные сосуды, бусы, множество монет. Докладчики особо подчеркивают наличие импортных изделий: бронзовые кувшины и ковши итальяского происхождения, стеклянные сосуды сирийского производства, бусы из Сирии или Финикии и уникальная для Грузии находка двух пар римских железных весов. Судя по погребальному инвентарю, докладчики считают возможным говорить о тесных культурно-экономических связях жившего здесь населения с античным миром в I в. до н. э. — I в. н. э.

Анализ монет, обнаруженных на Агаянском могильнике, был дан в докладе «Агаяни (ГССР) по нумизматическим материалам» Г. Ф. Дундуа и Т. Г. Дундуа (Тбилиси). Среди найденных 103 монет преобладают парфянские драхмы (58 экз.) и римские денарии (33 экз.). Сравнение их с синхронными монетами, найденными в соседних областях — Колхиде, Армении и Албании, обнаруживает большее сходство с Арменией. По мнению докладчиков, определенная часть этих монет поступила в Иберию по тому отрезку пути, который начинался в Арташате. Новые находки, в сопоставлении с монетами из Мцхеты, позволяют, как считают докладчики, сделать вывод о зарождении в Иберии в конце эллинистического времени традиции местной эмиссии.

Говоря об античных традициях в эпоху эллинизма в Абхазии, Г. К. Шамба (Сухуми) в докладе «Античные традиции в Абхазии в эпоху эллинизма» отметил тесную связь этого региона с античным миром еще со времен Великой Греческой колонизации. Развитие торгово-экономических сношений заметно усилило эту связь в эпоху эллинизма, оставив глубокий след в материальной и духовной культуре местных племен, о чем свидетельствуют многочисленные данные о ремесле, торговле, градостроительстве, культуре, религии, полученные в ходе археологического изучения Абхазии. Среди традиционной местной керамики появляются сосуды новых форм, черепица. Расширяется денежная система, а на исходе эллинизма появляется собственный чекан. Воз-

никают и расширяются города, окруженные стенами, с монументальными постройками. Найденные скульптурные фигурки создают впечатление, что в городах поклонялись общегреческим богам, тогда как в окрестностях по-прежнему почитали местные божества. Докладчик отметил также и обратный процесс, т. е. влияние местных традиций на эллинискую культуру.

Несколько докладов было посвящено истории культуры Кавказской Албании эллинистического периода. *М. М. Расулова* (Баку) в докладе «К вопросу о связях Кавказской Албании с эллинистическим Востоком» остановилась на предпосылках возникновения этих контактов в более раннее время, указала на роль транскавказских путей международной торговли в установлении связей жителей Албании со странами эллинистического Востока и привела ряд фактов, свидетельствующих об этих связях. Одним из ярких показателей заметной активизации международных связей Албании в эллинистическую эпоху *М. М. Расулова* считает исключительную пестроту денежного обращения Албании в III—I вв. до н. э. Борьба за овладение Албанией играла немалую роль в столкновениях Рима и Парфии.

Также указав на усиление культурно-экономических контактов Кавказской Албании с восточноэллинистическими странами, бесспорными доказательствами чему служат многие археологические памятники и находки, *Д. А. Халилов* (Баку) темой своего доклада «Монументальная каменная скульптура древней Шемахи» выбрал ориентацию этих связей, еще достаточно не изученную. Ведущим докладчик считает южное направление, через южные районы в Албанию в эпоху эллинизма поступали с Востока многочисленные изделия и монеты. *Д. А. Халилов* подчеркнул традиционность этого направления, которое, восходя еще к эпохе бронзы и раннего железа, преобладало и в период господства Ахеменидов. Вместе с тем некоторую роль в экономике играл и северный путь, многие римские товары из северочерноморских колоний проникали в Албанию через Северный Кавказ.

Доклад «Денежное обращение Кавказской Албании в эллинистическую эпоху» сделал *И. А. Бабаев* (Баку). Он отметил факторы, обусловившие появление и развитие здесь денежного обращения и дал его общую характеристику. Среди обнаруженных в Албании монет эллинистических государств (Вифиния, Понт и др.) преобладают монеты Селевкидов, а к концу эллинизма усиливается приток парфянских монет. Докладчик остановился также на монетных подражаниях тетрадрахмам и драхмам Александра Македонского, которые (за одним исключением) не найдены за пределами Албании.

В докладе «К проблеме обращения парфянских монет в Закавказье» *А. М. Акопян* (Москва) на основании картографирования находок этих монет в Закавказье и на территории исторической Армении пришел к выводу, что основным транзитным пунктом поступления сюда монет можно считать Арташат. *А. М. Акопян* высказал также предположение о различном времени регулярного поступления парфянских монет в Армению и Иберию (начиная с эмиссий первых царей Парфии) и в Албанию (только со второй половины I в. н. э.), что было обусловлено различной степенью их развития.

Как показала *Т. И. Голубкина* (Баку) в докладе «О минеральных бусах в погребальном культе Кавказской Албании (II—I вв. до н. э.)», древние жители этого региона прекрасно знали физические и химические свойства минералов. Основой доклада *Т. И. Голубкиной* был разносторонний анализ бус из некоторых минералов, которые изготавливались специально для погребального культа; их цвет и форма имели определенный символический характер. Минеральные бусы свидетельствуют о многообразии технических приемов обработки, являясь по своим художественным качествам одним из ярких образцов высокоразвитого и оригинального ремесла Кавказской Албании.

Сопоставление оружия Кавказа и стран эллинистического мира привело *Э. Р. Салманова* (Баку) в докладе «Оружие Кавказа и эллинистического мира (Исторические параллели)» к выводу об усилении в эпоху эллинизма черт сходства, которые издревле наблюдались у кавказского оружия с оружием Ближнего и Среднего Востока. Это проявилось как в типе вооружения, так и в его номенклатуре и конструкции. Параллели между оружием жителей Кавказа и эллинистического мира свидетельствуют о взаимообмене между ними в оружейном деле.

В докладе «Каспийская экспедиция Патрокла и уровень Каспия» *С. Н. Муравьев* (Москва) развил некоторые выводы о высоте стояния моря в античную эпоху, сделанные им в связи с дешифровкой карты Кавказской Албании Птолемея (см. ВДИ, 1983,

№ 1). Судя по взаимоотношению Аракса и Куры в I в. до н. э. (раздельные, но близкие устья) и в I—II вв. н. э. (общее устье: Аракс впадает в Куру), высокий уровень (+ 15 м абс.), изображенный на карте Албании, не мог относиться ко времени самого Птолемея (II в.). Напротив, результаты измерений Каспия (длины западного и восточного участков южного побережья, максимальная ширина моря на юге), произведенных известной экспедицией Патрокла (285 г. до н. э.), совершенно несопоставимые с современными данными, хорошо согласуются с соответствующими расстояниями и длинами при уровне +10/20 м абс. Следовательно, карта Птолемея отражает состояние Каспия, имевшее место около рубежа IV и III в. до н. э., и, возможно, восходит к Патроклу.

К идеологической жизни иранских племен Северного Кавказа обратился Ю. М. Десятчиков (Москва) в докладе «Обожествление власти царя у иранских племен Северного Кавказа». Исходя из предложенного им нового толкования имени Ватафарн в греческой надписи «Богу Ватафарну» на золотом амулете I в. до н. э. — II в. н. э., докладчик считает возможным говорить об обожествлении царя иранского кочевого племени сираков, понимая это имя как теофорное.

О другом иранском племени, скифах, шла речь в докладе А. Н. Щеглова (Ленинград) «Греческие и местные традиции в архитектурно-планировочном облике и строительстве позднескифских поселений». Отметив, что формирование архитектуры и строительства в позднескифских городах и поселениях происходило под воздействием греческой традиции как одно из следствий процесса греко-варварских взаимодействий в период эллинизма, докладчик показал, как конкретно греческие и местные традиции проявлялись в основных типах позднескифских поселений: городе, крепости, неукрепленном сельском поселении, изолированной усадьбе, убежище.

Два доклада — Н. Л. Грач и Ф. В. Шелова-Коведяева — были посвящены Боспору. Н. Л. Грач (Ленинград) в докладе «Новые данные о взаимоотношениях Боспора с Египтом в эпоху эллинизма», анализируя изображение судна, открытое в 1982 г. в святилище Нимфея, предполагает, что во второй половине III в. до н. э., во время правления Перисада II, на Боспор из Египта прибыл корабль «Изида». Это обстоятельство, по мнению докладчика, придает находке совершенно особое звучание в решении давно дискутируемой в науке проблемы боспоро-египетских отношений (вопрос о так называемой конкурентной борьбе за хлеб). Исходя из размеров корабля и парадного облика судна, Н. Л. Грач вполне допускает его посольскую миссию (подробнее см. ВДИ, 1984, № 1).

Ф. В. Шелов-Коведяев (Москва) в докладе «О соправительстве на Боспоре и в эллинистических монархиях», полемизируя с рядом положений концепции Н. С. Беловой, склонен считать, что власть боспорских тиранов имела корпоративный характер, при котором эманация верховной власти распространялась одновременно на нескольких представителей правящей династии с сохранением руководящего положения за отцом или старшим братом; он и обладал полным титулом. Вместе с тем докладчик выразил согласие с Н. С. Беловой в том, что практика наследования власти и организации управления на Боспоре отличны от таковых в династии Селевкидов.

На основе анализа эпиграфического материала О. Б. Лопухова (Москва) в докладе «Эллинистический Делос: соотношение Востока и Запада» пришла к выводу, что говорить об эллинистическом периоде на священном острове Аполлона можно только после 167/6 гг. до н. э. Докладчик подчеркнула при этом роль Делоса как центра международной транзитной торговли и тесное взаимодействие здесь исконно греческих начал с восточными и итальянскими. История Делоса в эллинистическое время, по мнению О. Б. Лопуховой, ставит вопрос о том, имеем ли мы дело с типичным для греческих областей явлением или путь Делоса следует признать уникальным, не имеющим аналогов в материковой и островной Греции.

Местные и эллинистические традиции в культуре отдельных областей Средней Азии были рассмотрены в докладах З. И. Усмановой, Э. В. Ртвеладзе и М. Ниязовой, В. Н. Филиппко, Х. Ю. Мухитдинова.

З. И. Усманова (Ташкент) в докладе «Маргиана в эпоху эллинизма» на основе анализа материальной культуры (прежде всего терракот и гемм), а также системы градостроительства, которые стали известны в результате археологических раскопок, проведенных Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией, проследила процесс эллинизации в этом районе в селевкидо-парфянское время. Процесс

этот, по мнению З. И. Усмановой, протекал довольно слабо по сравнению с восточными областями Парфии и другими районами Средней Азии, в частности Бактрии.

К Бактрии обращает нас доклад «Клад греко-бактрийских монет из Бухары» Э. В. Ртвеладзе и М. Ниязовой (Ташкент), в котором шла речь о найденном в 1983 г. в районе Бухары кладе монет, состоящем из 50 тетрадрахм греко-бактрийских царей: Диодота (5 экз.), Евтидема (43 экз.) и Агафокла (2 экз.). Согласно мнению докладчиков, клад бесспорно свидетельствует о том, что в конце III — первой половине II в. до н. э. на территории бухарского Согда обращались монеты греко-бактрийских царей, особенно Евтидема, а это в свою очередь указывает на неслучайность появления здесь через некоторое время массовых эмиссий подражаний тетрадрахмам этого царя.

Как показал в своем докладе «Археологические комплексы раннеантичного времени в Прикопетдагье» В. Н. Пилипко (Ашхабад), в местной материальной культуре Южного Туркменистана в конце IV—III в. до н. э. (сооружения, орудия труда, керамика, украшения) происходят резкие и быстрые изменения, которые докладчик склонен связывать с политическим и культурным давлением греко-македонян. В. Н. Пилипко подчеркивает, что эти изменения характеризовались не только и не столько прямым заимствованием достижений эллинской цивилизации, сколько преимущественным развитием тех элементов местной культуры, которые оказались созвучны культуре завоевателей.

Предметом доклада Х. Ю. Мухитдинова (Душанбе) «Эллинские элементы в керамике Северной Бактрии» стала серия терракотовых статуэток женщины, найденных при раскопках античного городища Соксонохур (Южный Таджикистан), в которых докладчик видит изображение бактрийской Анахиты. Отметив сочетание в них местных и эллинских элементов, Х. Ю. Мухитдинов пришел к выводу об устойчивости в греко-бактрийский период местных традиций, эти статуэтки, по его мнению, — результат творческих поисков местного мастера, знакомого как с бактрийской, так и с греческой мифологией.

Б. Я. Ставиский (Москва) в докладе «Эллинские традиции в культуре и искусстве Кушанской империи (I—IV вв. н. э.)», отметив важную роль, которую античные (греко-римские) элементы играли в культуре и искусстве Кушанской империи (I—IV вв. н. э.), остановился на некоторых проявлениях этого воздействия: так называемом «кушанском письме», антропоморфном образе божеств, планировке и декоре культовых и общественных построек. Эллинистические традиции докладчик объясняет прежде всего наличием в Кушанской империи эллинов и эллинизированной культурной прослойки, которые оказывали влияние на культуру государства Великих Кушан.

К культу Геракла на эллинистическом Востоке обратился В. А. Гаилов (Баку), посвятив свой доклад «О некоторых проблемах культа Геракла на эллинистическом Востоке (Скальный комплекс Керефто в Иране)» некоторым спорным вопросам интерпретации скального комплекса с греческой надписью Керефто (близ Такаба в иранской провинции Западный Азербайджан). Полемизируя с П. Бернаром, который считает, что здесь располагался греческий гарнизон для защиты северных границ Великой Мидии от окружающих варваров, докладчик привел соображения, свидетельствующие, по его мнению, о культовом характере этого комплекса, посвященного Гераклу (характер архитектуры, текст надписи, отсутствие аналогий).

В докладе И. Т. Кругликовой (Москва) «Храм Диоскуров в Дильберджине» освещались результаты раскопок одного из храмов, исследовавшихся Советско-Афганской экспедицией в 1970—1977 гг. на городище Дильберджин (Северный Афганистан). В истории храма выявлено пять строительных периодов, связанных с изменениями его планировки, размеров, а также культов почитавшихся божеств. Храм был построен при Евкратиде во II в. до н. э., его фасад украшала роспись, от которой сохранились изображения Диоскуров на конях. Пострадав при завоевании Бактрии юэчжами, при Кудзуле Кадфизе храм был превращен в династийное святилище. При Канишке его фасад украшается скульптурой. При Васудеве на стене одного из помещений были изображены Шива и Парвати, сидящие на быке; в центре главного помещения возводился монументальный трон со скульптурой сидящего божества, а в одном из помещений появляется буддийское святилище. В кушано-сасанидский период храм постепенно приходит в запустение.

В докладе «Раскопки в Йемене» Г. А. Кошеленко (Москва) рассказал о раскопках

на городище Рейбун (Южный Йемен), проведенных в 1983 г. археологическим отрядом Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Городище Рейбун представляет собой остатки крупного городского центра в области Хадрамаут (VII в. до н. э. — I в. н. э.). Основным объектом работ был храм, расположенный на северной окраине города. Выявлено три периода его существования, получен значительный вещественный материал (керамика, votивные модели алтарей и др.); докладчик особо выделил посвятельные надписи (несколько сот фрагментов) и местную монету (подражание афинским «совам»).

Об источниках заимствования греческого алфавита из финикийского шла речь в докладе А. Г. Лундина (Ленинград) «Греческий алфавит: источники заимствования». На основе системного сравнения докладчик пришел к выводу о наличии двух источников алфавита греков: гипотетически Крит и классическое письмо Малой Азии; северный вариант финикийского, причем здесь докладчик не исключает и фригийского посредничества.

Реконструкция фонологического анализа, произведенного создателями внешних (графических) форм древнеармянского, древнегрузинского и кавказско-албанского алфавитов послужила темой доклада «О влиянии классификации звуков греческого языка, принятой у античных грамматиков, на внешнюю (графическую) форму древнеармянского, древнегрузинского и кавказско-албанского алфавитов» С. Н. Муравьева (Москва), который считает, что создатели этих трех алфавитов использовали эллинистическую модель. Наблюдения, лежащие в основе доклада С. Н. Муравьева, показывают, какие неожиданные и богатые всходы давала эллинистическая культура, когда она ставилась на службу местной культуре и переосмысливалась с точки зрения ее интересов.

Говоря о влиянии античной традиции в ее эллинизированном греко-римском варианте на формирование и развитие коптского искусства, А. Я. Каковкин (Ленинград) основное внимание в своем докладе «Античная тематика в коптском искусстве» уделил античной тематике, органически усвоенной коптами, и причинам ее длительного бытования в их искусстве. Главную причину живучести языческих сюжетов и образов, которые переосмыслились в соответствующем христианству этическом и дидактическом духе, докладчик видит в их глубоком символизме.

По поручению Оргкомитета итоги симпозиума подвел Г. А. Кошеленко. Подчеркнув представительность его состава и важность обсуждаемых проблем, он особо остановился на сопоставлении результатов двух симпозиумов, посвященных эллинистической культуре на Востоке, поскольку благодаря этому отчетливо проявляются тенденции развития науки. На первом симпозиуме наиболее активно обсуждались проблемы эллинизма и «постэллинизма», т. е. процесса культурного взаимодействия местных и греческих культурных традиций в то время, когда греко-македонское политическое господство на Востоке было уже уничтожено. На втором симпозиуме очень большое внимание уделялось следующему хронологическому пласту — равнему средневековой. В частности, в ряде докладов развивалась мысль о том, насколько важным был культурный синтез времени «постэллинизма» для бурного подъема культуры ряда народов Востока в раннефеодальную эпоху.

Г. А. Кошеленко также отметил ряд важных новых направлений исследований эллинизма, которые выявились во время работы симпозиума. Он особо подчеркнул значение докладов, в которых разрабатывалась проблематика типологии культурных взаимодействий и, кроме того, указал на важность еще одного направления: культурные взаимодействия различных регионов и народов в рамках эллинистического мира. Благодаря этим новым подходам становится более глубоким понимание самых основных проблем истории эллинизма. Для решения этих проблем важны доклады, в которых рассматриваются Эллада и Восток накануне походов Александра Македонского. Г. А. Кошеленко также остановился на некоторых дискуссионных вопросах истории эллинистического Востока. Он, в частности, указал на необходимость углубленного изучения проблем торгового обмена, экономического взаимодействия различных регионов в эллинистическую эпоху, необходимость перехода от уровня эмпирических исследований к более теоретическому уровню.

Л. П. Маринович

О ПОДВОДНЫХ РАСКОПКАХ В ИТАЛИИ

19 июля 1984 г. итальянская газета «Коррьере делла сера» опубликовала статью С. Москати «Все драгоценности „Тирренского сейфа“» о подводной археологии в Италии. В ней дан обзор наиболее крупных находок последних лет, которые были сделаны при подводных археологических изысканиях у Тирренского и Лигурийского побережья страны. К статье приложены фотографии — модели римского грузового судна (главного объекта подводных раскопок) и целой партии амфор, найденных на одном из таких кораблей. Согласно сообщению С. Москати, в Лигурии, в городке Альбенга, который считается родиной подводной археологии, под эгидой Международного института лигурийских исследований действует Экспериментальный центр подводной археологии. Он был основан Н. Ламбольо, который руководил центром до своей кончины в 1977 г., а теперь его возглавляет Ф. Палларес. Результаты деятельности Центра представлены в Морском музее в Риме, где особенно интересна выставка амфор, найденных в большом количестве на огромном римском корабле, потерпевшем крушение у Альбенги. Не менее примечательны и находки в Диано-Марина, которые можно увидеть в местном городском музее. Это — огромные долины высотой более двух метров каждая — целые «контейнеры» для транспортировки вина и масла. Подобные же долины сферической формы оказались и на грузовом римском судне, затонувшем близ расположенного на побережье Тирренского моря г. Ладисполя. Все они прекрасно сохранились на дне в наносах ила. Здесь же участниками ладиспольской экспедиции, возглавляемой А. Джанфротта, был найден древний гидравлический насос для откачки воды посредством инфильтрации.

Столь же богаты затонувшими памятниками материальной культуры и прибрежные воды Тосканского архипелага. Здесь вблизи острова Джильо начались работы по подъему затонувшего римского корабля с хорошо сохранившимися амфорами на борту. Среди сокровищ, уже найденных в этом море, — великолепная серебряная амфора, украшенная медальонами на мифологические сюжеты. Большой интерес представляет также экспозиция Музея кораблей в городе Фьюмигино, в окрестностях аэропорта. При строительстве аэропорта здесь были найдены деревянные остовы кораблей, а также находившиеся в них монеты произведения прикладного искусства, лампы, остатки пищи (скорлупа орехов и косточки оливок), стакан для игры в кости. Все эти экспонаты и составили экспозицию музея.

В районе южного побережья в области Лацио и Понцианских островов вблизи берегов под водой хорошо просматриваются руины вилл римских патрициев с садками для рыб и обломки затонувших кораблей. На одном из них, потерпевшем кораблекрушение близ острова Вентотене, были найдены гермы, подставки для подсвечников, бронзовые пластинки и другие предметы и произведения искусства, относящиеся ко II—III вв. н. э. Во время раскопок в районе города Байо в Кампанье в прибрежных водах были найдены две статуи — Улисса и его спутника. Изучая их, Б. Андрас предположил, что поблизости могут находиться и другие подобные скульптуры. Догадку Андраса подтвердили начавшиеся затем работы под руководством А. Джанфротты. Археологами было открыто еще несколько прекрасных статуй: два изображения Диониса, статуя Антонии Младшей, бюст героизированной статуи Августа, портрет римской девушки, по-видимому, бюст Октавии и др. Предполагают, что все они служили украшением терм императорского дворца в Байи.

Для подводных изысканий широко применяется передовая технология: автореспиратор с баллонами вместо традиционного скафандра, так называемая «наргиле» для подъема ныряльщика на поверхность, телевидение с замкнутой цепью для сообщения с кораблем поддержки. Методы подводных работ все больше сближаются с методами наземных раскопок. В целях более четкого обозначения зоны работ устанавливаются специальные трубы, окрашенные в яркие цвета. Подъем объектов со дна моря осуществляется с помощью кранов или надувных баллонов. Широко используются фотография и стереофотограмметрия.

В. Д. Соколовский

ПРИЛОЖЕНИЕ



❧
HESIODI
SCUTUM

ГЕСИОД
ЩИТ ГЕРАКЛА

Перевод с древнегреческого, вступительная статья
и комментарии *О. П. Цыбенко*

«Щит Геракла» — небольшая поэма о поединке Геракла с разбойником Кикном, сыном бога Ареса, — занимает несколько двойственное положение в истории античного эпоса. С одной стороны, автором «Щита» считался по традиции Гесиод — создатель дидактической разновидности греческого эпоса, противопоставившего себя героическому гомеровскому эпосу. С другой стороны, «Щит Геракла», состоящий сюжетно из трех частей: 1) героико-генеалогической предыстории (истории любви Зевса и Алкмены), 2) описания оружия (прежде всего щита) Геракла и 3) героического поединка Геракла с Кикном и Аресом, явно тяготеет к эпосу героическому, причем два из трех указанных сюжетных звеньев имеют аналогию в «Илиаде» — описание оружия Ахилла и включающие в себя богоборство деяния Диомеда. Результатом этой двойственности явилось, в частности, сомнение в принадлежности «Щита Геракла» Гесиоду, засвидетельствованное еще «Содержанием 1» (*ὑπόθεσις Α'*)¹ этой поэмы, датированным IV в. н. э.: «Начало „Щита“ содержится в четвертой книге „Перечня“² вплоть до 56 стиха, почему Аристофан³ и заподозрил, что он принадлежит не Гесиоду, но какому-то иному поэту, пытавшемуся подражать гомеровскому „Щиту“⁴. Афинянин Мегаклид⁵

¹ Hesiodi Scutum. Introduzione, testo critico e commento con traduzione e indici a cura di C. F. Russo. Firenze: La Nuova Italia, 1965 (далее — Russo), p. 37, 67. Прочие четыре «Содержания» к «Щиту Геракла» (2—5) содержат мифологический комментарий к истории Алкмены и Амфитриона (2 и 3 — сокращенные варианты, 4 и 5 — более подробные). Из «Содержаний» эпических произведений античности, помимо пяти «Содержаний» «Щита» известны «Содержания» к «Аргонавтике» Аполлония Родосского и к монодии Ликофрона «Александра».

² «Перечень женщин, или Эои» — генеалогический эпос, приписывавшийся Гесиоду.

³ Аристофан Византийский (III в. до н. э.) — знаменитый александрийский филолог.

⁴ Имеется в виду XVIII песнь «Илиады».

⁵ Перипатетик, занимавшийся исследованием эпоса, в частности — гомеровского.

считает поэму подлинной, однако порицает Гесиода, ибо неразумно говорит он о том, что Гефест изготовлял оружие для врагов своей матери. Аполлоний Родосский сообщает, однако, в третьей книге ⁶, что это [поэма] его (Гесиода. — *О. II.*), как по причине [поэтических] особенностей, так и потому, что Иолая — возничего Геракла, встречаем и в „Перечне“. И Стесихор говорит, что это поэма Гесиода.

Таким образом, аллюзии на поэму «Перечень женщин, или Эон», проявляющиеся в привязке действия «Щита Геракла» к генеалогическим преданиям — несколько искусственной точке пересечения героической и дидактической разновидности античного эпоса, и послужили, собственно говоря, основанием приписывать эту поэму Гесиоду, а ее зачин с формулы η ω η «или же та» недвусмысленно претендует на соблюдение формы генеалогического эпоса Гесиода. Однако, как о том свидетельствует «Содержание 1», это же обстоятельство ставит под сомнение авторство Гесиода.

Впрочем, среди свыше 20 названий поэм Гесиода, сохранных античной традицией, положение «Щита Геракла» является весьма стабильным. Так, древнейший список — *codex Parisinus suppl. graec. 663* (XI или XII вв.) включает «Теогонию» и «Щит»; *Florentinus Laurentianus 32.16* (XIII в.) — «Теогонию», «Труды и дни» и «Щит»; *Ambrosianus* (XIII—XIV вв.) — «Щит» и «Труды и дни»; *Parisinus graec. 2773* (XIV в.) — «Труды и дни» и «Щит»; *Casanatensis 356* (XIV в.) — «Теогонию» и «Щит»; древнейший папирус — Райнеровский (IV в. до н. э.) — «Теогонию», «Труды и дни» и «Щит». По всей вероятности, этот отбор основного гесиодовского корпуса закрепился к концу I в. до н. э. ⁷ Вместе с тем «Щит» является наиболее слабым звеном в вопросе о единстве традиционного гесиодовского корпуса. Большинство филологов XX в. отрицают принадлежность «Щита» Гесиоду. Некоторые считают, что авторство Гесиода можно признать за вводной частью поэмы — первыми 56 (или 54) стихами, входившими в состав «Перечня» ⁸.

Двойственное положение «Щита» по отношению к героическому и дидактическому эпосу сказывается и в плане особенностей эпического языка этого произведения. С одной стороны, из всего гесиодовского корпуса наибольшую тенденцию к сохранению гомеровского языка обнаруживает «Щит». Согласно статистическому подсчету параллелей гесиодовского корпуса к Гомеру (по строкам), проведенному А. Ржаком, «Щит» содержит 60% таких совпадений, в то время как «Теогония» — 55%, а «Труды и дни» — 40% ⁹. Статистический анализ словарных форм, соответствующих «Илиаде» как наиболее верному развитию устной традиции, дает следующие выводы: 1) «Щит» обнаруживает 81% совпадений (при 1—3 формах на строку, не имеющих в «Илиаде»), «Теогония» — 78—79% (при 1—4 формах), «Труды и дни» — 75—76% (при 1—7 формах); 2) наименьший процент колебаний совпадений с «Илиадой» обнаруживает «Теогония» — 13%, тогда как в «Щите» и в «Трудах и днях» эти колебания составляют 17%; 3) дальше всего от гомеровского языка отстоят «Труды и дни», поскольку содержание этой поэмы наиболее далеко от «Илиады», тогда как в «Щите» наименьший процент совпадений имеют стихи 201—300 — описание мирных занятий и экстравагантное описание Персея и Горгон (73—74%) ¹⁰. С другой стороны, «Щит Геракла» — произведение явно письменной формы эпоса, что берется под сомнение, когда речь идет о двух других основных поэмах Гесиода и тем более о гомеровских поэмах. Кроме того значительное количество диалектных форм (северо-западных диалектов) в языке Гесиода при значительном сохранении гомеровских форм также ставит под сомнение авторство Гесиода в отношении «Щита Геракла» ¹¹. «Соображения о сомнительности авторства Гесиода прежде всего в отношении „Щита“ в основном не лингвистического

⁶ Это единственное свидетельство о том, что Аполлоний Родосский был также автором теоретического исследования.

⁷ Russo, p. 36—59.

⁸ Например, *Hésiode. Théogonie, Les Travaux et les Jours, Le Bouclier. Texte établi et traduit par P. Mazon. P., 1928*, p. 121.

⁹ Rzach A. *Der Dialekt des Hesiodos.* — *Jahrbuch der klassischen Philologie*, Lpz., 1876, Suppl. 8, S. 465 ff.

¹⁰ Edwards G. P. *The Language of Hesiod in Its Traditional Context.* Oxf., 1971, p. 28—32.

¹¹ Ibid., p. 192—197.

порядка, но данные лингвистики можно, по всей вероятности, присоединить к прочим аргументам» — таков вывод Дж. П. Эдвардса ¹².

Тенденция автора «Щита» к следованию гомеровскому языку имеет следствием употребление поэтических фигур, в той или иной степени изменивших свое древнее смысловое значение. Не располагая возможностью останавливаться на этом вопросе подробно, упомянем в качестве примера две поэтические фигуры, рассматривающиеся в исследовании М. Дуранте, посвященном древнейшей греческой поэтической традиции ¹³.

Во-первых, это βίη 'Hρακλείη «Гераклова сила». Эта фигура противостоит как самим понятием βίη «сила» (в отличие от σθένος, ἰς, μένος, χῆρ), так и своей морфологической и метрической структурой целому ряду подобных описательных структур греческого эпоса. Присутствие в эпическом языке βίη 'Hρακλείη обусловлено особой древностью этой поэтической идиомы, связанной с героем дотроянского мифологического цикла ¹⁴. Во-вторых, это ἥρως — грецизм, прочно вошедший в новоевропейские языки, чем, в частности, и обусловлена трудность его понимания и тем более перевода. Греческое ἥρως — термин культовый, по крайней мере до IV в. до н. э. «Герой» в древней Греции был, во-первых, умершим, и, во-вторых, обожествленным. Архаический эпос сохранил и первое (Hom., Il. I, 3—4; Od. XI, 628—629; Hes., Op. 156—173; Cat., fr. 204, 118—119; Cypria, fr. I, 6—7) и тем более (посредством поэтического переосмысления) второе значение этого термина ¹⁵, которое использовано в предлагаемом переводе Гесиода (например, «Иолай-воитель»).

Вопрос о времени и месте создания «Щита Геракла» довольно обстоятельно и аргументированно рассмотрен в исследовании К. Ф. Руссо ¹⁶. Termini ante quos определяют для К. Ф. Руссо кратер Клития (ок. 570—560 гг. до н. э.) с изображением битвы лапифов и кентавров, имена которых в основном совпадают с именами, приводимыми в «Щите», а также конец деятельности Стесихора (ок. 565—555 гг. до н. э.), который был автором поэмы о Кикне и, если верить «Содержанию 1», считал Гесиода автором «Щита». Termini post quos представляют «Эоя Алкмены» (вторая половина VII в. до н. э.) и усиление влияния дельфийского и пагасейского культа Аполлона, связанное со Священной войной (конец которой приходится на 590 г. до н. э.). С этим же событием принято связывать и создание гомеровского гимна к Аполлону Делосскому. Последнее наблюдение особенно интересно, поскольку «Щит Геракла», представляющий собой героический эпос малой формы, обнаруживает в жанровом отношении целый ряд аналогий со сменившей гомеровский эпос формой эпического повествования, которую принято называть «гомеровским гимном». Что же касается соображений К. Ф. Руссо относительно творчества Стесихора как terminus ante quem, то представляется возможным определять время создания «Щита» более ранним периодом, если принять точку зрения, согласно которой «Щит» не был произведением Гесиода: в этом случае должно было пройти достаточно времени, чтобы традиция утвердила авторство Гесиода за «Щитом». Наконец, не стоит придавать слишком большого значения «Эое Алкмены» как terminus post quem. История Алкмены довольно обособлена от прочих частей «Щита» и могла быть присоединена к этому произведению в качестве «гесиодовской особенности» (χαρακτήρ Απολλωνίου Ρόδου в «Содержании 1») и позднее, независимо от времени его написания.

Справедливыми представляются сомнения К. Ф. Руссо относительно беотийского происхождения «Щита» в том случае, если Беотию VII—VI вв. до н. э. считать областью замкнутой в культурном отношении ¹⁷. Знаменательна во всяком случае отмеченная К. Ф. Руссо связь «Щита» с культурным процессом, происходившим в наиболее

¹² Ibid., p. 4.

¹³ Durante M. Sulla preistoria della tradizione poetica Greca. Parte 1: Continuità della tradizione poetica dell'età Miceneai primi documenti. Roma, 1971; Parte 2: Risultanze della comparazione indoeuropea. Roma, 1976.

¹⁴ Idem. Op. cit., parte 1, p. 119.

¹⁵ Ibid., p. 119—122.

¹⁶ Russo, p. 29—35.

¹⁷ Russo, p. 34—35, 212. Ср. Merkelbach R.—Gnomon, 1952, 24, p. 130—132. Беотийское (фииванское) происхождение «Щита» отстаивает П. Гиллон (см. Guillon P. Le Bouclier d'Héraclès et l'histoire de la Grèce centrale dans la période de la première guerre sacrée. Aix-en-Provence, 1963).

развитых областях Греции — Аттике и Коринфе (ларец Кипсела, кратер Клития и т. п.).

Описываемый в связанной с именем Гесиода поэме щит, как и прочие щиты ан- гичного эпоса, обязан поэтическому воображению. Мотив чудесного оружия — яр- кий эпический мотив, и хотя иконографических реконструкций этих щитов (и прежде всего их прототипа — щита Ахилла) существует довольно много¹⁸, мы не располага- ем свидетельствами в археологическом материале о щитах, подобных тем, о которых говорится в античном эпосе: щитов с изображениями разного рода сюжетов типа щита фидиевской Афины в героическую эпоху, по всей видимости, просто не существовало. Тем более целесообразной представляется попытка установить соотношение между описаниями щитов в античном эпосе и щитами, реально существовавшими в ранний период греческой истории.

Приписываемая Гесиоду поэма названа Ἀσπίς Ἡρακλέους. Между тем за исклю- чением единственного случая — стиха 418 (о щите Кикна), щит упоминается в ней толь- ко под наименованием σάκος. Оба эти слова являются основными названиями щита у Гомера. Прочие названия щита (βοάγρις, βούς, βοεῖη, ῥινόν, ῥινός) употребляются у Гомера фактически в качестве pars pro toto, а их этимология указывает на материал, из которого изготовлен щит, что согласуется и с данными линейного В¹⁹. Различия между ἀσπίς и σάκος, устанавливаемые ранее исследователями на основе текстуального анализа гомеровских поэм в сопоставлении с данными археологии, довольно туманны и гипотетичны. Неясна этимология названий (предполагается, что ἀσπίς — слово неиндоевропейского происхождения, а σάκος — индоевропейское), форма (эпитеты указывают только на округлость и большие размеры щитов обоих типов), материал, из которого изготовлены щиты (эпитеты указывают и на металл, и на кожу)²⁰. Отли- чия, которыми обладает у Гомера σάκος, это, во-первых, эпитет ἐπταβόειον «семикож- ный» и, во-вторых, принадлежность этого типа щита почти исключительно ахейцам, в то время как троянцы носят только ἀσπίδες, а ахейцы и σάκεα, и ἀσπίδες. «На осно- вании этого можно с достаточной уверенностью прийти к выводу, что σάκος являл- ся, по всей вероятности, а х е й с к и м (разрядка наша. — О. Ц.) оружием», — утверждает Борххардт²¹. Во всяком случае, можно считать, что термин σάκος при- обрел эпический характер, проецируя действие в героический век. Поэтому отказ ав- тора «Щита» от прочих терминов может объясняться стремлением к архаизации и следованием эпической форме.

Археологические данные позволяют прийти к выводу о многообразии форм и ти- пов щитов, шедших распространение в Эгейде во II — начале I тыс. до н. э. Щиты овальной формы представлены следующими типами²²: 1) минойско-микенский щит, по форме напоминающий восьмерку; 2) позднемикенский щит «хеттского» типа²³; 3) так называемый «дипиловский» щит, представленный иконографическими памятника- ми геометрической эпохи (возможно, использовался в сражениях на колесницах) и 4) его, вероятно, позднейшая модификация — «беотийский» щит. Щиты прямоугольной

¹⁸ См., например, обзор реконструкций второй половины XIX — начала XX в. (Линдeman H. K. Щит Ахилла. — В кн.: Сб. статей в честь П. С. Уваровой. М., 1916, с. 339—356). Этот обзор реконструкций, основанных на анализе микенских и восточ- ных образцов щита, констатирует недостаточную ясность формы щита Ахилла и сме- шение названий ἀσπίς и σάκος в гомеровских поэмах. Более подробно о попытках реконструкции щитов Ахилла и Геракла см. Fitschen K. Der Schield des Achilleus. Göttingen, 1973, S. 1—5.

¹⁹ Ferluga-Petronio F. I nomi delle armi in Miceneo. Skopje, 1979.

²⁰ Borchhardt H. Frühe griechischen Schieldformen. — In: Buchholz H.-G., Wies- ner J. Kriegswesen, Teil 1: Schutzaffen und Wehrbauten (=Arcaeologia Homerica, Bd. I, Kap. E). Göttingen, 1977, S. 2; Ferluga-Petronio. Op. cit., p. 123.

²¹ Borchhardt. Op. cit., S. 5.

²² Классификация ранних греческих щитов дана по: Borchhardt. Op. cit., S. 5—44.

²³ Появление этого типа щита, известного по находке из Иолка, объясняется А. Эвансом и Х. Лоример как результат восточных влияний, против чего возражают А. М. Снодграсс и П. К. Гвида (см. Evans A. The Palace of Minos. V. 2. L., 1928, p. 53; Lorimer H. L. Homer and the Monuments. L., 1950, p. 163 f.; Snodgrass A. M. Arms and Armours of the Greeks. L., 1967).

формы представлены двумя типами: 1) микенским «получилиндрическим щитом» (Микены, Тиринф, Крит), форма которого близка форме щитов, получивших распространение на Ближнем Востоке в III—II тыс. до н. э., а также в Ассирии IX—VIII вв. до н. э.²⁴ и 2) прямоугольный «геометрический» щит. Различными типами представлены щиты круглой формы: 1) известные по египетским и кипрским памятникам круглые щиты позднего бронзового века, появление которых в странах Ближнего Востока исследователи связывают с вторжением «народов моря» (этот тип щита просуществовал до рубежа VIII—VII вв. до н. э., когда был преобразован в так называемый «гоплитский» щит); 2) позднемикенские круглые щиты, известные по изображениям на вазах из Микен и Тиринфа и на пластинках из слоновой кости из Энкоми и Старого Пафоса (Кипр) конца позднееэлладского периода; 3) щиты «вазы воинов» из Микен конца позднееэлладского периода; 4) выпуклые щиты (фалеры)²⁵; 5) щиты геометрической эпохи, украшенные концентрическими окружностями.

Археологические данные в сопоставлении с терминологией оружия линейного В показывают, что в Греции после XV в. до н. э. широкое употребление получает небольшой легкий щит (круглые щиты на Пелопоннесе и Кипре, щит «хеттского» типа из Иолка), в то время как минойско-микенский щит, напоминающий по форме восьмерку, преобладал в XVI—XV вв.²⁶ Изменение формы греческих щитов к более округленной подтверждается и данными гомеровского эпоса²⁷. С другой стороны, щиты больших размеров (в форме восьмерки и «башнеобразный») сохраняются в более позднее время не только в вооружении, но и в культовой практике; есть упоминания о них и в эпической традиции. Возможно, в результате длительной эволюции и сосуществования различных форм щитов при частичном изменении их функций могло возникнуть столь сильное смещение формы и названий щитов у Гомера. Характерно, что интерпретация форм щитов на основе анализа гомеровской лексики вызывает разногласие у исследователей, занимавшихся специально реконструкцией древнейших микенских реалий: основным различием между *ἀσπίς* и *σάκος* является здесь уже не круглая или продолговатая (овальная, прямоугольная, полуцилиндрическая и др.) форма, но напоминающая восьмерку или «башнеобразная» (*ῥῆτε πύργος*)²⁸.

Заслуживает внимания то, что в микенскую и предполискую эпохи греческие щиты украшались наподобие тех, о которых упоминает эпос. Это относится прежде всего к щитам в форме восьмерки и «башнеобразным», а также круглым щитам с концентрическими окружностями.

Появление щита, своей формой напоминающего восьмерку, на Крите объяснялось, с одной стороны, влиянием распространенного в Египте XI—XII династий (начало II тыс. до н. э.) геометрически орнаментированного щита²⁹, с другой — ахейским влиянием, шедшим с Балканского полуострова³⁰; этот тип щита известен нам только по иконографическим памятникам³¹. Время наибольшего распространения этого щита — XVI—XV вв. до н. э., однако на стеной и вазовой живописи он встречается весьма часто вплоть до конца микенской эпохи. К позднемикенскому периоду относит-

²⁴ Этот щит отождествляется Д. Пейджем со щитом гомеровского Аякса Теламонида (*σάκος ῥῆτε πύργος*) и рассматривается им как микенская реалья. А. М. Снодграсс, напротив, считает, что щит Аякса по форме напоминал восьмерку (см. *Page D. History and the Homeric Iliad*. Berkeley, Los Angeles, 1959, p. 232—235; *Snodgrass. Op. cit.*, p. 20).

²⁵ Возможно, переходная форма от больших минойско-микенских щитов к «гоплитскому» щиту (см. *Guida P. Le armi nel culto dei Micenei*. — In: *Studi Triestini di antichità in onore di L. A. Stella*. Trieste, 1975, p. 47).

²⁶ *Borchhardt. Op. cit.*, S. 46; *Ferluga-Petronio. Op. cit.*, p. 125. О смене большого минойско-микенского щита щитом круглой формы см. *Lorimer. Op. cit.*, p. 152; *Guida. Le armi...*, p. 46—49.

²⁷ *Borchhardt. Op. cit.*, S. 46—47.

²⁸ *Gray.* — *JHS*, 1954, 74, p. 8, not. 8; *Trümper H. Kriegerische Fachausdrücke*, S. 20—36; *Ferluga-Petronio. Op. cit.*, p. 123 f.

²⁹ *Evans. Op. cit.*, v. 2, p. 48—54, 451 f.; *Bonnet H. Die Waffen der Völker des Alten Orients*. Lpz, 1926, S. 183—188.

³⁰ *Guida. Le armi...*, p. 25, 37.

³¹ *Evans. Op. cit.*, v. 1, p. 307, 336 f., 498; v. 3, p. 301—314, 347; v. 4, p. 252, 301—302, 786, 933; *Guida. Le armi...*, p. 25—27. Принадлежность щиту отдельных деталей, обнаруженных в микенских захоронениях, сомнительна (см. *Borchhardt. Op. cit.*, S. 9).

ся изображение воина с таким щитом из Артемисия (Делос)³². Известное к настоящему времени вооружение микенских воинов исключает необходимость использования большого щита (в форме восьмерки) в военной практике периода после XV в. до н. э., на основании чего был сделан вывод о преимущественном употреблении его в культовой сфере. Вопрос о том, какова была сакральная функция щита в Эгейском мире, остается открытым³³. Преобладает, однако, высказанное М. Нильсоном предположение об особой связи щита в форме восьмерки с женским божеством войны, которое обнаруживает черты сходства с Афиной, играющей весьма существенную роль в действии «Щита Геракла» и в аналогичных мифологических сюжетах (прежде всего, покровительство гомеровским «щитоносцам» Ахиллу и Диомеду)³⁴.

Полуцилиндрический или «башнеобразный» щит — возможная модификация щита, напоминающего по форме восьмерку. Этот тип щита известен по находкам в шахтовых гробницах Микен позднелладского I периода, по фрагментам фресок из Тиринфа и Пилоса позднелладского III периода³⁵. На Крите такой щит представлен изображением на печати позднемикенского III периода, на основании чего делается вывод о заимствовании этого типа щита с материка. Впрочем, на Крите известен также прямоугольный щит на иконографических памятниках переходной фазы от среднемикенского III к позднемикенскому I периоду, в которых усматривают хеттское и сирийское влияние³⁶.

Микенско-микенский щит, по форме напоминающий восьмерку, согласно гипотезе Т. Вебстера, поддержанной А. М. Снодграссом и П. К. Гвидой, и стал тем типом щита, который представлен памятниками материальной культуры как позднейший «дипилонский», а затем «беотийский» щит, а в поэтическую традицию вошел как щит героической эпохи — *ἀσχος ῥήτε πύργος*. Доказательство этому исследователи видят в том, что распространение дипилонско-беотийского типа щита ограничивалось почти исключительно пределами Аттики и Беотии — областей, менее затронутых дорийским нашествием. Еще в IV в. до н. э. на монетах Саламина изображается «беотийский» щит, возможно, в память об Аяксе Теламониде.

Учитывая тенденцию эволюции микенских щитов к уменьшенным и закругленным формам, что согласуется с предположением Т. Вебстера, вполне закономерно объяснить противоречия в эпических описаниях щитов преломлением в поэтической традиции реально существовавших форм щита³⁷. Еще А. Эванс считал возможным возводить описания осады города на щитах Ахилла и Геракла к реальности эгейского мира, имея в виду знаменитый серебряный «ритон осады» из IV шахтовой гробницы в Микенах³⁸ и указывая на присутствие тематики эпических щитов (город, война и мир, охота, круговой танец, скотоводство, рыбная ловля, мировая река Океан) в эгейском искусстве³⁹.

Следует, однако, отметить, что даже если принять точку зрения о превалировании

³² О возможности микенских и восточных реминисценций, содержащихся в этом изображении, см. *Gallet de Santerre. Delos primitive et archaïque*. P., 1958; *Lorimer. Op. cit.*, p. 153; *Guida. Le armi...*, p. 36.

³³ Для обзора см. *Nilsson M. P. The Minoan and Mycenaean Religion*. Ed. 2. Lund, 1952, p. 406; *Picard Ch. Les religions préhelléniques*, p. 190; *Borchhardt. Op. cit.*, S. 12—15.

³⁴ *Nilsson. Op. cit.*, p. 344, 398, 409—412; *Stella L. A. La civiltà micenea nei documenti contemporanei*. Roma, 1965, p. 228 f.; *Taylor W. New Light on Mycenaean Religion*. — *Antiquity*, 1970, 44, p. 270—279; *Persson A. The Religion of Greece in Prehistoric Times*. Berkeley, Los Angeles, 1942, p. 91—92; *Levi D. Gleanings from Crete*. — *AJA*, 1945, 49, p. 299 f.; *Sakellariou A. Les cachets minoens de la Collection Giamalakis*. P., 1958, p. 54; *Guida. Le armi...*, p. 29—33; *Warren P. Minoan Crete and Ecstatic Religion*. — In: *Sanctuaries and Cults in the Aegean Bronze Age*. Stockholm, 1981, p. 155—167.

³⁵ *Guida. Le armi...*, p. 16.

³⁶ *Evans. Op. cit.*, v. 1, p. 505; *Lorimer. Op. cit.*, p. 137—141. Анатолийское влияние взято под сомнение П. К. Гвидой (*Le armi...*, p. 15—16).

³⁷ Ср. точку зрения Д. Пейджа, согласно которому в гомеровских дескриптивных эпитетах щитов проявилось «сильное противоречие между древними формулами и новыми индивидуальными эпитетами, проявившееся, в частности, в наличии различных хронологических пластов исторических реалий при описании щитов» (см. *Page. Op. cit.*, p. 232—235).

³⁸ *Evans. Op. cit.*, v. 3, p. 82—89, 106.

³⁹ *Evans A. Minoan and Mycenaean Elements in Hellenic Life*. — *JHS*, 32, p. 288 f.

в поэтическом языке эпоса наименований микенских реалий, в отношении микенских щитов как образца поэтических описаний речь может идти только об отражении эпосом форм микенских щитов: декор на микенских щитах отсутствует. Это обстоятельство вовсе не исключает, однако, возможности использования в качестве образцов для поэтических описаний щитов различных предметов микенского и микенского прикладного искусства.

Щиты геометрической эпохи с концентрическими окружностями представлены тремя типами: 1) щит с выпуклым, цилиндрическим или коническим умбоном; 2) щит типа «треснувшего сердца» и 3) щит с головами животных. Особого внимания заслуживает первый тип щита, широко распространенный в странах Переднего Востока с IX по VII вв. до н. э. На территории Греции щиты этого типа представлены бронзовыми «охотничьими» щитами из Идейской пещеры на Крите VIII в. до н. э., а также небольшими щитами, моделями и изображениями щитов VIII—VI вв. из Самоса, Прай-соса, Афин, Крита (пещера Психро), Сифноса, Спарты, Беотии, Миконоса. Близки к этому типу щиты с головами животных, известные по находкам на Крите и в Дельфах VIII—VII вв. до н. э. с львиными и птичьими протомами. Оба эти типа щитов обнаруживают следы сильных восточных (прежде всего ассирийских и урартских) влияний. Естественно, что значение обоих этих типов «ориентализированных» щитов, содержащих обильный декор (в том числе и сюжетного плана), как археологического сопоставительного материала для реконструкции эпических описаний щитов невозможно недооценить. Тип «треснувшего сердца», представленный круглыми щитами с концентрическими окружностями и U- или V-образным вырезом, имел распространение, кроме территории Греции (Кипр, Родос, Дельфы, Олимпия), в Северной Италии и странах Северной и Центральной Европы. Привлекаемые в качестве свидетельств материальной культуры для исследования этнокультурных контактов в странах древней Европы, щиты этого типа не представляют особого интереса в интересующем нас плане ⁴⁰.

Предлагаемый перевод «Щита Геракла» является первым полным переводом этого произведения на русский язык. В основу перевода положено издание: *Hésiode. Théogonie, Les Travaux et les Jours, Le Bouclier. / Texte établi et traduit par P. Mazon. Paris: Les Belles Lettres, 1928.* При этом были учтены такие издания текста, как *Hesiodi Carmina. / Rec. A. Rzach. Lipsiae: B. G. Teubner, 1902 (editiones maior et minor); Hesiodi Scutum. / Introduzione, testo critico e commento con traduzione e indici a cura di C. F. Russo. Ed. 2. Firenze: La Nuova Italia, 1965*, а также переводы на латинский и некоторые новоевропейские языки ⁴¹. В отличие от существующего неполного русского перевода «Щита Геракла» (стихи 142—320), выполненного С. Кондратьевым ⁴², автор настоящего перевода старался следовать традициям Н. Гнедича с поправкой на неоднократно отмечавшиеся филологической наукой эпитонство и своего рода декаданс «Щита». При этом с переводом «Илиады» Н. Гнедича (а также с переводом «Одиссеи» В. Жуковского) были сопоставлены текстовые соответствия и подобия тексту гомеровских поэм, приводимые в *editio maior* А. Ржаха (*Poetarum imitationes et loci similes*). Ряд лексических соответствий установлен по *Index Homericus / Composuit A. Gehring. Lipsiae: B. G. Teubner, 1891.* Следование традициям Н. Гнедича не означает, однако, безусловного принятия всех поэтических аналогов, предложенных классическим русским переводом «Илиады»: зачастую в переводе «Щита Геракла» дается модификация как отдельных слов, так и целых поэтических фраз, предлагаемых переводом Н. Гнедича.

Автор перевода пользуется случаем выразить искреннюю благодарность М. Л. Гаспарову, взявшему на себя труд ознакомиться с рукописью перевода и выказавшему ряд ценных замечаний и соображений.

⁴⁰ Обзор дан по *Borchhardt. Op. cit., S. 36—44.*

⁴¹ *Hesiodi Carmina et fragmenta cum Apollonio Rhodio etc. / Graece et Latine cum indicibus nominum et rerum edidit F. S. Lehrs. Parisiis: A. Firmin Didot, 1840; Hésiode... par P. Mazon; Hesiodi Scutum... a cura di C. F. Russo; Hesiod's Werke./Verdeutsch im Versmasse von E. Eyth. Berlin, Schöneberg: G. Langenscheidt; Hesioda Tarcza Heraklesa./Przełożył A. Gorski. Warszawa. 1919; Bochénski T. Przekład Hezjodowej Tarczy Heraklesa. Cieszyn, 1924; Франко І. Твори у 50 томах. Т. 8: Поетичні переклади і переспіви. Київ: Наукова думка, 1977.*

⁴² *Античные поэты об искусстве. М., 1938, с. 20—24; Греческая литература./ Сост. В. О. Нилендер. М., 1939, с. 47—51.*

ГЕСИОД ЩИТ ГЕРАКЛА

- ...Или же та, что и дома и отчую землю оставив,
В Фивы пришла, за воительным следуя Амфитрионом,—
Ратевздымателя Электриона дочь Алкмена.
Род нежноласковых жен она затмевала блистаньем
- 5 Лица и стана, правом же с ней ни одна не равнялась
Та, что дитем рождена от смертной, почившей со смертным.
Ваянье шло у нее от чела, от очей сине-черных
Сильное столь, сколь идет от обильнозолотой Афродиты.
Всею душою она своего возлюбила супруга,
- 10 Как не любила еще ни одна из жен кротконежных,
Хоть и убил он отца ее милого, силой повергнув,
Из-за быков прогневленный и, отчую землю оставив,
Ко щитоносным кадмейцам молитвенно в Фивы прибегнул.
Здесь в домах он обитал со стыдливой супругой
- 15 Чуждо любви возжеланной: взойти ему было запретно
Прежде на ложе к прекраснородыжной Электрионе,
Нежели он не отмстит убиенье могучих душою
Братьев супруги и пламенем буйным не выжжет селенья
Храбрых тафийских мужей и отважных бойцов телебоев.
- 20 Так надлежало ему, и свидетели этому боги,
Коих во гнев привести опасаясь, он порывался
Труд свой великий исполнить, что был ему долгом от Зевса.
Следом за ним устремились, ища ратоборства и распри,
Конностремительных рать беотийцев, ярясь над щитами,
- 25 Локров бойцов рукопашных и мощных душою фокеев.
Добрый сын Алкея пошел на челе этих воев
Славный среди ратей. Однако ж отец и бессмертных и смертных
Вил промышленье иное во персях: бессмертным и людям
Трудоусердным желая родить отвратителя бедствий.
- 30 Хитрость в душе глубоко воздвигая, с Олимпа он прынул,
Ласки пышнопоясной жены вождедеющий страстно
В темной ночи и достиг Тифаония, с коего сразу
Зевс промыслитель не медлил на Фикий вступить высочайший.
Там восседаая, деянья он дивные в сердце замыслил:
- 35 Оною же ночью с протяжноступающей Электрионой
Лаской и ложем сочелся — исполнил свое вождеденье.
Оною ж Амфитрион ратевздъемлющий, добрый воитель,
Труд исполнил великий и в дом к себе возвратился.
Не пожелал посетить он ни слуг, ни пастырей сельских
- 40 Прежде, доколе не вступит к своей супруге на ложе —
Пастырей ратей столь сильная страсть овладела во сердце.
[Словно когда избегает безгорестно муж злоключенья
То ль от немощи тяжелой, а то ль от оков нерушимых,
Так же и Амфитрион, суровую тяготу кончив,
- 45 В дом родной беззаботно и счастливо вновь возвратился.]
Он теперь возлежал со стыдливой супругой всеюшною,
Радуюсь щедрым дарам обильнозолотой Афродиты.
Так и с богом, и с мужем сочтись несравненно храбрейшим,
Двойню сынов во Фивах она родила семивратных —
- 50 Духом однако ж не равных, хоть братьями были родными,—
Худшего вместе с воистину много достойнейшим мужем,
Мужем могучим и крепостновластным — с Геракловой силой:
Сына сего — покоренная облачномрачным Кронидом,
Копьевздымательным Амфитрионом — второго, Ификла —

- 55 Разноудельных потомков: того, — сочетавшись со смертным,
Оного — с Зевсом Кронидам, который богам повелитель.
Муж сей Кикна сразил веледушного Арегиада,
Встретив в уделе святом дальневержного Аполлона
Оного вместе с Аресом-отцом, ненасытным сраженьем,
- 60 Бронями свет излучающих, словно пылающий пламень,
На колесницу взошед. Копытами быстрые кони,
Прянувши в бег, били оземь и пыль вокруг них опускалась,
Взбитая бегом крепких колес и копытами коней.
Обод и дно колесницы, соделанной пышно, гремели,
- 65 Бегом влекомые конным, и Кикк ликовал безупречный,
Храброго Зевсова сына с возницей его вознадеясь
Медью повергнуть во прах и совлечь преславные брони.
Но моления эти Феб Аполлон не услышал,
Ибо на оного сам устремил он Гераклову силу.
- 70 Роща святая, алтарь Пагасейского Аполлона
Бронями всюду сверкали и Кикна и грозного бога,
Огнь такой же в очах сверкал: ужели противу
Оному кто бы из тех, что смертны, дерзнул устремиться,
Кроме только Геракла и славного Иолая?!
- 75 [Ибо сила их велика, необорные руки
От плечей выростали впродоль могучего тела.]
Так Геракл Иолаю вознице могучему молил:
«О, Иолай-воитель, всех смертных премного милейший!
Верно, немало блаженным бессмертным, владыкам Олимпа,
- 80 Амфитрион прегрешил, во пышновенчанье Фивы
Прибыл когда, Тиринф оставив, град пышностенный:
Электриона за широколобых быков ниспровергнув,
Он ко Креонту прибеж, к Гениохе покрововлекушей,
Кои его обласкали и всем сообразным почтили,
- 85 В чем умоляющим право, уважили щедро от сердца.
Счастлив он жил с прекраснородною Электриной,
Милой своею супругой. И мы, как исполнились годы,
Там родились — ни телом не равные, ни помышленьем —
Я и отец твой. Но Зевс у него рассудок восхитил,
- 90 Ибо и отчий дом, и родителей милых оставив,
Честь он ушел воздавать преступному Эврисфею.
Горестный! Много ему затем довелось сокрушаться,
Это безумье верша, но оно воспать не возвратно.
Тяжкие мне тогда божество ниспослало деянья.
- 95 Друг, возьми же скорей червлёные пурпуром вожжи
Сих быстроногих коней, и, дерзанье в груди воздымая,
Стойко владей колесницей и мощью коней быстроногих,
Не усташась грохотанием мужеубийцы Ареса,
Рыщет который, крича обуянно, по роще священной
- 100 Феба-владыки далекоразящего Аполлона —
Истинно он премного могуч и сражения алчет». —
Так ему промолвил в ответ Иолай безупречный:
«Много, родимый, даёт отец и бессмертных и смертных
Чести твоей главе, а с ним и Твердездыматель
- 105 Бычий, что держит фиванскую твердь в попеченьи о граде,
Ибо такого могучего столь и великого мужа
В руки твои ведут, да стяжаешь ты громкую славу!
Ныне ж во крепкую бронь облачись, дабы поскорее
Нам своей колесницей с Аресовой сринувшись близко,
- 110 В битву вступить: ему ни бесстрашного Зевсова сына,
Ни Ификлида не ввергнуть во страх, но сам обратится
В бегство от двух сынов безупречного Алкеида,

- Кои теперь пред ним недалеко и жаждут воздвигнуть
Бранную схватку, что пиршества им премного милее».
- 115 Так он рек, и ему улыбнулась Гераклова сила,
Духом ликуя, — ведь оний весьма сообразное молвил.
И отвечивал так, устремляя крылатые речи:
«О, Иолай-воитель, Зевесов питомец! Уж близко
Бой суровый. Как прежде ты подле стоял мощнодухий,
120 Так и теперь Арионом великим конем черногривым
Правь, направляя повсюду, и мне помоги, сколь сумеешь».
- Так промолвив, поножи из горной сияющей меди —
Дар преславный Гефеста — вокруг наложил на голени,
Панцырем сразу затем облек могучие перси
- 125 Многогрудным, прекрасным, златым — его даровала
Зевсова дочь Паллада Афина, когда собирался
Ко изнурительным подвигам он устремиться впервые.
На рамена возложил железо, оплот от несчастья,
Взметчивый муж и просторный колчан вкруг груди по оплечью
- 130 Сзади навесил, где много стрел внутри пребывало —
Гибели гласозабвенной подателей цепенящих:
Гибель они несли впереди и слезами рыдали,
Были точены посреде и предлинны, в своем окончаньи
Хищного флегия мрачным пером они сокрывались.
- 135 Мощное взял он копьё, совершенное жаркою медью,
Шлем на могучую голову пышнотворенный надвинул,
Вдоль облежавший чело, — адамантовой стали изделие —
Шлем таковой возложил на главу Геракл богоравный.

- В руки он щит пестроблещущий взял, который ни разу
140 Дальний иль ближний удар не пронзил — восхищение взору.
Весь по кругу эмалию белой и костью слоновой,
Светлый он мерцал янтарем и при том излучался
Златом блестящим, его пробегали полосы лазури.
Был посредине дракон и страх от него несказанный:
145 Вспять взирал он очами, из коих светилось пламя,
Полнилась пасть его зубов, белевших рядами,
Неумолимых и грозных.

- Вверху над ужасной главою
Грозная Распря витала, к сраженью мужей побуждая,
Страшная — разум и мысли она у мужей отнимает,
150 Кои противу Зевесова сына воздвигли сражение.
Оных души в землю уже погрузились к Аиду,
Кости же их, лишенные кожи, изгнившей вкруг членов,
В черном прахе Сириус жаркий лучом растлеивает.
- [Там Напор и Отпор вблизи изваяны были,
155 Там и Рокот, и Ужас, и Мужеубийство пылало,
Там и Смятенье, и Распря металась, и лютая Гибель,
Свежею раной смиря живых, а иных и без раны,
Третьих — уже убиенных — сквозь битву влачила за ноги,
Тканью, багровой от крови людской, укутала плечи,
160 Грозным взором глядя и криком вопя иступленным.]

- Были там и головы змей, несказанно ужасных,
Счетом двенадцать, что племя людей на земле устрашают,
[Кои противу Зевесова сына воздвигли сражение.]
Шло от зубов скрежетанье, во битву когда устремлялся
165 Амфитриониад, и чудесно сверкало ваянье —
Словно пятна являлись взиравшим на грозных драконов:
Спинными казались и сумрачно пасти чернели.

Там же и стадо диких кабанов, и львы недалеко,
Кои взирали на них и, злобой ярясь, нападали,

- 170 Друг на друга бросались рядами: ни стая, ни стадо
 Страха не знали, но выи щетинили те и другие.
 Вот уж лев огромный повержен, а рядом и вепрей
 Дух испускающих двое — и черная с них изобильно
 Наземь кровь изливалась. Выи назад запрокинув,
- 175 Там лежали они, убиенные страшными львами.
 Пуще еще устремлялись иные, яряся сражением,
 Те и другие — и дикие вепри, и львы буйнооки.
 Там же сражение шло копьеборных воев лапифов:
 Вкруг там были владыка Кеней и Дриант с Пирифоем,
- 180 Там и Гоплей, и Эксадий, Фалер совокупно с Пролохом,
 Там и Мопс Ампикид, Титаресий — Аресова отрасль,
 Там и сын Эгеев Тесей, бессмертным подобный,—
 Оные серебряны, но брони вкруг тела имели золотые.
 Им противу с другой стороны устремлялись кентавры:
- 185 Вкруг там великий Петрей со птицепровидным Асболом,
 Там и Аркт, и Урей, и с ними Мимант черновласый,
 Там и два Певкеева сына — Дриал с Перимедом,—
 Оные серебряны, но сосны во дланях имели золотые.
 Соустремленно они — воистину, словно живые,—
- 190 Между собою сошедшись, разили копьем иль сосною.
 Грозного бога Ареса стояли там быстроноги
 Кони золотые. Доспехосовлечный Арес-погубитель
 В дланях имел кошие и передним приказывал воям,
 Сам от крови пурпурный, как будто сражал он живущих,
- 195 На колесницу взошел, а Ужас вместе со Страхом
 Подле стояли, во схватку мужей углубиться желая.
 Там и Зевесова дочь — добычница Тритогея,
 Вид имея такой, словно битву желает подвигнуть,—
 В шлеме золотом на главе, копье во дланях сжимая,
- 200 Плечи покрыла эгидой и шла во грозную распряю.
 Там и пляска святая бессмертных: там во средине
 Сын Лето и Зевеса играл прелестные звуки
 Лирой золотой. [То Олимп блаженный — богов обитанье.
 Вкруг же площадки несметная роскошь венцом замыкалась —
- 205 Сонм боюв в состязаньи.] Песнь начинали богини —
 Звонкопоющих подобие дев — Пиэрийские Музы.
 Там прекраснопричальный залив неудержного моря
 Оловом был чистоплавленным изваян округлоготоченый
 С мореволнуемым схожий [много в его середине
- 210 Рыбониграющих тут и там дельфинов сновало,
 Схожих с плывущими.] Двое там выдыхающих струи
 Было дельфинов серебряных, рыб гоняющих быстрых.
 Медные рыбы от них убегали, а рядом на бреге
 Муж сидел, рыболову подобный, имея во дланях
- 215 Невод, который, казалось, для рыбной забрасывал ловли.
 Был там конный Персей, дитя пышнокудрой Данаи,
 И не касаясь ногами щита и держась недалеко,—
 Диво великое молвить! — но был он лишенным опоры.
 Сам его золотым изваял своими руками
- 220 Славный Хромец. Вкруг ног сандалии были крылаты,
 Меч повисал вокруг плечей, облеченный в черные ножины,
 В медную перевязь вдетый,— летел он, мысли подобный.
 Всю же спину его исполниши глава занимала —
 Грозной Горгоны. Серебряна сумка округло свисала —
- 225 Диво для взора! — и яркие вниз от нее ниспадали
 Кисти золотые, вокруг же чела возвышался ужасный
 Шлем Аида-владыки, сумрак ночной сохранявший.

- Так, подобный тому, кто застыл во беге поспешном,
Сын Данаи Персей пронёсился. За ним порывались
230 Следом Горгоны,— суровы они, несказанно ужасны,—
Сияясь настигнуть его и ходьбою своей попирая
Бледную сталь, а щит оглашался великим гуденьем
Звонко и резко. Долу же с их поясов нависали
Змеи, округло вздымавшие главы, по двое у каждой.
235 Жалом они поводили и лязгали гневно зубами,
Дико взирая, а сверху на грозных Горгоновых главах
Страх великий витал.

- Поверх над ними сражались
Мужи, которые были в доспех ратоборный одеты:
Эти — стараясь от милых отцов и родимого града
240 Смертную гибель отвести, иные — стремясь к разрушенью.
Много уже poleglo, но боле еще воевало,
Распря подъявля. На медных пышновоздвигнутых башнях
Жены громко вопили, себе раздирая ланиты,
Жен подобье живых,— Гефеста преславного дело.
245 Мужи, что были в летах и коих старость настигла,
Стали толпой пред вратами градскими и руки к блаженным
Ввысь к богам простирали молебнo, за долгу сыновью
Страхом объаты. Те ж битву вели, а у них за спиною
С лязгом белые зубы сводили черные Керы.
250 Ликом ужасны они, кровавы, грозны, неприступны,
Распря за павших вели и все порывались гурьбою
Черной крови испить: лишь только которая схватит
Труп ли, со свежей ли павшего раной,— стремится окружно
Когти вонзить огромные, душу ж низринуть к Аиду
255 В Тартар холодный. Когда же сердце свое насыщают
Кровью людскою они, то долу бросают немедля
И устремляются вновь туда, где грохот и схватка.
[Их предводили Клото и Лахесис, за коими следом
Атропос шла, что великой богинею так и не стала,—
260 Старше иных однако она и много древнее.
Вот за воя они затеяли лютую битву:
Грозно одна на другую взирали во гневе очами,
Когти и страшные руки пускали в ход попеременно.]
Рядом с ними и Тьма стояла грозна и ужасна,
265 Грязью покрыта, бледна и долу согбенная голодом,
Пухлоколenna, персты изострались в огромные когти,
Слизн текли у нее из поздрей, со щек изливалась
Кровь на землю. Она ж оскалившись неумолимо,
Там стояла и прах обволакивал плечи обильно,
270 Влажен слезами.

- А рядом был град мужей пышностенный:
Семеро врат златых его объяло, сочтенных
Сводами вкруг. Мужи в ликованьи и пляске усладу
Здесь имели. Во пышноколесной повозке невесту
К мужу везли, и брачная песнь воздымалася громко.
275 Свет далеко от факелов, яро горящих, кружился,
В дланях прислуги несомых. Красною расцветшие девы
Шли вперед и тянулись, ликуя, вослед, хороводы.
Там от нежных уст свирелями звонкими песню
Юноши слали, вокруг преломлялось гудение звучно.
280 Рядом прелестный напев исторгали формингами девы.
Юноши там иные под флейту справляли веселье.
Были средь них таковы, что тешились пляской и пеньем.
[Были средь них таковы, что игроу флейтиста ликуя,]

Шли вперед. Сей град всецельно веселие, пляски,
285 Радость объяли.

- Мужи, что были пред стенами града,
Мчались верхом, взойдя на коней, а пахари рядом
Землю пахали святую, у пояса платья скрепивши
Кругообразно. Была и высокая нива, на коей
Лезвием острым одни срезали согбенные стебли,
290 Тяжкие столь же зерном, как пышные хлебы Деметры.
Их во снопы другие вязали и клали на пашню.
Гроздьи срезали третьи, серпы имевшие в дланях.
[От виноградарей там иные сносили в корзины
Черные с белыми кисти, на лозах возросшие длинных,
295 Отягощенных листвою и искругленьями серебряных ягод.]
Их-то иные сносили в корзины. Лозник недалеко
Был золотой — Гефеста премудрого славное дело.
Он стоял в колыханьи листвы и серебряных жердей.
300 Гроздьями винными тяжек, кои уже почернели.
Там виноград давили и винное сусло черпали.
Боем кулачным, борьбой состязались. Там быстроногих
Зайцев гоняли охотники-мужи, а псы острозубы
Дичь порывались настигнуть, она ж ускользнуть порывалась.
305 Всадники рядом труды совершали, в своем состязаньи
Спор и тягость имея: возницы там погоняли
Быстрых коней, на пышноскрепленные став колесницы
И оттянув повода. Летели вперед, громыхая,
Сбитые крепко повозки, и ступицы мощно гудели.
310 Труд они нескончаем имели: свершенья победы
Им никогда не достигнуть, но спор вели нерешимый.
Им треножник большой — за боренье награда — поставлен
Был золотой — Гефеста премудрого славное дело.

- Обод вокруг обтекал Океан, как поток наводненный.
315 Целостно он охватывал щит премногоискусный.
Лебеди выпрепниелетные громко кричали на оном:
Много плавало их по глади, где рыбы сновали,—
Диво для взора и тяжкогремящему Зевсу, по воле
Коего щит Гефест сотворил огромный и крепкий,
320 Дланями плотно сочтя. Щитом сим Зевсов могучий
Сын премножно сотряс, к колеснице ринувшись конной,
Молнии Зевса-отца эгидодержца подобный,
Поступью легкой. Возница его Илоай достославный,
С ним на повозку взошед, колесницей изгибною правил.
325 Подле представ, совоокая дева богиня Афина
Им в ободрение такие вещала крылатые речи:
«Радуйтесь, о дальнеславного мужа Линкея потомки,
Ибо силу дает вам Зевс, владыка блаженных,
Ныне Кикна сразить и совлечь преславные брони!
330 Речь иную я молвлю тебе, наилучший средь ратей.
Кикна когда ты от сладостной жизни отторгнешь, немедля
Оного тело оставь и доспехов его не касайся,
Сам же воззри на Ареса, как тот грядет мужегубный.
Только его под искусным щитом себя обнажившим
335 Оком узришь, немедля рази заостренною медью.
Сам однако ж отпрянь: судьбой не дано тебе ныне
Коней его захватить и его преславные брони».

- Молвив так, средь богинь богиня вошла на повозку,
В дланях бессмертных своих держа и победу и славу,
340 Бурностремительна. Тотчас тогда Илоай Зевсородный
Коням ужасно вскричал и они, побужденные гласом,

- Быструю резво помчали повозку, вскуряя равнину,—
 Мощь им дала совоокая дева богиня Афина,
 Грозно потрясши эгидой; земля застонала окрестно.
- 345 Тут появились вдвоем, подобны огню или буре,
 Кики конеборный с Аресом, сражением ненасытимым.
 Кони же их, когда сошлись противу друг друга,
 Громко заржали, и вокруг преломлялось гудение звучно.
 К оному первой воззвала тогда Гераклова сила:
- 350 «Кики любезный! Противу нас стремительных коней
 Гонишь зачем, коли мужи мы сведущи тягот и бедствий?
 Пышноточеную мимо веи колесницу — путем сим
 Мимо проехать позволь. Я ныне в Трахин направляюсь,
 Где владыкою Кеик, что мощью своею и честью
- 355 Всех превзошел в Трахине,— ты сам то знаешь прекрасно,
 Дочь его взяв женой — черноокою Фемистоною.
 О, любезный! Тебя не удержит Арес от кончины
 Гибельной, ежели мы с тобой подвизаться сойдемся.
 Ныне молвлю о том, ибо в оное время изведал
- 360 От моего копия, когда за Пилос песчаный
 Мне стоял супротив, сраженьем яряся чрезмерно.
 Трижды моим пораженный копьем, опирался о землю
 Он с пронзенным щитом, но в бедро я четвертым ударом
 Силою всей поразил и прेमного рассек ему плоти.
- 365 Долу во прах лицом копия порывом он ввергся.
 Так средь бессмертных ему случилось быть посрамленным,
 Дланям моим в удел кровавый доспех оставляя».
- Молвил так. Но Кики, пышноосяенный вой, не возжаждал
 С ним во согласи коней сдержать, колесницу влекущих.
- 370 С пышносоотенных повозок тогда устремились на землю
 Зевса великого сын с Эниалия сыном владыки.
 Вблизи от них отогнали возницы коней пышногривых.
 Ринуших коней ногами широкая твердь оглашалась.
 Словно, когда от высокой вершины горы величавой
- 375 Ринутся камни прыжками, один о другой ударяясь,
 Выспреннелистых много дубов, несчетные сосны
 И без числа тополей повергают протяжнокорнистых,
 Вниз во вращениях стремясь, пока не достигнут равнины,—
 Так они меж собою сошлись с криком великим.
- 380 Град мирмидонян всецело и с ним Иолк достославный,
 Арна с Геликою вместе и травобильной Антеей
 Гласом обонх откликнулись громко. Они с восклицаньем
 Страшным сошлись и мощно ударил Зевес промыслитель,
 [Грянул, долу с небес низвергнув кровавые росы,]
- 385 Знаменье битвы своему веледерзкому сыну.
 [Так в лесистом ущелии горном взору свирепый,
 Грозный клыками вепрь исполняется гневом сраженья
 К мужам-ловцам и белый клык на них заостряет,
 Круто согнувшись. Около рта в скрежетаньи зубовном
- 390 Пена струится, глаза же блестящему огню подобны,
 Дыбом щетина воздета на холке и около шеи.
 С оным схожий сын Зевса ринулся с конной повозки.]
- Тою порою, когда чернокрыла певунья цикада,
 Сев на ветке зеленой, людям петь начинает
- 395 Песни о лете,— ей нежные росы еда и напиток —
 Пенье она и на утренней зорьке струит и вседневно
 В невыносимой жаре, когда Сириус кожу сжигает
 (Просо тогда ж созревает в колосьях, венчающих стебли,—
 Летом которое сеют,— в ту пору пестреют и гроздья,

- 400 Кои людям дал Дионис к ликованью и скорби) —
Тою порою сражались и гул воздымался великий.
[Так и двое львов вокруг растерзанной лани
Между собой свирепеют, чтоб друг устремиться на друга,
Грозный рев раздается тогда и зубов скрежетанье.]
- 405 [Словно коршуна два, кривоклювы и острокогтисты,
Криком великим крича, на высоком утесе дерутся,
То ли козы горнопастбищной, то ли лесной оленицы
Тучной желая, что муж могучий повергнул метаньем
Стрел с тетивы, но сам ивною дорогой блуждает,
- 410 Здешнего края несведущ, они ж ее тотчас узрели —
Бурностремительно сразу воздвигли свирепую битву.]
С криком подобным они устремились друг против друга.
Вот уж Кикн, порожденного Зевсом премногомогучим
Жаждав низвергнуть, во щит поразил копьем медноострым.
- 415 Медь не пробила его, отринута божеским даром.
Амфитриониад — Гераклова сила — однако ж
Между щитом и шелоном своим копьем длиннотенным
Быстро гортань, что открылась тогда под самым подбородком,
Мощно пронзил, и оба рассек сухожилия ясеня
- 420 Мужегубительный. — Пала воителя грозная сила.
Рухнул он, как некогда рушатся дуб или камень
Высестремнинный, разбитые молнией дымной Зевеса.
Так он рухнул, звеня вокруг тела полным доспехом.
Оного тут же оставил Зевесов сын мощносердный,
- 425 [Ибо узрел, как Арес мужегубный к нему устремился,]
Грозно очами взирая. И лев, на тело набредший
Так же премного усердно когтями могучими кожу
Рвет, чтоб оттолкнуть сердцерадостный дух поскорее отринуть, —
Мрачное сердце его при том исполняется гнева, —
- 430 Грозно сверкая очами, себя по бокам и ключицам
Хлещет хвостом он и лапами роет — никто не дерзает,
Видя его, ни близ подойти, ни с оным сразиться.
Так же Амфитриониад, ненасытный сраженьем,
Стал противу Ареса, дерзанье в груди воздымая,
- 435 Бурностремителен. Тот же приблизился, сердцем кручинясь.
С криком оба они устремились один на другого.
Так, когда от высокой скалы устремляется камень,
Длинным прыжком устремляется вниз во вращении и с гулом
Буйноисполненный мчится, но холм противится вышний:
- 440 Камень тот бьется о холм, пока не сдержится оным.
С криком таким колесничный ристатель Арес-погубитель
Ринул тогда, восклицая, но оный сдержал его рьяно.
Тут Афина, эгидодержавного дочь Зевеса,
Вышла противу Ареса с черной эгидой своею.
- 445 Грозно глядя исподлобья, крылатые молвила речи:
«Мощную ярость, Арес, укроти и невыблемы длани,
Ибо тебе не судьба совлечь преславные брони,
Зевсова дерзостносердного сына Геракла повергнув.
Брань однако ж уйми, да мне противу не станешь!»
- 450 Молвила. Дух велемощный Ареса тем не смирила.
Оный, однако, доспехом, подобным огню, потрясая,
С криком великим к Геракловой силе рьяно стремился,
Буйно волнуем убийством: копьем ударил он медным,
Сильно яряся за гибель сраженного сына родного,
- 455 В щит великий, но прочь совоокая дева Афина
Натиск копья отвела, с колесницы стремительно прянув,
Острая боль охватила Ареса. Изъяв заостренный

- Меч, к веледушному ринул Гераклу, но в том устремленьи
 Амфитрионпад, ненасытный грозным сраженьем,
 460 Прямо в бедро, что щит обнажил искуснотворенный,
 Мощно его поразил и премного рассек ему плоти,
 Твердо уметив копьем, и посреде земли ниспровергнул.
 Страх и Ужас коней с колесницею пышноколесной
 Тотчас пригнали к нему и с тверди широкодорожной
 465 На колеснице многоискусной его уложили,
 Сразу хлестнули коней и на дальний Олимп удалились.
 Сын же Алкмены тогда и с ним Иолай достославный,
 Кикну совлеки с плечей его прекрасные брони,
 В путь пустились тогда и града Трахина достигли
 470 На быстроногих конях. Совеокая дева Афина
 На великий Олимп удалилась во отчье дома.
 Кикна предал погребению Кеик с народом несметным —
 С оным, что там населял басилея преславного грады —
 [Анфу, град мирмидонян, и с ней Иолк достославный,
 475 Арну с Геликою вместе,— премного сошлось народу],
 Кеику честь воздавая, что мил блаженным бессмертным.
 Оный курган и могилу Анавр незримыми сделал,
 Полнясь ненастным дождем. Ему повеленье такое
 Дал Аполлон Летоид во кару, что оный насильем
 Тех обирал, кто славные вел гекатомбы Пифийцу.

П р и м е ч а н и я

Настоящие примечания имеют целью дать, во-первых, необходимый мифологический комментарий и, во-вторых, краткие объяснения эпизодам поэмы, рассматривавшимся издателями текста как интерполяции. Кроме того, в примечания вошли содержащие мифологический комментарий византийские схолии к «Щиту»: 1) схолии, приписываемые поэту и филологу Иоанну Цецу (XII в.)¹, и 2) схолии хартофилакса Иоанна Педнаσμα (Диакона) (XIV в.)².

Стихи 1—56: история Алкмены и Амфитриона. Более подробное изложение содержится у Аполлодора (II, 4, 5), Страбона (X, 456—461), в «Содержаниях» (2—5) «Щита Геракла», а также в приведенной ниже схолии Ионна Педнаσμα к стиху 11: «Амфитрион убил отца Алкмены Электриона. Он бросил палицу в корову, но промахнулся и убил [Электриона]. Оставив родной Тиринф, он пришел в Фивы, где и жил со своей супругой, не вступая с ней в связь. Он дал клятву не прикасаться к Алкмене до тех пор, пока не отомстит за убийство ее братьев, совершенное нападшими на Микены тафиями.

Тафий, сын Посейдона и дочери Пелопы Гиппофои, оставив в силу какой-то необходимости свою родину — Микены, удалился в дальние края (τῆλε ἔβη), а именно, на Эхинские острова³, и назвал своим именем тех, кто оказался под его началом, тафиями и телебоями. Спустя много лет, он возвратился в Микены и потребовал царство у Электриона, дочь которого была Алкмена. Тот отказал ему, и тогда Тафий убил сыновей Электриона, защищавших отцовские стада. Электрион прибегнул к помощи Амфитриона и отдал ему Алкмену в жены. Случилось так, что Амфитрион бросил палицу в корову и невольно убил Электриона. [Поэтому] он бежал в Фивы вместе с Алкменой, с которой не вступал в связь до тех пор, пока не свершил, наконец, возмездие над тафиями, воздав им за убийство братьев Алкмены. С Алкменой сочетался в течение трех дней Зевс, а затем возвратившийся с победой Амфитрион. У Алкмены родились близнецы — от Зевса Геракл, а от Амфитриона Ификл».

¹ Russo, p. 52.

² Poetae minores Graeci. V. 2. Scholia ad Hesiodum./Emendavit Th. Gaisford. Lipsiae: B. G. Teubner, 1823.

³ Группа из девяти небольших островов в Ионическом море, прилегающих к Акарнании.

Ср. схолию Иоанна Цеца к стиху 19: *ἐνδρόων ἱρώων Ταφίων*: полубогов. Тафии получили свое имя от названия острова⁴, а телебои — от *τῆλε βοῖν* («кричать протяженно»), поскольку они отличались сильным голосом, или же потому, что угоняли бычьи стада далеко от людей.

Стих 7: *χάμεον* Иоанн Педиасм объясняет как «черный», выводя этимологию этого прилагательного из *χῆρα* «волна», связывая таким образом его значение с цветом морской волны.

Стих 24: *οὐπὲρ σακίων πνεύοντες* («ярясь над щитами») — воинственные, как и *μέγιστα πνεύοντες Ἀχαιοί*⁵, [то есть] не скрывая лица, но сражающиеся открыто или полагаясь более на храбрость, чем на оружие» (Иоанн Цец).

Стихи 27—29: «Согласно мифу боги эллинов также были страждущими и нуждались в помощи» (Иоанн Педиасм).

Стихи 32—33: «Тифоний — гора в Беотии. Названа так потому, что находится [на теле] Тифона... Фикий назван по имени Сфинкс, которую беотийцы называют Фикой. По-другому Фикий — название горы во Фригии, где возникают громы... Фиванцы называют ее также Фикой» (Иоанн Цец).

Стихи 42—45: «Эти стихи являются интерполяцией-заменой: интерполятор пытался заменить ими стихи 39—41, которые могли представлять неудобство вследствие грубого изображения соотношения между *гес ресупагия* и женой... Стихи 42—45 не могут быть ни интерполяцией-дополнением, ни тем более подлинными стихами, следуя за стихом 41: *πῶρος* в стихе 41, как следует из стихов 42—45, — не просто желание возвратиться домой. Кроме того, стих 46 превосходно продолжает стихи 39—41, тогда как в том случае, если бы стих 46 действительно следовал за стихами 42—45, это было бы значительной натяжкой» (примечание К. Ф. Руссо).

Стих 49: «Есть три города, которые называются Фивы: семивратные, расположенные перед Пелопоннесом, стовратные — в Египте, о которых упоминает Гомер, а также Гипоплаккийские; — то есть Атрамитий, которые называются и Фивой (в единственном числе)» (Иоанн Педиасм).

Стихи 57—121: встреча Геракла и Иолая с Кикном и Аресом. Кикн — сын Ареса и Пирены и брат фракийского Диомеда (Apollod., II, 5, 11, 3), или сын Ареса и Пелопеи, дочери Пелия (Apollod., II, 7, 7, 4; cf. Nic. Dam., fr. 55). Миф отображает противодействие Кикна культу Аполлона: он занимался грабежом путников, направлявшихся в Дельфы («Щит», 479—480), причем совершал свои злодеяния в священной роще Аполлона в Пагасах, где с ним и сражается Геракл по воле Аполлона («Щит», 58, 68—70, 100). Тело Кикна было погребено его тестем и гостеприимцем Геракла Кеиком («Щит», 354—356, 472—476), однако его могила была уничтожена (также по воле Аполлона) речным богом Анавром («Щит», 477—478). О последнем обстоятельстве упоминает Эврипид, возможно, знавший «Щит» («Неистовый Геракл», 389—393). Подобные изложения мифа содержатся у Аполлодора (II, 5, 11, 3; 7, 7, 4) и Диодора Сицилийского (IV, 37, 4), локализирующих его действие в Македонии на реке Эхедоре или в Пеласгиотиде (Фессалия) у города Итона. Рассказ о битве Геракла с Аресом, непосредственно следующий в «Щите» за смертью Кикна, является одним из вариантов мифа: Стесихор (fr. 12 B⁴ = Schol. Pind. Ol. X, 196) и, очевидно, следующий ему Пиндар (Ol. X, 15—17) вообще не упоминают о таковой, а Аполлодор (II, 5, 11, 3) и Гигин (Fab. 31) сообщают, что поединок Геракла с Аресом был прерван Зевсом, бросившим молнию между своими сыновьями. Битва Геракла с Кикном относится к числу сюжетов, распространенных в античном искусстве⁶.

Стих 52: «...Поэт назвал „Гераклову силу“ (женский род) в мужском роде, чтобы усилить значимость выражения» (Иоанн Педиасм). См. вступительную статью.

⁴ Тафос — один из Эхинских островов.

⁵ «Илиада», II, 536; III, 8; XI, 508; XXIV, 364.

⁶ Robert C. Die griechischen Heldensage. В., 1920—1921, S. 508—512. Легенда о Кикне, сыне Ареса и противнике Аполлона и Геракла, обнаруживает ряд интересных аллюзий к легенде о связанном с Аполлоном Кикном-лебедом. См. Robert. Op. cit., S. 81—82, 509, Anm. 4, 7; Немировский А. И. Античный миф о человеке-лебедь и его древнеславянские параллели. — Норция. Воронеж, 1978, вып. 2, с. 23—30.

Стих 70: «Пагас — город в Фессалии, названный так потому, что там был построен (πεπῆχθαι) Арго. Гераклид Понтийский в сочинении „О прорицалищах“ сообщает, что храм Аполлона Пагасейского основан Трофонием» (Иоанн Цец).

Стихи 75—76: «Эти два стиха идентичны стихам 148—149 „Трудов и дней“ (о сто-руких великанах), отличаясь от них только первым словом... Стих 76 встречается в „Теогонии“ (152-673; люди медного поколения). ...Относя эти стихи к двум воинам, интерпретатор помнил, что подобные, но устойчивые выражения... неоднократно встречаются у Гомера при описании упорных сражений...; однако эти формулы вос-приняты и усилены в „Теогонии“ и в „Трудах и днях“ в качестве атрибутов необычных существ» (примечание К. Ф. Руссо).

Стихи 78—101: согласно Иоанну Цецу, речь Геракла носит риторический харак-тер: Амфитрион ведь совершил убийство не преднамеренно. Отсюда, как полагает Иоанн Педиасм, и гнев Зевса, который лишил разума Ификла, а Гераклу велел убить Кикна.

Стих 104: «Посейдон [назван] бычьим от шума волн, подобного бычьему мычанию, или потому, что является бычеглавым, или же потому, что в городах Беотии, особенно в Оихесте, ему приносят в жертву быков. Поэтому и реки [представляют] бычеглавы-ми» (Иоанн Цец).

Стих 120: «Арион — конь, которого получил впоследствии Адраст. Гомер [гово-рит]:

Даже хоть следом бы он на ужасном летел Арейоне,
Бурном Адраста коне, порождении крови бессмертной⁷.

Говорят, что когда Геракл родился, конь Арион, на котором бежал Адраст во время похода на Фивы, принадлежал Аркифою» (Иоанн Цец).

Стихи 122—320: вооружение Геракла.

Стих 122: «Орихалк — белая медь, встречающаяся в горах. Иные, в том числе Филопон, говорят, что орихалк — вид металла, более ценный, чем медь, ныне не встре-чающийся» (Иоанн Педиасм). «Орихалк — название вещества, которое теперь не встре-чается. Некоторые говорят, что это плавка ныне не встречающейся меди. Ибо никакая обработка не сделает медь белой, поскольку она ограничена по природе» (Иоанн Цец).

Стих 134: «Орел называется и триохом, и офталмием, и флегием, и еще множест-вом названий» (Иоанн Педиасм). «Стрелы были покрыты перьями черного орла флегия, [название которого] от φλέγειν («пылать и быть ярким»). Это хищная птица, напоми-нающая коршуна» (Иоанн Цец).

Стих 137: «Адамантом здесь назван не камень, а железо, но железо чрезвычайно прочное, несмягчаемое и несокрушимое» (Иоанн Педиасм). «Адамант — несокруши-мый камень» (Иоанн Цец).

Стих 139: «παναίολον — пестрый» (Иоанн Педиасм).

Стих 141: «Τίτανος — это известь» (Иоанн Педиасм). Ср. примечание К. Ф. Рус-со: «Толковать τίτανος как ἑγκαύμα («эмаль»), что делают многие, — необоснованно... Τίτανος и ниже ἐλέφας (141) и ἤλεκτρον (142) не являются материалами гомеровских щитов. Наш щит определенно бронзовый (разумеется, не из цельной бронзы — см. 213, 222, 243 и 415); все прочие материалы, часто упоминаемые поэтом здесь и в других местах (ἄργυρος — 183, 187, 212, 225; κασίτερος — 208, ἄδάμας — 231), относятся только к описанию поверхности щита. Τίτανος используется только для никруста-ции и украшения».

Стих 142: «Электром названа здесь златоблещущая медь из-за ее сияния» (Иоанн Педиасм). Ср.: «Электр — это смешанное с серебром золото» (Павсаний, V, 12, 7).

Стих 143: «Посреди меди были вычерчены полосы черной краски» (Иоанн Педиасм).

Стихи 150—153: употребление временных форм глаголов в этом эпизоде, а так-же его сюжетная несовместимость с описанием щита свидетельствуют, по мнению

⁷ «Илиада», XXIII, 346—347, пер. Н. Гнедича.

К. Ф. Руссо, об интерполяции этих стихов. При этом образцом интерполяции могло послужить начало «Илиады» (I, 3—5). Стих 153 — аллюзия на стих 397 «Трудов и дней».

Стихи 154—160: идентичность стихов 156—159 с «Илиадой» XVIII, 535—538 приводит издателей текста (в частности П. Мазона) к выводу об интерполяции этого эпизода. Однако К. Ф. Руссо склонен считать стихи 154—155, 160 подлинными, как подражание описанию перевязи Геракла в «Одиссее» (XI, 609—612; ср. «Теогония», 228).

Стих 163: стих идентичен стиху 150. К. Ф. Руссо не исключает возможной подлинности этого стиха, поскольку стихи 150—153 являются, по его мнению, интерполяцией.

Стих 165: Амфитрионад — Геракл. «То же в стихах 416, 433, 459 и „Теогония“, 317. Геракл назван „сыном Амфитриона“ также в „Илиаде“ V, 392 и „Одиссее“ XI, 270. Таким же образом и Диоскуры выступают под именем Тиндаридов» (примечание К. Ф. Руссо).

Стихи 178—190: битва лапифов с кентаврами — один из наиболее распространенных сюжетов в античном изобразительном искусстве, впервые упоминается у Гомера. «Одиссея» (XXI, 295—304) сообщает, что эта битва произошла на свадьбе царя лапифов Пирифоя. В «Илиаде» (I, 262—268) упоминаются имена пяти вождей лапифов, четыре из которых совпадают с перечисленными в «Щите». Упоминаемых в «Щите» имен кентавров Гомер не знает, однако они встречаются у эллинистических и римских авторов.

Стих 188: ср. толкование Иоанна Педиясма: «державшие в руках золотые палицы».

Стих 193: «*πρῶτες*» обозначает „всеми ратям“ (Иоанн Педиясма). Ср. примечание К. Ф. Руссо: «Термин *πρῶτες* (неизвестного происхождения) у Гомера значит скорее *πρώτοι* (Аристарх), чем *πρόμαχοι* (Гесихий): см., в частности, «Илиада», XI, 49; XII, 77. Здесь также более подходит значение *πρώτοι*, поскольку Арес не участвует в схватке, а также потому, что трудно представить бога войны за спиной у *πρόμαχοι*».

Стихи 201—206: «Неопределенность стиха 201 вызвала необходимость его разъяснения, но текст остался недопонятым; было добавлено два стиха, которые, нарушив поэтическое единство сцены, изменили также ее логический смысл. Поясняя *χορός* только как *χορείας τόπος*, интерполятор счел необходимым уточнить стих 203 и сделал это посредством несколько модифицированной реминисценции гомеровского топоса („Илиада“ V, 367, 868): в действительности же следует подразумевать *ἦν* (вернее *ἐν δ' ἦν* согласно технике „Щита“). О том, что интерполятор недопонял текст, свидетельствуют также *ἀγορή* и *ἀγων*, введенные в различные реминисценции: о стихе 204, весьма странном и неопределенном (он должен объясняться стихами „Гомеровского гимна к Гермесу“, 249 сл.), см. „Одиссея“, X, 195 и „Гомеровский гимн к Афродите“, 120» (примечание К. Ф. Руссо). «*Ἀγορά* — сходка богов» (Иоанн Педиясма). «Там был Олимп и площадь. Вокруг площади и состязания, словно вокруг богов, была великая роскошь, словно горделивая пышность» (Иоанн Цец).

Стихи 209—211: «Вставная интерполяция, содержащая утомительные повторы... Немыслимо, чтобы поэт, говорящий о многих дельфинах, изобразил затем только двух „серебряных“, однако эти повторы животных характерны для автора „Щита“ (173, 233 сл., 303)» (примечание К. Ф. Руссо).

Стих 212: ср. толкование Иоанна Педиясма: «*ἐδοίοντο* — ели».¹

Стихи 216—237: К. Ф. Руссо считает, что детальное изображение Персея и преследующих его Горгон является описанием конкретного памятника изобразительного искусства, знакомого автору «Щита»².

Стихи 258—263: подлинность этих стихов отрицается на основании ряда логических противоречий³. «Эллины упоминают трех Мойр — Клото, Лахесис и Атропос. Первая прядла каждому [человеку его] долю от рождения.⁴ Лахесис (от *λαγχάνω* „доставаться“) распределяла блага и несчастья. Атропос же утверждала распределенное безвозвратно... Атропос, поскольку и она является Мойрой, была меньшей (*ἐλάττω*), не большой, однако при этом большей и старшей, чем прочие богини... Лахесис была

¹ Russo, p. 25—27.

² Schwarz Fr. De Scuto quod fertur Hesiodi. Berolini, 1932.

наименьшей (ἐλαχιστοτέρα), чем Клото и Атропос, однако более древней и более сильной» (Иоанн Педиясм).

Стихи 270—272: «Этот город защищало семь золотых врат... что дает основание усматривать в нем семивратные Фивы» (Иоанн Педиясм).

Стих 283: по мнению К. Ф. Руссо, «интерполятор пытался заменить этим стихом стихи 281—282, резюмируя их». При этом исследователь указывает на нелогичность смысловых и лексических повторов в стихах 281—283.

Стих 290: ср. толкование Иоанна Педиясма: «словно дар Деметры».

Стих 287: ἐπιστολάδην вместо κορυμῶς («упорядоченно») (Иоанн Педиясм).

Стихи 293—295: о толковании этих стихов как интерполяции см.: The Epics of Hesiod./With an English Commentary by F. A. Paley. London, 1861 (1883).

Стих 327: «Линкей был царем Аргоса. Его сыном был Абант, [сыном] этого — Акрисий, дочью этого — Даная, ее сыном — Персей, сыном этого — Алкей, отец Электриона и Амфитриона» (Иоанн Цец).

Стих 340: «διδύμητος синкопированная форма от διοχένητος или же — γυνωστός, т. е. „ведомый Зевсу“; поскольку Иодай не происходил от Зевса» (Иоанн Педиясм).

Стих 350: πέποι означает не только «любезный», но также «размякший», «вялый», «малодушный», «робкий». В этом же значении πέποι употребляет Гомер:

Слабое, робкое племя, ахейки мы, не ахейцы! ¹⁰

Стихи 353—356: «Город был расположен возле Эты: герой направляется с севера, очевидно, по знаменитой „священной дороге“ (между Афинами и Дельфами она называется „пифийской“), начинавшейся в Темпейской долине...» (примечание К. Ф. Руссо). Кеик — царь Трахина и друг Геракла. Гесиоду приписывалась также поэма «Свадьба Кеика».

Стихи 359—367: «Следует предполагать, что в „Щите“, это обычное конструирование... поскольку нигде больше традиция не упоминает Ареса среди противников Геракла в Пилосе..., а также потому, что изображенное здесь поражение Ареса дано по схеме его поражения в конце поэмы: ср. изложение стихов 361—365 и 458—462, а также определенные повторы слов и словосочетаний...» (примечание К. Ф. Руссо). О походе Геракла на Пилос против сыновей Нелея рассказывает «Илиада» (XI, 690—693 — ср. V, 395—404; Hes., fr. 15), не называя богов, с которыми сражался Геракл. Схолии к «Илиаде» сообщают, что это были Посейдон, Гера и Аид. Пиндар (Ol. IX, 29 слл.) называет Посейдона, Аида и Аполлона.

Стихи 380—381: «„Град мирмидонян“ ныне называется Фарсала» (Иоанн Педиясм). «Если верить некоторым схолиастам к Гомеру, что название столицы царства Пелея обозначало также и само царство, „град мирмидонян, — это Фтия. Иолк — город, известный по мифу об аргонавтах в глубине Пагасейского залива. Арна встречается также у Страбона как название фессалийского города (IX, 401, 411, 439). Названия Гелика и Анфа нигде больше не упоминаются, но, очевидно, обозначают, как и предыдущие топонимы, названия городов на востоке Фессалии» (примечание П. Мазона). Относительно города Фтии, одноименного области, К. Ф. Руссо высказывает сомнения. «В „граде мирмидонян“ исследователи усматривают Трахин или Фарсал. Арна — доисторический город, прародина беотийцев (Thuc., I, 12, 3; Strabo, IX, 411), местонахождение которого неизвестно... Гелика — это определено город в Ахайе (см. «Илиада», II, 575; VIII, 203; Strabo, VIII, 360), а Анфа — в Мессении; уже в «Илиаде» (IX, 151, 293) последняя имеет эпитет βαθύλευμος, эквивалентный нашему ποιμήσις...» (примечание К. Ф. Руссо).

Стихи 383—385: Иоанн Цец указывает на аналог в «Илиаде» — смерть Сарпедона (XVI, 459—460).

Стих 384: этот стих, обычно рассматривающийся как интерполяция, К. Ф. Руссо считает подлинным.

Стихи 386—392: «Интерполяция этого сравнения (почему вообще интерполятор должен завершать его сомнительным стихом 392?) и исключается, поскольку композитивный стиль эпизода присущ автору „Щита“, который, вдохновляясь аналогичным

¹⁰ «Илиада», II, 235, пер. Н. Гнедича.

сравнением из „Илиады“ (XIII, 471—475)... варьирует слова и словосочетания, с одной стороны, заимствуя их из других песен Гомера, а с другой — вводя неологизмы...» (примечание К. Ф. Руссо).

Стихи 398—400: «...Здесь чувствуется рука автора „вставной“ интерполяции, который, очевидно, вспоминая о цветении чертополоха и οἶνος ἄριστος по модели „Трудов и дней“ (582—585), развивает образы предыдущих стихов» (примечание К. Ф. Руссо).

Стихи 402—404, 405—411: два предшествующие бою сравнения, рассматривающиеся как интерполяции. По мнению К. Ф. Руссо, соотнесенность обоих сравнений с одним и тем же стихом 412 является свидетельством того, что одно из них является интерполированным, а именно — второе, поскольку первое — «соответствующее стилю и вкусу автора „Щита“ ...более краткое и заимствует содержание у Гомера («Илиада», XVI, 756—758)».

Стих 425: стих считается интерполяцией по причине его полного совпадения со стихом 333.

Стихи 474—475: эти стихи считаются интерполяцией, поскольку отдаленные друг от друга города, упомянутые в стихах 380—381, представлены здесь как соседние.

Стих 477: Анавр — река в Фессалии, протекающая возле Иолка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ИАК — Известия Археологической Комиссии
 КБН — Корпус боспорских надписей. М.— Л., 1965.
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика
 НСф — Нумизматика и сфрагистика
 ПС — Палестинский сборник
 СА — Советская археология
 AAWW — Anzeiger der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philologisch-historische Klasse
 AEAQ — Archivo Español de Arqueología
 AEPP — Ancient Egyptian Epigraphy and Palaeography. New York, 1976 Archiv Orientalní
 ArOr — Archiv Orientalní
 BCH — Bulletin de correspondance hellénique
 BGU — Ägyptische Urkunden aus den staatlichen Museen zu Berlin. Griechische Urkunden
 CCT, I—V — Cuneiform from Cappadocian Tablets in the British Museum. London, 1924—1927; 1956 I—V.
 CIG — Corpus Inscriptionum Graecarum
 CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
 CPR, V — *Rea J. R., Sijpesteijn P. J.* Corpus papyrorum Raineri. V. Wien, 1976
 EHR — Economic History Review
 EL, I—II — *Eisser G., Lewy J.* Die altassyrischen Rechtsurkunden vom Kültepe.— Mitteilungen der Vorderasiatisch-Ägyptischen Gesellschaft. Leipzig
 Ep. priv. gr.— Witkowski Epistula privatae graecae quae in papyris aetatis Lagidarum servantur. Lipsiae, 1911
 ID — Inscriptions de Délos
 IG — Inscriptiones Graecae
 IOSPE — *Latyshev B.* Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
 JARCE — Journal of the American Research Center in Egypt, Princeton
 JEA — Journal of Egyptian Archaeology
 JJP — Journal of Juristic Papyrology
 NS — Notizie degli scavi di antichità
 O. Florida — *Bagnall R. S.* The Florida ostraka (O. Florida). Doc. from the Roman army in Upper Egypt. Durham, 1976
 Or — Orientalia
 P. Abinn.— The Abinnaeus archive: Papers of a Roman officer in the reign of Constantius II..., Oxford, 1962
 P. Amh.— The Amherst Papyri... II. London, 1901
 P. Berl. inv. 21555 — *Karlsson G. N., Maehler H.* Papyrusbriefe römisch-byzantinischer Zeit.— ZPF, 1979, 33, S. 279—294.
 P. Bon.— Papyri Bononienses... I. Milano, 1953
 P. Bouriant — *Collart P.* Les papyrus Bouriant. Paris, 1926.
 P. Col. 123 — *Schoenbauer E.* Die neugefundene Reskripte des Septimius Severus (P. Col. 123).— AAWW, 1957, 94, S. 165—197
 P. Giss.— Griechische Papyri in Museum des Oberhessischen Geschichtsvereins zu Gießen. I. Leipzig — Berlin, 1910—1912
 P. Grenf. II — *Grenfell B. P., Hunt A. S.* New Classical Fragments and other Greek and Latin Papyri. Oxford, 1897
 P. Helbig — *Helbig R.* Auswahl aus griechischen Papyri. Berlin — Leipzig, 1912.

- P. Herm. Rees — *Rees B. R. Papyri from Hermopolis and other Documents of the Byzantine Period*. London, 1964
- P. Iand.— *Papyri iandanae*
- P. Mert.— *A descriptive catalogue of the greek papyri in the collection of Wilfred Merton*. V. I—II. London, 1948—1959
- P. Mich.— *Papyri in the University of Michigan Collection*
- P. Mich. inv. 280 — *Sijpesteijn P. J. A happy family*.— ZPE, 21, S. 169—181
- P. Naldini — *Naldini M. Il Cristianesimo in Egitto: Lettere private nei papiri dei secoli III—IV*. Firenze, 1968
- P. Olsson — *Olsson B. Papyrusbriefe aus der frühesten Römerzeit*. Diss. Uppsala, 1925
- P. Oxy.— *The Oxyrhynchus Papyri*
- P. Ross. Georg.— *Papyri russischer und georgischer Sammlungen*. I—V. Tiflis, 1925—1935
- P. Ryl.— *Catalogue of the Greek and Latin Papyri in the John Rylands Library*. I—IV. Manchester, 1911—1952
- P. S. A. Athen.— *Papyri Societatis archaeologique Atheniensis*. Athenis, 1939
- P. Tebt.— *The Tebtynis papyri*. I—IV. London, 1902—1976
- P. Tibiletti — *Tibiletti Le lettere private nei papiri greci del III e IV secolo d. c.: Tra paganesimo e cristianesimo*. Milano, 1979
- PSI — *Pubblicazioni della Societa Italiana per la ricerca dei greci e latini in Egitto. Papiri greci e latini*
- P. Ups. Frid.— *Ten Uppsala papyri (P. Ups. Frid.)*. Malmo, 1980
- RE — *Pauly, Wissowa, Kroll*. Real-Encyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft
- RhM — *Rheinisches Museum für Philologie*
- SB — *Sammelbuch griechischen Urkunden aus Ägypten*
- SCIV — *Studii și cercetari de istorie veche*
- Sel. Pap.— *Hunt A. S., Edgar C. C. Select papyri*. London, Cambridge, 1963
- VAT — *Vorderasiatische Texte*. Vorderasiatische Museum zu Berlin
- ZPE — *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Янковская Н. Б.</i> (Ленинград) — Оптовая торговля древней Передней Азии до возникновения империй	3
<i>Андреев Ю. В.</i> (Ленинград) — К проблеме послемикенского регресса	9
<i>Муравьев С. Н.</i> (Москва) — <i>Traditio Heraclitea</i> (A). Свод древних источников о Гераклите. III	30
<i>Ляпустин Б. С.</i> (Москва) — Женщины в ткацком ремесле: производство и мораль	36

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Лазарев Михаил</i> (София) — Новооткрытая надпись Антигона за скифского царя Сарнака	47
---	----

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Каплан Г. Х.</i> (Ленинград) — Употребление статива в аккадском языке (<i>На материале среднеассирийского диалекта</i>)	51
<i>Айхенвальд А. Ю.</i> (Москва) — О некоторых наименованиях должностных лиц в поздних книгах Ветхого Завета	58
<i>Моисеева Т. А.</i> (Воронеж) — К интерпретации историко-географических представлений о Фригии в гомеровском эпосе	66
<i>Соломоник Э. И.</i> (Симферополь) — О методике изучения и принципах публикации античных граффити (<i>Обзор основной литературы</i>)	77
<i>Островертов А. С.</i> (Ильичевск) — Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии	92
<i>Манасерян Р. Л.</i> (Ереван) — Борьба Тиграна против экспансии Рима в Каппадокии в 93—91 гг. до н. э.	109
<i>Армичева В. И.</i> (Калининград) — Ремесленное производство в Испании в период Ранней империи	119
<i>Ковельман А. Б.</i> (Москва) — Частное письмо в греко-римском Египте II—IV вв. н. э., как литературный факт	134

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Редер Д. Г.</i> (Москва) — Б. Б. Пиотровский. Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии. Древнеегипетские наскальные надписи. М., 1983	155
<i>Беляев С. А., Таскаев В. Н.</i> (Москва) — Б. Г. Петерс. Морское дело в античных городах Северного Причерноморья. М., 1982	160
<i>Писаревский Н. П.</i> (Воронеж) — Б. Г. Петерс. Морское дело в античных городах Северного Причерноморья. М., 1982	164
<i>Дандамаев М. А.</i> (Ленинград) — F. Joannès. Textes économiques de la Babylonie récente. Paris, 1982	166
<i>Большаков А. О.</i> (Ленинград) — Герман Юнкер и его «Гиза». Проблемы методики	170
<i>Козырева Н. В.</i> (Ленинград) — B. R. Foster. Umma in the Sargonic Period. Connecticut, 1982	175
<i>Скржинская М. В.</i> (Киев) — A. Snodgrass. Archaic Greece. The Age of Experiments. London, 1980	180
<i>Каюковин А. Я.</i> (Ленинград) — J. Trilling. The Roman Heritage: Textiles from Egypt and the Eastern Mediterranean 300 to 600 A. D. Washington, 1982	184

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Заседание в ИО ИВ АН СССР, посвященное 70-летию И. М. Дьяконова	188
<i>Маринович Л. П.</i> (Москва) — Второй Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке (Ереван, 16—20 мая 1984 г.)	190
<i>Соколовский В. Д.</i> (Москва) — О подводных раскопках в Италии	199

ПРИЛОЖЕНИЕ

Геспод. Щит Геракла. Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарии О. П. Цыбенко (Львов)	200
---	-----

CONTENTS

<i>N. B. Yankovskaya</i> (Leningrad) — Wholesale Trade in the Near East before the Formation of Empires	3
<i>Yu. V. Andreev</i> (Leningrad) — The Question of Post-Mycenaean Regression . . .	9
<i>S. N. Mouraviev</i> (Moscow) — Traditio Heraclitea (A). Corpus fontium ueterum de Heraclito	30
<i>B. S. Lyapustin</i> (Moscow) — Women in the Textile Industry: Production and Morality	36

PUBLICATIONS

<i>Michael Lazarov</i> (Sofia) — A Recently Discovered Inscription of Antigonos «for the King Sariak»	47
---	----

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>G. Kh. Kaplan</i> (Leningrad) — The Use of the Stative in the Akkadian Language	51
<i>A. Yu. Aikhenwald</i> (Moscow) — Some Names of Officials in the Later Books of the Old Testament	58
<i>T. A. Moiseyeva</i> (Voronezh) — Historico-Geographical Conceptions of Phrygia in the Homeric Epos	66
<i>E. I. Solomonik</i> (Simferopol) — On Methods of Studying and Principles of Publishing Ancient Graffiti	77
<i>A. S. Ostroverkhov</i> (Il'ichevsk) — Faïence and Glass Beads in Scythia and Sarmatia	92
<i>R. L. Manaseryan</i> (Yerevan) — The Struggle of Tigranes II Against Roman Expansion in Cappadocia	109
<i>V. I. Armicheva</i> (Kaliningrad) — Spanish Handicraft Production in the Early Empire	119
<i>A. B. Kovel'man</i> (Moscow) — The Private Letter in Graeco-Roman Egypt as a Literary Genre	134

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>D. G. Reder</i> (Moscow) — B. B. P i o t r o v s k y. Vadi Allaki — put' k zolotym rudnikam Nubii. M., 1982	155
<i>S. A. Belyayev, V. N. Taskayev</i> (Moscow) — B. G. P e t e r s. koye delo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya. M., 1982	160
<i>Pisarevsky N. P.</i> (Voronezh) — B. G. P e t e r s. Morskoye delo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya. M., 1982	164
<i>M. A. Dandamayev</i> (Leningrad) — F. J o a n n è s. Textes économiques de la Babylonie récente. Paris, 1982	166
<i>A. O. Bol'shakov</i> (Leningrad) — Hermann Junker and his «Giza». Problems of Method	170
<i>N. V. Kozyreva</i> (Leningrad) — B. R. F o s t e r. Umma in the Sardonic Period. Connecticut, 1982	175
<i>M. V. Skrzhinskaya</i> (Kiev) — A. S n o d g r a s s. Archaic Greece. London, 1980	180
<i>A. Ya. Kakovkin</i> (Leningrad) — J. T r i l l i n g. The Roman Heritage: Textiles from Egypt and the Eastern Mediterranean 3000 to 600 A. D. Washington, 1982	184

SCIENTIFIC EVENTS

<i>V. A. Jakobson</i> (Leningrad) — In Honour of I. M. Diakonoff on the Occasion of His Seventieth Birthday. A Session in Leningrad Department of the Oriental Institute of the Academy of Sciences of the USSR	188
<i>L. P. Marinovich</i> (Moscow) — Second All-Union Symposium on Hellenistic Culture in the Orient (Yerevan, 16–20 May, 1984)	190
<i>V. D. Sokolovsky</i> (Moscow) — Underwater Excavations in Italy	199

SUPPLEMENT

<i>Hesiod. The Shield of Heracles. Introduction, Translation and Commentary by O. P. Tsybenko</i> (Lvov)	200
--	-----

Технический редактор *Н. П. Торчигина*

Сдано в набор 20.05.85 Подписано к печати 08.08.85 Формат бумаги 70×108^{1/16}
 Высокая печать Усл. печ. л. 19,6+вкл. Усл. кр.-отт. 104,5 тыс. Уч.-изд. л. 22,6 Бум. л. 7,0
 Тираж 5259 экз. Зак. 1408

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
 2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Цена 2 р. 50 к.

Индекс 70119

В магазинах «Академкнига»

имеются в продаже:

Ошибкина С. В. МЕЗОЛИТ БАСЕЙНА СУХОНЫ И ВОСТОЧНОГО ПРИОНЕЖЬЯ. 1983. 295 с. 3 р.

В монографии представлен систематизированный материал обширного региона по периоду мезолита, позволяющий дать характеристику этого хронологического этапа и имеющий большое значение для исследования вопроса о первоначальном освоении Севера европейской части СССР.

Книга предназначена для археологов, историков, этнографов.

Свешников Н. К. КУЛЬТУРА ШАРОВИДНЫХ АМФОР. (Археология СССР). 1983. 86 с. 2 р.

Выпуск Свода посвящен одной из важнейших культур бронзового века на западе европейской территории нашей страны — культуре шаровидных амфор. Приводится полный каталог памятников, исследуются вопросы о территории их распространения, погребальном обряде, вещевом материале, хронологии.

Работа рассчитана на специалистов — археологов и историков.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Коммунистическая, 51; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 343900 Краматорск, Донецкой области, ул. Марата, 1; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.